ИСТОРИЯ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

В МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

19
И-90

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ В МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Под редакцией
заслуженного деятеля
науки РСФСР
профессора И. Я. Щипанова

99883

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
1982

История философской мысли в Московском университете. Под ред. И. Я. Щипанова.— М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982.—264.

Коллективный труд философов Московского университета повествует о сложных путях развития философской мысли в Московском университете за 225 лет его существования. Авторы сумели в сжатой форме показать концепции философов, работавших на кафедрах университета и оставивших после себя сколько-нибудь заметный след. За 225 лет философская мысль развивалась не только в прогрессивном направлении: были и тупики, и реакционные идеи. Их не обходят молчанием авторы данной работы, уделяя особое внимание малоисследованным страницам истории философской науки в Московском университете. В книге критически анализируются идеалистические учения русских философов XVIII — начала XX в.; освещается процесс утверждения диалектико-материалистической методологии общественных наук в первые годы Советской власти; показывается научная и педагогическая деятельность выдающихся советских философов.

Для специалистов по истории философии, преподавателей, аспирантов, студентов и широкого круга читателей.

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

Рецензенты:
доктор философских наук В. В. Богатов,
доктор философских наук М. В. Демин

И $\frac{0302010000-174}{077(02)-82}$ 5—82

© Издательство Московского университета, 1982 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

К 200-летию Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова философский факультет подготовил и выпустил в свет книгу «Московский университет и развитие философской и общественно-политической мысли в России». В ней впервые была показана роль выдающихся ученых и воспитанников университета в развитии и обогащении передовых философских и общественно-политических учений. Центральное место в книге заняли дворянские революционеры-декабристы и просветители, деятели революционно-демократического движения, а также ученые университета, сознательно или стихийно боровшиеся против идеализма за материалистические или естественноисторические принципы в науке.

Настоящее исследование, подготовленное к 225-летнему юбилею Московского университета, открывает новые страницы истории развития философии учеными университета.

В первом разделе книги прослеживаются философские и социологические идеи, проповедуемые официальными профессорами университета со дня его основания до победы в России Великой Октябрьской социалистической революции.

Второй раздел книги посвящен развитию философской науки в Московском университете в советский период. В этом разделе рассматривается борьба марксистов против идеализма за диалектический и исторический материализм в 20-х годах, освещается политическая и философская переориентация выдающихся ученых-естествоиспытателей университета в первые годы Советской власти. Основное внимание в данном разделе уделяется плодотворной разработке учеными университета актуальных проблем диалектического и исторического материализма, научного коммунизма и социологии, а также разработке с позиций марксистско-ленинской методологии истории философии зарубежных стран, истории философии народов СССР, истории марксистско-ленинской философии, логики, эстетики, этики, научного атеизма.

В последнем разделе книги даются краткие биографические справки и сведения о научной деятельности профессоров, плодотворно работавших на философском факультете в различные годы советского периода, имена которых не должны быть забыты.

В работе над книгой принимали участие следующие авторы: раздел первый: И. Я. Щипанов; раздел второй: Л. Г. Титова, М. М. Филиппова (глава I); П. В. Алексеев (глава II); А. Д. Косичев (глава III); С. Т. Мелюхин (глава IV); Т. И. Бачешкина,

В. С. Манешин (глава V); А. М. Ковалев, А. С. Степанов, Н. И. Бочкарев, Е. Ф. Сулимов, Е. Г. Шарапова (глава VI); Ю. К. Мельвиль, В. В. Соколов, Г. Г. Майоров (глава VII); А. Т. Павлов (глава VIII); В. А. Вазюлин, И. А. Гобозов, В. А. Кувакин, А. П. Петрашик (глава IX); Д. Ф. Козлов (глава X); А. А. Старченко, Н. И. Стяжкин (глава XI); М. Ф. Овсянников, А. С. Мигунов (глава XII); С. Ф. Анисимов, Б. О. Николаичев (глава XIII); М. П. Новиков, И. Н. Яблоков (глава XIV); Б. Г. Сафронов (глава XV); К. С. Оганезов, Л. Н. Самойлов (глава XVI); Г. В. Платонов (глава XVII); М. А. Маслин (глава XVIII). Очерки о Т. Павлове, И. К. Лупполе, Ф. А. Горохове написаны Г. Д. Балычевой; об А. П. Гагарине — А. Д. Косичевым; о В. В. Адоратском — М. М. Филипповой; о Ф. И. Хасхачихе — А. П. Серцовой и Ю. Д. Карповым; о Г. Ф. Александрове — И. Я. Щипановым; о Б. С. Чернышеве, О. В. Трахтенберге, М. А. Дыннике, В. Ф. Асмусе — В. В. Соколовым; о П. С. Попове — Н. И. Стяжкиным; о Д. И. Чеснокове — В. И. Разиным; о В. И. Мальцеве и Е. Ф. Муравьеве — В. С. Молодцовым; о П. Т. Белове — Л. П. Беленковой; о Н. Г. Тараканове — В. Н. Сакович; о В. К. Сережникове, Д. Ю. Квитко, А. А. Максимове, Д. А. Кутасове — Л. И. Зотовой; о Ф. И. Георгиеве — С. Т. Мелюхиным; о В. Ф. Берестневе — А. Д. Косичевым.

ФИЛОСОФИЯ В МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ В ДОСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Московский государственный университет — одно из старейших учебных заведений России — отметил свое 225-летие. Основателем Московского университета является выдающийся русский ученый, мыслитель-материалист М. В. Ломоносов, имя которого присвоено университету в советское время.

В письме на имя графа И. И. Шувалова Ломоносов предложил свое «мнение о учреждении Московского университета». Учитывая объективные трудности, связанные с недостатком профессоров и преподавателей, а также необходимого контингента учащихся, Ломоносов писал: «У нас ныне нет довольства людей ученых положить в плане профессоров и жалованных студентов довольное число. Сначала можно проняться теми, сколько найдутся. Со временем комплект наберется»[1]. М. В. Ломоносов предлагал открыть в университете три факультета: юридический и медицинский с тремя профессорами на каждом из них и философский с шестью профессорами. На философском факультете предполагалось преподавать философию (включающую логику, метафизику и нравоучение), физику, ораторию (красноречие), поэзию, историю, «древность и критику». В отличие от западноевропейских университетов, где всегда имелись богословские факультеты, в Московском университете, по решительному настоянию Ломоносова, богословский факультет отсутствовал. Богословские кадры готовились в духовных академиях.

Главной задачей университета являлась подготовка отечественных специалистов, в которых остро нуждалась страна. При этом Ломоносов добился известной демократизации университета: в университет должны были приниматься дети не только дворян, но и разночинцев, а в исключительных случаях с согласия помещиков и наиболее одаренные дети крепостных, получившие от помещика «вольную». Это условие, хотя и содержало известную социально-классовую ограниченность, тем не менее сыграло большую роль, заложив основы демократизации университетского образо-

[1] Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1957, т. 10, с. 513.

вания в стране. Уже во время обучения в университете В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. П. Огарева редко кто из студентов-дворян решался подчеркивать свое происхождение.

Проявляя большую заботу о судьбе университета, Ломоносов привлек к сотрудничеству в нем своих наиболее подготовленных для научной и преподавательской деятельности учеников. Первыми профессорами Московского университета, читавшими лекции по философии на русском языке, были ученики Ломоносова **Н. Н. Поповский** (1726—1760) и **А. А. Барсов** (1730—1791).

Сохранились немногочисленные труды Н. Н. Поповского: «Речь, говоренная о начатии философических лекций» (1755), «Письмо о пользе наук и о воспитании во оных юношества» (1756) и другие. Он перевел на русский язык трактаты «О воспитании детей» Локка, «Опыт о человеке» А. Попа, а также «Оды» Горация. Поповский был основателем газеты «Московские ведомости», начавшей выходить в 1756 г.

А. А. Барсов является автором «Кратких правил российской грамматики» (выдержавших в XVIII в. десять изданий), «Азбуки церковной и гражданской с краткими примечаниями о правописании» (1768). Он подготовил и издал «Собрание 4291 древней русской пословицы» (1770), «Собрание речей, говоренных в императорском Московском университете при разных торжественных случаях» (1788). Им были переведены на русский язык «Краткая латинская грамматика» (1762), «Политические наставления барона Бильфельда» (1775) и раздел о метафизике из Энциклопедии Дидро для русского издания (1767). Свое философское кредо Барсов изложил в «Речи о пользе учреждения императорского Московского университета, при открытии оного в 1755 г.». После Барсова осталось несколько неопубликованных рукописей, среди которых многотомная «Российская грамматика».

Поповский и Барсов стояли у истоков просветительской философии в России, нередко облачая ее в деистическую форму. Продолжая традицию своего учителя Ломоносова, они стремились отделить философию от теологии, освободить ее от недостойной роли служанки богословия, считая философию высшей формой познания. Объявив философию наукой наук, они утверждали, что философия включает все научные достижения и вместе с тем «предписывает общие пути и средства всему человеческому благополучию», «приобучает разум к твердому познанию истины» [2]. Так, Поповский говорил своим слушателям, что от философии «...зависят все познания; она мать всех наук и художеств... Хотя она в частные и подробные всех вещей рассуждения не вступает, однако главнейшие и самые общие правила, правильное и необманчивое познание натуры, строгое доказательство каждой истины, разделение правды от неправды от нее одной зависят» [3].

[2] Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII в. М., 1952, т. 1, с. 87—88, 90.
[3] Там же, с. 88.

Ученые университета пропагандировали идеи гелиоцентрической системы мира. Большие трудности пришлось им испытать с изданием книги А. Попа «Опыт о человеке», в которой излагались эти идеи. Неоценимую помощь в подготовке книги и преодолении духовной цензуры, препятствовавшей ее публикации, Поповскому оказал Ломоносов.

Просветители видели бесправное положение народных масс, и прежде всего крепостного крестьянства, и обращались к разуму и совести господствующих классов, призывая их проявлять гуманность, милосердие, искоренять «проклятые пороки» в обществе, заботиться о добром воспитании и просвещении народа, ибо «природа и закон не только что своих, воспитывать велит младенцев и чужих» [4]. Просветители отвергали жестокость, тиранию, обман и несправедливость, противопоставляя им «честность.., дух и сердце благородно», требуя от правителей соблюдать «народов дружбу... союзных меж собой» и не возмущать «их возлюбленный покой» [5]. Это были типичные просветительские идеи мыслителей XVIII в., веривших в силу разума и просвещения, в справедливое законодательство и мудрых правителей-философов на троне. В то время эти идеи, хотя и носившие абстрактный, классово-ограниченный характер, имели известное прогрессивное значение, оказывали сильное влияние на умы, и прежде всего на университетскую молодежь.

Несомненной заслугой Поповского и Барсова является то, что они, хорошо зная латинский язык, отказались преподавать философию на латинском языке, как это было принято в то время на Западе и в России, и первыми стали читать ее на русском языке. Философия, которая «рассуждает о всем, что ни есть в свете,— говорил Поповский,— может ли довольствоваться одним римским языком, который, может быть, и десятой части ее разумения не вмещает... Итак, какое философии бесчестие, а нам вред, что всея вселенныя учительница будучи, едва малой части обретающегося в свете народа может приносить пользу! Век философии не кончился с Римом, она со всеми народами последующих веков на их языке разговаривать не отречется; мы причиняем ей великий стыд и обиду, когда думаем, будто она своих мыслей ни на каком языке истолковать, кроме латинского, не может» [6].

Слушателями и учениками Н. Н. Поповского и А. А. Барсова были Д. С. Аничков, С. Е. Десницкий, Н. И. Новиков, Д. И. Фонвизин, И. А. Третьяков и другие, сыгравшие впоследствии большую роль в русском Просвещении XVIII в., в распространении передовых философских и социальных идей, в развитии русского самосознания.

Н. И. Новиков (1744—1818) посвятил жизнь литературной дея-

[4] Избранные произведения русских мыслителей.., т. 1, с. 100.
[5] Там же, с. 95, 96.
[6] Там же, с. 90.

тельности, изданию сатирических журналов «Трутень» (1769—1770), «Пустомеля» (1770), «Живописец» (1772—1773), «Кошелек» (1774), в которых он развивал передовые идеи века, бичевал крепостников, царских сатрапов и чиновников, произвол и тиранию самодержавной власти. Царское правительство организовало против него травлю и вынудило его прекратить издание сатирических журналов. После этого просветитель переехал из Петербурга в Москву и тесно связал свою дальнейшую деятельность с Московским университетом, арендовав университетскую типографию для издания научно-популярных журналов и книг русских и зарубежных ученых по проблемам естествознания, философии, права, этики и других отраслей знания. В изданиях Новикова активно участвовали как авторы и переводчики многие профессора и студенты университета. Многогранная и неутомимая деятельность Новикова, его просветительские, антифеодальные, антитиранические идеи возбуждали общественное мнение в стране, вызывали страшное негодование крепостников и самодержавия, приведшее к тому, что он по распоряжению Екатерины II без суда и следствия был заточен в Шлиссельбургскую крепость. «Этот человек,— писал Белинский о Новикове,— столь мало у нас известный и оцененный (по причине почти совершенного отсутствия публичности),— имел сильное влияние на движение русской литературы и, следовательно, русской образованности... Владея значительными средствами, он издавал множество книг в такое время, когда у нас почти вовсе не было книг... Благородная натура этого человека постоянно одушевлялась высокою гражданскою страстью — разливать свет образования в своем отечестве. И он увидел могущественное средство для достижения этой цели в распространении в обществе страсти к чтению» [7].

Д. С. Аничков, С. Е. Десницкий, И. А. Третьяков развили ломоносовские традиции в науке, углубили просветительские идеи, подняли ряд важных философских и социальных вопросов.

Д. С. Аничков (около 1733—1788) происходил из разночинцев. Он преподавал в Московском университете философию, логику, арифметику, геометрию, алгебру, тригонометрию. По математическим дисциплинам Аничков написал учебники, пользовавшиеся большой известностью вплоть до начала XIX в. Из философских трудов Аничкова следует выделить его сочинение «Рассуждение из натуральной богословии о начале и происшествии натурального богопочитания» (1769), подвергшееся осуждению реакционной профессуры университета, в котором автор развивал атеистические идеи, доказывая, что религиозные верования у разных народов имеют естественное происхождение. Они возникают на «варварской» стадии развития человечества, и источником их являются невежество людей, порождающее страх перед непонятными явлениями природы; воображение (по терминологии Аничкова

[7] Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1955, т. 9, с. 671.

«привидение») и удивление (непонятное в природе и жизни приписывалось каким-то сверхъестественным силам). Для подтверждения своей точки зрения Аничков не скупился на многочисленные примеры из жизни разных народов и эпох. Примечательна его попытка опереться в своих рассуждениях на атеистические произведения предшествующих мыслителей. Он обильно, иногда целыми страницами, цитирует «О природе вещей» Лукреция Кара, а также стоиков, Петрония, Ювенала, Овидия, Попа (в переводе Поповского), Ломоносова. Характерно и то, что Аничков проводит аналогии между «натуральной религией» и некоторыми чертами христианства, едко высмеивая библейские легенды о Самсоне и Голиафе (последних он сравнивает с языческими богатырями Геркулесом и Атласом). Порицая обман и самовластие, тщеславие и хитрость священнослужителей, он одновременно осуждает невежд и святош, их «хождение толпами на поклонение к идолам», к «плачущим водою» образам и т. п. [8]. Не имея возможности выступить непосредственно против православной церкви, Аничков критикует католическую церковь, ее богато разодетых кардиналов, действующих на ум и воображение непросвещенных верующих не только словом, но и своей «блестящей от злата и камней одеждой», приводя тем самым верующих в удивление и беспрекословное повиновение. «Иезуиты, самые пастыри христова стада, которых по достоинству столько ненавидит весь мир, приватный из благочестия делают интерес, простирая алчные руки к ненасытному сребролюбию и под именем спасения разоряют порученное себе от бога и вверенное от монархов стадо, сделав самую веру завесою мнений своих ложных» [9]. Пущенная в иезуитов стрела метко била и по православной церкви. К тому же Аничков недвусмысленно заявлял: «I. Бога в троице без откровения натурально понимать не можно. II. Противно натуре человеческой верить тому, чего в мыслях и в воображении представить не можно. III. Все приписываемые богу совершенства происходят от человеческих мыслей и потому оные не сообразны его существу и не могут быть доказательствами его совершенства» [10].

Реакционная профессура и духовенство неистово ополчились против Аничкова. Его книга, по свидетельству профессора М. М. Снегирева, была «сожжена на форуме», а сам магистр Аничков, за свою «погрешность» и увлечение безбожником Лукрецием, был правительствующим Сенатом приведен в «чувствие». Полемика отцов церкви с обер-прокурором Синода по поводу сочинения Аничкова длилась до 1787 г. Автор вынужден был внести в него некоторые изменения для второго издания.

Большая заслуга Аничкова заключается и в том, что он в таких работах, как «Слово о свойствах познания человеческого и

[8] Избранные произведения русских мыслителей.., т. 1, с. 129, 131.
[9] Там же, с. 128, 132.
[10] Там же, с. 132.

о средствах, предохраняющих ум смертного от разных заблуждений» (1770), «Слово о разных причинах, немалое препятствие причиняющих в продолжение познания человеческого» (1774), «Слово о разных способах, теснейший союз души с телом изъясняющих» (1783), ставил вопрос о чувственной природе человеческого знания и подробно обосновывал идеи материалистического сенсуализма в теории познания. Главный его тезис гласил: «Общее почти всех философов мнение... состоит в том, что все познание наше получает начало свое от чувств по оному: нет ничего такого в разуме, чего бы прежде не находилось в чувствах» [11].

Большое место в познании мира философ отводил опыту и рациональным обобщениям, решительно отвергнув идеалистическую теорию врожденных идей картезианцев, лейбницианцев и вольфианцев. Отмечая борьбу материализма с идеализмом в философии, он нередко облекал свои материалистические идеи о характере человеческих знаний в деистическую форму. Так, критикуя мистическую теорию предустановленной гармонии вольфианцев, он одновременно делал уступку религии, допуская возможность бессмертия души.

Следует отметить, что труд Аничкова «Annotationes in logi cam, metaphisycam et cosmologiam» (1782), в котором он излагал логику, метафизику и космологические идеи, к сожалению, до сих пор не переведен с латинского на русский язык. Аничков оставил глубокий след в русской философии XVIII в., несмотря на попытки буржуазной историографии предать забвению его имя, замолчать или исказить его прогрессивные идеи.

С. Е. Десницкий (? — 1789) официально числился профессором права юридического факультета. Он обладал незаурядными способностями и был разносторонне образован. Его труды пронизаны глубокими философскими идеями в духе просветительской философии XVIII в. Десницкий происходил из разночинцев, начал образование в Троице-Сергиевской семинарии, продолжил его в Московском университете, затем в университете при Академии наук, а позднее — в Англии, в университете Глазго, куда был послан вместе с И. А. Третьяковым, в будущем профессором Московского университета. В Англии они слушали лекции Адама Смита, Юма и других ученых, защитили там магистерские диссертации. В 1767 г. Десницкий защитил докторскую диссертацию и с 1768 по 1787 г. был профессором Московского университета. Последние два года он являлся членом Российской Академии.

Отметим его первое произведение «Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи» (1767), поданное им в Комиссию для сочинения проекта нового уложения. В нем он подробно изложил по тому времени смелый проект реформы государственного устройства,

[11] Там же, с. 134.

где предусматривались ограничение самодержавной власти и в известной мере демократизация законодательной, исполнительной, судительной и наказательной власти. Проект был отвергнут Екатериной II, впервые он был опубликован лишь в 1905 г. и вторично — в 1952 г. «Представление», как и другие труды ученого, носит антифеодальный, просветительский характер.

Десницкий много сделал для распространения просвещения в стране. По общей направленности философских воззрений он был близок к Аничкову, о чем свидетельствует его выступление в защиту диссертации Аничкова «Рассуждение из натуральной богословии...» и его собственная работа «Юридическое рассуждение о вещах священных, святых и принятых в благочестие, с показанием прав, какими оные у разных народов защищаются» (1772). Это сочинение Десницкого пронизано теми же идеями, что и диссертация Аничкова, однако выражены они в более осторожной форме.

Такие труды Десницкого, как «Слово о прямом и ближайшем способе к изучению юриспруденции» (1768), «Юридическое рассуждение о начале и происхождении супружества» (1775), «Юридическое рассуждение о разных понятиях, какие имеют народы о собственности имения и различных состояниях общежительства» (1781) и другие, содержали новые по тому времени идеи, обладали известной научной ценностью и сыграли большую роль в развитии русской социологической теории XVIII в.

В разработке социальных проблем Десницкий, как и большинство прогрессивных мыслителей XVIII в., был решительным противником религиозной теории божественного предопределения истории и судеб человечества. Он не разделял также теорию круговорота и божественного происхождения законов Вико и его последователей. В решении социальных вопросов Десницкий придерживался более прогрессивной и популярной в XVIII в. теории естественного права и общественного договора, которую разрабатывал в конце XVII в. Пуффендорф, а в XVIII в.— Руссо. Однако Десницкий не был слепым последователем ни того ни другого. Он внес свой вклад в эту теорию, особенно исследованием происхождения и развития собственности, семьи и власти. Десницкий критически усваивает теорию Руссо и не соглашается с французским мыслителем в вопросах идеализации первобытнообщинного строя и в вопросе о том, что цивилизация якобы не улучшает, а ухудшает человека. Изучение истории человечества приводит Десницкого к выводу, что власть как особая общественная сила существует не вечно, а возникла на определенной ступени цивилизации. Происхождение власти он сводит к трем причинам. Во-первых, зарождение власти связано с физическим неравенством, когда физически слабый ищет защиты от врагов у физически сильного в своем роду. Физическое превосходство требуется и при добывании пищи, и при охоте на диких зверей, и при бесконечной вражде и войнах с другими родами или племенами. Поэтому

предпочтение в роду отдается человеку, обладающему физическим превосходством перед соплеменниками. При этом люди руководствовались не чем иным, как «внешним расчетом», «личной выгодой». Во-вторых, по мере развития первобытных народов уже недостаточно одного физического превосходства для осуществления власти над родом. Постепенно физическое превосходство уступает место превосходству умственному: наиболее интеллектуально развитые люди становятся старейшинами, жрецами, судьями, военачальниками благодаря их мудрости, хитрости, прозорливости. Но и здесь люди руководствуются личными и родовыми интересами. В-третьих, на еще более высоких ступенях общественного прогресса, когда у варварских народов появляется частная собственность, возникает имущественное неравенство и общество делится на богатых и бедных, власть от старейшин переходит к богачам. Последние занимают в обществе командные посты, ставят бедняков в полную материальную зависимость.

Из трех причин, порождающих власть, особенно существенна последняя, связанная с появлением частной собственности, имущественного неравенства и разделения членов общества на богатых и бедных. Подобные идеи в XVIII в.— большое достижение социальной философии. Сочувствие самого Десницкого на стороне бедных, угнетенных. В адрес богатых он бросает едкие упреки.

Отвергнув, как уже отмечалось, религиозно-фаталистическую теорию исторического круговращения, которая в те годы была в большом ходу у реакционных и консервативных мыслителей, Десницкий доказывал, что в своем поступательном развитии человечество в целом прошло четыре стадии или четыре ступени: самую примитивную — звероловство; вторую — скотоводство; третью — земледелие и четвертую, характеризующую современное состояние цивилизованного общества,— коммерческую. Каждую из ступеней он иллюстрирует соответствующими историческими примерами.

Десницкий ставит вопрос о происхождении и развитии собственности и семьи («супружества»). По существу он полемизирует с теми реакционными авторами, которые считали, что частная собственность и моногамная семья вечны, предустановлены богом. Привлекая фактический материал, накопленный к тому времени наукой, мыслитель утверждает, что у первобытных людей не было частной собственности и моногамной семьи: люди жили общинами, собственность была общая и брачные узы носили групповой, смешанный характер. Частная собственность, утверждал Десницкий, возникает позднее, на более высокой стадии развития человечества; она распространяется сначала на личные примитивные орудия труда, затем на прирученных и разводимых животных, затем на землю, жилище и все прочее. Вместе с этим шел процесс развития семьи: на смену групповому браку приходит многомужество или многоженство и только на высшей стадии появляется «единобрачное супружество». Возникновение моногамной семьи Десницкий связывал с усложнением трудовой деятельности, с появлением частной собственности и возможностью передать ее своим прямым потомкам. Подобное понимание появления и развития собственности, семьи, власти и государства, хотя было крайне ограниченным и носило в целом преднаучный характер, содержало определенные исторические догадки. Однако Десницкий идеализировал частную собственность и ступень «коммерческого состояния» общества, что было свойственно просветителям XVIII в.

В просветительских целях Десницкий перевел с английского языка «Комментарии к английским законам» Блэкстона под названием «Истолкование английских законов», изданные Н. И. Новиковым в трех томах (1780—1782); «Наставник земледельческий» (1780) Томаса Боудена, снабдив первый перевод примечаниями, второй — предисловием. В них он осудил крепостные порядки, буржуазное законодательство, которое безнаказанно нарушается богачами, «сокровиществующими миллионщиками».

И. А. Третьяков (1735—1779) — выходец из разночинной среды. Он окончил духовную семинарию и Московский университет, затем вместе с Десницким учился в Англии, где защитил магистерскую диссертацию «О позыве на суд» (1767). По возвращении на Родину работал экстраординарным профессором на кафедре римского права. Сохранилось три небольших его сочинения: «Слово о происшествии и учреждении университетов в Европе на государственных иждивениях» (1768), «О римском правлении и разных оного переменах» (1769), «Рассуждение о причинах изобилия и медлительного обогащения государств как у древних, так и у нынешних народов» (1772).

Философские основы правовых и экономических идей он развивал с тех же позиций, что и Аничков и Десницкий. Так, тема одного из докладов, который он хотел сделать на очередной университетской конференции,— «Невежество, страх и удивление — вот причина всякого суеверия» [12]. Однако руководство университета и реакционная профессура отвергли эту острую тему, перекликавшуюся с темой диссертации Аничкова.

Ратуя за просвещение и развитие наук, Третьяков связывал их с материальным благополучием и досугом. Труд, «художества» (ремесла) и разделение труда, по его мнению, «изощряют» человеческий ум, расширяют обмен и торговлю. Разделение труда в обществе является одним из показателей его прогресса, оно ведет к развитию обмена и торговли. Здесь, как видим, Третьяков не разделял точку зрения А. Смита, утверждавшего, что разделение труда обусловливается развитием обмена и торговли. Осуждая тунеядство и меркантилизм, Третьяков утверждал, что источником национального богатства является не торговля и день-

[12] Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. М., 1963, т. III, с. 135.

ги, а труд. Разделение общества на богатых и бедных он всецело связывал с разделением труда. «По разделении труда,— утверждал профессор,— натурально происходит в обществе разделение и самих людей, как-то: на хозяев и работников. Работные люди в таком состоянии принуждены искать себе пропитание у своих хозяев, охотно принимают всю прежнюю с их тяготу на себя, оставляя хозяевам одно присмотрение за собою и повеление» [13]. Разделение людей в обществе на высшее и низшее сословия ведет к «враждебному несогласию между людьми». Он осуждал войны, приносящие человечеству «ужасные везде разорения».

Третьяков отмечает, что предмет философии многосторонен, что между философами идет борьба по различным вопросам: о смертности и бессмертии души, о божественном провидении или предопределении и об отсутствии такового, т. е. о случайности, а также о добре и зле, о государственном правлении, в том числе о формах республик. При этом профессор упоминает стоиков и скептиков, академиков и перипатетиков, эпикурейцев и циников, ссылается на Аристотеля, Лукреция Кара, Цицерона, Диогена Лаэрция и других. Он высказывается за развитие натурфилософии, математики, химии, минералогии, осуждая средневековую схоластику и схоластические споры, «гугнивых и косноязычных капуцинов», наносивших своими софизмами огромный вред обществу. «Они, зная свой верный прибыток в том, учили и юриспруденцию по своему вкусу, доказывая, что оная с небес ниспослана была и что оной училась и богоматерь. И, наконец, соплетая свои ко всему доказательства, они силились привесть всю вселенную в замешательство, заставляя государей поднимать оружие и пламень за свой софизм и за честь своего силлогизма...» [14]. Хотя Третьяков оставил и немного трудов, но они свидетельствуют о прогрессивной просветительской направленности его мировоззрения, об определенном его вкладе и отечественную науку.

После смерти Д. С. Аничкова философию в Московском университете преподавал его ученик и воспитанник **А. М. Брянцев** (1749—1821). Разночинец по происхождению, он после Вологодской духовной семинарии успешно окончил университет и с 1779 по 1788 г. преподавал в университетской гимназии. В 1787 г. он защитил диссертацию на соискание ученой степени магистра философии и свободных наук «О критерии истины» (De criterio Veritatis). Диссертация не была опубликована и вместе с другими его рукописями погибла во время пожара в Москве в 1812 г. С 1788 г. Брянцев — экстраординарный, а с 1795 г.— ординарный профессор университета по логике и метафизике. Он сочетал преподавание с выполнением ряда обязанностей — декана этико-политического отделения университета, директора Педагогического института, цензора и других. Судя по сохранившимся работам,

[13] Избранные произведения русских мыслителей.., т. 1, с. 337, 338.
[14] Там же, т. 1, с. 351.

он был противником вольфианской философии и продолжал линию своих учителей Аничкова и Десницкого. В его трудах «Слово о связи вещей во вселенной» (1790), «Слово о всеобщих и главных законах природы» (1799) прослеживаются стихийно-материалистические идеи, облаченные в деистическую форму. В них он утверждал, что под именем всеобщих законов мы понимаем не логические или онтологические аксиомы, «но... те, которые по всем природы владычествам, по всем классам и порядкам существ наблюдаются и везде суть одинаковы; кратко сказать, которыми природа везде управляется и которым вещественные и невещественные существа повинуются» [15].

Подчеркивая объективный и незыблемый характер законов природы, философ относил к ним «закон непрерывности, которого наблюдение в природе учинил славный Лейбниц». Однако он мыслил метафизически, отрицая прерывность и скачки в природе: «Что кажется нам внезапным прехождением, то при точнейшем внимании и исследовании есть дело естественное, есть прехождение, посредством непрерывной связи естественных причин предуготовленное» [16]. Вторым законом природы профессор считал «закон бережливости, кратчайшего пути или самомалейших средств», ибо природа, по его мнению, «ничего не расточает, ни весьма истощевает и ничего вотще не употребляет и ничего полезного не опускает, кратко сказать, малым великое производит... Природа есть великая для нас наставница, примером своим показывающая вверенных нам благ и сил в надлежащем порядке содержание для благоразумного употребления, а не расточения» [17]. Вслед за Демокритом, Лукрецием, Декартом, Ломоносовым, Лавуазье Брянцев провозглашает «закон всеобщего сохранения», объявляя его третьим всеобщим, главным законом природы, распространяя его на материю и движение (по его терминологии вещество и сила). «В природе,— пишет он,— ничего не пропадает, ни одна пылинка не уничтожается. Все ее действующие силы целы... С одной стороны, сколько вещество, по-видимому, уничтожается, столько с другой стороны оное преобразуется и обновляется. По сущности вещей первоначальные силы, из которых все сложения начало свое берут, никогда разрушиться не могут... На сей же равности сил утверждается закон вознаграждения» [18]. Этот закон Брянцев комментирует так: «Природа наблюдает свои расходы и приходы, имеет свои расчеты. Посему ее произведения действий должны быть произведениям и содержанию ее сил равны. Что, по-видимому (ибо мы причин соединений и намерений постигнуть не можем), в одной части мира и в одно и то же время представляется излишним, то в другом месте усматривается недостаточным. Она там много производит,

[15] Избранные произведения русских мыслителей.., т. 1, с. 377.
[16] Там же, с. 379.
[17] Там же, с. 380.
[18] Там же, с. 382.

где, как нам кажется, уменьшает и где мы видим недостатки там она преизобилует»[19].

Наряду с указанными всеобщими (главными) законами природы, доказывал Брянцев, «есть также и другие, испытателями природы замечаемые, как-то закон разнообразности в единстве и единства в разнообразности, закон соразмерности и проч.»[20].

В работе «Слово о связи вещей во вселенной» Брянцев ссылается на древних мыслителей — Лукреция Кара, Платона, Диогена Лаэрция, на спор между средневековыми номиналистами и реалистами; на мыслителей и ученых Нового времени — Декарта, Лейбница, Вольфа и его последователя Бильфингера, на Шарля Бонне, Иоганна Гусса и других. Полемизируя с одними, соглашаясь с другими, он приходит к признанию атомного строения материи и наличия во вселенной «весьма тонкой и жидкой, эластичной материи», «эфира», который «по всему пространству вселенные носясь, все тела проницает»[21]. Благодаря эфиру, заключает он, осуществляется взаимодействие между неживой и живой природой, растительным и животным мирами и даже между чувственными восприятиями и деятельностью разума.

Брянцев оказывал помощь своему учителю Десницкому в переводе книги Блэкстона «Комментарии к английским законам», перевел «Начальные основания нравственной философии» Фергюсона, «Гарвеевы замечания», курсы философии Шнелля и Матерна Рейса. Эти рукописи были в числе погибших при пожаре 1812 г.

Таким образом, можно заключить, что уже первые десятилетия существования Московского университета знаменовались формированием оригинальной русской философской школы. Ее лучшие представители, опираясь на науку своего времени, развивали антифеодальные, просветительские идеи. В их трудах в разной степени и форме обнаруживаются стихийно-материалистические, хотя нередко высказываемые в деистической форме, мысли. Разумеется, эти тенденции не остались без противодействия со стороны официальных кругов.

* * *

Создавая Московский университет, М. В. Ломоносов знал, что подготовленных кадров для успешной работы университета еще крайне недостаточно и поэтому предполагал привлечение на первое время ученых из-за рубежа. Среди приглашенных на философский факультет были И. Г. Фроманн, И. М. Шаден, М. И. Скиадан, Х. Ф. Рейнгард, отличавшиеся друг от друга как по уровню подготовки, так и по философской ориентации. Надо сказать, что их влияние на молодежь было незначительным, так как русского

[19] Там же, с. 382—383.
[20] Там же, с. 383.
[21] Там же, с. 367.

языка они не знали, говорили на немецком, а преподавали на латинском языке.

С 1756 по 1766 г. в университете на кафедре логики, метафизики и нравственной философии работал профессор **И. Г. Фроманн**, ранее преподававший в Штутгартском университете. Лекции он читал в духе вольфианской философии, мало чем отличавшейся от схоластики. Не оставив в университете ни учеников, ни научных трудов, Фроманн уехал в Тюбенгенский университет, где защитил диссертацию на тему: «Stricturae de Statu scintiarum et artium in imperio Russico». Создается впечатление, что Фроманн заботился не столько о преподавании, сколько о сборе материала для своей диссертации.

Из Тюбенгенского университета был приглашен **И. М. Шаден**, проработавший в Московском университете с 1756 по 1797 г. Он был необычайно активен: помимо должности профессора нравственной философии, права естественного и народного, он занимал ряд административных должностей, имел частный пансион, возглавлял одну из масонских лож. В преподавании проводил религиозные и монархические принципы, на латинском языке читал логику и метафизику по Вольфу и Баумейстеру; практическую философию и этику по Винклеру, Эрнести, Федеру и Якоби; народное право по Виттелю; политику по Бельфельду; всеобщее и государственное право по Айхенвалю; риторику по Фоссию, Готшеду; курс нравственной философии по Геллерту, строго соединяя моральные принципы с религиозно-богословской догматикой[22].

Лекционные курсы Шадена не сохранились, и о них мы судим по воспоминаниям его слушателей и биографов. Вот некоторые из его речей, произнесенных им на латинском языке: «О душе законов» (1767); «О праве обладателя в рассуждении воспитания и просвещения науками и художествами подданных» (1770); «О монархиях, способных возбуждать и питать любовь к отечеству, и о том, что любовь сия есть главная душа законов в монархиях» (1775); «О воспитании благородного юношества, яко основании продолжительной народной славы в монархическом наипаче правлении» (1781). Шаден был ревностным приверженцем монархического правления как единственно разумного, он прославлял Екатерину II, резко критиковал республиканские и демократические формы правления, призывал воспитывать детей в строго религиозном и монархическом духе, убеждая, что без религии не может быть никаких успехов в воспитании.

Хотя Шаден давал иногда положительные оценки научной деятельности Бэкона, Декарта, Ньютона, Лейбница, которые восстали, как он выражался, на «праздное умозрение», но сам он, подобно вольфианцам, продолжал упорно заниматься тем же самым «праздным умозрением», апеллируя не к достижениям науки,

[22] Биографический словарь профессоров и преподавателей Московского университета. М., 1855, ч. II, с. 536—537.

5983

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՀ ԳԱ ԳՐԱԴԱՐԱՆ БИБЛИОТЕКА

а к Библии и к богу как «премудрому создателю природы». Ополчаясь против атеиста Гоббса, «с отвращением минуя Гоббесово мнение, что сила есть душа гражданских законов», он утверждал, что «есть бог — вот главная и первая истина, составляющая душу всех истин; как бог есть начало и конец всего, так существенная и притом чистейшая любовь к богу есть душа всех законов...» [23].

В решении основного вопроса философии о соотношении сознания и материи, души и тела Шаден опять-таки обращается не к достижениям естествознания, а к религии, стремясь подчинить разум вере, науку богословию. Один из учеников Шадена — П. Запольский — недаром писал о нем: «Ты веры был святой всю жизнь свою хранитель» [24]. Влияние Шадена на молодые умы было отрицательным. Своими религиозными нравственно-этическими идеями он отвлекал молодежь от науки и настойчиво прививал ей масонские религиозно-мистические идеи.

В этом отношении с ним мог соревноваться лишь профессор философии **И. Г. Шварц**, работавший в университете в 1780—1782 гг. преподавателем немецкого языка. Один из лидеров масонства в России, организатор и руководитель «Дружеского ученого общества», нещадно эксплуатировавший Н. И. Новикова, проталкивая в его московские- журналы масонские, религиозно-мистические опусы, сумевший на время даже захватить журнал «Вечерняя заря» и наполнить ряд его номеров проповедью реакционных масонских идей, Шварц сумел с согласия куратора университета создать переводческую семинарию, которая занималась в основном переводом книг религиозного и масонского содержания. Выступая с лекциями, Шварц, полный религиозного рвения, ставил Библию выше науки и призывал черпать из нее знания о будущем. «...Бог по милосердию своему показывает человеку в Библии самое покойное верное расположение вечного дома... Но нужны вера и любовь к богу; любовь к ближнему и умерщвление плоти. Уподобляясь архитектору, не землю должны мы расчищать, но очищать душу и сердце и во глубине его положить основанием веру и любовь. На сем-то твердом основании утверждается вечная наша жизнь» [25].

В лекциях по философии, как свидетельствуют его современники, Шварц излагал учение масонов и пытался развенчать философию Спинозы, Руссо, Гельвеция, Ламетри. Один из его слушателей свидетельствовал, что Шварц наряду с лестными словами в адрес астрономии, геометрии и химии доказывал «неудобопонятность анатомии и физиологии... справедливость физиогномии, чудесные открытия магии каббалы, превращение естественного в сверхъестественное...» [26]

[23] Биографический словарь.., ч. II, с. 569.
[24] Там же, с. 564.
[25] Друг юношества и всяких лет, 1813, январь, с. 88.
[26] Биографический словарь.., ч. II, с. 594.

Чтобы не оттолкнуть от себя студентов, Шварц на словах не отрицал значения науки, но, как сказано выше, подчинял ее, в том числе и философию, богословию.

М. И. Скиадан (около 1740—1802) пребывал в Московском университете с 1777 по 1802 г. в качестве доктора философии и медицины. Особенно усердно он трудился на медицинском факультете, но не чуждался философии и юриспруденции. На юридическом факультете Скиадан некоторое время преподавал естественное и народное право, однако его лекции не отличались оригинальностью. И по форме и по содержанию они были изложением правовой системы Пуффендорфа, труды которого еще по указанию Петра I были переведены на русский язык. После смерти Шадена Скиадан временно читал лекции по философии в духе вольфианского учения. Философская работа Скиадана «Слово о причинах и действиях страстей душевных, также о способе умерять и укрощать оные» (1794) [27] посвящена Екатерине II. В ней он восхваляет ее мудрое законодательство и выступления против французской революции. Как идеалист Скиадан пытался примирить науку с религией, доказать бессмертие человеческой души. Он подчеркивал зависимость тела от души и в то же время утверждал, что чувства (зрение, слух, обоняние, осязание) являются источником знания. К внутренним источникам знания он относил воображение, память, рассудок, умствование. Как и Локк, он утверждал, что душа возбуждается к действию приятным или неприятным чувствованием, яснымн и подробными впечатлениями, а также разного рода страстями. Душу он трактовал в духе философии Мендельсона: «Душа человеческая есть существо невещественное, простое, из других стихий не состоящее, одаренное силою понимать и производить движение, однако соединенное теснейшим союзом с органическим телом, которым она помощью чувственных жил и жидкости, в них содержимой, управляет» [28]. По мнению Скиадана, бог наделил ум человеческий способностью или «силой отвлечения», с помощью которой составляют общие понятия о материальных предметах и духовных явлениях, в том числе о боге, якобы создавшем мир и самого человека. Человек же призван прославлять божественную мудрость. Скиадан ставил вопрос о добре и зле, полезном и вредном. Человек должен творить первое и избегать второго. «Страсти душевные,— писал он,— происходят от добра и зла... Настоящее же зло рождает печаль, прошедшее — раскаяние, будущее — страх; а ежели оно будет великое и притом нечаянно случится, то производит ужас» [29]. Далее он останавливается на страстях приятных и неприятных со ссылками на христианских и языческих философов, не забывая о божественной премудрости и добродетели, правосудии и предопре-

[27] Там же, с. 416—417.
[28] Скиадан М. Слово о причинах и действиях страстей душевных, также о способе умерять и укрощать оные. М., 1794, с. 11.
[29] Там же, с. 15.

делении. «...Верховное благо,— заключает он,— не в другой какой-либо вещи, но в самом состоит боге, которого одного, так как существо, всеми совершенствами блистающее, бесконечно любить достойно» [30].

Из других профессоров, приглашенных из-за границы, следует отметить **Х. Ф. Рейнгарда**, работавшего в университете с 1803 по 1812 г. Прибыл он из Кельнского университета и был зачислен ординарным профессором на кафедру практической философии, истории философии и права; некоторое время исполнял обязанности декана отделения этико-политических наук. Его главный труд «Система практической философии» переведен с французского на русский язык и издан в 1807 г. После его смерти, в 1816 г., вышло «Естественное право», переведенное с латинского языка. При чтении лекций по практической философии Рейнгард пытался соединить вольфианские идеи с кантианскими. Его, пожалуй, можно признать одним из первых распространителей философии Канта в России. Свое сочинение «Система практической философии» Рейнгард начинает с доказательства того, что «чувство моральное, дарованное нам творцом нашим, правит всеми людьми», и призывает философов проповедовать нравственность, добродетель и выступать против всякого рода «пагубных мнений» и «гибельных страстей» [31]. Общее методологическое основание системы практической, или нравственной, философии он формулирует так: «Я всю нравственную систему, заключающуюся в сей книге, основал на идее первоначального морального закона, а следовательно, и на идее первоначально существующей в человеке законодательной способности, называемой нами практическим разумом» [32]. Одновременно он утверждал, что человек имеет не одни только «чувственные побуждения, но еще и свободную волю, т. е. способность поступать вместе и по влечению желаний и по могуществу идеи» [33]. Моральные законы Рейнгард распространяет «на весь человеческий круг». При этом автор делает упор на «практический разум», который объявляет «источником правил и законов», «моральных должностей и человеческих прав», ибо он и никто другой «предписывает правила, служащие для направления дел наших к благополучию и к образованию наших способностей», к исполнению закона и нравственных правил, «основанных на одном разуме» и имеющих «силу всеобщую, совершенную и неусловную» [34].

Для убедительности Рейнгард сравнивает законы разума с законами природы (натуры). «Как порядок физического мира основывается на вечных и непременных законах натуры, так равно

[30] Там же, с. 31.
[31] Рейнгард Х. Ф. Система практической философии. М., 1807, с. 10—11, 15.
[32] Там же, с. 16.
[33] Там же, с. 21.
[34] Там же, с. 25, 37—38, 42, 43.

порядок моральный должен основываться на вечных и непременных законах разума» [35]. Он ставит вопрос: откуда происходят сами моральные законы, идеи благодеяния и христианского человеколюбия? Отвечая на него, автор отсылает нас к метафизике и религии. «Метафизик,— пишет он,— исследует то, что вне природы и вне опыта... старается доказать, что человек, принимаемый за существо совершенно разумное, стоит выше чувственного мира и что в этом-то качестве он творит идею законов» [36].

Следуя за Кантом, Рейнгард утверждает, «что сей мир существует, хотя мы теоретически и не можем познать его», что «все понятия, произведению коих способствовали чувства, можно употреблять только в отношении к чувственному миру, а не к нечувственному. По сему-то Кант утверждал, что все на опыте основанные понятия и доказательства не могут доводить нас до того, чтобы мы могли тем исследовать и познавать нечувственные предметы» [37]. Со ссылкой на «моральный закон» Канта Рейнгард призывает «признать бытие бога и бессмертие души», признать «бога творцом физических и моральных законов» [38].

Рейнгард убеждает, что, поскольку бог — творец всего сущего и правитель мира, образец законности и святости, правосудия и наказания, людей надо воспитывать на нравственных религиозных принципах, что только с помощью нравственности и правил религии человек может стать добродетельным, уважать и соблюдать моральные и общественные законы, «познать будущую (загробную) жизнь, где за добрые дела получит награду, а за порочные понесет наказание» [39].

Царское правительство, церковь, господствующие классы были вполне удовлетворены деятельностью Рейнгарда — апологета христианской морали, существовавших феодально-крепостнических законов и неограниченной самодержавной власти, тем более, что после рассуждений о практической философии, о человеческой воле вообще, о нравственности вообще и т. д. профессор заявлял, что из «всех образов управления монархический есть самый натуральный и самый сообразный с своею целью. Что же касается до аристократического и демократического, то они могут только иметь единство посредством собраний, которые рассуждают и решают все по большинству голосов» [40]. Подобное восхваление монархической формы правления не встречало особого сочувствия не только у студентов из разночинцев, но и у большинства студентов из дворян.

Д. Н. Синьковский (? — 1794) происходил из разночинцев, окончил Переяславскую семинарию и Московский университет,

[35] Там же, с. 45.
[36] Там же, с. 303.
[37] Там же, с. 304, 305, 307.
[38] Там же, с. 311.
[39] Там же, с. 209.
[40] Там же.

слушал лекции Барсова, Фроманна, Дильтея. С 1786 г. Синьковский — экстраординарный, а с 1787 г.— ординарный профессор философии, логики и нравственной философии. В преподавании он придерживался обычной вольфианской системы, поэтому заметного следа в развитии философской мысли не оставил. Синьковский перевел с латинского на русский язык «Нравственную философию» Баумейстера (1782) и составил «Латинский лексикон по образцу Геснерова» в трех частях, изданный в 1795 г., которые использовались в качестве учебников для студентов. В «Слове о вероятном познании нравов человеческих по некоторым знакам» Синьковский ставит на первое место «божественное испытание сердец» как «всеведущее, всесовершенное, беспредельное и бесконечное, не требующее никаких внешних средств и знаков к познанию внутренних наших склонностей» [41]. Что же касается человеческих познаний, основанных на чувствах, то Синьковский всячески умалял их значение как ограниченных известными пределами, которые-де «часто нас обманывают». Он делает вывод: если божественное знание является совершенным и безусловным, то чувственное — условным, так как оно «утверждается на внешних вероятных знаках», на плохом знании или даже незнании самих себя, на проявлении «худых страстей» (хитрости, притворства, лукавства, честолюбия), что «может произвести разные ложные мнения» [42].

В обосновании того положения, что человек, постигая божественный промысел, должен познать самого себя, Синьковский со ссылками на Фалеса, Сократа, Пифагора, Диогена, Плиния и других заключает: «Познать самого себя есть дело трудное, но притом оно и блаженно» [43]. Как видим, сентенции Синьковского убоги, приспособлены к христианству, а привлечение имен многих мыслителей не способствует глубине его философской теории.

Е. Б. Сырейщиков, ученик А. А. Барсова, с 1779 по 1784 г. преподавал в университетской гимназии и в университете логику, нравоучение, славянскую и российскую словесность, затем переехал в Петербург, где преподавал в комиссии Главного народного училища. Его философские сочинения не отличались ни новизной идей, ни взлетом философской мысли, ни эрудицией, а подчас носили характер панегирика самодержавию. Трудно было студентам научиться у Сырейщикова и ему подобных профессоров философскому мышлению. Апологетические упражнения отталкивали их от таких преподавателей.

М. М. Снегирев происходил из разночинной среды, окончил курс философии и богословия в Троицкой лавре, затем Московский университет, где изучал философию, юриспруденцию, физику. В 1789 г. получил ученое звание магистра философии и свобод-

[41] Синьковский Д. Н. Слово о вероятном познании нравов человеческих по некоторым знакам. М., 1789, с. 5.
[42] Там же, с. 6.
[43] Там же, с. 7.

ных наук, в 1796 г. стал экстраординарным профессором по логике и нравственной философии, а в 1810 г.— ординарным профессором по истории философии и церковной истории. В 1817 г. Снегирев возглавил кафедру естественного, политического и народного права, занимал многочисленные административные должности, в том числе должность декана этико-политического отделения университета. Из трудов Снегирева назовем «Слово о пользе нравственного просвещения» и «Руководство к церковной истории», погибшее вместе с библиотекой при пожаре в 1812 г. Снегирев занимался переводами, составлением хрестоматии и славянской грамматики.

В «Слове о пользе нравственного просвещения», посвященном Павлу I, Снегирев призывал «быть полезным обществу заслугами, или произведением ума, или важными открытиями, или дружескими наставлениями, или распространением просвещения». Для этого, по его мнению, «должно возвысить силы разума; но необходимо паче всего образовать сердце и нравы, на сем-то соединенном просвещении основывается чистое, истинное нравоучение» [44]. Объявив «разум вождем нашей воли», а сердце — источником доброты, Снегирев, однако, высказывался за то, чтобы познание мира и небесных тел сопровождалось богопочитанием «зиждителя миров» и высоким нравственным воспитанием, опирающимся на Священное писание. Из дохристианских мыслителей он ссылается на Сократа, Ксенофонта, Цицерона, Сенеку, Марка Аврелия, характеризуя их как «ревностных защитников мудрых наставлений» [45].

М. Снегирев видел свое призвание в том, чтобы соединить философию с религией и подчинить первую второй. Это нарушало традицию Ломоносова, его учеников и последователей, которые провозглашали самостоятельность и независимость философии и науки вообще от богословия.

К числу профессоров университета начала XIX в, сыгравших известную прогрессивную роль в распространении философских, социологических и правовых идей, следует отнести **Л. А. Цветаева** (1777—1835). Окончив университет со степенью бакалавра, он продолжил образование в Германии и во Франции, в Геттингенском университете защитил докторскую диссертацию по философии. Возвратившись в Россию в 1805 г., он до конца жизни работал в Московском университете сначала экстраординарным, а с 1811 г.— ординарным профессором по кафедре теории законов. Его труд «О взаимовлиянии наук на законы и законов на науки», курс лекций «Начертание теории законов», учебные пособия по римскому праву («Начертание римского гражданского права», «Краткая история римского права», «Учебная книга римского и

[44] Снегирев М. М. Слово о пользе нравственного просвещения. М., 1797, с. 7.
[45] Там же, с. 6.

гражданского права») и другие были пронизаны философскими идеями французской «энциклопедической» школы (Монтескье) и немецкой школы Шлецера, Гуго и других.

Особенно интересна книга Цветаева «Первые начала права естественного». Естественное право, по Цветаеву, зиждется на принципе: «не почитай никогда человечества в других за средство», ибо «никакое разумное существо не может заставить делать другое что-нибудь против его воли... Первое первобытное право человека есть право на самого себя» [46].

Цветаев подробно пишет о так называемом «праве естественном прикладном», включая в него «право семейственное» и «право публичное»; он пишет также о верховной власти, о власти законодательной, исполнительной, судебной, о характере правления — деспотическом, аристократическом, демократическом. Хотя своего отношения к названным правлениям автор прямо не высказывает, но, видимо, более склоняется к конституционной или даже буржуазной форме. Это становится заметным, когда он говорит о народном праве, которое, как он утверждает, зиждется на следующих принципах: «ни один народ не должен почитать и употреблять другой народ как средство»; «каждый народ имеет права на свои дела»; «всякий народ может иметь собственность и со всеми правами оной»; «главная собственность народов состоит в земле» [47]; народ имеет право свободно торговать в стране и за рубежом. В книге дан перечень авторов сочинений по естественному праву, среди которых Аристотель, Платон, Цицерон, Гроций, Винклер, Гоббс, Пуффендорф, Томазий.

Цветаев дает высокую оценку «критической философии» и французской революции XVIII в.: «Критическая философия, преобразовав философию, и праву естественному великие оказала пособия; между тем французская революция возбудила во многих желание исследовать и изучать начала оного и тем самым содействовать к усовершенствованию и распространению его» [48]. Подобные заявления звучали по тому времени смело и прогрессивно.

В работе «Начертание теории законов» Цветаев заявляет о себе: «...подобно пчеле, полезное собирал я отовсюду: мудрые российские узаконения, Римское право... Прусское и Французское уложения... были для меня важнейшими пособиями, с другой стороны, Монтескье, Филанжери, Бентам, Беккарий, Пасторе и некоторые другие весьма мне вспомоществовали» [49]. Прославляя великую роль науки в совершенствовании общественной жизни, Цветаев, однако, делает уступку религии: он высказывается за то, чтобы гражданские законы не противоречили религии и, наоборот, были бы согласованы между собой. Иначе, заключает он, «такое общество весьма злополучно» [50]. В целом книга, имеющая антифеодальную, антитираническую направленность, написана в умеренных тонах. Заслуга Цветаева заключается в том, что он знакомил слушателей с социальными идеями мыслителей различных эпох, в том числе и современных, подчеркивал роль разума и просвещения в истории человечества, давал более или менее цельное представление о развитии социальной философии и правоведения, обращал внимание на значение французской революции в развитии общественных наук.

[46] Цветаев Л. А. Первые начала права естественного. М., 1816, с. 10, 11, 22.
[47] Там же, с. 69.
[48] Там же, с. 86.
[49] Цветаев Л. Начертание теории законов. М., 1816, с. 50.

* * *

С 1804 г. в Московском университете по новому уставу было установлено четыре отделения: медицинских, словесных, физических и математических, нравственных и политических наук. Формально новый устав не предполагал каких-либо сословных привилегий и ограничений, что давало возможность поступать в университет представителям непривилегированного сословия. В конце XVIII — начале XIX в. от 40 до 50% студентов университета составляли разночинцы — дети священников, купцов, мещан, ремесленников и т. д. [51]

На нравственно-политическом отделении преподавались умозрительная и практическая философия; естественное, политическое и народное право; гражданское право и уголовное судопроизводство Российской империи; политическая экономия и дипломатика; богословие и церковная история. В преподавании философских и правовых наук происходит постепенное вытеснение прогрессивных тенденций, которые занимали ведущее положение при создании университета и в первые десятилетия его деятельности. Гонения на Петербургский и Казанский университеты, начатые Руничем и Магницким, в какой-то мере коснулись и Московского университета, прежде всего преподавания как философских и правовых, так и естественных наук. В тех и других курсах требовалось подчеркивать премудрость бога и ограниченность человеческих чувств и разума. Преподавателям философии предписывалось руководствоваться прежде всего посланиями апостола Павла, а преподавателям политических и правовых наук отталкиваться от библейских поучений Моисея, Соломона, Давида и внушать преданность престолу. Начавшиеся гонения на естественное право, на естествознание и стихийно-материалистические идеи в науке сопровождались в Московском университете созданием в 1819 г. кафедры богопознания и христианского учения.

После смерти А. М. Брянцева кафедра философии длительное время оставалась незанятой. Философию читали люди, которых

[50] Цветаев Л. Начертание теории законов, с. 50.
[51] История Московского университета. М., 1955, т. 1, с. 85, 98.

Министерство просвещения не утверждало в качестве официальных руководителей и профессоров кафедры. После восстания декабристов, среди которых оказалось много бывших воспитанников университета (Н. Тургенев, И. Якушкин, Н. Муравьев, М. Фонвизин, С. Семенов, С. Трубецкой, П. Каховский и другие), царское правительство под тем предлогом, что польза от философии сомнительна, а вред возможен, запретило с 1826 по 1835 г. преподавать философию в университете. Несмотря на жестокие меры, философская мысль в университете продолжала развиваться. С философскими идеями студенты знакомились, слушая лекции и изучая труды по естественным наукам: физике, химии, астрономии и особенно биологии. Такие ученые, как И. А. Двигубский, М. Я. Мудров, Е. О. Мухин, М. Г. Павлов, К. В. Лебедев, М. А. Максимович, И. Т. Глебов, М. Ф. Спасский, И. Е. Дядьковский и другие, работавшие в первые десятилетия XIX в. в Московском университете, давали студентам не только знания по естествознанию, но и распространяли среди них идеи стихийного естественноисторического материализма.

Следует отметить и другой немаловажный факт, сыгравший выдающуюся роль в распространении в XIX в. передовых философских теорий через журналистику. В 30—60-е годы значительно усилилась тенденция, появившаяся еще во второй половине XVIII в., постепенного проникновения философских и социальных идей в передовые журналы. Выступления в печати Белинского, Герцена, Огарева, Чернышевского, Добролюбова, Лаврова, Антоновича и других представителей революционно-демократического движения делали достоянием общества передовые философские, социальные, этические и эстетические идеи. Желавшие получить философское образование обращались уже не столько к лекциям официальных профессоров, сколько к передовым журналам, которые умели сквозь рогатки цензуры, часто пользуясь эзоповским языком, знакомить читателей с новейшими направлениями и достижениями философской мысли.

Следствием гонений на философию в университетах со стороны правящих органов явилась борьба после смерти Брянцева за философскую кафедру Московского университета, и в частности борьба за нее **И. И. Давыдова** (1794—1863). Он происходил из дворян; в 1812 г. окончил Московский университет кандидатом словесности, в 1814 г. стал магистром, в 1815 г. защитил докторскую диссертацию «О преобразовании в науках, произведенных Бэконом». В университете работал с 1817 по 1847 г., был избран академиком и помимо преподавательской имел множество других должностей [52]. В 1821 г. он был избран профессором философии, однако занять кафедру философии ему не разрешили, а затем и совсем запретили читать лекции по философии. Под давлением властей и реакционной профессуры Давыдов вскоре отошел от своих

[52] См.: Биографический словарь.., ч. I, с. 276—287.

прежних убеждений и сблизился с реакционным профессором Шевыревым.

Философские труды Давыдова «Опыт руководства к истории философии», «О духе философии греческой и римской»; «Начальные основания логики», обладавшие по тому времени определенным интересом, следует кратко охарактеризовать.

Философия как наука, по мнению Давыдова, имеет высокое назначение: она постигает чудесные силы души человека в его стремлении к высокому назначению [53]. К вопросу о предмете и задачах философии он возвращался неоднократно, расширяя и уточняя свою точку зрения. «Предмет философии,— писал Давыдов,— есть просвещение ума истиной и образование сердца добродетелью. Философ исследует природу и пользуется сокровищами ее для блаженства жизни. Он наблюдает человека в различных странах, веках и обстоятельствах и все лучшее в нравах и обычаях обращает в собственную пользу и пользу ближних». Философия — «надежный светильник в мрачном пути жизни, твердая опора в действиях» [54]. Однако Давыдов спешит добавить, что философ должен благоговеть перед божественным провидением, постигать премудрость и благость бога. Он утверждал, что назначение философии — совершенствование нравственности и законов, образование нравов и улучшение жизни человеческого рода [55].

Давыдов не был последовательным мыслителем. Его философские труды пронизаны идеализмом и эклектикой, попытками совместить сенсуалистическую теорию познания Локка с объективным идеализмом Шеллинга, некоторые положения Канта с пантеистическими идеями. Поэтому, уточняя свое понимание предмета философии, он приходит к выводу, что «бог, человек и природа — вот три предмета сего познания и цель всех занятий философа» [56]. Основой основ всего сущего он объявляет бога и его премудрость. Исходя из данного определения предмета философии, Давыдов делит ее на три части: на идеальную и естественную философию и на познание бога, т. е. религиозную философию.

Идеальную философию, или науку о разуме человека, мыслитель, в свою очередь, подразделяет на теоретическую, практическую и эстетическую. Предмет теоретической философии составляет познание (ощущения, чувствования и представления ума), а также истолкование пространства, времени, понятий, идеалов, умственных созерцаний. На базе идеальной философии основываются психология, логика и метафизика. Практическая философия,

[53] См.: Давыдов И. И. Начальные основания логики. М., 1821, с. 4.
[54] Давыдов И. И. Опыт руководства к истории философии. М., 1820, с. 125, 126.
[55] См.: Давыдов И. И. О духе философии греческой и римской. М., 1820, с. 25—26.
[56] Давыдов И. И. Начальные основания логики, с. 6.

по Давыдову, охватывает проблемы конечного и бесконечного, воли, добродетели и мудрости, проблемы общества, законодательства и управления, а также «идеи совершенствования человечества, идеал царства, блаженство в царстве небесном или идеи о религии»[57]. Практической философии соответствуют нравоучение, правоведение и вероучение (религия). Эстетическая философия, по Давыдову,— учение о красоте и гармонии, архитектуре, живописи, мелодии, мимике, танцах, драме — обо всем том, чем занимается теория изящных искусств, поэзия и красноречие. В умозрительной философии душа определяется внешними предметами через получаемые ею чувства и находится в зависимости от внешних объектов, тогда как в практической философии «душа возвышается над вещественностью до степени духовности», «освобождается от уз необходимости, стремясь к высшему порядку духовной свободы»[58]. В эстетической философии «душа, сама по себе свободная, изображает себя в изящных произведениях»[59].

Определяя объект естественной философии, Давыдов вольно или невольно делает уступки пантеизму. Естественная философия, или «философия природы», отмечает он, «занимается всем видимым, исследуя, каким образом божественное начало направляет все существа по одним и тем же законам; она убеждает в том, что духовное начало разлито во всех предметах, хотя неприметно для нашего разума». И далее в духе пантеистической философии он утверждает: «Божественное начало есть основание начала духовного и вещественного; оно жизнь всего живущего... Начало божественное находится во всем и все в нем вмещается»[60].

Развивая теорию активности «духовного» начала, или «деятельности души», Давыдов подчеркивает, что «теория деятельности души, упоминаемая Лейбницем, неотрицаемая Локком и утвержденная Кантом, сделала такой же переворот в философии, какой сделала в астрономии теория Коперника»[61].

Придерживаясь сенсуалистической теории познания, Давыдов начисто отрицает врожденные идеи, врожденные истины и аксиомы. Он утверждает, что понятия и основанное на них знание есть результат воспитания, обучения, опыта. Отсюда опыт, чувства приобретают в теории познания важнейшее значение. Эти идеи Локка он формулирует так: «Опытность есть основа всех знаний; отсюда получают они происхождение свое... Чувства наши, порождаемые предметами, доставляют душе различные ощущения, смотря по тому, как сии предметы действуют на чувства... Сей источник идей есть чувственность»[62]. Чувственные восприятия, возникающие в результате воздействия внешних предметов, Давыдов отличает от

[57] Там же, с. 9.
[58] Там же, с. 10, 11.
[59] Там же, с. 14.
[60] Там же, с. 13, 14.
[61] Там же, с. 15.
[62] Там же, с. 47.

«внутренних чувств», к которым он относит желания, волю, страсти и пр., называя их действием души или разума. Разум призван обобщать те и другие ощущения в отвлеченные идеи или понятия. Разум — активное орудие познания, более высокое и сложное, чем чувства[63].

Что же касается общих нравственных правил и истин, понятий и аксиом, то и они приобретаются опытом, воспитанием, обучением. В этих рассуждениях Давыдова нет места для бога, но, как бы стремясь рассеять подозрения в уступках материализму, профессор делает совершенно необоснованные выпады против материализма, декларируя свободу воли, бессмертие души, апеллируя уже не к науке, а к богу, утверждая что «связь души с телом есть одно из таинств создателя»[64]. Однако, несмотря на множество ссылок на бога и его премудрость, книга Давыдова «Начальные основания логики» была взята начальством университета и реакционной профессурой под подозрение. Против нее выступил известный реакционер Магницкий, назвав ее «безнравственной и соблазнительной»[65].

Работа Давыдова «Опыт руководства к истории философии» любопытна тем, что в ней дается краткий обзор античной и средневековой, в том числе арабской, философии, а также философских систем Декарта, Бэкона, Гоббса, Лейбница, Локка, Гассенди, Беркли, Юма, Кондильяка и Канта. Давыдов отмечает дуалистичность философии последнего, однако он не поднимается до той критики кантовского идеализма и априоризма, которой они были впервые в России подвергнуты А. С. Лубкиным и Т. Ф. Осиповским.

Как положительный момент следует отметить и то, что Давыдов говорит о «разделении философов на секты» и борьбе между ними, подчеркивает, что «философы всегда следовали за великими переворотами в державах... Судьба ее (философии. — *И. Щ.*), как мы уже видели, ознаменована великими происшествиями»[66]. В подтверждение этой плодотворной мысли он ссылается на век Солона, когда выступали Фалес, Пифагор и Анаксагор, на век Перикла — время Сократа и его учеников, рассматривает далее английских, французских и немецких мыслителей Нового времени. Давыдов пытается наметить те вопросы, по которым разгорались острые философские дискуссии, не высказывая прямо своего отношения к той или иной философской школе. «Причина разделения философов на столь многие секты, — утверждал профессор, — состоит в спорах о *начале человеческих познаний*. Одни принимали за начало опытность, другие — *врожденные понятия;* одни верили чувствам, другие не доверяли им; одни следовали впечатлению их и потребностям, другие блуждали в умозрениях»[67]. Таким образом, основание разделения философов на направления Давыдов видит не в реше-

[63] См.: там же, с. 48.
[64] Там же, с. 49.
[65] Русский вестник, 1864, № 8, с. 410.
[66] Давыдов И. И. Опыт руководства к истории философии, с. 33.
[67] Там же, с. 58.

нии вопроса об отношении мышления к бытию, а в характере теории познания. Стремясь к объективности, Давыдов прослеживает различия в теории познания между Платоном и Аристотелем; Декартом, Лейбницем и Бэконом; Локком, Юмом, Гоббсом и Беркли; Кондильяком и Кантом, что было весьма ценно для слушателей и читателей.

К «блистательным умам» в области философии Давыдов относил многих мыслителей как древности, так и Нового времени, при этом в их числе Давыдов называет не только идеалистов, но и материалистов — Гераклита, Эпикура, Бэкона, Гоббса, Спинозу, Кондильяка, что, естественно, вызвало недовольство правительства и реакционных профессоров университета. Весьма примечательны суждения Давыдова о субъективном идеализме Беркли и Юма: «Берклей в чувственности видит только внутреннюю нашу перемену, не почитая ее изображением внешних предметов. Гюм исследует отношение между причиной и действием; он почитает его воспоминанием и не соглашается, чтобы можно по одному заключить о другом»[68]. Не менее интересна его оценка философии французского Просвещения XVIII в.: «Французская школа превосходит ясностью и простотою форм, благоразумной разборчивостью, ненавистью к восторгам и мечтательности. Здесь наблюдения предпочитают правилам; здесь хотят эту науку сделать народной наукой — и для сего многим пожертвовали»[69].

Подобные высказывания не могли не насторожить университетское начальство, которое строго следило за идейной направленностью преподавания философии и ужесточало требования к претендентам на философские кафедры. Это ужесточение с годами усиливалось и приводило к тому, что философия оказывалась в руках мистиков, проповедников союза философии и религии.

При очередной перестройке учебного процесса в университете в 1835 г. было образовано три факультета: философский с историко-филологическим и физико-математическим отделениями, юридический и медицинский. Но в связи с революционными событиями в Европе 1848—1849 гг. правительство принимает экстренные меры, для того чтобы предотвратить проникновение прогрессивных философских и социально-политических идей с Запада в Россию, удержать ее от возможных революционных преобразований. В январе 1849 г. философский факультет как потенциальный источник крамольных идей был разделен на историко-филологический и физико-математический. Философия по существу подменялась богословскими дисциплинами.

В 30-х годах на историко-филологическом факультете читал лекции профессор **Н. И. Надеждин** (1804—1856), по происхождению разночинец, окончивший в 1824 г. Московскую духовную академию, а в 1830 г. сдавший экзамен на степень доктора этико-

[68] Там же, с. 108—109.
[69] Там же, с. 112.

филологических наук. В 1831—1835 гг. Надеждин читал курсы логики, теории искусств и археологии; издавал журнал «Телескоп» (1831—1836) (с приложением «Молва»), куда привлек для работы В. Г. Белинского. Надеждин много печатался в журналах «Вестник Европы», «Московский вестник», «Отечественные записки», «Телескоп» и в других изданиях. За опубликование в «Телескопе» в 1836 г. первого «Философического письма» П. Я. Чаадаева журнал был закрыт, Надеждин сослан, а ректор университета (он же цензор) Болдырев отстранен от работы. Чаадаев по распоряжению Николая I был объявлен сумасшедшим.

В своих лекционных курсах Надеждин знакомил слушателей с основными положениями «философии тождества» Шеллинга и ее диалектическими идеями. Исторический процесс, в том числе и историческое развитие искусства, рассматривался им как развитие мирового разума. С позиций объективного идеализма он выделял основные ступени развития искусства (классическую, романтическую и новейшую, или синтетическую). Его представления о развитии искусства содержали элементы историзма и диалектики. Вслед за декабристом А. А. Бестужевым Надеждин ставил, хотя еще и в абстрактной форме, вопрос о народности искусства. Эта идея была затем подхвачена и всесторонне обоснована В. Г. Белинским с позиций критического реализма.

Чернышевский высоко оценивал идейное наследие Надеждина. Он считал, что Надеждин обладал огромными знаниями и глубоким умом, чуждым схоластики. Чернышевский указывал, что, отталкиваясь от Шеллинга, Надеждин не стал его слепым прозелитом, а многое критически переосмыслил и пошел дальше немецкого мыслителя. «Основная идея у Надеждина,— писал он,— конечно, та же, что и во всей немецкой философии, от Фихте до нашего времени. И то правда, что ближайшим образом он был последователем Шеллинга. Но дело в том, что он пошел далее Шеллинга и приблизился, силою самостоятельного мышления, к Гегелю, которого, как по всему видно, не изучал»[70]. Хотя Надеждин действовал в крайне неблагоприятное для русской философии и литературы время, но, как справедливо отмечал Чернышевский, будучи чужд схоластики и обладая творческим умом, «Надеждин первый прочно ввел в нашу мыслительность глубокий философский взгляд. Он дал нашей критике глубокие, всеобъемлющие принципы, открытые для эстетики немецкою наукою. Он первый объяснил нашей критике, что такое поэзия, что такое художественное произведение»[71].

В естественнонаучных воззрениях Надеждин придерживался объективно-идеалистической теории Шеллинга и натурфилософской концепции Л. Окена — ученика и последователя Шеллинга, высказавшего ряд ценных эволюционных идей, разрабатывавшего метод

[70] Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. М., 1947, т. 3, с. 159.
[71] Там же, с. 163—164.

аналогий в биологии. Надеждин пытался доказать полезность изучения натурфилософии Окена, его учения о вселенной, возникновении Земли и органической жизни, идущего вразрез с богословием и вызывавшего резко отрицательное отношение к нему со стороны охранителей православия и самодержавия. Возражая противникам натурфилософии Окена, Надеждин убеждает и призывает не бояться этой философии: «Политического православия она развратить не может ни прямо, ни косвенно: ибо система, идущая водворить в беспредельном царстве природы один вседержавный порядок, не может быть неприятельницею общественного благоустройства. Скажем более: натуральная философия есть в высшей степени монархическая философия»[72].

Научная карьера Надеждина, как уже было отмечено, в 1836 г. прервалась ссылкой. По возвращении из ссылки он уже не был допущен в университет.

В середине XIX в. в университете преподавал идеалист **М. Н. Катков** (1818—1887). В конце 30-х годов он временно сблизился с кружком Белинского и Станкевича. Через год после окончания Московского университета (1838) он выдержал экзамен на степень магистра, а в 1841 г. отправился за границу для завершения образования, где слушал лекции по философии Шеллинга. Поездка эта оказалась для него определяющей: Катков вернулся в Россию последовательным адептом шеллингианской философии, считая ее идеи высшим и разумнейшим этапом современной философии. Катков быстро распрощался с умеренными либерально-помещичьими идеями, которых он ранее придерживался, перешел на сторону реакции, стал верным прислужником самодержавия и церкви.

Отстранение Каткова от преподавания философии произошло по принципу «свои своих неузнаша», ибо он не замахивался ни на самодержавно-абсолютистские порядки, ни на религию, а, наоборот, верно им служил. Будучи редактором и арендатором «Московских ведомостей», издателем журнала «Русский вестник», Катков вел яростную борьбу с революционно-демократическими, социалистическими, материалистическими идеями Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Герцена. Именно по настоянию Каткова для искоренения материалистических и атеистических идей среди студенчества и противодействия влиянию на молодежь Чернышевского, Добролюбова и других материалистов на кафедру философии был вызван известный своими реакционными взглядами профессор Киевской духовной академии П. Д. Юркевич. Характеризуя реакционность и продажность помещичье-буржуазной прессы, в которой так усердно подвизался адъюнкт философии Катков, В. И. Ленин проследил историческую преемственность между Катковым, Суворинным и мистиками «веховцами». «Либеральный, сочувствующий английской буржуазии и английской конституции, помещик

[72] Телескоп, 1832, № 8, с. 534.

Катков во время первого демократического подъема в России (начало 60-х годов XIX века) повернул к национализму, к шовинизму, к беспардонному лакейству перед власть имущими... Катков — Суворин — «веховцы», это все исторические этапы поворота русской либеральной буржуазии *от демократии* к защите реакции, к шовинизму и антисемитизму»[73].

Когда в 1850 г. последовало указание Николая I «упразднить преподавание философии в университете светскими профессорами и, ограничив преподавание ее опытною психологиею и логикою, возложить чтение сих наук на профессоров богословия»[74], то это было поручено Терновскому — наиболее благонадежному и верному служаке господствующим классам. Преподавание было предложено вести по программам, составленным в Московской духовной академии и утвержденным Святейшим синодом.

П. М. Терновский (1798—1874), разночинец по происхождению, окончил Московскую духовную академию, где получил звание магистра богословия. В 1837 г. стал доктором богословских наук, протоиереем и настоятелем университетской церкви, преподавал в университете закон божий и греческий язык. Он был одним из переводчиков Священного писания с древнееврейского языка на русский, с греческого переводил творения отцов церкви, создал для студентов «Догматическое богословие». Одно время Терновский был деканом отделения нравственно-политических наук. Его труды «Слово о пророчествах Ветхого завета» (1828), «Догматическое богословие» (1838), а также «Поучительные слова» являлись рассадником религиозных идей, попыткой превратить философию и психологию в служанку богословия.

С Терновского начинается новый этап правительственных гонений на философию как самостоятельную науку, чему противодействовала, с одной стороны, передовая профессура университета, а с другой — революционно-демократическая журналистика.

Подготовке и проведению крестьянской реформы 1861 г., как известно, сопутствовали крупные народные волнения, охватившие более сорока губерний. В это же время разворачивается революционная проповедь Чернышевского, Добролюбова, Михайлова, Герцена, Огарева и многих других деятелей освободительного движения, умевших, пользуясь эзоповским языком, проводить в подцензурной печати идею крестьянской революции. Происходит рост революционно-демократических настроений среди студенчества. Значительное число студентов Московского университета, в особенности выходцы из разночинцев, было оппозиционно и враждебно настроено к самодержавию и к жестоким правительственным мерам против бунтующих крестьян, против «Современника», «Колокола» и других революционно-демократических изданий, выступало против расправы с Чернышевским, Михайловым, Серно-Соловьи-

[73] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 43—44.
[74] Биографический словарь., ч. II, с. 481.

евичем, Обручевым. Слушая лекции по философии, праву, политическим учениям, богословию, большинство студентов не разделяли философских и социальных воззрений официальной профессуры, отделываясь формальным выполнением учебных программ и черпая философские знания из прогрессивных демократических журналов, из сочинений Герцена, Белинского, Чернышевского, из нелегально проникавших в Россию атеистических работ Л. Фейербаха, а позднее — Маркса и Энгельса.

Малейшее недовольство установившимися в университете порядками, свободомыслие и тем более революционные настроения беспощадно преследовались и искоренялись. Студенческие волнения и протесты против произвола в Московском университете были в 1857 г., 1858, а особенно крупное, завершившееся избиением студентов, арестами и судебными расправами, — в 1861 г. В эти годы передовые студенты заявляли: «Разве можно спокойно слушать профессора, когда не знаешь, где будешь завтра, опять ли на лекции, или на перекладной в сопровождении жандарма?»[75].

К 1861 г. относится создание в университете революционного кружка П. Г. Зайчневского и П. Э. Аргиропуло, в который входило 15—20 студентов, изучавших и распространявших (под видом литографированных лекций) сочинения Луи Блана, Прудона, Фейербаха, Бюхнера, статьи из «Колокола». Члены кружка считали себя социалистами. Зайчневский являлся одним из авторов революционной прокламации «Молодая Россия» (1862), содержащей призыв к свержению самодержавия и созданию в стране «социальной демократической республики русских».

В целях искоренения демократических и революционных настроений среди студенчества царское правительство принимает ряд строгих мер: усиливает полицейский надзор за студентами, вводит студенческие матрикулы (билеты), категорически запрещает студенческие сходки, пытается усложнить доступ в университет разночинцев, привлекает для преподавания социальных дисциплин, прежде всего философии, наиболее угодных правительству реакционных профессоров, приверженцев самодержавия и православия, идеализма и мистики, противников материализма, атеизма и социализма.

Университетской реформой 1863 г. был введен новый Устав университета, предусматривавший четыре факультета: историко-филологический, физико-математический, юридический и медицинский. Кафедра философии наряду с кафедрой церковной истории была включена в историко-филологический факультет. Ей было поручено вести курсы логики, философской пропедевтики и истории философии.

Для противодействия крамольным идеям и воспитания студенческой массы в духе самодержавия, православия и покорности — якобы исконных начал русского народа — в университет

[75] История Московского университета, т. 1, с. 245.

был переведен из Киевской духовной академии злейший враг материализма и атеизма, фанатично преданный православию и самодержавию **П. Д. Юркевич** (1827—1874). Его основные работы — «Идея» (1859), «Материализм и задачи философии» (1860), «Сердце и его значение в духовной жизни человека по учению слова божия» (1860—1861), «Язык физиологов и психологов» (1862), «Разум по учению Платона и опыт по учению Канта» (1863), «Чтение о воспитании» (1865), «Курс общей педагогики» (1868) — являлись одним из угодных царизму источников идеалистических и религиозных идей. Хотя Юркевич иногда и заигрывал с наукой (в частности, с физиологией), его философская доктрина всецело базировалась на теизме, на догмах богословия, которые он последовательно защищал от критики. Приняв за исходные начала своей доктрины христианско-православную догматику и учение апостолов и отцов церкви, в частности учение апостола Петра о сердце как источнике и средоточии всей духовной жизни человека, а также учение Гербарта о душе, Юркевич воспринял и религиозно-мистический идеализм Платона, Якоба Беме, Сведенборга, Лейбница, Шеллинга. Учение Юркевича представляло собой причудливую смесь богословских и разномастных идеалистических идей при ведущей роли христианско-теологической догматики в сочетании с выпадами против материализма и атеизма.

Если для материалиста Чернышевского человек в генетическом плане является высшим порождением материальной природы и существом общественным, социальным, то Юркевич, полемизируя по данному вопросу с материалистами, апеллировал не к науке, а к теологии и утверждал, что человек со всеми его атрибутами является творением бога, «сыном божиим». Отсюда следовало, что «человек», как сын божий, одарен в своем внутреннем существе духом, в котором кроется неисчерпаемое богатство истины, добра и совершенства. Идеалом для его возрастания и преуспеяния может быть только совершенство самого бога и ничто более»[76]. Таков один из основополагающих принципов религиозно-мистической доктрины Юркевича.

В том же мистико-теологическом ключе рассматриваются Юркевичем и дети как «дар божия благословления и доверенное родителям благо», которым «предстоит осуществить надежду царства божия на земле шире и полнее, нежели как это было возможно для нынешнего взрослого поколения»[77]. Эти и другие мистические положения философии Юркевича были направлены не только против материализма и атеизма вообще, но и против призыва революционных демократов бороться с устоями самодержавия и реакционными порядками в стране за осуществление социалистических идеалов революционным путем. Положение из Экклезиаста: «Конец всего учения о жизни таков: бойся бога и соблюдай его запо-

[76] Юркевич П. Курс общей педагогики. М., 1868, с. 21.
[77] Там же, с. 4, 5.

веди, потому что в этом состоит весь человек» — мистик Юркевич возводит в «принцип гуманности», который будто бы и ведет к устойчивости цивилизации и человеческой культуры. Классовой борьбе и революционным действиям народных масс Юркевич противопоставляет «страх бередбогом» как своего рода высшее благо человека и высший критерий общественной жизни, как источник права и свободы, культуры и счастья.

Главное место в воспитании новых поколений Юркевич отводит не науке и гражданскому, светскому просвещению, не школе и общественным организациям, а церкви — «хранительнице высшего нрава», осуществляющей союз человека с богом.

Рассматривая вопрос о доказательстве бытия бога, Юркевич ополчается не только против атеистов, но и против Канта, Гегеля и других, кто пытался обосновать бытие бога с той или иной позиции идеалистического рационализма. Он объявляет эти рационалистические доказательства темными, неопределенными и одинаково вредными для философии и богословия. Видя уязвимость в данном вопросе рационализма Канта и Гегеля, пользуясь которым можно прийти и к обратному результату, т. е. к отрицанию бытия бога, Юркевич безоговорочно отбрасывает его и предлагает принять бытие бога на веру, как непостижимое откровение, всецело положившись на авторитет апостолов, пророков и святых отцов церкви. «Эта идея (бога.— *И. Ш.*),— утверждал Юркевич,— открыта человечеству сверхъестественным образом и ... потому выводить ее из развития человеческого разума или духа, изъяснять и доказывать ее истину из начал философии также невозможно, как невозможно выводить из этих начал, например, христианские таинства. В таком случае философия должна бы ограничить свою задачу и не придумывать рациональных выводов для истины, которая может быть принята только верою, доверием к авторитету, как непостижимая тайна»[78].

Он требовал утверждать apriori, что «все народы, известные и оставшиеся неизвестными, имеют веру в бога как творца и промыслителя мира»[79]. Юркевич безоговорочно разделяет точку зрения Шопенгауэра, считая, что сама «идея бога, как творца и промыслителя мира, получена человечеством из божественного откровения и не есть естественное достояние обыкновенного человеческого разума»[80]. Отбрасывая рационализм, Юркевич со ссылкой на Гербарта отталкивается от «живых нужд сердца», которое, по его утверждению, «всегда стремится не дальше и не выше, как до бога»[81]. Поэтому в богопознании, убеждал он, надо положиться не на наши мысли и силлогизмы, а на религиозное чувство и мистическое созерцание.

Подобные обскурантские идеи не могли удовлетворить студенческую молодежь, жадно искавшую научные знания о мироздании, человеке и историческом прогрессе, ибо пытались увести ее в лоно церкви, усыпить ее любознательность библейскими и евангельскими поучениями.

Систематически нападая на атеизм и материализм, сводя последний к вульгарному материализму, Юркевич противопоставлял им «христианское миросозерцание», подправленное наукообразными ссылками на физиологию, биологию, химию, выводы которых он извращал в угоду своей религиозно-идеалистической концепции. Чернышевский был прав, когда, критикуя вздорные и злые выпады Юркевича, указывал, что Юркевич, как и философская школа, к которой он принадлежит, «пересматривает труды добросовестных специалистов, чтобы выворачивать факты в пользу теории, прямо противоположной взгляду этих естествоиспытателей»[82].

Пытаясь опровергнуть монистическое учение Чернышевского о материальном единстве человека, развитое им в работе «Антропологический принцип в философии», Юркевич ратует за христианский гносеологический дуализм, попутно критикуя, как он выражается, «метафизический дуализм» Платона, согласно которому человеческое тело создано из вечной материи, не имеющей ничего общего с духом. Как убежденный теист и проповедник христианского миросозерцания, Юркевич подчеркивает, что «материю признает оно произведением духа; следовательно, она должна носить в себе следы духовного начала, из которого произошла она»[83]. Юркевичу кажутся неопровержимыми подобного рода доводы против материализма, тогда как на деле они основываются на антинаучных идеалистических исходных позициях, противоречащих науке о живой природе и человеке. Выступая против материализма Чернышевского, он не устает повторять, что якобы «изъяснять духовное начало из материального нельзя потому, что самое это материальное начало только во взаимодействии с духом есть таково, каким мы знаем его в наших опытах»[84]. По существу здесь Юркевич с позиций объективного идеализма переходит на позиции идеализма субъективного.

Утверждения апостола Петра «о сокровенном сердце человека», о сердце как «средоточии жизни человека» берутся Юркевичем за исходное начало в теории познания, где он требует проводить строгую грань между «внешним опытом» (ощущением) и «внутренним опытом», ибо «целая бездна лежит между этими опытами...»[85]. Внешний опыт основан на первоначальных впечатлениях органов чувств и им пользуются естественники, которым чужд божественный смысл познания, тогда как внутренний опыт вложен в человека богом и сводится к особым тайным переживаниям, самона-

[78] Труды Киевской духовной академии, 1861, февраль, с. 203—204.
[79] Там же.
[80] Там же, с. 95.
[81] Там же, с. 203.
[82] Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. 7, с. 766.
[83] Юркевич П. Из науки о человеческом духе.— Русский вестник, 1861, апрель, с. 91.
[84] Там же, с. 101.
[85] Там же, с. 82.

блюдению. Человек открывает его наитием, независимо от внешних предметов, ибо он исходит от «сокровенного сердца человека». Внешний опыт, согласно Юркевичу, дает лишь видимое, поверхностное, относительное знание и без внутреннего опыта, идущего от сердца, оно не действительно. Отсюда делается идеалистическое заключение, что психологический или внутренний мир достовернее и ближе нам, чем мир физический. Юркевич незаметно оказывается на позициях субъективного идеализма Беркли, когда утверждает, что «видимые, слышимые, осязаемые нами качества вещей суть не что иное, как наши собственные ощущения, которыми мы означаем вещи внешним для нас образом»[86]. Юркевич высказывается за необходимость создания особой науки о внутреннем опыте, которая должна обладать полной независимостью от естественных наук и опираться на внутренний психологический опыт.

Философ-теолог сетует на «смуту в понятиях», которую якобы вносит материализм, порицает материалистов за то, что они не признают «внутреннего опыта», а если и признают, то за нечто несущественное. Отсюда Юркевич голословно заключает, что «материализм основан на недоразумении», что в нем «ложь смешана с истиной», и обвиняет учение о материальном единстве мира в отрицании свободы воли и бессмертия души. Он мечет громы и молнии против материалистического учения, согласно которому человек слагается из материальных частиц по общим физическим законам, а его целесообразное строение — не результат божественного промысла, а результат длительного естественноисторического процесса. Возражая Чернышевскому, Юркевич восклицает: «Сколько бы мы ни толковали о единстве человеческого организма, всегда мы будем познавать человеческое существо двояко: внешними чувствами — тело и его органы и внутренними чувствами — душевные явления»[87].

С особой настойчивостью нападает Юркевич на материалистическую теорию познания и диалектику превращения раздражения нерва в ощущение, а ощущений — в факты сознания. Он утверждает, что движение нерва не может превратиться в ощущение, ибо «само это движение (нерва), как понятно, не имеет ни возможности, ни потребности быть чем-либо другим, кроме движения»[88]. Отсюда Юркевич делает вывод, что внешний предмет, данный во внутреннем опыте, не имеет ничего общего с предметами внешнего наблюдения, что сами по себе нервные процессы и душевные явления несоизмеримы и что научного объяснения последовательного перехода от одного к другому не существует. Этот гносеологический вывод роднит Юркевича со скептицизмом и агностицизмом.

Выдерживая религиозно-идеалистическую линию в учении о человеке, Юркевич противопоставляет учению Чернышевского о материальном единстве человеческого организма, отрицающему загробное существование души, так называемое «внутреннее идеальное единство организма», учение о бессмертии души и загробном воздаянии. Одновременно Юркевич пытается доказать, что истина недоступна материализму и что путь к истине лежит не через практическую деятельность, не через внешний, а через внутренний опыт, через веру и сердце, являющееся средоточием всей духовной жизни человека, единственным источником переживаний, эмоций, настроений, подлинным источником истины. В своих рассуждениях о решающей роли сердца в духовной жизни человека Юркевич не считался с достижениями современной ему науки, открыто приспосабливал философию к апостольским высказываниям. Как закоренелый идеалист и метафизик, Юркевич отказывается признать выдвинутое Чернышевским положение, что соединение разнородных качеств в одном предмете есть общий закон вещей. Особенно настойчиво пытается он опровергнуть несовместимый с официальной идеологией самодержавия закон перехода количественных изменений в качественные, объявляя его «мифологическим туманом». «В самом деле не миф ли это,— писал Юркевич,— когда нам говорят, что в вещах количественное различие переходит в качественное...; как будто количество имеет само в себе возможность и потребность превращаться в качество»[89].

Для подтверждения своей точки зрения Юркевич ссылается на Мальбранша и Гейлинкса, утверждая, что все количественные и качественные изменения определяются божественным творчеством. «Природа,— пишет он,— не обладает такой волшебною силой, чтобы превращать количество в качество»; лишь «бог есть единственная ближайшая непосредственная причина всех изменений в природе и духе, и ... так называемые физические причины явлений суть вымысел языческой философии»[90].

Юркевич не постеснялся пойти на грубейшую фальсификацию истории философии, относя материалистические направления в истории философии, начиная с Гераклита, Демокрита, Эпикура, Лукреция Кара и кончая материалистами XVIII—XIX вв.— Дидро, Гольбахом, Гельвецием, Ламетри, Толандом, Гассенди, Фейербахом, к ложным философским направлениям, противопоставляя им идеалистические и христианские учения как истинно философские. «Истинно философскую точку зрения на мир явлений можно коротко выразить так: дух с своими формами воззрения и познания есть начало, из которого должно изъяснять внешнее, а не наоборот; смысл внешних явлений может быть разгадан только из откровений самосознания, а не наоборот. На этом начале во все времена стояла философия»,— тщетно уверяет Юркевич[91].

Чернышевский камня на камне не оставил от философско-христианской эквилибристики Юркевича. Высмеивая его схоластиче-

[86] Там же.
[87] Там же, с. 91.
[88] Там же, с. 93.
[89] Юркевич П. Из науки о человеческом духе, с. 100.
[90] Там же, с. 101.
[91] Там же, с. 105.

ские сентенции, Чернышевский отнес их к ретроградным, напоминающим каббалистику [92].

Попыткам буржуазной историографии, в частности авторов «Вех» и их последователей, противопоставить мистика Юркевича материалисту Чернышевскому, попыткам возвысить первого и принизить второго, Ленин дал решительный отпор. «Вражда к идеалистическим и религиозно-мистическим тенденциям»... — вот за что нападают «Вехи» на «интеллигенцию»... «Вехи» неустанно громят атеизм «интеллигенции» и стремятся со всей решительностью и во всей полноте восстановить религиозное миросозерцание. Вполне естественно, что, уничтожив Чернышевского, как философа, «Вехи» уничтожают Белинского, как публициста. Белинский, Добролюбов, Чернышевский — вожди «интеллигентов» ... Читатель уже может видеть отсюда, что не на «интеллигенцию» нападают «Вехи», это только искусственный, запутывающий дело, способ выражения. Нападение ведется по всей линии против демократии, против демократического миросозерцания» [93].

* * *

После смерти Юркевича в Московском университете развернулась острая борьба за кафедру философии. Часть профессуры историко-филологического факультета высказалась за кандидатуру позитивиста М. М. Троицкого, большинство же выступило за кандидатуру мистика В. С. Соловьева, защитившего перед этим в Петербургском университете магистерскую диссертацию «Кризис западной философии. Против позитивистов». Третьим кандидатом был профессор Петербургской духовной академии М. И. Каринский, впоследствии знаменитый логик, создавший такие труды, как «Об истинах самоочевидных», «Классификация выводов», «Разногласия в школе нового эмпиризма по вопросу об истинах самоочевидных». Однако кандидатура Каринского была отвергнута. Большинство профессоров факультета высказались за Вл. Соловьева, тогда как на университетском совете по настоянию профессора математики Н. В. Бугаева и при поддержке профессоров филологии Н. С. Тихонравова, Н. И. Стороженко и других на должность профессора философии утверждается М. М. Троицкий, а Соловьев — на должность доцента [94].

Борьба вокруг избрания позитивиста Троицкого и идеалиста-мистика Соловьева свидетельствует о том, что модная по тем временам позитивистская философия, ополчившаяся против немецкой идеалистической «метафизики» и апеллировавшая к естествознанию и эмпиризму, подкупала естественников, не успевших еще разобраться в общей идеалистической направленности позитивизма.

[92] См.: Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. 7, с. 762.

[93] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 168—169.

[94] См.: Асмус В. Ф. Борьба философских течений в Московском университете в 70-х годах XIX века.— В кн.: Избранные философские труды. М., 1969, т. 1.

Тяга к наукообразной философии проявилась и среди части историков, литературоведов, юристов. Видимо, многие из них искренне заблуждались в реалистическом направлении этой философии, другие же, напротив, видели в «новейшей философии» наиболее удобную форму пропаганды идеалистической философии, не противопоставляющей себя науке и эмпиризму, а якобы идущей с ними плечом к плечу.

М. М. Троицкий (1835—1899) окончил Киевскую духовную академию, в 1867 г. защитил в Петербургском университете докторскую диссертацию «Немецкая психология в текущем столетии. Историческое и критическое исследование с предварительным очерком успехов психологии со времен Бэкона и Локка». Будучи профессором Варшавского университета, Троицкий первоначально представил свою диссертацию в Московский университет. Однако Юркевич отверг ее, ибо идеи диссертации не только не укладывались в прокрустово ложе христианской философии, но с первого взгляда казалось, что диссертант посягал на ее устои. Защита Троицким эмпиризма в науке, психологии и философии и довольно резкая критика в адрес немецкой идеалистической «метафизики» были восприняты Юркевичем и его единомышленниками как завуалированный материализм. Диссертация Троицким была защищена в Петербургском университете. Оппонентами выступили реакционные профессора Сидонский и Владиславлев. Надо отметить удивительную настойчивость Троицкого, когда он решил после смерти Юркевича добиваться кафедры философии в том университете, который отверг его диссертацию. И, несмотря на противодействие профессуры историко-филологического факультета, на котором ему предстояло работать, Троицкий по преимуществу голосами естественников был проведен на кафедру. Помимо уже упомянутой диссертации Троицкий написал «Учебник логики» (1886), перекликающийся с логикой Дж. С. Милля, в котором индуктивный метод противопоставляется методу дедуктивному. Его труд «Наука о духе» (1882) в основном повторяет идеи диссертации. Троицкий критиковал идеалистическую «метафизику» немецких мыслителей (Канта, Фихте, Гегеля, Шеллинга, Гербарта), отстаивая значение экспериментального метода в психологии. На первое место он выдвигал английский эмпиризм Ф. Бэкона, Дж. Локка, субъективизм Беркли, Юма, Бэна, Броуда, Дж. С. Милля, Г. Спенсера. При этом материалистический эмпиризм Бэкона и Локка им выхолащивался и извращался в духе берклианства и юмизма. Одновременно Троицкий нападал на сенсуалистическую теорию познания Кондильяка, Гольбаха, путая ее с вульгарным материализмом Кабаниса. В теории познания и психологии Троицкий исходил из «общих свойств человеческого духа», утверждая, что «к общим свойствам человеческого духа принадлежат: Относительность, Соотносительность и Рефлексивность» [95].

[95] Троицкий М. Наука о духе. М., 1882, т. 1, с. 2.

Отсюда он делает позитивистско-агностические выводы, сводя объективно существующую материю к условным знакам и символам и утверждая, что явления духа более реальны и достоверны, чем явления материальные. Троицкий отрицает материалистические идеи Сеченова, изложенные им в «Рефлексах головного мозга» и других работах, противопоставляя им позитивистски толкуемый психофизический параллелизм, начисто снимавший вопрос о том, что первично — материя или сознание. Много разглагольствует он и о надуманной им «психической условности» и «психической ограниченности человека», о «теории психической абсолютности человека» и «психической соотносительности» ощущений, чувств, действий, о прямой и косвенной зависимости чувств и т. д. и т. п., скрывая под банальными определениями в вольфианском духе скудный и псевдонаучный характер своей философии.

Рассуждения Троицкого об историческом, логическом и трансцендентном направлениях человеческого мышления никак не связаны с общественно-историческими условиями практической деятельности людей. Эти рассуждения страдают абстрактностью, натянутостью, словесной эквилибристикой и ничем не обогащают философскую науку. Прав был Вл. Соловьев, определяя философию Троицкого как «стоячую воду», наполненную «мелкосодержательными отвлеченными положениями»[96]. В. В. Зеньковский также вынужден был признать, что «Троицкий был собственно защитником чистого (читай: субъективно-идеалистического.— *И. Щ.*) эмпиризма, резким противником всякой метафизики, и в этом смысле может быть причислен к позитивистам, но философски Троицкий был очень слаб и не дал ничего более или менее значительного»[97].

Касаясь философских направлений прошлых эпох, Троицкий прежде всего ополчается против материалистических учений. «В первую пору своего развития материализм вполне уживается с религиозною верою, чего обыкновенно,— с сожалением, отмечает Троицкий,— не случается позднее, когда материалистические мировоззрения принимают форму ученых систем». Идеи вульгарного материализма, рассматривавшего мысль как вещественное выделение мозга, Троицкий приписывает всем материалистам, утверждая, что «...принятие психического за физическое составляет исходный пункт всякой метафизики материализма»[98]. Особенно возмущает Троицкого тот факт, что материализм и атеизм взаимополагают друг друга. Троицкому чуждо понимание материи как объективной реальности. В его трактовке материя лишь «знак», «символ» неизвестных отношений или действие неизвестных причин. «Принимая знаки материального существования за самое существование и наблюдая разрушение образующихся явлений, системы материализма,— сетует позитивист,— приходят к отрицанию бессмертия души и, по свойству своих основных положений, не могут допустить другого бога, кроме материи, понимаемой указанным образом. Из этого видно, что системы материализма всего враждебнее религиозной вере человека и, следовательно, его высшим чувствам и стремлениям»[99].

Пытаясь дискредитировать материалистическую философию, Троицкий утверждает, что материалистические воззрения якобы характеризуют лишь пору умственного детства человечества, уступая постепенно место более совершенным формам мышления — идеализму, спиритизму и т. д. С позиций позитивизма он пытается подвергнуть критике материалистическую теорию познания, утверждая, что познанию доступны лишь явления, но не сущность вещей, что нельзя проникнуть в существо материи и духа. «Можно без преувеличения сказать, что материализм представляет собой такого рода метафизику, в которой вся реальность выводится... из одних символов или знаков какой-то реальности; иначе сказать, вся метафизика материализма основана на некоторых умственных иллюзиях, разоблачаемых философиею духа, но часто ускользающих от внимания естествоиспытателей. Таким образом, в системах материализма мы не имеем никакого реального знания»,— утверждает позитивистски настроенный философ[100]. Однако следует отметить, что Троицкий не был последовательным позитивистом, что ему не чужда была и такая разновидность субъективистско-мистической философии, как спиритуализм. Оговорив, что «в метафизике спиритуализма мы находим не систему знаний, а систему мнений, которые имеют свои достоинства, но не чужды и многих недостатков»[101], Троицкий тем не менее стремится выявить «достоинства» спиритуализма, одно из которых состоит якобы в том, что «для метафизики спиритуализма реальное бытие принадлежит только вещам духовным, а материя есть одна символика внешних психических влияний,— иначе сказать, реально — или как вещь, отличная от вещей духовных,— не существует»[102]. Если материалистов Троицкий критикует за непризнание бога как творца и вседержателя мироздания, то еще одно достоинство спиритуалистической философии он видит в том, что она признает божественное провидение, рассматривает бога в качестве духовного начала, согласуется со Священным писанием о бессмертии человеческой души и небесном воздаянии.

Противопоставляя спиритуализм материализму как нечто более значимое для религии, науки и духовной жизни человечества, Троицкий видит превосходство спиритуализма в том, что он смело идет дальше науки. «Таким образом, метафизика спиритуализма весьма благоприятна религиозной вере людей и имеет еще то великое преимущество перед материализмом, что согласуется более

[96] Соловьев В. С. Собр. соч. Спб., 1911—1913, т. IX, с. 381, 382.
[97] Зеньковский В. В. История русской философии. М., 1956, т. II, с. 222—223.
[98] Троицкий М. Указ. соч., с. 174, 175.
[99] Там же, с. 176.
[100] Там же, с. 179.
[101] Там же, с. 177.
[102] Там же.

и с данными науки... Метафизика спиритуализма занимает высокое место между произведениями человеческого духа... Метафизика спиритуализма идет дальше науки, дальше всего, что может быть предметом научного знания,— когда делает свои приговоры относительно существа духа и материи, утверждая простоту духовных субстанций и признавая последние субстратом явлений материальных» [103].

Вслед за Юмом, Гартли, Дж. С. Миллем Троицкий пытается обосновать и отстоять теорию ассоцианизма в психологии и философии. Согласно этой теории, все психические процессы обусловливаются не материальными и общественно-историческими предпосылками, а ассоциативной субъективной связью представлений. Развивая идеалистическое направление ассоцианизма, Троицкий рассматривает представления и понятия как возникающие по ассоциации из ранее усвоенных представлений и понятий: идеи по ассоциации выводятся из идей. В свою очередь, сами ассоциации, метафизически противопоставляя их друг другу, он делит на ассоциации по смежности или по временно́й и пространственной близости и по сходству или различию. Троицкий выступает против метафизики Гегеля, Канта и неокантианцев, высказываясь за «экспериментальные» приемы в психологии, трактуя последние в узкоутилитарном смысле. Троицкий много говорит о законах человеческого мышления, однако сводит их к двум законам — «закону смежности» и «закону сходства».

В работе «Об очевидности как предмете логики» (1885) Троицкий пытается рассмотреть поставленную проблему в историко-философском плане. Остановившись на идеях античных мыслителей, он переходит к философии Нового времени, где на первое место ставит «Новый Органон» Бэкона за разработку индуктивного метода познания. Однако Троицкий оставляет без внимания тот факт, что Бэкон возродил античный материализм и противопоставил его идеализму, что его метод был направлен против средневековой схоластики и догматики в философии, сочетался со стремлением к преодолению «идолов» в науке и признанием необходимости рациональной переработки добытых индуктивным путем фактов. Крайне односторонне судит Троицкий и о дедуктивном методе Декарта, игнорируя тот факт, что в теории познания он был одним из родоначальников рационалистического направления, сыгравшего определенную положительную роль в борьбе со средневековой схоластикой, явно недооценивает его роль в разработке аналитической геометрии и космогонической теории. Заслугу Локка Троицкий видит в том, что он отверг картезианскую теорию врожденных идей, провозгласив, что все первоначальные идеи приобретаются человеком опытным путем, и разработал учение о рефлективном и интуитивном знании.

Будучи сторонником индуктивного метода, Троицкий особенно

[103] Троицкий М. Указ. соч., с. 178.

отмечает положения Милля о полной зависимости всех дедуктивных доказательств от предшествующих им индукций. «Всякая дедукция,— повторяет Троицкий,— получает свое доказательство только как скрытая индукция... Сложные дедукции суть ряды скрытых индукций» [104]. Отрицание существования в дедукции скрытой индукции он называет софизмом. В итоге учение об индуктивном методе познания Дж. С. Милля Троицкий сводит к «трем универсальным началам, самым общим в науке: закону причинности, дающему аксиомы всех индукций; аксиоме силлогизма, из которой выводятся все правила дедукции; и, наконец, закону логической состоятельности, из которого выводятся правила раскрытия смысла предложений и их взаимного согласия» [105]. Этими положениями и руководствовался Троицкий при написании своего «Учебника логики». Троицкий упрекает Спенсера и французских неокантианцев за то, что они нередко отходили от положений Милля, но видит заслугу главы французских неокантианцев Ренувье в его учении о «нравственной вероятности», «моральной достоверности», «нравственной вере», в признании «бытия бога и бессмертия человеческой души», а так же роли «сердца и воли в деле наших убеждений» [106].

Троицкий отрицает «метафизические достоверности», полагая, что метафизические истины не могут быть достоверными ни в логическом, ни в вероятностном смысле. Однако сам он в учении об истине или достоверности знания дальше Милля и его учеников не пошел. «Логическая достоверность,— утверждает он,— основана на очевидности; последняя же есть произведение открытой двойной поверки умозаключений — индуктивных и дедуктивных» [107]. Правда, здесь же делается позитивистская оговорка, что такая поверка имеет дело лишь с явлениями, не выходит за их пределы и не применима к «сверхчувственным причинам явлений, составляющих предмет метафизических утверждений» [108]. Эти рассуждения Троицкого направлены не столько против метафизики, сколько против материалистического учения о материи как объективной реальности, существующей независимо от сознания и отражающейся в нем. Отстаивая крайне расплывчатое положение, что критерием истины является «очевидность», он рассматривает материю с позиций субъективного идеализма, объявляя ее условным «символом» или «знаком», не подлежащим оценке с точки зрения так называемой логической достоверности.

Объявляя «очевидность» критерием истины, Троицкий тем самым пытался придать своей позитивистской философии наукообразную форму, привлечь на свою сторону ученых, стоящих на позициях реализма и стихийного материализма. Однако позитивист-

[104] Троицкий М. Об очевидности как предмете логики. М., 1885, с. 32.
[105] Там же, с. 33.
[106] Там же, с. 46, 49.
[107] Там же, с. 53.
[108] Там же.

ский идеализм Троицкого не оказал сколько-нибудь заметного влияния на развитие философской мысли в Московском университете и вскоре уступил место религиозно-мистической философии В. Соловьева, Л. Лопатина, братьев Трубецких.

* * *

В. С. Соловьев (1853—1900) — один из виднейших представителей идеалистической и религиозно-мистической философии в России последней трети XIX в., оказавший сильное влияние на развитие русского идеализма. Под его влиянием сложились философские воззрения Н. Бердяева, С. Булгакова, братьев Трубецких, П. Струве, Л. Лопатина, Н. Лосского, В. Зеньковского, С. Франка, Ф. Степуна и других.

Соловьев учился на физико-математическом факультете Московского университета, но, не окончив его, перешел на историко-филологический факультет. После университета год учился в Московской духовной академии. В 1874 г. в Петербургском университете он защитил магистерскую диссертацию «Кризис западной философии. Против позитивистов». В том же году, как уже говорилось, был избран доцентом кафедры философии Московского университета, на которой работал до 1877 г., значительную часть времени находясь в заграничной командировке. В 1880 г. Соловьев защитил в Петербургском университете докторскую диссертацию «Критика отвлеченных начал». В 1881 г. в публичной лекции Соловьев обратился к Александру III с просьбой не допустить смертной казни народовольцев, убивших Александра II, что послужило причиной отстранения его от преподавания в университете. С 80-х годов и до конца жизни Соловьев занимается публицистической деятельностью, работает в Большом энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, выступает с публичными лекциями и докладами, в которых продолжает развивать свою религиозно-философскую систему. Из многочисленных трудов, кроме названных выше, отметим «Философские начала цельного знания» (1877), «Три силы» (1877), «Чтения о богочеловечестве» (1877—1881), «История и будущность теократии» (1885—1887), «Россия и Вселенская церковь» (1889), «Три разговора» (1901), «Оправдание добра» (1897—1899).

Современные западные философы и теологи в поисках выхода из кризисного состояния буржуазной философии все чаще обращаются к философской системе Соловьева, вслед за веховцами и богоискателями провозглашая ее высшим достижением русской философской мысли. Выход из кризиса они ищут в иррационализме, мистике, интуитивизме, религиозной направленности учения Вл. Соловьева. Соловьев отвергал материализм и атеизм, утверждая, что эти учения духовно опустошают человека. Не принимал он и рационализм немецкой классической философии, особенно гегелевский рационализм, а также начавшуюся распространяться

философию позитивизма. И в том, и в другом, и в третьем случае критика эта велась с позиций мистического и религиозного идеализма.

Для Соловьева был совершенно неприемлем принцип партийности и классового характера философии. Он полагал, что философия не является выражением мировоззрения тех или иных классов, социальных групп общества, а лишь мировоззрением отдельных людей, которые не удовлетворились общей народной верой и попытались развить ее. Правильно подметив кризис буржуазной философии второй половины XIX в., но неправильно истолковав его источники, Соловьев ищет выход из кризиса в универсальном синтезе науки, философии и религии. Но Соловьев лишает философию собственного предмета и, проповедуя «синтетическую философию» или философию «цельного знания», подчиняет ее «творческой теологии». Отныне философия призвана «обратить все свои средства на достижение общей верховной цели познания, определяемой теологией»[109], утверждает он, т. е. обратиться к обоснованию и развитию христианского вероучения. Но задачу философии он видит не в том, «чтобы восстановить традиционную теологию», а в том, чтобы «ввести религиозную истину в форму свободного разумного мышления и реализовать ее в данных опытной науки»[110].

Справедливо критикуя односторонность как идеалистического рационализма, так и эмпиризма, Соловьев противопоставляет им так называемое «цельное знание», «цельное творчество», «цельную жизнь». «Цель истинной философии — содействовать в своей сфере, т. е. в сфере знания, перемещению центра человеческого бытия из его данной природы в абсолютный трансцендентный мир, другими словами — внутреннему соединению его с истинно-сущим»[111], т. е. с богом. Свою мистико-идеалистическую философскую систему Соловьев сознательно ставил на службу религии. «... Предмет мистической философии,— писал он,— есть не мир явлений, сводимых к нашим ощущениям, и не мир идей, сводимых к нашим мыслям, а живая действительность существ в их внутренних жизненных отношениях; эта философия занимается не внешним порядком явлений, а внутренним порядком существ и их жизни, который определяется их отношением к существу первоначальному»[112], т. е. к богу.

В области онтологии Соловьев выдвинул учение об Абсолютном — источнике всего сущего, начале всякого бытия. Абсолютное воспринимается человеком через веру как сверхсущее, т. е. как бог. Отсюда бог — Абсолютно первое или Абсолютно сверхсущее. Абсолютно второе — это Космос в смысле платоновского «мира идей», или «множественности форм». Становление мира рассматривается Соловьевым как становление Абсолютного, как боговопло-

[109] Соловьев В. С. Собр. соч., т. I, с. 287.
[110] Там же, т. II, с. 350.
[111] Там же, т. I, с. 311.
[112] Там же, с. 304.

щение. Мир условный (фактический) выводится из безусловного, из Абсолютного; мир вещей — из мира идей. Все это напоминает учение Платона об идеях, предшествующих вещам. «Божественное существо,— утверждал Соловьев,— не может удовольствоваться вечным созерцанием идеальных сущностей — оно останавливается на каждой из них в отдельности, утверждает, запечатлевает ее самостоятельное бытие..., что и есть акт божественного творчества... Божество свою волю, как беспредельную потенцию бытия, полагает во все другое, не задерживая на себе, как на едином, а осуществляя или объективируя для себя» [113].

Вслед за Лейбницем и вольфианцами Соловьев доказывает, что в мире существует гармония, но она сложилась не в результате естественного развития материальной субстанции, а установилась в результате любви бога к существам и любви существ к богу. Принцип «взаимной любви» бога и земных существ приобретает в философии Соловьева чрезвычайно важное значение, когда он переходит к философии истории, к уяснению конечных причин бытия, к обоснованию свободного теократического учения, которое особенно импонирует современной католической церкви. Человек как существо двуприродное — материальное и духовное — является связующим звеном между богом и природным миром.

В разработке своей онтологической концепции Соловьев отталкивается от критически переосмысленных учений Платона, Лейбница, Шеллинга. Она носит объективно-идеалистический и христианско-космический характер, где мистика не только замещает, но и полностью поглощает диалектику, где философия теологизируется, ибо реальное бытие рассматривается как предикат бога.

В теории познания Вл. Соловьев остается на тех же идеалистических, религиозно-мистических и интуитивистских позициях. Объявив сенсуалистическую и рационалистическую теории познания односторонними, Соловьев утверждает, что ни рационализму, ни эмпиризму недоступно цельное знание о мире, об Абсолюте, о царстве идей, лежащих в основе видимых вещей. Теория познания Соловьева основывается на так называемых трех «верховных принципах» и мистическом учении о Софии (божественной мудрости или божественном откровении). Сами же «верховные принципы» опираются на практические (нравственные), теоретические (познавательные) и творческие (эстетические) начала человеческой деятельности. «Верховные принципы» Соловьев делит на «положительные» и «отвлеченные» (отрицательные). Согласно его философской концепции, «положительные верховные принципы» сверхъестественного происхождения: черпаются они из религиозного опыта посредством мистической интуиции. Что же касается «отвлеченных верховных принципов», или отрицательных начал, то они носят посюсторонний эмпирический характер и в сравнении с положительными верховными началами являются принципами более низкого порядка, ибо они — результат рассудочной деятельности, дискурсивных процессов. Они не имеют власти над сознанием и волей людей, над их субстанциональными чувствами и над инстинктами народных масс: их влияние ограничено стенами ученых кабинетов. Положительные верховные начала носят религиозный характер, овладевают народными массами и воплощаются в действительную жизнь. Положительные верховные начала, проявляющиеся в религиях и мистических учениях, не лишены, однако, и отвлеченного философского элемента, выявляющегося в философских системах и научных теориях, когда религиозные догматы приводятся в логический порядок и систематизируются. По Соловьеву, все философские системы, включая материализм, содержат в себе «религиозный элемент»: «безусловная отдельность между отвлеченными началами научного исследования и положительными началами религиозной веры есть вымысел, не имеющий никакой действительности» [114]. Отсюда Соловьевым делается глубоко реакционный вывод, что в обществе идет борьба не между наукой и религией, а лишь между разными религиозными направлениями. Поэтому, чтобы достигнуть полной, цельной истины, цельного знания, необходим «гармонический синтез религиозного, философского и опытно-научного знания». Этот синтез и «есть нормальное состояние нашей умственной жизни и вне его никакой стремящейся к подлинной цельной правде ум не может найти удовлетворения» [115]. Иными словами, истинное знание немыслимо без религиозной интуиции, ибо последняя является главным критерием истины. «Наука и философия,— утверждал Соловьев,— в своей отдельности и отвлеченности без внутренней связи с мистическим знанием лишены истины и сами себя подрывают, теология же без такой органической связи с философским и научным элементом, хотя и обладает истинным содержанием, но без той полноты и действительности, какие требуются истинной абсолютною» [116].

Соловьев видел, что традиционная теология носит отвлеченно-догматический характер и находится в вопиющем противоречии с данными опытных наук и с так называемым «абсолютным значением религиозной истины». Поэтому он ставил перед собой задачу не восстанавливать традиционную догматическую теологию, а, наоборот, освободить ее от догматизма, придать ей форму свободно-разумного мышления, выявить ее внутреннюю связь с данными опытной науки и философии и таким образом организовать всю область «истинного знания» в полную систему свободной и научной теософии. Стало быть, «свободная научная теософия» должна включить и философию и естествознание, осветив их религиозным опытом, божественным откровением. Чтобы познать Абсолютное, проложить путь к истине, надо, по Соловьеву, преодолеть

[113] Там же, т. III, с. 137, 140.

[114] Соловьев В. С. Собр. соч., т. II, с. 11.
[115] Там же, с. 13.
[116] Там же, с. 350—351.

односторонность и относительность эмпирического и рационального знания и идти далее через «религиозный принцип», через «мистическую интуицию», через «Софию» к абсолютному знанию. Само «мистическое имя София» трактуется Соловьевым в зависимости от обсуждаемых проблем то как вечная божественная «премудрость», то как «мировая душа», причастная божеству, то как символ тайны мира, то как «божья матерь», то как «божественный голос», то как «самопознание» или самораскрытие бога и т. д. Эти мистические идеи, проповедовавшиеся Соловьевым в конце XIX в., а его последователями и в начале XX в., объективно служили идеологии помещичье-буржуазных классов царской России, нашедших в философии Соловьева и его последователей идейное оружие против распространявшегося марксизма.

Игнорируя социально-классовые противоречия современного общества, не желая считаться с политической, экономической и идеологической формами классовой борьбы появившегося на исторической арене пролетариата, Соловьев подменяет их абстрактно-метафизической борьбой добра со злом, изначально якобы заложенных в человеке как существе двуприродном. Преодоление зла возможно только через нравственно-религиозное совершенствование личности, через любовь к миру, к богу как первотворцу и носителю истины и красоты, добра и любви. В конечном счете проблему преодоления «мирового зла» и победу «добра» Соловьев связывает с христианской теодицеей. И здесь Соловьев выступает как неохристианский философ, стремившийся обновить и усовершенствовать религию, освободить ее от сковывающего догматизма.

К философии Соловьева в полной мере относятся слова В. И. Ленина, что «теперь и в Европе и в России *всякая*, даже самая утонченная, самая благонамеренная защита или оправдание идеи бога есть оправдание реакции»[117]. Философия Вл. Соловьева, носившая ярко выраженный идеалистический и религиозно-мистический характер, была взята на вооружение богоискателями, веховцами — идеологами контрреволюционного кадетизма.

Вл. Соловьев является создателем мистической теории «вселенской теократии». Первый набросок этой теории им был сделан в статье «Три силы», где автор доказывал, что в обществе действуют три противоборствующие коренные силы: а) центростремительная сила выражается в стремлении подчинить все народы или государства одному сильному и могучему государству; б) центробежная сила проявляется в стремлении к анархии, к отрицанию общих начал и внутренней связи в народе и между народами; в) третья сила — религиозная или главная — основана на откровении. Это божественная сила, призванная, по Соловьеву, преодолеть как центростремительную, так и центробежную силы и воплотить в обществе принцип христианской любви. Носителем

[117] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 48, с. 232.

третьей силы может быть богоугодный народ, свободный от корыстных целей и односторонних задач, способный «сообщить живую душу, дать жизнь и целость разорванному и омертвелому человечеству через соединение его с вечным божественным началом»[118]. На это не способен западный мир, где господствуют атомизм в общественной жизни, науке, искусстве и классовая борьба. Эту задачу не может выполнить и мусульманский Восток, где нет «свободной множественности частных форм и личных элементов, свободного движения и прогресса»[119]. Носителем божественной силы, утверждает Соловьев, может быть славянство, и в особенности русский народ, который призван разрешить вековечный спор между Востоком и Западом, положить начало новой эре человечества. Проповедуя принцип божественной любви или «вселенской солидарности», Соловьев был противником классовой борьбы и социальных революций, противником научного социализма. Он ратовал за создание через «вселенскую церковь» свободного христианского теократического государства. Для осуществления этих теократических принципов необходимо, по Соловьеву, добиться слияния православной, католической и протестантской религий под главенством римского папы и русского самодержавия, где духовная власть должна принадлежать церкви, а политическая — самодержавию. Путь к богочеловечеству, доказывает Соловьев, лежит через богочеловека. Первым богочеловеком был Христос. В богочеловечестве произойдет слияние божественного и человеческого, небесного и земного, веры и разума, истины и человеческой самодеятельности. Решающую роль в спасении мира должны сыграть «новые пророки», новые христианские вожди. Не социализм, а свободная вселенская теократия, по Соловьеву, приведет к социальной справедливости и разумному мироустройству.

Религия Соловьевым рассматривается как связь природного мира и человека с «безусловным началом», с богом. Он сожалеет, что место религии в современном мире все более занимает социалистическое учение с его требованием свободы, равенства и братства. Социализм, по Соловьеву, может в ближайшее время победить на Западе, но осуществить провозглашенные им принципы без христианской религии ему не суждено. «И социализм, и позитивизм (т. е. материализм.— *И. Щ.*), если последовательно развивать их принципы, приводят,— утверждал Соловьев,— к требованию религиозного начала в жизни и знании... Таким образом, с этой стороны религиозное начало является как единственно действительное осуществление свободы, равенства и братства»[120]. Социалистическому учению Соловьев противопоставляет утопию о свободном теократическом общественном устройстве и учение о богочеловечестве, где сольются сохраненные восточной церковью в чистоте боже-

[118] Соловьев В. С. Собр. соч., т. I, с. 224.
[119] Там же, с. 214—215.
[120] Там же, т. III, с. 12, 13.

ственные начала с человеческими началами разума и самодеятельности, развитыми западной церковью.

Основной студенческой массе и прогрессивной части профессорско-преподавательского состава религиозно-мистическая философия В. Соловьева оставалась чуждой. Студенчество тянулось к науке, а не к мистике, к подлинным, а не мнимым знаниям. Философия Соловьева была достоянием крайне узкого круга представителей буржуазно-помещичьей среды, но и те принимали ее с большими оговорками и поправками. Подлинными прозелитами философии Соловьева явились богоискатели и веховцы.

* * *

В конце XIX — начале XX в. промышленные страны Европы, Америки, Азии вступают в стадию империализма. В это время центр революционного движения перемещается из Западной Европы в Россию, где вскоре оно перерастает в буржуазно-демократические революции 1905—1907 гг. и Февральскую 1917 г., а затем в Великую Октябрьскую социалистическую революцию. Московский университет не стоял в стороне от революционного движения. Если передовая часть студенчества активно в нем участвовала, то консервативная и реакционная профессура университета использовала кафедры общественных наук для защиты буржуазно-помещичьих интересов, крупной частной собственности, склоняясь к куцей конституционной монархии.

Реакционно настроенная профессура выступала против материалистических, атеистических и социалистических теорий, противопоставляя им разного рода идеалистические и откровенно религиозно-мистические идеи. На кафедре философии Московского университета в это время преподавали Н. Я. Грот, Л. М. Лопатин, Г. И. Челпанов, братья С. Н. и Е. Н. Трубецкие и другие приверженцы обскурантских философских идей.

Н. Я. Грот (1852—1899). После окончания Петербургского университета провел год в Германии, затем работал на кафедре философии в Нежинском историко-филологическом институте; с 1883 по 1886 г. преподавал в Одесском университете, а с 1886 — в Московском университете, где одновременно являлся редактором журнала «Вопросы философии и психологии» и возглавлял Московское психологическое общество. Главные работы Грота: «Психология чувствований в ее истории и главных основах» (1880); «К вопросу о реформе логики» (1882); «Задачи философии в связи с учением Джордано Бруно» (1885); «О направлении и задачах моей философии» (1886); «О душе в связи с современным учением о силе» (1886); «Значение чувства в познании и деятельности человека» (1889); «Основания экспериментальной психологии» (1896); сборник статей «Философия и ее общие задачи» (1904).

Анализ названных работ показывает, что у его современников были все основания считать Грота «философским скитальцем», «странником в философии». По признанию самого Грота, его философские воззрения формировались под влиянием О. Конта, Г. Спенсера, В. Вундта, которых он называл великими психологами. Говорит он и о влиянии на него позитивиста К. Кавелина и даже И. М. Сеченова, который, как известно, вел решительную борьбу против идеализма в науке вообще и против позитивизма Кавелина в частности. На самом же деле учение Сеченова Грот вульгаризовал, вытравив его материалистическое содержание.

Первоначально Грот выступил как сторонник философии позитивизма. Он отрицал самостоятельность философии как науки о мире в целом, доказывал ее невозможность и ненужность вне психологии. Надо сказать, что Грот больше занимался проблемами экспериментальной психологии, чем собственно философией, и даже свои философские работы строил, как правило, на психологическом материале. Выступая против «Философских этюдов» персоналиста А. Козлова, Грот откровенно заявлял, что «я отрицал всякую философию вне психологии», ибо не может быть двух наук — общей и специальной — об одном и том же предмете или явлении, поскольку и «специальные науки стремятся к общим выводам»[121]. Однако вскоре он отказался от этой точки зрения, назвав ее «позитивным террором» в философии, и отнес философию уже к особой ветви искусства. Позднее Грот признал за философией право на самостоятельное существование, пытаясь при этом построить свою «метафизику», основанную на «методе чувств» или на «субъективном методе индукции». Знакомство Грота с философией Дж. Бруно приводит его на позиции пантеизма, но пантеизма не материалистически, а спиритуалистически толкуемого, который, по его признанию, дал ему «идею сознания вселенной». Без этой идеи учения о добре, красоте, боге оставались, как выражается Грот, «пустыми звуками». Щедрую дань отдал Грот энергетизму В. Оствальда в физике и неовитализму в биологии, приспособив эти идеалистические течения к своей «метафизике монодуализма». Однако позитивистская ориентация все же сохранилась у Грота до конца жизни в эклектическом сочетании с платонизмом, пантеизмом, неовитализмом, спиритуализмом и религией. Этот конгломерат и выдавался Гротом за «монодуалистическую метафизику», в которой он стремился примирить мысль и чувство, науку и религию, материализм и спиритуализм, дуализм и монизм.

Пытаясь оправдать эклектизм своей философии исканиями истины, Грот решительно отводил упреки архиепископа Никонора о неустойчивости своих взглядов, усмотревшего в первых его работах даже материалистические и атеистические идеи, а затем возвращение в лоно идеализма и религии. «Самый совершенный философ,— писал Грот,— будет тот, который в течение жизни обойдет весь путь относительно человеческой истины, обнимет ее со всех сторон и благополучно воротится (с другой стороны) к исходной точке своего мышления. Такими именно идеями руководствовался я в

[121] Грот Н. Я. О направлении и задачах моей философии. М., 1886, с. 5.

своем философском движении»[122]. Но это заявление ни в коей мере не спасает его философскую доктрину от эклектизма.

В ранних своих статьях («О свободе воли», «О значении пессимизма и оптимизма») Грот проповедовал свободу воли, обусловленную лишь внутренними мотивами личности, ее самоопределением; впоследствии отстаивал «субъективный метод, метод чувств», которому он оставался верен до конца жизни. Он высмеивает приписываемый ему материализм, не без основания называя его «квазиматериализмом» и «двойной бухгалтерией», которую он, по его выражению, вел в поисках доказательства бытия бога, ибо «я в боге никогда не сомневался,— признается Грот,— но не знал, как оправдать его существование не метафизически, а согласно с наукою; я молчал и ничего не говорил о нем, ссылаясь на теорию «непознаваемости сущностей»... Я никогда не был атеистом и не отрицал существования души ни в одном из моих сочинений». И далее: «Религию я всегда уважал и носил в душе своей»[123]. И только сочинения Джордано Бруно помогли ему вне старой метафизики «построить идею бога, а затем и души». «Поэтому,— разъяснял Грот своим оппонентам,— априорный метод метафизиков и есть мой метод чувства, а не особый метод мысли. Дойдя философским путем до понятия бога, я счел возможным коснуться религии... примирить мысль и чувство, науку и религию»[124].

Отсюда «субъективный метод чувств», или «субъективная индукция», приобретает у Грота первостепенное значение как в решении онтологических и гносеологических проблем, так и вопросов нравственных, эстетических и религиозных. Но последние, по Гроту, доступны прежде всего тем, кто наделен не только огромным интеллектом, но, что еще важнее, сильным субъективным переживанием, сильной субъективной индукцией. «И путем такой же субъективной индукции люди, живущие сильной субъективной жизнью, жизнью чувства, постигают бога, т. е. сознание вселенной — абсолютный разум, беспредельно глубокое чувство и безграничное могущество воли»[125]. Только путем чувств и субъективной индукции можно подняться до живого понимания сущности вселенной — бога.

Что же касается чувственных восприятий, то они рассматривались им не как отражение объективной реальности, а как «субъективное в душе», как личное. Отсюда следовало, что «общей философии мира, для всех обязательной, не может быть: каждый вправе философствовать и подводить итоги специальным знаниям только для себя»[126].

Отказываясь на словах от позитивизма и пытаясь оправдать

[122] Грот Н. Я. Указ. соч., с. 16.
[123] Там же, с. 10, 11, 16.
[124] Там же, с. 14.
[125] Грот Н. Я. Задачи философии в связи с учением Джордано Бруно. Одесса, 1885, с. 17.
[126] Грот Н. Я. О направлении и задачах моей философии, с. 6.

«метафизику», Грот на деле продолжает оставаться в плену позитивизма, когда он высказывается «за такое философское учение, которое, опираясь на синтез разнообразных чувств и соответствуя известной гармонии и полноте их, исчерпывало бы до дна субъективные потребности человека и соответствовало бы по закону однообразия природы (т. е. познание равного равным) действительной субъективной внутренней цене самих вещей и мира»[127].

Поставив вопрос о критерии истины, Грот субъективистски выводит его из так называемого закона однообразия природы и субъективных переживаний человека, распространенных им «из себя» на все то, что находится вне его. Закон однообразия, к которому апеллирует Грот, это, собственно, не закон, а процесс или характер внутренних переживаний субъекта. «Этот закон однообразия природы (макро- и микромира. — *И. Щ.*), выведенный единственно из анализа содержания моих собственных состояний,— утверждал Грот,— и есть тот единственный принцип, который мы из себя можем вынести вне себя,— в мир, во вселенную, в качестве критерия истинного знания»[128]. Наукообразная апелляция Грота к «закону однообразия природы» не может прикрыть крайний субъективизм его философии, ведущий на деле к солипсизму. В этом сказывается известное родство философии Грота с субъективно-идеалистической философией Авенариуса. Уточняя и разъясняя свою позицию, Грот доказывает, что достоверное знание возможно «только в силу какой-то гармонии между ... мыслью и бытием, которую Лейбниц назвал «предустановленной гармонией» и которую мы выразим в понятии единства или однообразия всех законов природы, законов бытия и сознания»[129]. Заигрывая с естествознанием и спекулируя на противоречиях развития науки, Грот стремится уверить читателя, что «все наше познание субъективно, так как нет объекта (или предмета познания) без субъекта, воспринимающего все существующее по законам внутренней своей организации, в формах, свойственных нашему сознанию»[130]. Подобные рассуждения роднят Грота с субъективным идеализмом Беркли, Фихте, Маха, Авенариуса. Его «метафизика» не выходит из общего русла субъективного идеализма, хотя и дополняется спиритуалистически толкуемым пантеизмом, который он включает в свою философскую систему в качестве ее важнейшего принципа, ратуя при этом за союз философии и науки с религией, за решительное преодоление философией разлада между наукой и религией. «Философия, наконец, стремится,— заявляет Грот,— объединить и связать в одно высшее и гармоническое целое мировоззрение субъективное и объективное, религиозное и научное, уничтожить разлад той двойной

[127] Там же, с. 9.
[128] Грот Н. Я. О душе в связи с современным учением о силе. Одесса, 1886, с. 58.
[129] Грот Н. Я. Значение чувства в познании и деятельности человека. М., 1889, с. 29.
[130] Там же, с. 42.

бухгалтерии души, которую мы ведем под влиянием чувства и мысли в области веры и в области знания»[131].

Отводя решающую роль субъективному методу или «субъективной внутренней индукции», Грот, подобно Юркевичу, произвольно делит ощущения на внешние и внутренние, отдавая предпочтение последним как наиболее достоверным. Он призывал перестать раболепствовать перед умом, утверждая, что ум столь же субъективен, как и чувства, а чувства не менее объективны, чем ум, что человек познает в сущности только свои собственные переживания путем затраты внутренней психической энергии, познает в силу вечной гармонии законов природы, бытия и сознания. «Чувство,— утверждает Грот,— есть проявление в нас законов природы, чувства — источник познания субъективной стороны вещей и природы, субъективных законов природы. Таковы старые элементы нового моего построения»[132]. «Нового» здесь, разумеется, ничего нет, кроме игры в новые термины, призванные прикрыть псевдонаучность этой философской концепции. Как уже было сказано, под влиянием модных течений энергетизма в физике и неовитализма в биологии, с одной стороны, спиритуалистически толкуемого пантеизма Дж. Бруно — с другой, и психофизического параллелизма махиста Р. Авенариуса — с третьей, Грот пытается создать свою «новую» философскую систему (мы сказали бы — философский гибрид) монодуализма. Жонглируя терминами «сила-духа», «сила-материи», «мировое сознание», он объявляет «мировое сознание» законом и основой жизни вселенной, основой внутреннего бытия вселенной, ее разумности и целесообразности[133]. По Гроту, «все в природе ... одарено активною силою и различными степенями сознания, т. е. духовности ...»[134].

Согласно монодуализму Грота, в основе мироздания лежат два самостоятельных, постоянно борющихся противоположных начала — материальное или физическое, с одной стороны, и духовное начало или самосознание — с другой. Материальное начало он называет «силой-материи», духовное начало — «силой-духа» или «мировым сознанием». Материальное начало, по Гроту,— источник покоя, начало пассивное, сковывающее, нетворческое, которое задерживает развитие и прогресс, ведет к застою, рабству и смерти. Что касается «силы-духа», то именно это начало обладает активностью, оно всегда устремлено вперед, постоянно борется с задерживающей развитие «силой-материи», стремится преодолеть ее косность, инертность, сопротивление. «Сила-духа», преодолевая «силу-материи», ведет к новому, к прогрессу, к свободе воли, к добру, альтруизму, красоте, а в конце концов — к возможности познания «идеи чистой силы» как источника покоя и движения, духа и вещества. Однако Грот тут же делает теолого-агностическую оговорку, что наш ум не в состоянии познать реальное бытие и «идею чистой силы», не в состоянии проникнуть в «идею общего начала, абсолюта, бога»[135]. «Мировое сознание,— заявляет Грот,— рассматривается как особая активная сила природы — сила духа и противополагается пассивной силе, силе сопротивления, материи. Исконный мой дуализм мысли и чувства, объективного и субъективного, науки и философии, а потом науки и религии, еще далее механизма и целесообразности, необходимости и свободы, эгоизма и альтруизма и пр. превращается незаметно для меня в дуализм материи и духа, объединяемых в понятие силы»[136].

Опираясь на идеалистическую теорию энергетизма В. Оствальда, Грот отстаивал идею существования в природе не только механической, тепловой, химической и электромагнитной энергии, но также и энергии духовной, или психической. Последнюю в одном случае Грот называет «внутренней психической энергией», или «сознанием», в другом — «силой-духа». Хотя общие запасы внутренней психической энергии не поддаются количественной оценке, однако ее взаимодействие с остальными формами энергии не нарушает закон сохранения энергии и приводит к чувству высшей гармонии в мире. Во внутренней психической энергии Грот видит источник любви, ненависти, страха, надежды, а также эстетических чувств — прекрасного и безобразного; интеллектуальных чувств — истины и лжи, согласия и противоречия; нравственных чувств — добра и зла; религиозных чувств или общей гармонии объекта и субъекта, природы и свободы воли в мире. Философ утверждает, что «все упомянутые специальные чувства добра, истины, красоты суть формы одного высшего и наиболее объективного чувства любви — любви друг к другу и к миру, любви к гармонии вообще — любви к богу»[137] как воплощению высшей гармонии.

Свою эклектическую философию, где причудливо сочетались положения о соотношении внутреннего и внешнего опыта, спиритуалистический пантеизм и учение о «силе-духа» и «силе-материи», энергетизм и неовитализм, Грот пытается выдать за новое явление в философии, которое он назвал монодуализмом, ведущее в итоге к признанию существования «чистой силы» и бога. «Наш дуализм,— утверждал Грос,— есть совершенно новая форма дуализма, как показывают самые понятия материи-силы и силы-духа. Этот дуализм есть в то же время монодуализм, как можно заключить из общего понятия силы, объединяющего понятия духа и материи. Может быть, в идее чистой силы, совмещающей начала покоя и движения, духа и вещества и всех прочих контрастов, данных в дифференцированной действительности, и кроется разгадка идеи общего начала, абсолюта, бога»[138]. Однако Грот оговаривается, что как «чистая сила», так и «сущность реального бытия» оста-

[131] Грот Н. Я. Задачи философии.., с. 12.
[132] Грот Н. Я. О направлении и задачах моей философии, с. 13.
[133] См.: там же, с. 15.
[134] Там же.
[135] Грот Н. Я. О душе.., с. 89.
[136] Грот Н. Я. О направлении и задачах моей философии, с. 15.
[137] Грот Н. Я. Значение чувства.., с. 39.
[138] Грот Н. Я. О душе.., с. 88—89.

нутся для нас вечной тайной «Перед этой тайной, но только перед нею, сознает свое бессилие и ограниченность наш сильный ум, перед нею умолкает слово знания, перед нею смиряются гордость и самомнение человека... Вот где,— восклицает Грот,— истинные пределы знания, только перед лицом, перед тайною непостижимой природы бога» [139]. Этот смиренный и богобоязненный вывод Грота, как видим, не противоречит христианскому вероучению. Разрешить вечную загадку человеческого бытия, загадку судьбы человека, полагал Грот, может быть удастся с помощью доктрины «силы-духа» и «внутреннего опыта или субъективной индукции», поскольку «сила-духа неуничтожима и может только переходить из свободного состояния в напряженное. Но напряженное состояние для нее может быть только временным... Дух должен быть бессмертен и по всему вероятию именно в человеке (на земле) он может достигать бессмертия, т. е. окончательной победы над силою сопротивления, которая его связывала в остальной природе» [140]. Последнее, по всей вероятности, заимствовано им из философии Николая Федорова, с идеями которой он мог ознакомиться через В. Соловьева, а скорее — через Л. Н. Толстого. Последний поддерживал дружеские связи с Федоровым и с Гротом, но о его философии великий писатель отзывался отрицательно.

В работе «Основания экспериментальной психологии» Грот остается верен своей системе «монодуализма», когда пытается преодолеть рознь между различными направлениями в психологии, и прежде всего между «метафизической» и «опытной» психологией. Он высказывается за создание единой экспериментальной психологии, которая включила бы в себя спекулятивные идеи Платона, Аристотеля, Декарта, с одной стороны, и эмпиризм Локка, Юма, Рида, В. Вундта, Джемса, А. И. Введенского, В. Анри, А. Бине, Куртье — с другой. При этом Грот призывал психологов не заниматься спорными проблемами духа и жизни: психология не должна иметь «никаких стремлений — спиритуалистических, материалистических или монистических; она наука о фактах природы и больше ни о чем» [141]. Методы экспериментальной психологии Грот трактовал субъективистски, сводя их к самонаблюдению, которое из единичного становится коллективным. Он категорически утверждал, что помимо самонаблюдения нет никаких точных и незыблемых критериев психологического исследования. Особенно ценил Грот неокантианскую психофизическую концепцию В. Вундта за то, что она основана на внутреннем опыте. Но следует отметить, что Грот более последовательно и более жестко проводит субъективно-идеалистическую концепцию в психологии, упрекая Вундта за то, что «он все-таки преувеличивает вспомогательное значение внешнего опыта в психологической экспериментации» [142], усмотрев в

[139] Там же, с. 89.
[140] Там же, с. 91—92.
[141] Грот Н. Я. Основания экспериментальной психологии. М., 1896, с. 8.
[142] Там же, с. 42.

«психофизическом эффекте» Вундта негласную уступку материализму. Апелляция к «коллективному самонаблюдению», к «коллективному опыту» как к главному критерию истины в психологии роднит Грота с махистами. Исходя из «самонаблюдения», из «внутреннего опыта или субъективной индукции», Грот задавался целью прозреть начала жизни и сознания, а для этого заново переработать философское учение и в конце концов постигнуть «разумную цель вселенной» [143], т. е. божественный промысел.

Эклектическая философия Грота с ее апелляцией к идеалистическим школам в естествознании объективно служила укреплению идеологии господствующих классов. Однако сколько-нибудь заметного влияния на научную общественность и передовые студенческие массы в университете она не оказала.

Л. М. Лопатин (1855—1920), начавший работать в Московском университете еще в 70-х годах XIX в., после смерти Грота возглавил кафедру философии и стал председателем Московского психологического общества и редактором журнала «Вопросы философии и психологии». Лопатин продолжал в философии религиозно-мистическую линию Юркевича и В. Соловьева, которым, по его признанию, он многим был обязан в формировании своего мировоззрения. Лопатин был ярым врагом революционной борьбы, защитником самодержавия и помещичье-буржуазного строя в России. По меткому определению Ленина, Лопатин принадлежал к «философским черносотенцам», которых характеризовало «...преимущественное «устремление» в пограничную область философского и полицейского» [144]. Из трудов Лопатина отметим «Положительные задачи философии» (1886—1891) в 2 частях и многочисленные статьи, часть из которых вошла в сборники «Философские характеристики и речи» (1911), «Спиритуализм как монистическая система» (1912), «Моннизм и плюрализм» (1913) и в «Лекции по истории новой философии» (1914, 1923).

Собственную философскую систему Л. Лопатин в одном случае называет «системой конкретного спиритуализма», идеалистической или спиритуалистической теорией — в другом, «монистическим спиритуализмом» — в третьем. Резко выступая против материализма, объявляя его «наивной метафизикой» и критикуя дуализм за уступки материализму, а Канта — за признание вещей в себе объективной реальностью, Лопатин противопоставляет им собственный «монистический спиритуализм», который видит основу бытия не в материальных, а в духовных сущностях или «индивидуальных духовных центрах», связанных с абсолютом или богом. «Дух,— писал Лопатин,— есть самое достоверное из всего, что мы знаем. Эту мысль с поразительной силою еще высказал Августин, во многом предвосхитивший Декарта» [145]. В другом месте он утверждает, что

[143] Грот Н. Я. О душе.., с. 92.
[144] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 317, 318.
[145] Лопатин Л. М. Положительные задачи философии. М., 1889, ч. I, с. 234—235.

«духовное, внутреннее является источником, животворящею силою всего внешнего и материального»[146]. Лопатин обращается к абсолюту или богу, который, по его утверждению, создал наблюдаемое нами разнообразие вещественного мира. Бог объявляется им монадой монад, первопричиной мира. Лопатин подметил, что современная ему буржуазная философия переживает кризисное состояние и пытается найти из него выход. Чтобы преодолеть существующее «натуралистическое (читай: материалистическое и стихийно-материалистическое.— *И. Щ.*) мировоззрение», которое «царит над современной мыслью», по Лопатину, необходимо обратиться к спиритуализму, который «не упраздняет физической природы — он только полагает, что сама по себе она не то, что обыкновенно о ней думают»[147].

Монистический спиритуализм Лопатина — верный союзник религии, ибо он включает в себя «теизм в пределах рациональной метафизики» и «спекулятивный мистицизм». О последнем он говорит, что тот философ, который не обладает спекулятивным мистицизмом, «...редко способен создать что-нибудь прочное и своеобразное в области умозрительных построений... Мистицизм, с этой точки зрения, есть внутренний идеализм духа, без которого нет творчества в истинном значении этого слова»[148]. Отсюда, по Лопатину, следует, что наибольшей универсальностью, полнотой и богатством отличается та философия, которая оплодотворена мистикой, спиритуализмом и религиозной интуицией. С точки зрения Лопатина, материя косна, инертна и не обладает творческим импульсом, творческим началом. Последний присущ лишь духовной субстанции, обладающей «нравственным идеалом», свободой воли, свободой творчества или «творческой причинностью». Последнюю Лопатин противопоставляет материальной, а по его терминологии — «механической причинности». Мозг, утверждает он, не задеваемый духом, не может породить сознание, которое якобы существует параллельно мозгу и одухотворяет его.

В теории познания Лопатин отстаивал субъективно-идеалистическую концепцию, согласно которой «мы не знаем явлений материи непосредственно; мы не знаем явлений объективных, а только субъективные»[149]. Он решительно отвергал объективную истину, доказывая, что истина всегда субъективна. Лопатин выступал против материалистической теории отражения, против того, что отображаемое существует независимо от отображающего, объект существует независимо от субъекта. Он считал, что наши чувственные восприятия — не отражение действительности, а сама внешняя действительность. Это субъективно-идеалистическое положение вслед за Лопатиным повторил махист Базаров, заявив, что чувственное представление и есть вне нас существующая действительность. В. И. Ленин назвал подобные философемы Базарова, что в равной степени относится и к Лопатину, путаницей и фальшью в философии, нелепостью, которая ведет к юмизму и берклианству. «Это — идеалистическая ложь или увертка агностика, ... ибо чувственное представление *не* есть существующая вне нас действительность, а только *образ* этой действительности»[150].

Доводы Лопатина против материализма вообще и против естественноисторического материализма тех ученых, которые стихийно становились на позиции материализма, роднили «истинно русского» философа Лопатина с «самым передовым эмпириокритиком» Рудольфом Вилли. Ленин оценил эти «доводы» как «сплошную идеалистическую тарабарщину». Он писал, что «... *суть* доводов г. Лопатина и г. Вилли против всякого материализма вообще и естественноисторического материализма в частности совершенно одинакова. Для нас, марксистов, разница между г. Лопатиным и г. Вилли, Петцольдтом, Махом и К° не больше, чем разница между протестантским и католическим богословами»[151]. Чтобы избежать солипсизма и перейти от персонализма к плюрализму, Лопатин прибегает, с одной стороны, к трансцендентным (доопытным) допущениям, с другой — к платоновским идеям, а через них к богу. Только через трансцендентные допущения, по Лопатину, можно перейти от нашего «Я» к другим «Я», от личных переживаний к высшему миру. Без трансцендентных допущений нельзя доказать ни реальности нашего «Я», ни реальности других «Я». Обоснование трансцендентных допущений следует искать в безотчетной, инстинктивной вере. Вера выступает у Лопатина примирителем разума с опытом, необходимым внутренним ингредиентом всех наших умственных актов. Трансцендентные допущения Лопатина явно перекликаются с «примысленным центральным членом принципиальной координации» Авенариуса. Как трансцендентные допущения у Лопатина, так и «примысленный центральный член принципиальной координации» у Авенариуса потребовались им для того, чтобы попытаться спасти свои субъективно-идеалистические системы от солипсизма.

В области этики Лопатин последовательно отстаивал этический персонализм, т. е. крайне выраженный субъективизм, противопоставляя личность — обществу, социальную монаду — социальному коллективу. Отсюда горячее сочувствие Лопатина субъективистской этике Шопенгауэра и его последователей. Лопатин сознательно противопоставляет учению о классовой политической борьбе народных масс надклассовые, абстрактные идеи нравственного совершенствования, а политическим переворотам — нравственные перевороты, объявляя их решающими факторами человеческого бытия и осуществления принципов религиозной нравственности.

---

[146] Там же, ч. II, с. 6.
[147] Вопр. философии и психологии, 1891, № 15, с. 457.
[148] Лопатин Л. М. Положительные задачи философии, ч. I, с. 418—419.
[149] Там же, с. 220—221.
[150] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 114.
[151] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 374—375.

Лопатин враждебно встретил Февральскую и Октябрьскую революции в России. Причины социальных конфликтов он ищет не в материальных и политических условиях жизни общества, а лишь в духовной сфере — в кризисе христианской религии, в крушении в народе религиозных устоев, в развитии научной и технической мысли, в распространении материалистических, атеистических и социалистических идей.

Философия «мистического персонализма», или «монистического спиритуализма», или «конкретного спиритуализма», как называл свою систему Лопатин, не только расчищала дорогу фидеизму, подкрепляла пошатнувшуюся христианскую догматику, но и являлась идейно-теоретической основой господствовавших в России самодержавия и помещичье-буржуазной реакции и контрреволюции. Критикуя субъективно-идеалистические философские изыскания Лопатина и его политическую позицию, Ленин заклеймил его как мракобеса и лакея самодержавия.

Одним из проповедников неокантианской и отчасти позитивистской философии в Московском университете был **Г. И. Челпанов** (1862—1936). Он родился в Мариуполе, там же окончил гимназию, затем учился в Одесском университете, где слушал лекции по философии Н. Я. Грота. С 1892 по 1906 г. был доцентом, а затем профессором Киевского университета. С 1907 по 1923 г. Г. И. Челпанов — профессор Московского университета и одновременно один из руководителей Московского психологического общества. В 1912 г. при университете им был создан Московский психологический институт, который он возглавлял до 1923 г. и в котором проводил большие экспериментальные работы. Челпанов — автор учебников по логике и психологии. Из его философских работ следует отметить следующие: «Проблема восприятия пространства в связи с учением об априорности и врожденности» (1896—1904); «Мозг и душа» (1900); «Введение в философию» (1905); «Психология» (1909); «Введение в экспериментальную психологию» (1915); «Психология или рефлексология?» (1926).

С позиций неокантианства Челпанов безуспешно пытался дискредитировать материалистические и атеистические теории, объявляя их «метафизическим вздором». Материализму он противопоставлял так называемый «эмпирический параллелизм» души и тела, что явно перекликалось с психофизическим параллелизмом, который проповедовали неопозитивисты и махисты. В «Материализме и эмпириокритицизме» Ленин показал, что психофизический параллелизм Маха, Авенариуса и К° носит субъективно-идеалистический характер и логически ведет к солипсизму. Эта ленинская критика относится и к «эмпирическому параллелизму» Челпанова, который настойчиво доказывал, что психические явления могут быть познаны только путем самонаблюдения, через внутренний опыт. «Самонаблюдение есть единственный непосредственный источник познания психических явлений», ибо «между миром внешним и миром внутренним существует огромное различие; целая пропасть разделяет их»,— утверждал Челпанов [152]. Декларируя «непроходимое различие» между миром физических и психических явлений, он отвергал материалистическое положение о первичности материи и вторичности сознания и утверждал, что физическое не может превратиться или породить психическое, что психические и физические явления существуют одновременно, параллельно и независимо друг от друга. Отсюда он заключал, что психические явления порождаются не материальным субстратом, а особым источником — волей, душой, в конечном счете — богом. «Идея бога,— утверждал неокантианец,— в сознании человека существует первоначально, хотя иногда она и не приобретает ясной формы. Идея бога присуща сознанию человека необходимо... Можно прямо утверждать, что сознание существования сверхчувственной причины мира присуще уму всякого человека, хотя бы он даже это и отрицал» [153]. Ссылаясь на Шопенгауэра, Челпанов проводил мысль о том, что «без субъекта нет объекта, что без духа нет материи» и что «дух имеет более несомненное существование» [154], чем материя. Субъективизм в философии приводит Челпанова к отрицанию материи как объективной реальности, существующей независимо и до сознания. Его взгляды оказались настолько отсталыми, что, например, существование атомов он отнес к гипотезе. «То, что мы называем материальным,— утверждал философ,— в конце концов есть наше представление. Наше представление, чувство, мысль и желание, т. е. наше психическое состояние, даны нам непосредственно, мы воспринимаем их так, как они есть, между тем как материя в собственном смысле, или атомы, представляют из себя только гипотезу» [155].

С позиций субъективного идеализма, в духе берклианства и махизма Челпанов решал вопрос о так называемых вторичных качествах (звуки, цвета, запахи, вкусовые качества и т. д.), которых, доказывал он, нет в объективном мире и они имеют «исключительно субъективное существование» [156]. Положение о субъективном характере вторичных качеств Челпанов распространил и на время, пространство, причинность, трактуя их в кантианском субъективно-идеалистическом духе, отрицая их объективность, доказывая, что их восприятие всецело обусловлено нашей психофизической организацией и они не могут быть выведены из чувственного опыта. Таковы число, время, пространство, причинность, а также так называемые законы мышления. Эти понятия априорны, хотя, оговаривается Челпанов, может быть, не все априорны в одном и том же смысле; однако о них можно сказать, что почти все они априорны в том смысле, что являются необходимой предпосылкой

---

[152] Челпанов Г. И. Мозг и душа. М., 1900, с. 96, 98.
[153] Челпанов Г. И. Введение в философию. Киев, 1907, с. 513.
[154] Там же, с. 210.
[155] Там же, с. 209.
[156] Там же, с. 170.

познания [157]. Проповедь кантианских субъективно-идеалистических идей сопровождалась у Челпанова утверждениями о том, что «область веры и область знания не являются враждебными друг другу», что якобы «вера является одним из определяющих факторов нашего миросозерцания» [158], что «оправдание знания находится не в области логического доказательства, а в области веры» [159].

Влияние Челпанова в области философии было незначительным, в то время как экспериментальные исследования созданного им института психологии имели известное положительное значение для развития психологической науки.

* * *

Из последователей и интерпретаторов религиозно-мистической философии В. Соловьева в Московском университете следует остановиться на братьях С. Н. и Е. Н. Трубецких. В философскую систему В. Соловьева Трубецкие внесли ряд поправок, уточнений, оговорок; некоторым положениям своего идейного наставника они дают собственное обоснование, от других его положений (о чем будет сказано ниже) они впоследствии отказываются. Все это подробно изложено Е. Н. Трубецким в работе «Миросозерцание В. С. Соловьева». Однако, несмотря на все оговорки, поправки и пр., общий характер и сущность философской концепции своего друга и единомышленника братья Трубецкие оставляют незыблемыми.

С. Н. Трубецкой (1862—1905) в 1885 г. окончил историко-филологический факультет Московского университета. Юношеское увлечение Трубецкого позитивизмом Конта и Спенсера сменилось кратковременным увлечением Шопенгауэром, а затем славянофилом Хомяковым. Однако близкая дружба братьев Трубецких с Соловьевым, начавшаяся в 1886 г., предопределила дальнейшее развитие и характер философских воззрений того и другого. Они становятся страстными проповедниками религиозно-мистической философии В. Соловьева.

В 1900 г. С. Н. Трубецкой защищает докторскую диссертацию по философии. В это время он активно участвует в помещичье-буржуазном либеральном движении, сотрудничает в журнале «Вопросы философии и психологии», выступает одним из авторов сборника «Проблемы идеализма», изданного Московским психологическим обществом под редакцией профессора П. И. Новгородцева в 1902 г., где публикует статью «Чему учит история философии». В 1905 г. он становится всего на 27 дней ректором Московского университета и как представитель делегации земского движения и городских органов самоуправления высказывается в присутствии Николая II о необходимости государственных, конституционных реформ, чтобы заглушить возрастающее революционное движение. С. Н. Трубецкой выступал за университетскую автономию, за независимость церкви от государства.

Главные труды С. Н. Трубецкого: магистерская диссертация «Метафизика в Древней Греции» (1890); «О природе человеческого познания» (1889—1891); «Основание идеализма» (1896); докторская диссертация «Учение о логосе в его истории» (1900). Посмертно изданы «История древней философии» (1906); Собрание сочинений в 6-ти томах (1906—1912).

Свою философскую систему, в которой он пытался примирить религиозно-мистическую философию В. Соловьева с некоторыми положениями философии Канта и Гегеля, Трубецкой называл «конкретным идеализмом». Вслед за Соловьевым он выдвинул учение о «соборной природе сознания», рассматривая сознание как нечто «сверхвременное», «сверхличное», «сверхчеловечное», как проявление мировой души или «живого логоса», как функцию Всеединого и Безусловного. Отсюда следовало, что вера в действительность внешнего мира, которой руководствуются естествоиспытатели, может быть оправдана при допущении «трансцендентального субъекта универсального сознания и универсальной чувственности».

Стремясь не оттолкнуть от своей мистико-идеалистической философской системы ученых-естественников и завоевать симпатии студенчества, С. Трубецкой несколько модернизирует кантианскую теорию материального мира, «обогащая» ее мистикой В. Соловьева. Предметный мир, материю, он объявляет «универсальным явлением», существующим независимо от индивидуального субъекта и являющимся источником знания ученых. При этом С. Трубецкой ставит вопрос о том, как же согласовать и «понять реальность явлений, реальность тел, реальность времени и пространства, как нечто независимое от нашего субъективного восприятия, нашей ничтожной чувственной организации» [160]. Отвечая на этот вопрос, С. Трубецкой апеллирует к «универсальному субъекту», заявляя, что «нужно признать универсальный субъект являющегося, чувственного мира, обосновывающий деятельность всех частных чувственных центров, нужно признать трансцендентальную чувственность. Иначе остается вернуться вспять к грубо реалистической вере, которая признает реальность чувственных тел и чувственных форм независимо от какой бы то ни было чувственности» [161].

Пытаясь преодолеть психофизический параллелизм, Трубецкой доказывает, что источником всего сущего является «мировая ду-

---

[157] См.: Челпанов Г. И. Проблема восприятия пространства в связи с учением об априорности и врожденности. Киев, 1904, ч. II, с. 298.
[158] Челпанов Г. И. Введение в философию, с. 510, 511.
[159] Челпанов Г. И. Проблема восприятия пространства, с. 427.
[160] Трубецкой С. Н. Собр. соч., т. II, с. 299.
[161] Там же.

ша». «Если субъектом такой чувственности не может быть ни индивидуальное ограниченное существо, ни Существо абсолютное, то остается допустить, что ее субъектом может быть только такое психофизическое существо, которое столь же универсально, как пространство и время, но вместе с тем, подобно времени и пространству, не обладает признаками абсолютного бытия. Это космическое Существо или мир в своей психической основе, то, что Платон назвал Мировою Душою» [162]. Однако, апеллируя к космическому Существу, к Мировой Душе, С. Трубецкой не опровергает психофизического параллелизма.

Гносеологические проблемы решаются С. Трубецким с помощью «закона универсальной соотносительности», охватывающей весь мировой процесс. Отсюда жизнь вселенной представляет собой самораскрытие, «саморазвитие сущего». Источником познания «сущего» являются разум, опыт и религия (вера). Эти три формы познания Трубецкой объединяет в законе «универсальной соотносительности». Значительное, а в некоторых случаях (например, в постижении «абсолюта», «вселенского начала», «внутреннего всеединства сущности») решающее место им отводится мистической интуиции.

Выступая против материализма, признающего объективное существование внешнего мира, С. Трубецкой утверждал, что существование предметного мира вне сознания субъекта доказать нельзя, а можно принять лишь на веру. С точки зрения «конкретного идеализма» С. Трубецкого, индивидуальное сознание немыслимо без «вселенского сознания», а последнее обладает трансцендентальными функциями. Истина в понимании С. Трубецкого носит сверхвременный характер. Вслед за Кантом он признает априорный характер времени и пространства, считая, что они присущи не самой действительности, а только нашему мышлению. Оправдывая христианскую философию, он придерживается учения о божественных ипостасях, связывая со второй ипостасью логическое мышление, а человека рассматривает как своего рода божественный образ. С. Трубецкой признавал и обосновывал личное бессмертие души.

Е. Н. Трубецкой (1863—1920) окончил юридический факультет Московского университета, но одновременно занимался историей философии. В 1892 г. защитил магистерскую, а в 1897 г.— докторскую диссертации. Некоторое время после окончания университета преподавал в Юридическом лицее в Ярославле. После защиты докторской диссертации был профессором Киевского, а с 1905 г.— Московского университета. Магистерская диссертация Е. Н. Трубецкого была посвящена миросозерцанию Блаженного Августина, докторская — религиозно-общественному идеалу западного христианства в XI в. Наибольший интерес представляют его двухтомный труд «Миросозерцание В. С. Соловьева» (1913), «Лекции по

[162] Там же, с. 288.

истории философии» (1907). Из других работ следует отметить «Метафизические предположения познания. Опыт преодоления Канта и кантианства» (1917); «Смысл жизни» (1918); «Лекции по энциклопедии права» (1915); посмертно изданные «Воспоминания» (1921). Известный интерес представляют работы «Два мира в древнерусской иконописи» и «Умозрение в красках» (1916), в которых Е. Трубецкой одним из первых делает попытку, правда, с религиозно-идеалистических позиций, осмыслить идейную направленность древнерусских иконописных произведений, выраженную в своеобразном сочетании красок.

Е. Н. Трубецкой, как и его брат С. Н. Трубецкой, был одним из идеологов помещичье-буржуазного либерализма в России. Он враждебно встретил Октябрьскую революцию, связав свою дальнейшую судьбу с так называемой Добровольческой армией.

Е. Трубецкой был идеалистом и глубоко верующим человеком. Он отвергал материалистическую философию и атеизм как направления якобы безнравственные, наносящие вред обществу, отрицающие «безусловную ценность человека» и сводящие «человека к тому, что он ест», противопоставляя им религиозно-мистическую философию Вл. Соловьева, ревностным последователем которой он был. В сборнике «Проблемы идеализма» Е. Трубецкой опубликовал статью «К характеристике учения Маркса и Энгельса о значении идей в истории». Извращая марксистские положения, он тщетно пытался опровергнуть диалектико-материалистическое учение об историческом прогрессе, о роли в нем производительных сил, производственных отношений и надстроечных явлений. Исторический материализм Трубецкой со ссылками на неокантианцев Штаммлера, Масарика, Бернштейна, Барта, Вальтмана грубо извращает и сводит к вульгарному экономизму и фатализму, приписывая марксизму отрицание активной роли надстроечных явлений. Марксизму он противопоставляет плюралистическую теорию факторов и учение теологов о божественном назначении человека. «Но в последней инстанции,— заявляет Е. Трубецкой,— ход истории определяется не экономическими причинами, а рядом таких первоначальных данных, которые обусловливают самое хозяйство, как и все вообще проявления общественной жизни, условиями той внешней среды, в которой протекает человеческая жизнь, особенностями человеческой психики, индивидуальной и общественной, и, наконец, тою горнею сферою должного тем царством целей, которое, возвышаясь над человеком, дает направление его сознанию и деятельности» [163]. Сами же правовые и другие надстроечные явления Е. Трубецкой идеалистически выводит из «исторических преданий» и «общественной психологии», из «психического фактора» и «высших целей», утверждая, что «всякое хозяйство как таковое обусловлено правом... Без права никакие производственные, а следовательно, никакие вообще хо-

[163] Трубецкой Е. Н. К характеристике учения Маркса и Энгельса о значении идей в истории.— В кн.: Проблемы идеализма. М., 1902, с. 63.

зяйственные отношения людей не были бы возможны... Отсюда ясно, что право в его целом не может быть понято ни как отражение экономических отношений, ни как надстройка над экономическим базисом»[164]. Попытки приписать марксизму точку зрения вульгарного экономизма и отрицание возможности обратного воздействия надстроечных явлений на экономический базис выдают Е. Трубецкого как теоретического путаника или даже сознательного подтасовщика. Нельзя не вспомнить в связи с этим слова В. И. Ленина, высказанные им в адрес буржуазных профессоров по социальным наукам, которые в полной мере относятся и к Е. Трубецкому: «...*ни единому* профессору политической экономии, способному давать самые ценные работы в области фактических, специальных исследований, нельзя верить *ни в одном слове*, раз речь заходит об общей теории политической экономии. Ибо эта последняя — такая же *партийная* наука в современном обществе, как и *гносеология*. В общем и целом профессора-экономисты не что иное, как ученые приказчики класса капиталистов, и профессора философии — ученые приказчики теологов»[165].

Будучи страстным приверженцем религиозно-мистической философии В. Соловьева, Е. Трубецкой в то же время внес в нее ряд, по его мнению, существенных поправок, исправлений и дополнений, делая эту философскую систему более последовательно-религиозной, более отвечающей требованиям христианской философии. Прежде всего Трубецкой всячески стремился сгладить малейшие отступления от богословской догматики и противоречивые суждения, встречающиеся в философии его учителя. Е. Трубецкой признавался, что «я прожил с ним (Соловьевым.— *И. Щ.*) всю мою умственную жизнь; с ним так или иначе связано все то, что я думал до сих пор в области религии, философии и общественной жизни: все мои воззрения сложились в духовном общении с ним, т. е. частью в связи с его влиянием, частью же в борьбе против этого влияния»[166]. Под влиянием Соловьева Е. Трубецкой разочаровался в церковно-политических воззрениях старых славянофилов, идеи которых ранее полностью разделял. Объявив себя продолжателем философии Соловьева, Е. Трубецкой тем не менее не одобрял его переоценку римского католицизма, резко отрицательные суждения о восточном православии и его идею «вселенской теократии». Все это заставило Е. Трубецкого «внимательнее присматриваться к тем положительным ценностям христианства восточного, которые, благодаря полемическому увлечению, ускользнули от внимания Соловьева»[167]. Отметив в философском учении Соловьева положения, которые могли быть истолкованы как уступки пантеизму, Е. Трубецкой стремится поправить их, доказывая, что мир сотворен богом не из первоматерии, а, согласно богословскому учению, из ничего. Бог обладает полной свободой воли, потому сотворенное им нельзя отождествлять с самим богом — творцом всего сущего. Все вышедшее из рук творца обладает свободой воли, свободой выбора того или иного пути. Но сама по себе свобода — не только источник добра, но — что особенно важно — и источник зла, в том числе мирового зла. Ответственность за это зло несет не бог, а сам индивид. Отношения между существами и богом основаны не на любви, как учил Соловьев, а на свободе выбора той и другой стороны. Бог не растворяется в существах, существа не поглощаются богом. Е. Трубецкой требовал не смешивать божественное с вещественным или внебожественным, вечное — с временным. Он сильнее, чем Соловьев, подчеркивал зависимость философии и науки от религиозного откровения, от мистической интуиции. В зависимости от контекста он пользуется такими терминами, как «Безусловное Сознание», «Абсолютное Сознание», «Всеединый Ум», «Бог», включающий в себя прошлое, настоящее и будущее.

В основе бытия или мироздания, по Е. Трубецкому, находится вечное «Безусловное Сознание», т. е. бог. В основе познания лежит нечто «Сверхчеловеческое» или «Всеединый Ум». Смысл жизни, утверждал Трубецкой,— в искании вечных истин; и смысл жизни, и вечные истины заключены в «Безусловном знании», в божественном сознании и не зависят от времени, места и условий. Они неизменны, непреходящи, и люди только открывают или угадывают их. Есть у Трубецкого некоторое расхождение с Соловьевым и в трактовке мистической Софии (божественной мудрости), но они не имеют принципиального значения, так как он принимает основной принцип «софиологии» Соловьева: процесс познания совершается через откровение абсолютного сознания в нашем сознании. Как и Соловьев, Е. Трубецкой рассматривает предметный мир как мир несовершенный и незавершенный, находящийся в хаосе, но постепенно приближающийся к миру божественных идей. Трубецкой делает поправки соловьевской теории, пытаясь освободить ее от «нелепостей», связанных с тем, что сами божественные идеи представляют собой лишь идеальный образ грядущих тварей, которые рано или поздно достигнут полного осуществления. Созданные же людьми искусственные предметы уже не есть, по Трубецкому, отражение божественных вечных идей. Вечные идеи, как прообразы вещей, как первообразы в абсолютном, не имеют отношения к искусственно созданным вещам, а «выражают не только вечную божественную действительность, но и вечный идеал всякой действительности, как она должна быть». «В этом горнем мире,— пишет Трубецкой,— очевидно, не должно быть места ни для кукол, ни для вагонов, ни для всех вообще человеческих временных причуд,— предметов роскоши или комфорта. Теория, которая вынуждает предполагать божественную идею во всяком искусственном предмете, сделанном человеком, очевидно, не верна

---

[164] Там же; с. 67.
[165] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 363—364.
[166] Трубецкой Е. Н. Миросозерцание В. С. Соловьева. М., 1913, т. I, с. 3.
[167] Там же, с. 4.

и нуждается в пересмотре»[168]. Этот «пересмотр» с позиций богословия и осуществляет Трубецкой. Если Платон познание рассматривал лишь как припоминание вечных божественных идей, отождествляя идеи с общими родовыми понятиями, то Соловьев отличает идеи от понятий, так как первые обладают положительным универсальным характером, а вторые — отрицательным индивидуальным характером. Е. Трубецкой не доказывает что искусственные предметы, в отличие от естественных, обладают не безусловной, а лишь весьма условной индивидуальностью. Он упрекает Соловьева в том, что его теория познания носит не до конца продуманный характер и содержит ошибку, состоящую «в смешении или в неточном разграничении порядка естественного и порядка мистического»[169]. Уточнив, подправив и «развив» мистический характер теории познания Соловьева, Е. Трубецкой стремится преодолеть границу между эмпирическим знанием и мистическим откровением, подчеркивая, что «всякое истинное познание действительности есть откровение абсолютного, раскрытие его сущности, ибо идеи предметов, обусловливающие познание, суть лишь отдельные элементы этой сущности»[170]. Е. Трубецкой настаивает на том, что, «с одной стороны, наше познание во всех его частях необходимо обусловлено «Безусловным», с другой стороны, не всякое наше знание есть знание о Безусловном откровении, его сущности»[171]. Отсюда — необходимость строго разграничивать естественное и мистическое знание: первое имеет дело с природными вещами и искусственно созданными предметами, второе — с вечными божественными идеями; первое может ошибаться, второе — свободно от ошибок. «Знание естественное...— пишет Трубецкой,— имеет своим предметом условный, относительный, внебожественный мир и ни в какой мере не проникает в мистическую сферу, в вечную божественную действительность Безусловного»[172]. Стало быть, в естественном знании (физике, химии и других науках) «сущность Безусловного» нам не раскрывается. Далее Трубецкой обращается к мистическому «универсальному сознанию», которое он называет «истинным знанием»: «Абсолютное сознание по существу универсально и, следовательно, вне его не может существовать ничего из того, что есть, стало быть, ничего конечного, временного... В отличие от нашего ограниченного сознания, сознание абсолютное, очевидно, не обусловлено временем. Оно видит существующее в его безусловной сверхвременной идее и потенции... Безусловное сознание держит все в себе — сверхвременное и временное. Оно объемлет Безусловно Сущее во всей его полноте, неподвижности и вечности; но вместе с тем оно обладает способностью или силою отвлекаться от сверхвременного и вне Безусловного, Божественного видеть другое, внебожественное... и проникать его насквозь»[173]. К этим антинаучным, искусственно построенным доводам прибегает один мистик, чтобы отстоять идеи другого мистика. Чтобы не оттолкнуть от своей религиозно-мистической философии не искушенных в тонкостях «метафизики» естествоиспытателей, Е. Трубецкой оговаривается, что «временная действительность есть и доступна познанию лишь потому и постольку, поскольку для нее есть место в универсальном сознании Абсолютного. Аналогичная мысль о способности Абсолютного отвлекаться от вечности и переноситься во временное, видеть процесс и участвовать в нем выражается религиозной верой в Провидение. Как относительное бытие, так и относительное познание должно найти во всеедином свое начало»[174].

Как видно из сказанного, философия братьев Трубецких, носившая религиозно-мистический характер и сложившаяся под неизгладимым влиянием В. Соловьева, отвечала идейным запросам буржуазии, помещиков и самодержавия. Но она не находила последователей среди студенческих масс, тянувшихся не к идеализму и мистике, а к научному естествознанию и материализму, к демократии и революционному научному социализму. Либеральная помещичье-буржуазная историография пыталась поднять авторитет теоретической и общественно-политической деятельности братьев Трубецких, особенно их конституционалистских предложений. Но В. И. Ленин дал решительную отповедь буржуазным писакам, показав, что в то время, когда в стране нарастала революционно-демократическая волна, когда происходило соединение пролетариата с революционной демократией, когда радикально настроенное студенчество Петербурга и Москвы принимало лозунги революционной социал-демократии,— в то время помещичье-буржуазная профессура заигрывала с самодержавием. Тот же С. Н. Трубецкой выступил со своей статьей «Два зверя», в которой хотя и критикует «черного зверя» (реакцию) за неуступчивость, но весь пафос своего гнева переносит на «красного зверя», т. е. на революционные народные массы. Ленин метко окрестил буржуазно-либеральных профессоров Московского университета «филистерами буржуазной науки». «Посмотрите,— писал Ленин,— на либеральных профессоров, ректоров, помощников ректоров и всю эту компанию Трубецких, Мануиловых и проч. Ведь это — лучшие люди либерализма и конституционно-демократической партии, наиболее идейные, наиболее образованные, наиболее бескорыстные, наиболее свободные от непосредственного давления интересов и влияний денежного мешка. И как ведут себя эти лучшие люди? Как воспользовались они первой властью, властью правления в университетах, властью, врученной им по выбору? Они уже трусят революции, они боятся обострения и расширения движения, они

[168] Трубецкой Е. Н. Миросозерцание В. С. Соловьева, т. I, с. 257.
[169] Там же, с. 260—261.
[170] Там же, с. 261.
[171] Там же, т. I, с. 261.
[172] Там же.
[173] Трубецкой Е. Н. Миросозерцание В. С. Соловьева, т. I, с. 267—268.
[174] Там же, с. 268.

уже тушат пожар и стараются внести успокоение...»[175]. Ленин сорвал с буржуазных профессоров университета маску конституционных демократов — проповедников мирного легального прогресса. «Они закрыли университет в Москве, боясь бойни в университете. Они вызвали только еще скорее несравненно более верситете, они только зажгли революцию на улице. Они попали в крупную бойню на улице. Они хотели затушить революцию в унихорошие тиски, вместе с господами Треповыми и Романовыми, которых они бросились теперь убеждать в необходимости свободы собраний: закроешь университет — откроешь уличную борьбу. Откроешь университет — откроешь трибуну для народных революционных собраний, готовящих новых и еще более решительных борцов за свободу»[176].

Известным противоядием официальной идеалистической и религиозно-мастической философии В. Соловьева, М. Троицкого, Л. Лопатина, Н. Грота, Г. Челпанова, братьев Трубецких являлись важнейшие научные открытия и материалистические идеи И. М. Сеченова, К. А. Тимирязева, Д. Н. Анучина, Ф. А. Бредихина, а также естественноисторический материализм Н. Умова, П. Лебедева, А. Столетова, А. Богданова, Н. Жуковского, Н. Зелинского, И. Каблукова, А. Северцова, Д. Прянишникова и других ученых Московского университета. Основная студенческая масса находилась под влиянием тех материалистических идей, которые не оставляли места для бога.

Другим важным фактором противодействия официальной идеологии, в том числе реакционным философским, правовым и экономическим идеям, являлось растущее революционно-демократическое движение в стране, охватившее и студенчество, в особенности выходцев из разночинцев. Поэтому, как ни старались реакционно настроенная и либеральная профессура и администрация университета погасить революционно-демократические порывы передового студенчества, влияние его с годами не уменьшалось, а росло. В 1899 г. студенчество Московского университета откликнулось антиправительственными выступлениями на Ходынскую трагедию, устроив демонстрацию на Ваганьковском кладбище, где были захоронены погибшие, а также сходками и митингами в университете, которые продолжались с 18 по 22 ноября. Правительство арестовало 750 человек, из них 26 были исключены из университета, 97 преданы суду или высланы в административном порядке[177]. С гневными протестами и радикально-демократическими требованиями выступали студенты и в годы, предшествовавшие первой русской революции.

Многочисленные антиправительственные выступления студентов привели к расколу студенчества на два основных лагеря — революционно-демократический, состоявший главным образом из разночинцев, и консервативно-реакционный — из представителей господствующих классов. Разумеется, были среди студентов, как отмечал В. И. Ленин, и «равнодушные» и «академисты». Но не они определяли идейно-политическую обстановку в университете. Революционно настроенное студенчество, прежде всего социал-демократы (большевики), по указанию В. И. Ленина, начинает связывать борьбу за студенческие права с борьбой рабочего класса с самодержавием и буржуазно-помещичьими порядками. «Опыт прошлого года,— писал В. И. Ленин в 1901 г.,— не прошел для студентов даром. Они увидели, что только поддержка народа и главным образом поддержка рабочих может обеспечить им успех, а для приобретения такой поддержки они должны выступать на борьбу не за академическую (студенческую) только свободу, а за *свободу всего народа*, за *политическую свободу*»[178].

Широко известны факты активного участия студентов социал-демократов в революции 1905—1907 гг. В конце XIX—начале XX в. в Московском университете учились социал-демократы Д. И. Ульянов, М. Ф. Владимирский, И. Д. Удальцов, Н. В. Мальцев, А. И. Орлов, П. Г. Смидович, Н. А. Семашко, И. И. Скворцов-Степанов, Н. Я. Яковлев, В. В. Воровский, В. П. Потемкин, Д. И. Курский, П. К. Штернберг, Н. Руднев, С. Г. Лазо, А. Ф. Мясников, А. Г. Цулукидзе, С. Спандарян, Г. Н. Карганов, Г. А. Атарбеков, В. С. Соболев, В. М. Савков, Н. С. Тихменев, М. Н. Покровский, В. И. Берсенев, А. И. Виноградов, А. А. Бурдуков, А. Н. Траинин, П. Г. Терехов, Н. Н. Яковлев, М. С. Швецов, Н. П. Овсянников, С. Н. Костяков и другие. Уже в 1905 г. в Московском университете организуется подпольная социал-демократическая большевистская организация, первым секретарем которой был И. Д. Удальцов. В советское время он был ректором, деканом, профессором МГУ.

В противовес реакционной помещичье-буржуазной профессуре социал-демократическая молодежь несла в университет диалектико-материалистические, социалистические и атеистические теории, идеи непримиримой классовой борьбы с самодержавием и буржуазным строем, революционного преобразования России на социалистических началах. В результате победы Великой Октябрьской социалистической революции, активное участие в которой принимали многие воспитанники университета, революционное, прогрессивное одержало в университете победу над старым, отжившим, реакционным. На смену разного рода идеалистическим и религиозно-мистическим философским концепциям, которые проповедовались с университетских кафедр, пришло марксистско-ленинское учение.

---

[175] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 352.
[176] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 352.
[177] См.: Московский университет. М., 1955, т. 2.
[178] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 370.

РАЗРАБОТКА ПРОБЛЕМ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ ФИЛОСОФИИ И НАУЧНОГО КОММУНИЗМА УЧЕНЫМИ МГУ

В послеоктябрьский период Наркомпрос, в ведении которого находился университет, ищет новые пути развития высшей школы, отвечающие требованиям Советского государства к подготовке молодых кадров, необходимых для социалистического переустройства страны. Поиски эти сопровождались структурными изменениями в самой высшей школе (правда, не всегда удачными) и предпочтительным набором в вузы рабоче-крестьянской молодежи. Все это не могло не отразиться на преподавании социальных дисциплин, в том числе философской науки, и на судьбе философского факультета МГУ. Последний иногда низводился до философских кафедр или философских отделений на объединенных факультетах гуманитарного цикла.

Философская и историческая науки в Московском университете в первые десятилетия советского периода так же прошли стадию поиска, роста и утверждения.

Как известно из предыдущего изложения, философский факультет наряду с медицинским и юридическим по настоянию М. В. Ломоносова был создан в Московском университете в 1755 г. В 1804 г. факультеты были преобразованы в четыре отделения: отделения нравственно-политических наук (куда входила и философия), физико-математических, медицинских и словесных наук. По уставу 1835 г. в Московском университете снова три факультета: философский с историко-филологическим и физико-математическим отделениями; медицинский и юридический. В 1849 г. философский факультет был преобразован в историко-филологический и физико-математический факультеты. Данная структура в основном сохранилась до первых лет советской власти.

В 1919 г. по решению Советского правительства в МГУ создается факультет общественных наук (ФОН). При очередной реорганизации университета в 1925—26 гг. был образован этнологический факультет с философским, историко-архивным отделениями и отделением изобразительного искусства. В 1930 г. на базе этнологического факультета создаются историко-философский факультет и факультет литературы и искусства, однако в 1931 г. историко-философский факультет преобразуется в самостоятельный институт — Московский историко-философский институт (МИФИ) с

философским и историческим факультетами. В 1934 г. в МИФИ был открыт литературный факультет и институт получает название Московский институт истории философии и литературы (МИФЛИ). Однако жизнь внесла свои коррективы и подсказала, что Московский университет немыслим без философского, исторического и литературного факультетов. В 1941 г. МИФЛИ снова воссоединен с университетом. От этого воссоединения выиграли и университет и названные факультеты.

Глава I

БОРЬБА УЧЕНЫХ-МАРКСИСТОВ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА С ПОЗИТИВИСТСКИМИ КОНЦЕПЦИЯМИ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ В 20-е ГОДЫ

Московский университет в послеоктябрьский период был одним из центров напряженной идейной борьбы. Занимая ведущее место в развитии общественной мысли в России, он располагал многочисленными научными кадрами в области философии, социологии и других общественных наук. После Октябрьской революции в Московском университете были проведены существенные преобразования, направленные на превращение ведущего университета страны в советский вуз. Перестройка университета осуществлялась в нескольких направлениях: изменялся социально-классовый состав студенчества, изолировалась реакционная профессура, к научной и учебной работе привлекались марксистские кадры, создавалась новая структура управления университетом, утверждались новые формы деятельности его подразделений. Шел процесс социалистической институализации университета, имеющий целью «органически слить университетскую науку с пролетарской идеологией и политикой» [1].

Создание рабочего факультета имени М. Н. Покровского, факультета общественных наук, введение нового «Положения о вузах», подписанного В. И. Лениным, изменение программ обучения и ряд других мероприятий по внутренней перестройке университета способствовали тому, что вся научная и учебно-методическая работа в университете была поставлена под контроль советских органов. В целях успешного преодоления идеализма и утверждения марксистско-ленинской методологии в общественных науках в Московском университете, как и в других вузах страны, декретом Совнаркома от 4 марта 1921 г. было введено обязательное преподавание минимума по общественным дисциплинам, куда входил и курс исторического материализма [2].

[1] Державин Н. С. Высшая школа и революция. М.; Пг., 1923, с. 31.

[2] См.: Собрание указаний и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. М., 1922, с. 111.

Серьезное внимание уделялось и подбору марксистских кадров, благодаря чему уже в 1923 г. коммунисты среди преподавателей университета составили 21%, а к 1924 г.— 38% [3]. Семинары и лекции по историческому материализму вели В. В. Адоратский, И. Д. Удальцов, И. К. Луппол, В. П. Волгин и другие марксисты. Этим было положено начало преподаванию в университете научной социологии — исторического материализма. Перед первыми марксистами университета встала задача утверждения исторического материализма и его методологии в университетской науке. Для ее решения необходимо было не только покончить с враждебными марксизму буржуазными социологическими теориями, но и вытеснить из университетского обществознания всякого рода псевдомарксистские извращения диалектико-материалистического учения об обществе.

Наиболее распространенным в начале 20-х годов в Московском университете было позитивистское направление в обществоведении, которое имело определенную социальную базу, представленную как буржуазными, так и мелкобуржуазными элементами. Оно включало весьма разнородные и в теоретическом и в политическом отношении течения. Прежде всего к нему принадлежали буржуазные социологи-позитивисты, такие, как В. М. Хвостов, Р. Ю. Виппер и другие, которые вели борьбу с материалистическим пониманием истории под лозунгом преодоления его «одностороннего» подхода к объяснению общественных явлений. Особое место в позитивистском направлении занимала позитивистская методология А. А. Богданова и Н. И. Бухарина, представлявшая собой эклектическую смесь механистической «теории равновесия» с принципами «социального энергетизма». К позитивистскому направлению примыкали и различные формы нигилистического отрицания марксистской социологии.

Разумеется, борьба с каждым направлением позитивизма требовала своеобразных подходов и приемов, особенно если учитывать разницу в политических позициях представителей этих течений. Но общим для них было то, что они доказывали необходимость применения естественнонаучных методов в социологии, сближения социологии с естествознанием, т. е. подходили к социологии как к науке, имеющей эмпирический характер.

Отличительной чертой буржуазных позитивистских концепций В. М. Хвостова и Р. Ю. Виппера было стремление отказаться от выявления основных причин исторического развития, желание «подняться выше обеих «крайностей»: и идеалистической и материалистической» [4]. Выдавая свои теории за научное познание общества, буржуазные социологи-позитивисты пытались доказать, что истинная наука об обществе возможна лишь при условии полной независимости от решения каких-либо политических вопросов

[3] Архив МГУ, ф. 16, оп. 1, ед. 64, л. 1.
[4] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 27.

и задач. Так, Хвостов, бывший последователем психологических взглядов В. Вундта, утверждал, что наука об обществе должна иметь характер «чистого знания» и должна быть строго отграничена «от всякого рода нормативных и политических настроений...» [5].

Социологическая концепция Хвостова представляла собой попытку обосновать закономерности общественных процессов, исходя из эклектически соединенных психологических и биологических предпосылок. В своих многочисленных работах по социологии Хвостов утверждал, что задачей социологии является «формулирование вечных и неизменных законов, действующих в общественной жизни. Наука эта может быть построена только на психологической почве, так как самая сущность общества в духовном взаимодействии людей, в процессе духовного общения...» [6]. Детерминирующую роль в историческом развитии общества Хвостов отводил подсознательному. Он абсолютизировал значение инстинктов и подсознательных психических процессов в деятельности человека, что закономерно приводило к идеалистическому выводу о том, что именно эти «темные силы», вмешиваясь в ход событий, определяют направление исторического процесса [7]. С позиций психологизма и биологизма он интерпретировал структуру общества, борьбу классов, смену общественно-экономических формаций, сущность форм общественного сознания. Распространяя на человеческое общество дарвиновский принцип естественного отбора, Хвостов утверждал, что при помощи этого принципа можно объяснить классовую борьбу, конкуренцию, войны и другие социальные антагонизмы и конфликты. Разделение общества на классы обусловлено, по его словам, различными факторами: местом жительства, степенью образованности, половыми и возрастными различиями и т. п. признаками. Подобное игнорирование подлинно научного марксистского критерия классового деления — отношений людей к средствам производства — вполне соответствует духу современных буржуазных социологических теорий «социальной стратификации», подменяющих этот критерий второстепенными, произвольными структурными образованиями с целью затушевать классовое неравенство и эксплуатацию.

Закономерности развития общественного сознания Хвостов выводил из принципа исторических контрастов, разработанного В. Вундтом. Согласно этому принципу каждая идея в своем развитии сменяется противоположной. Как в физическом мире, полагал Хвостов, всякое действие равно противодействию, так и в мире общественных явлений всякое идейное течение сменяется противоположным. Отсюда, по его мнению, вытекает и зигзагообразный характер исторического процесса.

[5] Хвостов В. М. Социология. М., 1917, с. 14.
[6] Там же.
[7] См.: Хвостов В. М. Основы социологии. М., 1920, с. 19.

Проникновение психологических идей в буржуазную позитивистскую социологию начала XX в. отражало определенные тенденции исторического развития, связанные с укреплением государственно-монополистического капитализма и свойственных ему форм бюрократии и буржуазного «коллективизма». Для Хвостова, как и для других представителей этой разновидности позитивизма, было характерно стремление игнорировать или фальсифицировать объективные исторические закономерности, которые с неизбежностью должны привести к крушению капиталистического общества.

Вскрывая теоретическую несостоятельность идей психологизма и биологизма в социологии, философы-марксисты МГУ отмечали, что буржуазная социология исходит из взаимодействия абстрактных индивидов и конструирует универсальные схемы, долженствующие составить науку об обществе вообще. Материалистическое же понимание общественных явлений заключается в том, что общественное отношение берется не в его внешнем, поверхностном проявлении, не только как психическое взаимодействие двух или нескольких субъектов, а как необходимо вытекающее из условий их трудовой деятельности, производства и воспроизводства их материальной жизни.

Идеалистическое содержание позитивистского истолкования общественных процессов было разоблачено в статьях и работах видных философов-марксистов университета В. И. Невского, В. В. Адоратского и других. Если для буржуазного социолога-идеалиста, писал В. Адоратский, общество — всего лишь психическое состояние, то материалист рассматривает общество прежде всего как явление объективной действительности, существующее независимо от субъективного сознания. Поэтому ключом к пониманию исторического развития человечества является «изучение материальных условий существования человеческих обществ и их материальной деятельности... Что касается сознания людей... то задачей материалистического понимания истории является изучение происхождения всех идей человека, обнаружение их материальных корней»[8].

Значительный вклад в борьбу с буржуазными позитивистскими концепциями общества внес В. И. Невский. Его заслугой явилось использование в своих критических выступлениях работ В. И. Ленина, посвященных критике субъективистской социологии. В своей книге «Ленин как материалист в своих первых работах» (Л., 1925) Невский справедливо отмечал, что, опираясь на марксистскую методологию, Ленин показал ненаучность позитивистских концепций общества и доказал, что единственно научным методом в социологии является материализм. Он подчеркивал, что буржуазные социологи-позитивисты «строят социологию не действительно человеческого общества, с его экономикой, классовой борьбой, классовыми конфликтами, а социологию какого-то абстрактного человечества, социологию кукол, как выражался Ленин,— «механического агрегата индивидов», совокупность каких-то отвлеченных единиц...»[9].

[8] Адоратский В. В. Научный коммунизм Карла Маркса. М., 1923, с. 34.

Большую роль в разоблачении псевдонаучных приемов буржуазных социологов-позитивистов сыграла критика университетскими марксистами социальной методологии Р. Ю. Виппера[10], пытавшегося построить науку об обществе на принципах гносеологии эмпириокритицизма. Стремясь обосновать сущность важнейших социологических категорий («причинность», «закономерность» и т. д.) исходя из особенностей психической деятельности познающего субъекта, Виппер фактически растворял социологию в махистски толкуемом методе социального познания. Подобно махистам, он отрицал объективное существование причинности в социальных процессах, видел в причинности только субъективно-психическое, сводил ее сущность к чисто психологическому феномену. Он утверждал, что понятие «историческая причина» в своей основе есть «понятие о скрытой воле, замысле, который потом осуществляется в делах, в следствиях»[11]. Из такого понимания причинности неизбежно вытекало и отождествление противоположных способов объяснения исторического процесса (каузального и телеологического), так как они оба, по мнению Виппера, исходят из приложения понятия личной человеческой воли к массовым социальным явлениям. Подобно махистам, Виппер стремился встать выше двух «крайностей» — материалистического учения об обществе, исходящего из признания объективного существования причинности и закономерности в истории, и идеализма, допускающего различные представления о целесообразности исторического процесса.

Фальсифицируя сущность марксистского учения об обществе, Виппер пытался приписать ему «исторический фатализм», который якобы соответствует духу «теоретических догматов диалектики». Он считал, что принципы диалектики должны быть элиминированы из социологической теории, так как социальная практика «всегда шла наперекор диалектике»[12].

В выступлениях В. Адоратского, В. Невского и других университетских марксистов махистские социологические построения Виппера подверглись резкой критике. Опираясь на ленинскую оценку эмпириокритических «потуг в социологии» как реакционных, они указывали на бесплодность попыток Виппера с помощью махистской гносеологии решить теоретические проблемы общественного развития.

[9] Ленин как материалист в своих первых работах, с. 41.

[10] Р. Ю. Виппер был одним из виднейших историков МГУ. Однако по своим социологическим взглядам он принадлежал к эмпириокритической тенденции в социологии. Подробнее см.: Сафронов Б. Г. Историческое мировоззрение Р. Ю. Виппера и его время. М., 1976.

[11] Виппер Р. Ю. Очерки исторического познания. М., 1911, с. 166.

[12] Там же, с. 200.

Ученые-марксисты справедливо отмечали, что в критике философии эмпириокритицизма В. И. Ленин ясно показал неразрывную связь «новейшей» гносеологии махизма с реакционными выводами в социологии.

Резкой критике подверглись и попытки Виппера извратить подлинную сущность практической деятельности Советской власти, якобы вступившей в противоречие с реальными условиями социальной жизни России и пытающейся перестроить ее в соответствии со своей «утопической идейной системой». Этот «факт», утверждал Виппер, свидетельствует о господстве «утопических теорий» над «миром человеческих отношений»[13]. В критической рецензии М. Покровского на книгу Виппера «Кризис исторической науки» его клеветническим измышлениям был дан должный отпор. На конкретных примерах Покровский показал, как в практической деятельности Советской власти учитываются объективные условия социального развития России. История социалистической революции в России, отмечал Покровский, может быть понята только тем человеком, который оценивает социальные события с марксистской точки зрения[14].

Необходимо отметить, что ученые университета не только разоблачали псевдонаучную сущность буржуазных позитивистских концепций общественной жизни, но и противопоставляли им научное содержание марксистского учения об обществе. Важнейшей стороной критики позитивизма было выявление огромной значимости диалектико-материалистических принципов познания.

Как уже отмечалось, особое место среди позитивистских концепций общественного развития занимала теория эмпириомониста Богданова. Ученые-марксисты выступили с обстоятельной критикой ее методологических основ. При этом они опирались на ленинскую критику богдановщины, которой Ленин посвятил специальные разделы работы «Материализм и эмпириокритицизм». Разоблачая идеалистические основы эмпириомонизма Богданова, Ленин отмечал, что в его философских взглядах психическое «берется за *непосредственное*, а физическое выводится из него, подставляется под него»[15]. Эта подстановка, основанная на субъективно-идеалистическом понимании опыта, приводила Богданова к утверждению о том, что противопоставление «физического» и «психического» теряет всякий смысл: индивидуально организованный опыт (психическое) входит в систему опыта, организованного социально (физический мир). «Единый мир опыта,— писал Богданов,— выступает как содержание для единого познания. Это — эмпириомонизм»[16].

Методологические принципы философии эмпириомонизма с неизбежностью сказались и в трактовке Богдановым социальных

[13] Виппер Р. Ю. Кризис исторической науки. Казань, 1921, с. 13.
[14] См.: Под знаменем марксизма, 1922, № 3, с. 36.
[15] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 239.
[16] Эмпириомонизм. Статьи по философии. Кн. I. М., 1908, с. 52.

проблем. Идеалистическое решение основного вопроса философии — вопроса об отношении психического к физическому, духовного к материальному — нашло свое отражение в попытках Богданова «подправить» исторический монизм Маркса. Руководствуясь положением о том, что «без сознания нет общения», Богданов приходил к выводу, что социальная жизнь во всех своих проявлениях есть сознательно-психическая, а следовательно, социальность нераздельна с сознательностью. «Общественное бытие и общественное сознание,— утверждал Богданов,— в точном смысле этих слов тождественны»[17]. Это положение Богданова Ленин подверг резкой критике. Он показал, что общественное бытие и общественное сознание не тождественны, как не тождественны бытие и сознание вообще. Сущность марксистской теории общества в том, указывал Ленин, что «общественное сознание *отражает* общественное бытие... Отражение может быть верной приблизительно копией отражаемого, но о тождестве тут говорить нелепо»[18].

В свете ленинской критики социологи эмпириомонизма университетские философы-марксисты оценивали и последующие работы Богданова: «Тектология» (1925), «Философия живого опыта» и другие, в которых развивались идеалистические положения его концепции общественной жизни. Критическому марксистскому анализу были подвергнуты основы его «тектологии» — всеобщей организационной науки, которую Богданов считал воплощением полного монизма и стремился ею подменить диалектику. Так как диалектика, по словам Богданова, «недостаточно динамична» и в своем «голом формализме» оставляет невыясненной общую механику развития, то она должна быть дополнена «организационной точкой зрения», сущность которой состоит в том, что имеются общие организационные закономерности и законы, определяющие как процессы организации и дезорганизации в природе и обществе, так и человеческие организационные методы[19].

Организационная точка зрения на социальную жизнь означала выделение в общественном процессе трех сторон: технической, в которой общество борется с природой и подчиняет ее; экономической — в ней общество само организуется для борьбы с природой; идеологической, в которой общество организует свой опыт, создавая организационные орудия своей жизни и развития. Субъективистский и одновременно формалистический «организационный» принцип, привнесенный Богдановым в социологию, означал абсолютизацию субъективного организующего начала. Совершенно справедливо Ленин характеризовал социологические взгляды Богданова как вульгарные и сильно подпорченные идеализмом[20].

[17] Из психологии общества. Спб., 1906, с. 57.
[18] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 343.
[19] См.: Богданов А. А. Всеобщая организационная наука (тектология). М.; Л., 1929, ч. III, с. 126.
[20] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 351.

Руководствуясь ленинской оценкой социологической концепции Богданова, с ее критикой выступили профессора университета Луппол, Баммель, Невский, Удальцов и другие. В своих статьях и выступлениях они разоблачали идеализм и механицизм его социологических построений, отмечали их схематический и субъективистский характер. Следует отметить и глубокую критику богдановской теории классов А. Д. Удальцовым. Вскрывая основные пороки богдановской «организационной теории классов», он показал, насколько чужда эта теория марксистскому учению о классах. Удальцов подчеркивал, что сама по себе технически-организаторская деятельность не составляет непременного признака класса собственников средств производства. Принадлежность к классу определяется тем, что предприниматель владеет средствами производства, являющимися средством эксплуатации трудящихся. Эксплуататорская роль предпринимателей выступает у Богданова чем-то второстепенным, в результате чего сущность классовых отношений явно затушевывается.

Особую роль в критике богдановской социологии сыграл видный философ-марксист В. И. Невский. Последовательная, основательная критика социологических взглядов Богданова была дана в его статье «Диалектический материализм и философия мертвой реакции», опубликованной в качестве приложения ко второму изданию ленинской работы «Материализм и эмпириокритицизм». В. И. Ленин положительно оценивал эту статью [21].

Таким образом, большинство университетских философов-марксистов оценивали социологию Богданова с ленинских позиций. Они вскрывали субъективистские и механистические основы его методологии и подчеркивали неразрывную связь его философского и исторического идеализма.

Методологические принципы богдановской тектологии активно использовал в своих социологических построениях Н. И. Бухарин, читавший в университете курс лекций по экономике переходного периода и историческому материализму. В работе «Теория исторического материализма» Бухарин пытался осуществить механистическую ревизию исторического материализма, подменить диалектику общественно-исторического процесса «теорией равновесия». Надуманная схема, с помощью которой Бухарин стремился объяснить весь общественный процесс, сводилась к тому, что общество толковалось им как «система взаимодействующих элементов — людей, условием возможности внутреннего равновесия которой является трудовая связь». Диалектический характер развития общества он сводил к трем случаям: 1) устойчивое равновесие (состояние покоя); 2) подвижное равновесие с положительным знаком (развитие системы); 3) подвижное равновесие с отрицательным знаком (разрушение системы) [22].

[21] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 12.

[22] См.: Бухарин Н. Теория исторического материализма. М., Пг., 1921, с. 77—79, 91.

«Перерабатывая» в механистическом духе гегелевскую диалектику, Бухарин оставлял в стороне вопрос о внутреннем источнике самодвижения систем. Он исходил из того, что движение любой системы (в том числе и социальной) определяется в конечном счете соотношением между средой и системой. Это положение, по словам Бухарина, является «одним из общих законов диалектики движущейся формы» [23]. Бухаринская «теория равновесия», которая выдавалась им за «теоретически-систематическое изложение диалектического метода», не имела ничего общего с подлинной диалектикой общественного процесса [24]. Она была подвергнута резкой критике А. Вишневским, И. Лупполом, М. Баскиным, С. Гоникманом и другими. При этом философы-марксисты руководствовались той оценкой «теории равновесия», которая была дана в работах В. И. Ленина, посвященных критике богдановской философии. Огромную роль в разоблачении механистической мотодологии Бухарина сыграли ленинские замечания на его книгу «Экономика переходного периода», опубликованные в конце 20-х годов. В своих критических замечаниях Ленин подчеркивал влияние богдановской философии на социологические воззрения Бухарина. Бухаринские ошибки, по словам Ленина, вытекают из того, что он впадает в «противоречащий диалектическому материализму (т. е. марксизму) схоластицизм терминов (агностический, поповско-кантовский по философским основам), в идеализм...» [25]. Поэтому для Бухарина, находящегося под влиянием эклектизма Богданова, диалектическая точка зрения представлялась лишь одной из многих «равноправных» точек зрения.

Важным моментом марксистской критики Бухарина было использование ленинской оценки его позиции в дискуссии о профсоюзах. Как известно, Ленин в работе «Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина» назвал подход Бухарина к вопросу о роли профсоюзов эклектическим и показал, что Бухарин стоит на точке зрения не диалектической, а формальной логики [26]. Это существенное ленинское замечание марксисты активно применяли в критике механистической методологии Бухарина.

Обстоятельная и всесторонняя критика бухаринской концепции исторического материализма развернулась во второй половине 20-х годов в связи с критикой механистов и правого уклона в партии. На наш взгляд, В. И. Ксенофонтов вполне обоснованно считает, что критика бухаринской социологической концепции яви-

[23] Вестн. Социалистической академии, 1923, кн. 3, с. 7.

[24] В поддержку бухаринской социологической концепции выступили А. Кон, В. Тер-Оганезян, которые пытались доказать, что благодаря «новой» бухаринской методологии целый ряд проблем марксистской социологии получает «оригинальную трактовку», (см.: Кон А. Критика «критиков».— Под знаменем марксизма, 1922, № 1, 5, 6; Тер-Оганезян В. Несколько мыслей о диалектике.— Под знаменем марксизма, 1922, № 9, 10).

[25] Ленинский сб. II. М.; Л., 1929, с. 400.

[26] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 288.

лась начальным этапом борьбы с механицизмом в советской философской науке[27]. До сих пор на это обстоятельство, как отмечает В. И. Ксенофонтов, в историко-философской литературе не обращалось внимания, что, по-видимому, связано с той периодизацией борьбы за марксистскую теорию в послеоктябрьский период, которая была дана в статьях А. М. Деборина, Н. Карева и других. Начало преодоления механистической методологии они относили к 1924—1926 гг.[28] Но, как известно, Деборин и ряд других марксистов умаляли значение исторического материализма, чем и объясняется недооценка ими критики бухаринской механистической концепции исторического развития, которая велась уже с самого начала 20-х годов.

Наиболее глубокая критика социологической концепции Бухарина развернулась лишь в конце 20-х — начале 30-х годов. Эта критика была более зрелой и действенной потому, что она опиралась на принципиальные ленинские замечания о социальной методологии Бухарина, развиваемой им в работе «Экономика переходного периода», и на ленинскую характеристику теоретических воззрений Бухарина, которые с «большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским, ибо в нем есть нечто схоластическое (он никогда не учился и, думаю, никогда не понимал вполне диалектики)»[29]. Основываясь на ленинских положениях, ученые-марксисты университета провели подробный анализ механистической методологии Бухарина[30], показавший, что его теория равновесия ведет к игнорированию внутренних противоречий общества и не способна правильно объяснить динамику социальных явлений, движущие причины общественного развития.

Большую роль в критике механистической методологии Бухарина сыграла дискуссия в Институте философии Комакадемии в 1929 г., которая была специально посвящена анализу бухаринской социологической концепции[31]. В этой дискуссии университетские марксисты приняли участие. Положительным итогом критических выступлений ученых университета против механистических основ бухаринской социологической концепции было всестороннее обсуждение методологических проблем марксистской социологической науки, что имело огромное значение для утверждения диалектико-материалистического метода в обществоведении.

Утверждение исторического материализма в Московском университете было связано и с преодолением «левой» вульгаризации марксистской теории, выразившейся в нигилистическом стремлении к «ликвидации» философии и социологии как якобы «буржуазных» наук. Одним из идейных источников отрицания философии и социологии служила богдановская философия. Однако ликвидаторские тенденции в советской философско-социологической науке 20-х годов нельзя объяснить только лишь влиянием богдановщины. Они были обусловлены и другими причинами. Важнейшими из них были: мелкобуржуазная стихийность; быстрое распространение марксистской теории вширь; недостаточная теоретическая зрелость некоторых ученых, приобщившихся к социальной теории марксизма без четкого усвоения его философских основ. Наибольшее распространение нигилистические тенденции получили в Петрограде, где с лозунгом «за материализм и марксизм, но против... философии» выступили С. Минин, Д. Максимов и Г. Горбачев. Ликвидаторско-позитивистские настроения проявились и среди преподавателей Московского университета. Некоторые из них заявляли, что «философия есть дело веры», другие же прямо требовали, чтобы «наука гнала всякие философствования»[32].

Нигилистическое отрицание философии и социологии создавало серьезные трудности на пути утверждения исторического материализма, поэтому преодоление позитивистского отношения к философско-социологической теории марксизма стало одной из важнейших задач ученых университета. Они были в числе первых, кто выступил с критикой ликвидаторских взглядов. В критических выступлениях А. Троицкого, Гр. Баммеля, В. Невского и других указывалось на недопустимость метафизического противопоставления науки и философии, подчеркивалось коренное отличие буржуазной философии и социологии от марксистской философско-социологической теории. Марксисты справедливо отмечали, что аргументы «ликвидаторов» философии и социологии целиком основаны на том представлении о философии, которое почерпнуто ими у буржуазных и псевдомарксистских теоретиков. В выступлениях против позитивистского отношения к философии и социологии подчеркивалась огромная методологическая роль марксизма в развитии естествознания и общественных наук.

В критике «ликвидаторско-позитивистского» отношения к философии и социологии университетские марксисты руководствовались ленинскими положениями, сформулированными им в борьбе против мелкобуржуазного нигилизма пролеткультовцев. Уже к концу 20-х годов нигилистические тенденции в университетской науке, как и в советском обществоведении в целом, были практически преодолены. Большинство «ликвидаторов» под влиянием марксистской критики отказались от своих ошибочных взглядов.

Таким образом, критические выступления ученых университета сыграли большую роль в искоренении позитивистских воззрений на общественное развитие, в утверждении марксистского метода в юридических, экономических и исторических науках. Преподавание исторического материализма было введено и на естествен-

[27] См.: Учен. зап. кафедр общественных наук вузов. Ленинграда. Философия. Вып. XII. Философские и социологические исследования. Л., 1971, с. 185.
[28] См.: Под знаменем марксизма, 1926, № 12; 1930, № 6.
[29] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 345.
[30] См.: Проблемы марксизма, 1930, № 1; Общественные науки в СССР (1917—1927). М., 1928.
[31] См.: Вестн. Комакадемии, 1929, кн. 35—36.
[32] Архив МГУ, ф. 18, оп. 3, ед. 93, л. 8.

ных факультетах, где в 1925—1926 гг. были образованы кафедры диалектического материализма, ведавшие преподаванием общественных дисциплин. На физико-математическом факультете в 1926 г. была организована кафедра истории и философии естествознания, что имело большое значение для формирования научно-материалистического мировоззрения студентов. В борьбу с позитивистскими тенденциями в общественных науках внесла свой вклад и кафедра общественно-экономических наук. В многочисленных научных обществах университета велась работа по внедрению марксистско-ленинской методологии в обществознании и борьба против грубых антимарксистских извращений в преподавании языкознания, истории, права, политической экономии; проводились методологические семинары; составлялись новые планы и программы преподавания обществоведения.

Критика позитивистских и механистических извращений марксизма способствовала утверждению в университетской науке диалектико-материалистического воззрения на общественные процессы, проникновению методологии исторического материализма в общественные науки. Эта критика была тесно связана с усвоением учеными университета ленинских идей в области марксистской социологии.

Глава II

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ФИЛОСОФСКАЯ ПЕРЕОРИЕНТАЦИЯ ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЕЙ МГУ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Великая Октябрьская социалистическая революция ознаменовала начало нового этапа во взаимоотношениях философии, политики и естествознания. Если раньше естествознание развивалось на основе естественнонаучного материализма, противоречивого по своим методологическим принципам, то теперь открылась возможность осуществить союз с последовательно научным философским мировоззрением, с диалектико-материалистической методологией.

Политические установки естествоиспытателей Московского университета в первые послереволюционные годы были аналогичны позиции всей буржуазной интеллигенции того периода. Здесь не было единства, а наблюдалась острая конфронтация передовых и реакционных политических взглядов. «Культурные люди,— писал В. И. Ленин,— поддаются политике и влиянию буржуазии потому, что они восприняли всю свою культуру от буржуазной обстановки и через нее»[1]. Поэтому наивно думать, что в день победы пролетариата интеллигенция станет коммунистической[2]. Политическая

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 58.
[2] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 258.

ориентация университетской профессуры, входившей в руководство университета, выразилась во враждебном отношении к пролетарской революции. 28 ноября 1917 г. Совет университета принял постановление, в котором заявлялось, что «анархическая смута» грозит самому существованию русской государственности и русской культуры[3]. Члены Совета университета, выражавшие отрицательное отношение к диктатуре пролетариата, ратовали за «светлый путь свободы и народовластия», намеченный «памятными февральскими днями»[4].

В руководстве университета в первые годы после Октября ведущее место продолжали занимать профессора, разделявшие политические программы буржуазных партий. Во главе Совета до конца 1920 г. стоял бывший кадет профессор М. Новиков. Большое влияние на руководство оказывали декан физико-математического факультета кадет В. Стратонов, профессора юридического и историко-филологического факультетов А. Мануилов, А. Кизеветтер, М. Любавский и другие. Кадетская часть профессуры препятствовала демократизации университета, пыталась действовать автономно, не подчиняясь распоряжениям Наркомпроса, в ведении которого находился университет. Эта часть профессуры создавала тяжелую обстановку для работы тем ученым, которые сочувствовали политике Советской власти, организовывала провалы ученых-коммунистов при переизбрании на должность. Так, на выборах в начале 1919 г. был забаллотирован проф. П. К. Штернберг. Руководство университета пыталось не допускать в университет ученых-марксистов. Ректор университета профессор биологии М. А. Мензбир выступил против реформы высшей школы, предложенной Наркомпросом. На совещании в Наркомпросе в июле 1918 г. он заявил, что высшая школа, как считают новые правительственные органы, «не демократична потому только, что она не раскрыла своих дверей перед улицей... Не надо забывать, что при этом наплыве с улицы лиц, жаждущих элементарных знаний, есть риск принизить вершину»[5]. Понимая демократизацию высшей школы в либеральном духе, Мензбир, как и многие другие профессора, не принимал радикальной демократизации, предложенной пролетарским государством.

Политическая борьба происходила на заседаниях кафедр, в предметных комиссиях, где первое время преобладающее влияние оставалось за буржуазными профессорами. Это сказалось и на характере преподавания. Так, на рабфаке Московского университета слушатели обучались географии по хрестоматии, в которой грабительская политика английского империализма в Египте преподносилась в виде благородной цивилизаторской миссии, а США именовались страной подлинной свободы и равенства. Даже после опубликования в 1918 г. Декрета Советского правительства об от-

[3] См.: Врачебная газета, 1917, № 48, 49.
[4] Врачебная газета, 1917, № 48, 49.
[5] ЦГАОР СССР, ф. 2306, оп. 18, ед. 28, л. 85—86.

делении церкви от государства и школы от церкви в университете продолжалось чтение лекций по богословию. Один из первых советских ректоров университета профессор Д. Боголепов позднее вспоминал: до конца 1920 г. университет «жил своей обособленной жизнью, отрицательно относился к советским порядкам». Здесь «в большом изобилии были представлены портреты бывших царей, а во всех университетских клиниках и не мыслили обойтись без многочисленных икон всяких «святителей и угодников»... Подавляющее большинство профессуры твердо стояло на принципах буржуазного строя (а иногда и помещичьего), Советскую власть считало «временным недоразумением» и надеялось отсидеть ее под прикрытием «академической свободы» до лучших времен»[6].

В 1918—1922 гг. при университете продолжало действовать Московское психологическое общество, по-прежнему выпускался журнал «Вопросы философии и психологии». На заседаниях общества и на страницах журнала задавали тон философы-идеалисты, враждебно настроенные по отношению к Советской власти. Наряду с философами-идеалистами действительными членами этого общества были некоторые естествоиспытатели: М. А. Мензбир, А. Н. Северцов, Д. Н. Зернов, Н. Е. Жуковский, А. В. Васильев, В. П. Карпов, И. Ф. Огнев и другие. Отдельным выступлениям естествоиспытателей-материалистов (М. А. Мензбира, А. Н. Северцова, К. А. Тимирязева) философы-идеалисты пытались противопоставить широкий арсенал идеалистических концепций в частных науках: физический идеализм, витализм, интуитивизм, кондиционализм и т. п. Лидер буржуазной партии кадетов П. Н. Милюков требовал от буржуазной профессуры университета перейти от пассивного сопротивления Советской власти к активным действиям. «Будьте более активными и дальновидными в предстоящей борьбе с большевистским комиссародержавием, привлекайте на свою сторону больше студенческой молодежи, поскольку ей предстоит сыграть решающую роль в предстоящих событиях»[7].

Эта атмосфера давления буржуазной пропаганды существенно влияла на политические ориентации ряда крупных естествоиспытателей Московского университета и была одной из причин их временного перехода в лагерь врагов революции. Так, профессор Н. К. Кольцов примкнул к подпольной контрреволюционной организации «Национальный центр», среди политических установок которой значилось свержение Советской власти и установление единоличной, диктаторского характера, военной власти. Эта организация была раскрыта, а ее участники (в том числе Н. К. Кольцов) в 1920 г. были преданы суду Верховного революционного трибунала[8].

[6] Боголепов Д. На фронте просвещения в 1920—1921 гг.— Фронт науки и техники, 1935, № 9, с. 39.

[7] Правда, 1922, 21 февр.

[8] См.: Крыленко Н. В. Судебные речи. Избранное. М., 1964, с. 60; Голенков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР (1917—1925 гг.). М., 1975, с. 349, 352.

Начало нэпа, связанное с активизацией буржуазной идеологии, привело к обострению классовой борьбы в вузах, в том числе в Московском университете. В январе 1922 г. реакционно настроенное руководство физико-математического факультета, воспользовавшись тяжелым материальным положением работников вузов, провело на факультетском заседании резолюцию о прекращении в университете учебных занятий. Следует отметить, что руководство медицинского факультета отказалось выполнять это решение.

В борьбе с реакционной буржуазной профессурой университета Советское государство опиралось вначале на небольшое число коммунистов и ученых, разделявших программу большевистской партии или сочувствовавших Советской власти. Как отмечалось в отчете отдела высших учебных заведений Наркомпроса за 1918—1919 гг., сразу после революции «пролетариат не мог иметь своей профессуры, а коммунистическая интеллигенция могла бы, самое большее, дать комплект преподавателей на один факультет общественных наук; коммунисты-физики, биологи или астрономы встречаются лишь в виде отдельных, единичных исключений, да и те, которых можно найти, на $^{9}/_{10}$ заняты ответственной политической или организационной работой и заниматься преподавательской деятельностью не имеют времени»[9].

Выдающимся борцом за демократизацию высшей школы был профессор физико-математического факультета астроном П. К. Штернберг. Активный участник революции 1905 г. и Октябрьской социалистической революции, П. К. Штернберг был назначен Совнаркомом в ноябре 1917 г. военным московским губернским комиссаром, а с марта 1918 г. был также членом коллегии Наркомпроса, где заведовал отделом высших учебных заведений. Он был одним из авторов первого проекта Устава высших учебных заведений.

В первые же дни после революции о своей поддержке политики Советской власти открыто заявил выдающийся ученый-дарвинист К. А. Тимирязев. В феврале 1920 г. К. А. Тимирязев был избран в Московский Совет рабочих и крестьянских депутатов. Свой лозунг «Союз науки и демократии», выдвинутый им еще до Октября, К. А. Тимирязев последовательно проводил в жизнь в борьбе с реакционно настроенными профессорами МГУ. В 1919 г. он был избран членом Государственного ученого совета, созданного для проведения в жизнь вузовской реформы. Изданная в 1918 г. брошюра К. А. Тимирязева «Демократическая реформа высшей школы» сыграла важную роль в разъяснении политики государства в области высшего образования и в выявлении несостоятельности буржуазного лозунга автономии университета. В начале 1920 г. был выпущен сборник его статей «Наука и демократия». Эта книга была направлена против буржуазной идеологии и защищала материалистические традиции отечественного естест-

[9] Народное просвещение, 1920, № 18, с. 87.

вознания. Ознакомившись с ней, В. И. Ленин послал К. А. Тимирязеву приветствие, в котором писал: «Я был прямо в восторге, читая Ваши замечания против буржуазии и за Советскую власть»[10].

В числе немногих профессоров университета, поддержавших мероприятия Советской власти, были профессора Н. Д. Зелинский, Д. Н. Анучин, А. П. Павлов, Н. Е. Жуковский, Я. В. Самойлов, П. П. Лазарев, О. Ю. Шмидт. В докладе на X Всероссийском съезде Советов (декабрь 1922 г.) А. В. Луначарский отмечал, что профессура, преданная Советской власти, составляла численно незаметную прослойку, но ее роль в жизни вузов, ее идейное воздействие на студенчество и профессорско-преподавательский состав непрерывно возрастали.

В Московском университете, как и в других вузах страны, происходил необратимый процесс политической переориентации научных кадров. Одним из важнейших факторов, детерминировавших этот процесс, являлась политика Коммунистической партии, направленная на привлечение к социалистическому строительству буржуазных специалистов. Ученые-естествоиспытатели стали широко привлекаться к деятельности по развитию системы научных и учебных учреждений. Был выдвинут лозунг союза марксистской философии и естествознания. Выступление В. И. Ленина в 1922 г. со статьей «О значении воинствующего материализма» свидетельствовало о глубокой заинтересованности вождя революции в укреплении союза марксистской философии и естествознания в борьбе за развитие науки, за социальный прогресс.

Привлечение буржуазных ученых и специалистов было одной из форм классовой борьбы в переходный период от капитализма к социализму. При этом было необходимо дифференцировать понятия «враждебность» и «контрреволюционность». По отношению к контрреволюционным элементам, встречающимся, к сожалению, и среди известных ученых, партия считала необходимым применение иных мер, нежели по отношению к заблуждавшимся, но добросовестно работавшим специалистам. Большевистская партия и Советское государство проводили в жизнь требование: «Контрреволюцию отсекать, культурно-буржуазный аппарат использовать». Как уже отмечалось, профессор университета Н. К. Кольцов был осужден за контрреволюционную деятельность. Однако, принимая во внимание ценность его как специалиста науки, чистосердечное раскаяние и искреннее желание работать для народа, Советская власть освободила его из-под ареста. При непосредственном участии В. И. Ленина в конце 1918 г. был освобожден из-под ареста профессор университета анатом Д. Н. Зернов. В одной из своих записок в ВЧК (по поводу ареста Пальчинского) В. И. Ленин указывал: «Если он ученый... нельзя ли ему — в случае наличности серьезных улик против него — предоставить условия особо льготные (например, домашний арест, лаборатория и т. п.)»[11]. По свидетельству А. В. Луначарского, В. И. Ленин неоднократно говорил: крупного ученого, большого специалиста в той или иной области надобно щадить до самой последней крайности, если даже он реакционер[12].

Основное направление ленинской политики по отношению к буржуазным специалистам и ученым было неизменно: это была политика, направленная на их всемерное привлечение к делу социалистического строительства и политическое перевоспитание. «Нельзя изгнать и уничтожить буржуазную интеллигенцию,— указывал В. И. Ленин,— надо победить, переделать, переварить, перевоспитать ее...»[13]. Ленин был твердо уверен в духовной силе пролетариата, в его способности примером хозяйственного и культурного строительства, убеждением изменить классово-политические и философские позиции научной интеллигенции. Ленин учил активно содействовать процессу перехода от «враждебности» к «нейтральности», а затем и к поддержке диктатуры пролетариата. Анализируя в 1918 г. политическую эволюцию приват-доцента Петербургского университета и Психоневрологического института, бывшего члена партии эсеров П. Сорокина, В. И. Ленин отмечал, что это не случайность, это признак переориентации всей мелкобуржуазной демократии. «Суметь учесть и использовать этот поворот среди меньшевистской и эсеровской демократии от враждебности большевизму сначала к нейтральности, потом к поддержке его,— писал В. И. Ленин,— есть одна из насущных задач текущего момента»[14]. Он обращал внимание на исключительную важность этого обстоятельства: «Недостаточно того, чтобы поддержать этот поворот, чтобы встретить поворачивающих к нам дружелюбно. Политик, сознающий свои задачи, должен научиться *вызывать* этот поворот в отдельных слоях и группах широкой мелкобуржуазной демократической массы, если он убедился, что для такого поворота имеются серьезные и глубокие исторические причины»[15].

Руководствуясь указаниями В. И. Ленина, Советское государство привлекало ученых к сотрудничеству, активно поддерживало их научные начинания. Профессора университета Н. Е. Жуковский, С. А. Чаплыгин, П. П. Лазарев были инициаторами создания ЦАГИ. Проф. А. П. Павлов был одним из непосредственных организаторов Московской горной академии (1918 г.). Под непосредственным руководством А. Н. Северцова при университете был создан Научно-исследовательский институт зоологии. Проф. П. П. Лазарев возглавлял комиссию Академии наук по изучению

[10] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 51, с. 185.

[11] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 214—215.

[12] См.: Луначарский А. В. Интеллигенция и ее место в социалистическом строительстве.— Революция и культура, 1927, № 1, с. 29.

[13] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 101.

[14] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 193.

[15] Там же, с. 194.

Курской магнитной аномалии (1918 г.). Д. Н. Прянишников участвовал в исследованиях цемента и фосфоритов. В возглавляемой Н. Д. Зелинским университетской лаборатории органической и аналитической химии был разработан новый способ получения бензина. Под руководством проф. М. Н. Шатерникова разрабатывались проблемы физиологии питания. Большие экспедиционные работы, связанные с потребностями сельского хозяйства, проводили коллективы биологов под руководством М. А. Мензбира, И. Ф. Огнева, В. В. Алехина. В 1918 г. в научную комиссию ВСНХ были привлечены химик И. А. Каблуков, геолог А. П. Павлов, физик А. П. Соколов, специалист по механике А. И. Некрасов и другие. В 1919 г. в Научно-техническом отделе ВСНХ работали профессора университета Н. Е. Жуковский, Н. Д. Зелинский, К. А. Тимирязев, Н. Е. Успенский, В. К. Аркадьев, В. В. Шулейкин, Ю. В. Вульф. В. И. Вернадский был назначен директором радиевого института и активно участвовал в работе комиссии по изучению естественных производительных сил. Во главе горной секции ВСНХ стоял проф. Я. В. Самойлов; инсулиновый комитет Наркомздрава возглавлял М. Н. Шатерников; Д. Н. Прянишников и Ф. Н. Крашенинников участвовали в разработке плана ГОЭЛРО.

Политика привлечения ученых старой школы к развитию производительных сил страны имела важное политическое значение; они убеждались, что Советская власть ценит науку и научных работников и создает необходимые в той трудной обстановке условия для научной работы, что цели партии совпадают с интересами развития науки. Это вело к политической и мировоззренческой переориентации ученых.

Аналогичное воздействие оказывали на профессуру работа с пролетарской молодежью, а также чтение лекций на заводах, фабриках, среди красноармейцев. Показателен в этом отношении следующий факт. После Октября 1917 г. проф. А. Н. Северцов, как сообщается в его биографическом очерке, был морально очень угнетен. Он был подавлен мыслью, что ни эволюционная морфология, ни теоретическая наука вообще, ни он лично сейчас не ко времени и никому не нужны. Летом 1920 г. случилось, как вспоминает его жена Л. Б. Северцова, одно, на первый взгляд, незначительное происшествие, которое, однако, оказало огромное влияние на всю дальнейшую судьбу Алексея Николаевича. Местные организации Подольской губернии попросили его прочесть несколько лекций по общей биологии для красноармейцев. Он охотно согласился. «И как они слушали, эти красноармейцы! Как жадно ловили каждое слово! Какие чудесные были у них лица, и какая мертвая тишина стояла в зале! Чуть кончилась лекция — буря аплодисментов и множество записок, полетевших к кафедре... И трудно сказать, кто кому больше дал в результате этих лекций: Алексей ли Николаевич своим слушателям или слушатели ему? Думается, что слушатели ему. Вскоре после этого памятного вечера Алексей Николаевич как-то сразу воспрянул духом; в нем

снова пробудилась вера в себя, в то, что и он нужен своему народу, что и его труд не только в будущем, но уже и сейчас не пропадает даром»[16].

Исходя из необходимости окружить ученых атмосферой товарищества и доброжелательности, руководящие органы партии и Советского государства стремились выдвигать на ответственные посты для работы с буржуазными учеными тактичных, образованных марксистов. В их числе были А. В. Луначарский, М. Н. Покровский, Г. М. Кржижановский, Ф. Н. Петров, О. Ю. Шмидт, Н. А. Семашко, И. М. Губкин, В. П. Волгин, И. Д. Удальцов. В. И. Ленин писал Г. М. Кржижановскому: «Вы должны быть «душой» дела и руководителем *идейным* (в особенности отшибать, отгонять *нетактичных* коммунистов, способных разогнать спецов)...»[17]. В первые годы Советской власти большую помощь партии в установлении союза науки и демократии в стенах Московского университета оказал В. П. Волгин. Являясь ректором университета (1921—1925 гг.), он широко привлекал ученых к решению важнейших вопросов научной и учебной жизни МГУ.

Следует отметить, что в первые годы Советской власти, в особенности в 1918—1922 гг., буржуазные ученые, привлекаемые к сотрудничеству с Советской властью, нередко сталкивались с положением, когда установки нашей партии «конкретизировались» на местах — в научных институтах и высших учебных заведениях — в леводоктринерском духе. Порой трудно было отличить подлинно партийную линию от той псевдореволюционной линии, которую проводили «левые» коммунисты и «пролеткультовцы», требовавшие полного разрыва с культурным наследием прошлого, объявлявшие всю науку, доставшуюся от капитализма, «буржуазной», «эксплуататорской», подлежавшей полному деструктивному отрицанию. Они стремились к созданию особой, новой по содержанию и методам физической, биологической, математической науки. При этом выдвигался глубоко ошибочный лозунг: «Наука — только для коммунистов». «Левые требовали отказа от сотрудничества с буржуазными учеными, считали «изменой делу революции» привлечение буржуазных специалистов.

Коммунистическая партия и В. И. Ленин много внимания уделяли борьбе с «левыми коммунистами» и «пролеткультовцами», развенчали их антинаучную концепцию и приняли эффективные меры по их нейтрализации и ликвидации пролеткультовских организаций. В. И. Ленин отмечал, что нужно строить социализм из того материала, который оставлен капитализмом. «У нас есть буржуазные специалисты, и больше ничего нет... И если вы не построите коммунистического общества из этого материала, тогда вы пустые фразеры, болтуны»[18]. Касаясь призыва «левых» к распра-

[16] Северцова Л. Б. Алексей Николаевич Северцов. М.; Л., 1946, с. 241—242.

[17] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 52, с. 81.

[18] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 54.

ве над «буржуазными спецами», В. И. Ленин расценивал его как вредный, исходящий из недооценки идеологической и моральной силы партии. «Если все наши руководящие учреждения, т. е. и компартия, и Соввласть, и профсоюзы,— подчеркивал В. И. Ленин,— не достигнут того, чтобы мы как зеницу ока берегли всякого спеца, работающего добросовестно, с знанием дела и с любовью к нему, хотя бы и совершенно чуждого коммунизму идейно, то ни о каких серьезных успехах в деле социалистического строительства не может быть и речи»[19]. В противовес «левацким» требованиям и лозунгам Ленин выдвинул лозунг «Ломайте поменьше!», требуя политически правильного, бережного отношения к ученым, научным учреждениям и университетам. Как отмечал М. Н. Покровский, этот лозунг, проводимый в жизнь партией под руководством Ленина, спас высшую школу от разгрома, когда этот разгром объективно был возможен[20].

Преодоление «левацких» тенденций было немаловажным фактором, содействовавшим политической эволюции естествоиспытателей Московского университета, отходу их от буржуазных политических установок. Большую роль в идейной переориентации буржуазных ученых сыграло и развертывание научно-теоретической и пропагандистской деятельности марксистов. В буржуазном сознании многих естествоиспытателей укоренился предрассудок, что марксизм — только политическая доктрина, что он никак не связан с естествознанием, что марксизм и научная деятельность несовместимы. Создание Социалистической академии (1918), организация в ее составе Секции естественных и точных наук (1924), ставившей задачу разработки философских вопросов естествознания, выпуск научных трудов этой академии, в том числе по философским вопросам естествознания (первоначально в виде статей, публиковавшихся в журнале «Вестник Социалистической академии»), организация в 1922 г. журнала «Под знаменем марксизма» — все это способствовало тому, что ученые старой школы пересматривали свои представления о марксизме и его отношении к науке. Важное значение в этой обстановке имело и издание в 1925 г. «Диалектики природы» Ф. Энгельса.

В соответствии с декретом Правительства от 4 марта 1921 г. с 1922/23 учебного года на физико-математическом факультете читается курс лекций «Материалистическая философия естествознания и биология». В 1925 г. на физико-математическом и медицинском факультетах создаются кафедры диалектического материализма. Развертывается работа философских кружков и семинаров. Так, в 1922 г. на физико-математическом факультете начал работу семинар по диалектическому материализму под руководством А. А. Максимова. В 1924 г. создаются философские общест-

[19] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 350—351.

[20] См.: Покровский М. Н. Чем был Ленин для нашей высшей школы— Правда, 1924, 27 янв.

ва — Общество физиков-материалистов и Общество врачей-материалистов. Они объединяли ученых, интересующихся философскими проблемами естествознания. Результаты работы Общества врачей-материалистов при I МГУ были представлены в двух сборниках «Медицина и диалектический материализм» (1926, 1927).

В советской науке формировался союз марксистской философии и естествознания. Материалистические традиции отечественной биологии отстаивали К. А. Тимирязев, В. А. Барыкин, А. Н. Северцов, Л. А. Зильбер, И. И. Фейгель и другие. Все большее число естественников включалось в борьбу с религией, с идеалистической философией и идеалистическими концепциями в частных науках — физике, биологии, математике. Усилилась критика витализма, физического идеализма, кондиционализма, фрейдистской социологии. Изменялись и мировоззренческие ориентации ученых, приближаясь к научному диалектико-материалистическому мировоззрению. Так, например, заведующий кафедрой экспериментальной зоологии Московского университета проф. Н. К. Кольцов, развивавший ранее авгенические идеи и делавший при этом биологизаторские выводы, убедился в неправильности своей позиции в социологических вопросах. Взгляды сторонников материалистически интерпретируемого позитивизма (например, проф. А. И. Абрикосова) постепенно трансформировались в направлении научной философии.

Следует отметить клеветнический характер утверждений буржуазных «советологов» о том, что научная интеллигенция дореволюционной школы была изгнана из университета, а ее место заняли коммунисты. Исторические факты опровергают эти вымыслы. Лишь незначительная часть буржуазных ученых, не прекращавших контрреволюционную деятельность, была отстранена от работы. Большая же часть буржуазной профессуры продолжала вести педагогическую и научную работу, постепенно изменяя свои политические и философские взгляды. Все большее число ученых в первой половине 20-х годов переходило к поддержке Советской власти. По своей социально-политической роли коммунисты и становившиеся на позиции Советской власти ученые в 1922—1925 гг. стали определяющей силой в Московском университете. По словам В. П. Волгина, «начиная с 1922 года, между Советской властью и интеллигенцией, в частности, Советской властью и миром научных работников, идет непрерывный процесс сближения, установления взаимного понимания, установления контакта в практической повседневной работе»[21].

Этот перелом в политических взглядах специалистов науки четко проявился во время работы первого Всесоюзного съезда научных работников (1923), проходившего под лозунгом «Союз науки и труда». После съезда некоторые из профессоров, стоявших на мировоззренческих позициях естественнонаучного материализма, выступили с признанием исторической правоты деятельности

[21] Научный работник, 1927, № 11, с. 24.

Коммунистической партии. О таком переломе свидетельствует выступление проф. В. М. Бехтерева: «Еще в 1920 г., после моих публичных выступлений в пользу Советской власти, мне товарищи по науке проходу не давали, считали изменником, предателем. Сейчас же в ученом кругу считается даже странным не признавать огромных успехов и исторической мудрости Октябрьской революции»[22]. После съезда Н. К. Кольцов сказал: «За деревьями поверхностных статистических итогов внешнего разрушения я вижу лес, я вижу действительно историческую, грядущую статистику гигантского творчества, вырастающего за эти годы. Никогда еще наука не была так жизнеспособна и так близка к действительной жизни, как сейчас... В перестраивающемся мире наука расцветет так, как никогда еще не расцветала»[23]. Это свидетельство одного из лидеров советской биологической науки тем более красноречиво, что оно высказано после тяжелого для Н. К. Кольцова «хождения по мукам» — от буржуазности и даже контрреволюционности к поддержке политики социалистического государства. В 1927 г. подпись проф. Н. К. Кольцова, как и ряда профессоров МГУ — А. И. Абрикосова, В. А. Барыкина, Я. С. Пржеборовского, преподавателя А. И. Опарина,— стояла под декларацией инициативной группы «Общества работников науки и техники для содействия социалистическому строительству в СССР».

Поворот интеллигенции в сторону Советской власти констатировала в своих решениях XIII конференция РКП(б), состоявшаяся в январе 1924 г.[24] В 1925 г. Совнарком РСФСР отметил, что в идейном облике и настроениях профессуры произошли значительные изменения, что наблюдается поворот профессуры навстречу новому строю. Совнарком подчеркнул, что он придает этому явлению чрезвычайно большое значение, равно как и идущему параллельно сдвигу того же порядка вообще среди ученых республики[25]. Этот поворот показал великую консолидирующую силу коммунистической, марксистской идеологии. Во второй половине 20-х — первой половине 30-х годов ускорение процесса идеологической переориентации ученых привело к формированию новой по своему политическому облику социалистической научной интеллигенции, объединяющей молодые кадры и ученых старшего поколения. В эти годы в университете формировалось мировоззрение С. И. Вавилова, И. Е. Тамма, А. И. Опарина, А. Н. Несмеянова, И. Г. Петровского, Н. П. Дубинина, Х. С. Коштоянца, М. В. Келдыша, А. Н. Колмогорова, А. Н. Белозерского, Д. И. Блохинцева, Б. Л. Астаурова и других ученых, чьи работы заняли вскоре достойное место в мировой науке.

[22] Цит. по: Залкинд А. Б. Очерки культуры революционного времени. Б. м., 1924, с. 154.

[23] Цит. по: Залкинд А. Б. Указ. соч., с. 153.

[24] Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1969, т. 2, с. 501.

[25] Собрание узаконений РСФСР, 1925, № 48, с. 364.

Глава III

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПОДГОТОВКА КАДРОВ ПО ФИЛОСОФИИ И НАУЧНОМУ КОММУНИЗМУ. ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

К 225-летию Московского университета философский факультет пришел с большими достижениями в учебной, научной и идейно-воспитательной работе. В настоящее время факультет является крупным учебно-научным центром по подготовке кадров преподавателей философии и научного коммунизма и специалистов высшей квалификации через аспирантуру. На факультете обучаются 763 студента на дневном отделении, 655 — на вечернем отделении и 450 аспирантов. На 14 кафедрах факультета работают 37 штатных профессоров и докторов наук, 49 доцентов и 19 научных сотрудников; имеется лаборатория конкретных социологических исследований.

Ученые факультета ведут работу по созданию учебников и учебных пособий для студентов философских факультетов университетов страны. Изданы учебные пособия по истории марксистско-ленинской философии, критике современной буржуазной философии, марксистско-ленинской этике и эстетике, теории и истории атеизма. Разработаны учебные планы и программы, по которым обучаются студенты философских специальностей университетов Советского Союза и других социалистических стран.

Философский факультет Московского университета был инициатором введения спецкурсов на философских факультетах университетов. Спецкурсы и спецсеминары являются важной формой углубленного изучения студентами проблем философской науки. В них осуществляется единство учебной и научной работы. Через систему спецкурсов и спецсеминаров внедряются в практику учебно-педагогической работы новейшие результаты научных исследований. На факультете ежегодно читается около 100 специальных курсов.

По инициативе философского факультета были введены курсовые и дипломные работы для студентов философских факультетов страны. Курсовые и дипломные работы, являясь целостными оригинальными исследованиями, прививают студентам навыки научно-исследовательской деятельности.

Ученые факультета ведут интенсивную научно-исследовательскую работу по актуальным вопросам марксистско-ленинской философии. Проведена большая работа по выполнению постановления ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве» (1967). За последние годы на философском факультете возникли новые научные направления, получившие признание и

широкое распространение в нашей стране: теория научного коммунизма, современная марксистско-ленинская философия в зарубежных странах, логика и методология научного познания, философские проблемы экологии, методология и методика конкретных социологических исследований и другие. Ведущее место в научных исследованиях занимают проблемы современного общественного развития, борьбы двух мировых общественных систем, роли стран социалистического содружества в социальном прогрессе, диалектики становления и развития социализма.

Философы МГУ разрабатывают важные пролемы диалектического материализма, законов и категорий диалектики, мировоззренческих и методологических функций философии. В их работах ставились новые проблемы, конкретизировались и уточнялись категории диалектики, рассматривались вопросы, связанные с изменением взаимоотношений и связей между ними, исследовались ранее недостаточно освещенные в литературе категории, изучались вопросы их систематизации на основе принципа единства логического и исторического; высказывались суждения о развитии категориальных систем в зависимости от познавательных задач. Эти вопросы нашли отражение в трудах С. Т. Мелюхина, А. П. Шептулина, В. С. Молодцова, Ю. А. Петрова. В настоящее время на факультете развернулась работа по созданию серии трудов по материалистической диалектике.

Большое внимание уделяется разработке принципов диалектической логики как методологии научного познания, а также разработке проблем научного познания, представляющих собой комплексную область, включающую применение методов как диалектической, так и формальной логики к анализу научных теорий. Здесь следует отметить работы В. И. Мальцева, В. И. Черкесова, В. А. Смирнова, З. М. Оруджева, Д. П. Горского, А. А. Старченко.

Успешно разрабатываются проблемы связи и развития в материалистической диалектике. Исследуются многообразные типы связей, обусловленности, предметной определенности; изучаются диалектическое развитие и его критерии.

В работах философов МГУ рассматриваются структура диалектических противоречий, их типология; исследуются роль противоречий как источника самодвижения, характер противоречий при социализме. При этом подчеркивается, что в условиях зрелого социализма сохраняет силу ленинское положение об относительности единства и абсолютности борьбы противоположностей. В исследованиях ученых философского факультета обстоятельно рассматривается проблема неантагонистических противоречий при социализме и отмечается, что их разрешение ведет к укреплению социально-политического и идейного единства социалистического общества.

Опираясь на ленинское идейное наследие, ученые университета сделали вывод о необходимости различать содержание и форму противоречий. Антагонистические противоречия при определенных условиях могут быть разрешены в мирной форме. Так, антагонистические противоречия между буржуазией и рабочим классом в ряде социалистических стран разрешились как в мирной, так и в немирной форме. Антагонистические противоречия между мировым социализмом и мировым капитализмом проявляются в современных условиях в мирном сосуществовании как особой форме классовой борьбы и острой идеологической борьбе. Неантагонистические противоречия в силу ряда обстоятельств — главным образом субъективного порядка — могут иногда перерастать в антагонистические противоречия.

Ученые факультета уделяли большое внимание раскрытию закономерностей развития системы социализма, его движущих сил и присущих ему неантагонистических противоречий. Они исследовали неантагонистическое противоречие между растущей интернационализацией производительных сил и всей общественной жизни, с одной стороны, и сохраняющейся национальной государственной социалистической собственностью на орудия и средства производства — с другой. Методом и формой разрешения этого неантагонистического противоречия, как подчеркивается в этих работах, является социалистическая экономическая интеграция. Были выделены три группы неантагонистических диалектических противоречий в развитии мировой социалистической системы: 1) противоречия, порожденные процессом развития стран социализма; 2) противоречия, возникающие в силу нарушения объективных законов из-за просчетов и ошибок; 3) противоречия, появляющиеся вследствие деформации социализма под давлением чуждых внутренних сил и международного империализма. Были исследованы неантагонистические противоречия зрелого социализма. Это противоречия, связанные с прогрессивным развитием социализма и выдвижением новых, более сложных задач, для решения которых требуются новые формы работы и организации; противоречия, связанные с остатками старого, и противоречия, выражающие сложность структуры зрелого социализма. Рассматривались и возникающие неантагонистические противоречия между ограниченными возможностями личностного фактора и ограниченными возможностями техники. Эти противоречия преодолеваются на базе автоматизации и интенсификации производства, на основе научно-технического прогресса.

В последние годы философы МГУ успешно разрабатывали проблемы марксистско-ленинской теории отражения в тесной связи с достижениями современной науки. Многое сделано для разработки ленинской идеи об отражении как всеобщем свойстве материи. Можно сказать, что ученые университета успешно выполняют поставленную В. И. Лениным задачу создания диалектико-материалистической теории познания на базе отдельных наук и истории познания вообще.

При несомненных успехах в исследовании важных вопросов

диалектического материализма имеются и отсталые участки. Не в полную силу ведется работа по созданию фундаментального обобщающего труда по теории диалектики. Создание такой работы позволило бы решить многие проблемы и трудности развития других разделов философского знания. Требует более глубокого исследования проблема единства диалектики, логики и теории познания, что позволило бы решить некоторые дискуссионные вопросы, связанные с предметом марксистско-ленинской философии, с соотношением диалектической и формальной логики и другими. Ждет более основательного изучения проблема единства диалектики и материализма, методологических и мировоззренческих функций марксистской философии. Необходимо глубоко и всесторонне исследовать отражение социальной динамики современной эпохи в понятиях и категориях диалектики. Философам предстоит большая работа, связанная с обогащением ленинского понимания диалектики на основе анализа многообразных противоречий современного мирового развития, принципа всеобщего развития и явлений. Необходимо больше внимания уделять социальной проблематике, закономерностям развития зрелого социализма. Это не только проблемы исторического материализма и научного коммунизма, но и диалектического материализма. Специалисты по диалектическому материализму, анализируя всеобщие закономерности развития природы, общества и познания, должны исследовать закономерности движения человеческого общества к коммунизму. Эта философская проблема еще недостаточно изучена с точки зрения диалектического материализма.

Философы Московского университета проделали определенную положительную работу по исследованию актуальных вопросов исторического материализма. По этим проблемам были опубликованы содержательные монографии, тематические сборники и большое количество научных статей. В центре внимания ученых находились наиболее актуальные проблемы современности: закономерности развития социалистического общества, мировой капиталистической системы, научно-технической революции, взаимодействия природы и общества.

В связи с исследованием предмета исторического материализма выявились две точки зрения. Представители первой точки зрения рассматривают исторический материализм как марксистско-ленинскую социологию. Они считают, что различные социологические теории (социологическая теория труда, семьи, науки, культуры и т. д.) являются составными частями исторического материализма. Представители другой точки зрения полагают, что исторический материализм является методологической основой социологического знания, и поэтому в круг вопросов, связанных с предметом исторического материализма, они включают вопрос о соотношении исторического материализма и марксистско-ленинской социологии.

Изучая различные уровни социального познания, философы ис-

следуют проблемы общесоциологических законов и законов развития отдельных сфер общественной жизни. В работах ряда авторов общесоциологические законы определяются как законы, выражающие необходимые, существенные связи и отношения между различными сторонами общественной жизни. Общесоциологические законы изучаются историческим материализмом, и поэтому он выступает как марксистская общесоциологическая теория. Частные же социологические теории изучают отдельные стороны социальной действительности на основе эмпирического материала конкретных социологических исследований.

Все эти вопросы требуют дальнейшего исследования. Однако очевидно, что нет никаких оснований противопоставлять общесоциологическую теорию частным социологическим теориям, исследующим отдельные сферы действительности. Попытки рассматривать исторический материализм и марксистско-ленинскую социологию как самостоятельные научные дисциплины неоправданны. Законы отдельных сфер действительности, изучаемых прикладной социологией, не отдельны от общесоциологических законов, а действуют на их основе.

Неправомерны и попытки свести исторический материализм к одной лишь методологии социального познания. Метод и теория, как известно, находятся в единстве. Теория, применяемая к познанию действительности, выполняет функции метода. Исторический материализм является теорией и методологией социального познания. Никакой особой социологии как науки помимо исторического материализма не существует. Частные социологические теории входят в состав исторического материализма. Исторический материализм — это и есть марксистско-ленинская социология.

В последнее время большое внимание уделялось вопросам субординации и координации законов и категорий исторического материализма и построению системы категорий марксистской социологии. В ряде работ предлагается сгруппировать категории исторического материализма следующим образом: 1) категории, отражающие материальную жизнь общества; 2) категории, отражающие духовную жизнь общества; 3) категории, отражающие и материальные и духовные явления. Исторический материализм, являясь общесоциологической дисциплиной, одновременно выступает и как социально-философская теория, ибо он использует основополагающие категории диалектического материализма в социальном познании. В силу этого исследователи выделяют в историческом материализме общие социологические категории, философские категории и категории, выражающие связи общесоциологических и философских категорий. Было предложено также выделить категории, отражающие действия и состояния, и соотносительные категории. Был поставлен вопрос о выявлении «клеточки», исходной категории исторического материализма на основе метода восхождения от абстрактного к конкретному.

Продолжаются исследования механизма действия и возмож-

ностей использования общественных законов. Если общественные законы представляют собой выражение необходимых, существенных связей явлений социальной действительности, то механизм действия общественных законов — это взаимодействие, результатом которого становится данная связь. Субъективный фактор выступает как активное начало в механизме действия социальных законов. Исследование действия и использования законов общественного развития содействовало, в частности, решению поставленной партией задачи нахождения наиболее эффективных форм и методов использования экономических законов в управлении народным хозяйством.

Важное место в научных исследованиях философов МГУ занимают вопросы научно-технической революции и ее социальных последствий. Научно-техническая революция рассматривается как мощный ускоритель социального прогресса, как существенная предпосылка перехода от эксплуататорского строя к социализму и коммунизму. Исследование проблем НТР тесно связано с разработкой теоретических вопросов создания материально-технической базы коммунизма — важнейшим направлением развития общественных наук. В работах советских ученых подчеркивается, что НТР обостряет все антагонизмы и противоречия капитализма, ведет к концентрации производства, увеличению числа лиц наемного труда, к сближению рабочего класса, инженерно-технических работников и интеллигенции.

Большое внимание уделяется воздействию НТР на человека, на характер его труда и квалификацию. В процессе НТР при социализме осуществляется переход от неквалифицированного труда к квалифицированному и творческому труду, изменяется место человека в материальном производстве: человек перемещается из процесса непосредственного производства в область управления производственными процессами и конструирования новой техники. В силу этого решающую роль в материальном производстве постепенно приобретают не затраты физической энергии человека, а способности творчески решать сложные технические и организационные задачи. НТР создает предпосылки для формирования единой системы важнейших сфер человеческой деятельности: науки, техники, производства, управления.

Научно-техническая революция обостряет проблемы взаимоотношения природы и общества, охраны окружающей среды, экологического равновесия. В работах ученых МГУ подчеркивается, что характер взаимодействия природы и общества зависит от характера общественного строя, ибо технологическая связь человека с природой всегда социально обусловлена. Под влиянием НТР меняется структура жизненной среды, уменьшается число ее природных компонентов и увеличивается число компонентов искусственных, возрастает опасность экологического кризиса. Однако НТР одновременно создает и средства для нейтрализации негативных последствий производственной деятельности. Их создание и использование в значительной степени зависят от характера производственных отношений. Советские ученые успешно развивают новую отрасль знания — природопользование, синтезирующую данные общественных и естественных наук. Исследование взаимодействия природы и общества в условиях НТР может успешно осуществляться усилиями представителей общественных, естественных и технических наук. Философия должна осуществлять интегративную функцию в разработке проблем природопользования. Философам Московского университета предстоит еще многое сделать в исследовании закономерностей и перспектив развития производительных сил в условиях НТР, в прогнозировании ее социально-экономических последствий.

Ученые МГУ — философы, экономисты, юристы — исследуют проблемы социального управления. Они подчеркивают, что управление предполагает целенаправленное воздействие как на общество в целом, так и на его отдельные подразделения и имеет целью сохранение, нормальное функционирование, развитие и совершенствование социальной системы. В трудах философов и социологов университета рассматриваются следующие виды управления: производственное (или экономическое), социально-политическое, управление духовной жизнью общества и каждого отдельного его члена. Управление производством включает в себя организационно-техническую и социально-экономическую стороны. Особое внимание обращается на расширение масштабов планирования и управления, на использование достижений науки о человеке в процессе управления, на применение современных технических средств управления. Однако философами МГУ недостаточно еще исследованы вопросы социальной информации, ее природы, различных видов, принципов ее создания, передачи и использования в обществе. Исследование этих вопросов позволит давать эффективные рекомендации по управлению социальными процессами и идеологической работой.

Учеными МГУ были предприняты попытки исследования взаимосвязи деятельности людей и их общественных отношений. При этом были выдвинуты следующие положения: 1. Категория «активность» является исходной по отношению к категории «деятельность». Под активностью понимается способность материи к взаимодействию и самодвижению. Активность развивается вместе с развитием материи. 2. Человеческая деятельность, являющаяся проявлением социальной активности, находит свое выражение в целенаправленном преобразовании действительности (практическая деятельность) и целенаправленном отражении действительности (духовная деятельность). 3. В качестве положительной творческой деятельности выступает труд. 4. Труд — источник общественных отношений, которые превращают практическую деятельность людей в общественно-историческую практику. 5. Человеческая деятельность есть способ существования социальной действительности. Заслуживает внимания анализ общения людей как

такого социального процесса, в котором социальные отношения обретают свое реальное бытие. 6. Общественные отношения выступают условием и формой человеческой деятельности, образуя с последней диалектически противоречивое единство, характеризующее сущность социальных процессов.

Вместе с тем необходимо предостеречь от ошибок в исследовании этих вопросов. Дело в том, что иногда общественную деятельность социальных групп или отдельного человека и общественные отношения рассматривают как две самостоятельные, не связанные друг с другом сферы. Это может вести к противопоставлению деятельности людей, активности субъекта объективным законам истории. Исследование связи деятельности, активности и общественных отношений имеет непосредственное значение для педагогики, этики, эстетики, социальной психологии, права и других наук.

В последнее время развернулись исследования проблем культуры как специфической формы овладения действительностью, как способа человеческой деятельности; обоснована необходимость разграничения понятий «культура» и «цивилизация».

Коммунистическая партия уделяет исключительно большое внимание всестороннему развитию личности. Философы и социологи МГУ проделали определенную работу по исследованию социально-философских проблем человека — индивидуальности, личности, социальной типологии личности, социальной активности личности. Однако здесь еще предстоит большая работа.

Важной проблемой общественных наук является изучение социальной структуры общества. Оно шло по линии раскрытия природы социальных отношений, сочетающих отношения материальные и идеологические, выявления взаимоотношений между классами и социальными группами в развитом социалистическом обществе, обоснования роли и места трудового коллектива в социальной структуре общества. Движение нашей страны к социальной однородности вовсе не означает, что коммунистическое общество будет социально бесструктурным. В будущем коммунистическом обществе основным элементом социальной структуры будет трудовой коллектив. Исследование роли трудового коллектива в материально-производственной, политической, духовной, управленческой и других сферах жизни является дальнейшей конкретизацией положения К. Маркса о коммунизме как ассоциации свободных тружеников.

Разрабатывая теорию общественно-экономической формации, ученые МГУ раскрывают объективную логику, внутреннее единство общественно-исторического процесса. Вместе с тем исторический материализм борется со стремлением превратить марксистскую социологию в абстрактную схему, под которую подгоняются конкретные исторические процессы. Руководствуясь методом и теорией исторического материализма, ученые учитывали многообразие проявлений общественно-исторического процесса, выделяли

и анализировали конкретно-исторические общественные формы в рамках одной формации, исследовали общественно-экономические уклады и их связь с развитием общественно-экономических формаций. Это позволило более основательно рассмотреть вопросы о некапиталистическом пути развития, о путях перехода к социализму стран, находящихся на разных уровнях экономического и социального развития.

Не умаляя проделанной работы, все же следует отметить недостаточное внимание к разработке общефилософских проблем исторического материализма, материалистической концепции общественного развития. Назрела необходимость создания капитального труда «Марксистско-ленинская теория общественно-исторического процесса». Ослаблено внимание к разработке методологических проблем общественных наук, к философскому синтезу новейших данных обществоведения; отсутствуют труды, характеризующие исторический материализм как социально-философскую и общесоциологическую теорию. Специалистам в области исторического материализма предстоит большая работа по исследованию единства и многообразия общественно-исторического процесса, общего и особенного в развитии отдельных стран и регионов, соотношения исторического и логического аспектов изучения общества. Неразработанность отдельных проблем исторического материализма сказывается на противоречивой трактовке разными авторами основных его категорий, что дало о себе знать в дискуссиях об азиатском способе производства, об общественно-экономической формации, о характере экономических законов социализма и экономической роли государства, о характере противоречий развития социалистического общества и в ряде других вопросов.

Большая научная работа ведется по исследованию актуальных теоретических проблем современной логики, имеющих непосредственную связь с методологией науки и научными основами пропаганды. Интересные результаты были получены в разработке проблем теории вывода, релевантной и классической логики (Е. К. Войшвилло), логической семантики и модальной логики (Е. Д. Смирнова), теории и практики аргументации (А. А. Старченко).

На философском факультете МГУ сложилась школа советских историков философии. Коллектив кафедры истории зарубежной философии разрабатывает проблемы практически всех периодов истории всемирной философии. Опубликованы интересные исследования по вопросам возникновения философии и истории античной философии (А. Н. Чанышев, В. В. Соколов, А. С. Богомолов), истории философии средних веков и Возрождения (В. В. Соколов, Г. Г. Майоров), истории философии Нового времени (В. Н. Кузнецов, А. Л. Доброхотов, Г. Я. Стрельцова, Н. Е. Покровский, А. Ф. Грязнов), критике современной буржуазной философии и социологии (Ю. К. Мельвиль, А. С. Богомолов, В. Н. Кузнецов,

А. Ф. Зотов, В. Ф. Коровин, А. Ф. Грязнов), истории философии стран Востока (В. С. Костюченко), критике современной буржуазной методологии науки (А. Ф. Зотов).

Большую и весьма плодотворную работу ведет коллектив кафедры истории философии народов СССР, который совместно с Институтом философии АН СССР впервые начал разрабатывать историю философской и социологической мысли народов нашей многонациональной страны с древнейших времен и до наших дней. Были опубликованы «Очерки по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР» в двух томах (М., 1955—1956), «История философии в СССР» — большой многотомный труд (к настоящему времени вышло четыре тома). Под редакцией М. Т. Иовчука, Т. И. Ойзермана, И. Я. Щипанова вышел четырьмя изданиями «Краткий очерк истории философии», переведенный на немецкий, чешский, греческий, венгерский, польский, португальский, испанский языки. Основной заслугой кафедры является исследование материалистической, диалектической, атеистической и социалистической традиции отечественной философии. При участии членов кафедры были подготовлены и изданы избранные философские произведения почти всех крупных мыслителей России. Учеными кафедры опубликованы монографические исследования философских взглядов М. В. Ломоносова, просветителей конца XVIII в., Н. П. Огарева, П. Л. Лаврова, П. Я. Чаадаева, В. И. Танеева, естествоиспытателей второй половины XIX — начала XX в., философских воззрений русских революционных демократов. На кафедре исследуется история философской мысли народов СССР, ведется активная работа по критике буржуазных извращений и фальсификаций истории русской философии и многонационального философского наследия народов нашей страны. Сотрудники кафедры принимали участие в многотомных историко-философских исследованиях.

Интенсивно работает коллектив кафедры истории марксистско-ленинской философии. Основными направлениями научной работы кафедры являются исследование философского наследия К. Маркса и Ф. Энгельса, ленинского этапа развития марксистской философии, современной марксистско-ленинской философии в зарубежных странах; критика буржуазных фальсификаторов истории марксизма-ленинизма. Опубликовано большое количество работ, посвященных критике современного философского ревизионизма, неомарксизма, «правого» и «левого» ревизионизма (работы А. Д. Косичева, Г. С. Васецкого, С. Т. Калтахчяна).

В последние 10—15 лет в МГУ успешно развиваются новые научные направления: марксистско-ленинская эстетика, марксистско-ленинская этика, теория и история атеизма. Ученые кафедры эстетики опубликовали три учебных пособия по истории и теории эстетики, 65 книг и брошюр. Изданы интересные исследования по истории и теории эстетики М. Ф. Овсянникова и Е. Г. Яковлева, которые были переведены на иностранные языки. Коллектив кафедры возглавляет работу над многотомной «Историей эстетики», удостоенной золотой медали Академии художеств СССР.

Основными направлениями научной работы кафедры марксистско-ленинской этики являются исследования социальной сущности, структуры и функций морали (С. Ф. Анисимов, А. И. Титаренко, А. А. Гусейнов, Б. О. Николанчев); проблем морали развитого социализма и нравственного воспитания (С. Ф. Анисимов, А. И. Титаренко, Л. Б. Волченко); критика буржуазных этических концепций и антикоммунизма (А. И. Титаренко, А. А. Гусейнов, Т. А. Кузьмина); история этики (А. А. Гусейнов, В. Т. Ганжин).

Важную роль на философском факультете играет кафедра истории и теории атеизма. Коллектив кафедры разрабатывает комплексную тему «Атеизм и формирование духовного мира человека коммунистического общества». Учеными кафедры опубликованы монографические исследования по теоретическому религиоведению, критике современной религиозной идеологии, теории и истории атеизма, методологическим вопросам атеистического воспитания, социологии и психологии религии.

Большие достижения в научной и учебной работе имеет отделение научного коммунизма, возглавляемое проф. А. М. Ковалевым. Как научно-учебная дисциплина научный коммунизм впервые в нашей стране начал складываться на философском факультете Московского университета. В настоящее время отделение научного коммунизма — крупный научный и учебный центр, объединяющий пять кафедр и три исследовательские группы. Основными сферами научных поисков ученых отделения научного коммунизма являются методологические проблемы научного коммунизма (А. М. Ковалев, Е. Ф. Сулимов, Б. В. Князев, А. И. Куфтырев); развитое социалистическое общество (А. М. Ковалев, А. Г. Лашин, Е. Ф. Сулимов, И. М. Слепенков, Д. Ф. Козлов). В работах А. М. Ковалева большое внимание уделяется выявлению и исследованию критериев развитого социализма, этапов его становления и развития. В них подчеркивается, что критерий социализма нельзя сводить только к собственности на средства производства. Он носит комплексный характер и связан со всеми сферами социальной жизни.

При изучении теоретических проблем материально-технической базы коммунизма, представляющих собой комплексную область исследования, специалисты по научному коммунизму рассматривают вопросы, связанные с выявлением значимости тех или иных элементов материально-технической базы в развитии социальных отношений, в творческом развитии личности, дают рекомендации по повышению интеллектуализации труда, культурно-технического уровня трудящихся, насыщению труда творческим содержанием, соединению умственного и физического труда.

Большое внимание в публикациях по научному коммунизму уделялось анализу социалистических общественных отношений.

Исследовались социальные проблемы агропромышленных комплексов, путей развития малых городов в связи с агропромышленным кооперированием. Однако еще недостаточно изучены проблемы социальных, гуманистических и других критериев эффективности объединения предприятий в единый промышленный комплекс.

Большое место в трудах по научному коммунизму занимали вопросы повышения руководящей роли Коммунистической партии и ведущей роли рабочего класса в социальном развитии; подвергались критике антимарксистские концепции исчезновения рабочего класса и растворения его в некоем среднем классе; рассматривались качественные и количественные изменения рабочего класса СССР и характера труда при социализме.

Были опубликованы работы по вопросам социальной структуры нашего общества. Показывая движение общества к социальной однородности, авторы подчеркивали, что преждевременно говорить о полном преодолении классовых различий, ибо существует еще социально-экономическая неоднородность труда. Положения тех ученых, которые считают возможным достижение социальной однородности труда и преодоление классовых различий, а также различий между умственным и физическим трудом уже на стадии социализма, не представляются обоснованными. Не следует также подменять межклассовые различия, являющиеся основными на данном этапе, различиями профессиональными.

Проделана значительная научная работа по изучению проблем наций и национальных отношений. В трудах по этой проблематике раскрывается диалектическое взаимодействие двух тенденций в развитии наций при ведущей роли тенденции к сближению наций; преодолеваются крайности в решении этого вопроса. Авторы показали несостоятельность утверждений о том, что сближение наций и расцвет наций (усиление национальной специфики) — два различных процесса и что преобладающей тенденцией в настоящее время является не сближение, а расцвет наций. Но ведь сам расцвет наций происходит на основе их сближения. Без сближения, без сотрудничества не может быть расцвета наций. В исследованиях ученых факультета отмечаются возрастание интернационального содержания процесса развития наций, установление между ними полного единства, а также важность учета национальных особенностей. Проделана значительная работа и по исследованию признаков нации, по уточнению понятий «психический склад», «национальная психология», «национальный характер», «национальное самосознание». Однако специалистам по научному коммунизму необходимо еще более основательно изучать проблемы наций и национальных отношений, выяснять закономерности развития советского народа как новой исторической общности людей и его связи с национальными общностями; вскрывать причины сохранения социалистических наций в современных условиях, исследовать их место среди других общностей людей, соотношение социального и этнического в нации.

Важное место в научных исследованиях философов факультета занимали вопросы социалистического образа жизни, советского быта. Были преодолены две крайности в понимании образа жизни. Одна крайность заключалась в отождествлении образа жизни с общественным бытием людей. В таком понимании образ жизни утрачивал свою специфику. Другая крайность состояла в сведении образа жизни к проблеме потребностей. Было показано, что социалистический образ жизни — это качественно новая форма человеческой жизнедеятельности, аккумулирующая общественные условия жизни, но не сводимая к ним.

Проделана содержательная работа по исследованию связи общих закономерностей и конкретных специфических особенностей строительства социализма. В работах ученых отделения научного коммунизма показывается благотворное воздействие мировой системы социализма на экономические, социальные, политические и духовные процессы в каждой социалистической стране, выясняется роль мировой социалистической системы в современном мировом революционном процессе. Важное место в этих исследованиях занимало изучение таких всеобщих закономерностей мирового социализма, как интернационализация всех сторон общественной жизни, социалистическая экономическая интеграция, постепенное выравнивание уровней экономического, социального и культурного развития стран социализма, возрастание руководящей роли коммунистических партий.

Положительно оценивая проделанную работу по научному коммунизму, вместе с тем надо отметить, что ученые должны видеть новые задачи и новые проблемы. Огромное значение в творческом развитии марксистско-ленинской философии и научного коммунизма имеют решения и документы XXVI съезда КПСС, которые внесли новый вклад в концепцию развитого социализма, обогатили марксистское учение о человеке новыми выводами и положениями. Съезд развил учение Маркса и Энгельса о том, что при социализме и коммунизме человек становится самоцелью общественного развития. Конкретизируя это положение, Л. И. Брежнев отмечал, что конкретная забота о конкретном человеке — начало и конечный пункт экономической политики партии [1]. В связи с этим XXVI съезд КПСС уделил большое внимание непроизводственной сфере общественной жизни, которая является основой формирования и развития личности.

Материалы и документы XXVI съезда КПСС имеют большое значение для дальнейшего развития марксистско-ленинского учения об общественно-экономической формации и выявления структуры коммунистической формации. В научных исследованиях и педагогической практике общественно-экономическая формация рассматривается преимущественно как экономическая категория.

---

[1] См.: Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 49.

В. И. Ленин указывал на недостаточность такого понимания этой категории. В документах и материалах XXVI съезда КПСС коммунистическая формация рассматривается как социально-экономическая категория, раскрывается ее сложная структура как совокупность взаимосвязанных компонентов.

Руководствуясь теоретическими положениями и выводами, содержащимися в материалах XXV и XXVI съездов КПСС, необходимо исследовать особенности объективных и субъективных факторов мирового революционного процесса применительно к отдельным регионам с различным уровнем развития; специфику формирования революционной ситуации в современную эпоху; мирные и немирные формы революционной борьбы; проблемы союза рабочего класса с непролетарскими массами трудящихся; новые формы экономической борьбы и идеологию современного забастовочного движения в капиталистических странах; связь мирного сосуществования, разрядки международной напряженности и развития мирового революционного процесса. Критикуя враждебные буржуазно-ревизионистские концепции, следует глубже раскрывать особенности и закономерности современной идеологической борьбы и наряду с критикой давать позитивное решение тех проблем, на недостаточной разработанности которых спекулирует современный антикоммунизм.

Перед коллективом философского факультета стоят новые большие задачи. Необходимо дальнейшее совершенствование философского отделения. Назрела необходимость создания кафедры или научной лаборатории философских вопросов естествознания, которая занималась бы философским обобщением новейших достижений естественных наук. Такая кафедра особенно нужна Московскому университету, где представлены важнейшие направления естественных наук и имеются большие успехи в их развитии. Крайне важно и создание кафедры методологии гуманитарных наук. Если по философским вопросам естествознания имеются определенные успехи, издаются монографии, то по философско-методологическим вопросам общественных и гуманитарных наук научные исследования ведутся недостаточно интенсивно, отсутствуют фундаментальные работы. Создание кафедры методологии гуманитарных наук содействовало бы решению сложных вопросов развития марксистского обществоведения.

Требуется дальнейшее развитие отделения научного коммунизма. В последние годы стала очевидной необходимость создания кафедр теории мировой системы социализма, теории и методов управления социальными процессами.

Необходимо развивать конкретные социологические исследования — имеется в виду создание на философском факультете отделения прикладной социологии с кафедрами социологии промышленного и сельскохозяйственного производства, социологии труда, социологических проблем науки и культуры и другими. На факультете предполагается создать мощную социологическую службу, укрепить и расширить лабораторию конкретных социологических исследований.

В целях выполнения постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О повышении эффективности научно-исследовательской работы в высших учебных заведениях» (1979), в целях усиления внимания к фундаментальным комплексным исследованиям и их связи с преподаванием необходимо создать новые учебно-научные подразделения. В ближайшее время предполагается организовать общефакультетские исследовательские группы по разработке теории материалистической диалектики, по актуальным проблемам развитого социалистического общества, методологическим проблемам общественных наук, критике современной буржуазной философии, антикоммунизма, «правого» и «левого» ревизионизма (с кабинетом информационной литературы). Для исследования комплексных проблем и усиления координации деятельности кафедр целесообразно создать межкафедральные исследовательские группы: логики и методологии научного познания (на базе кафедр диалектического материализма и логики); комплексных проблем теории коммунистического воспитания (на базе кафедр теории и практики коммунистического воспитания, эстетики, этики и атеизма).

Необходимо поднять на более высокий уровень научно-исследовательскую работу на кафедрах. Для этого целесообразно создать кафедральные научно-исследовательские группы со специальным штатом сотрудников с уменьшенной педагогической нагрузкой. По плану развития факультета предполагается создать кафедральные научно-исследовательские группы по марксистско-ленинской философской мысли в буржуазных странах (кафедра истории марксистско-ленинской философии); технической эстетике (кафедра марксистско-ленинской эстетики); истории социологической мысли народов СССР (кафедра истории философии народов СССР); истории древней и средневековой философии (кафедра истории зарубежной философии); управлению социальными процессами при социализме (кафедра научного коммунизма); развитию мировой системы социализма (кафедра научного коммунизма); методологическим проблемам теории мирового революционного процесса (кафедра теории и истории коммунистического и рабочего движения); нравственным проблемам общества развитого социализма (кафедра марксистско-ленинской этики); теории коммунистического воспитания (кафедра теории и практики коммунистического воспитания); проблемам атеизма и религии (кафедра теории и истории атеизма); проблемам истории научного коммунизма (кафедра истории социалистических учений).

Важной предпосылкой новых успехов в развитии марксистской философской науки являются те достижения в учебной и научной работе, с которыми философы Московского университета пришли к 225-летию флагмана советской высшей школы.

Глава IV

КАФЕДРА ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

В 1960 г. произошло разделение кафедры диалектического и исторического материализма на два самостоятельных подразделения — кафедру исторического материализма и кафедру диалектического материализма, которую возглавил проф. В. С. Молодцов. Создание кафедры способствовало повышению уровня научно-исследовательской и преподавательской деятельности, систематическому изданию трудов по теории материалистической диалектики, теории познания, логике и методологии научного исследования, философским вопросам естествознания. Особенно большое влияние на этот процесс оказали исторические решения последних съездов КПСС, постановление ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве» (1967), а также постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дальнейшем развитии высшей школы и повышении качества подготовки специалистов» и «О повышении эффективности научно-исследовательской работы в высших учебных заведениях» (1979). Они определяют важнейшие направления развития философских наук, нацеливают на более тесную связь теоретических исследований с задачами коммунистического строительства.

Разработка кафедрой теории диалектического материализма органически сочеталась с практикой преподавания. Каждый из лекционных курсов отражает достигнутый уровень теоретических исследований, а также результаты учебно-методической работы, которая велась как в направлении разработки и систематизации курсов диалектического материализма и философских вопросов естествознания, так и в направлении создания новых спецкурсов, учебно-методических пособий и программ, обеспечивающих подготовку высококвалифицированных специалистов. Кафедра провела ряд всесоюзных и общемосковских конференций по важнейшим проблемам диалектического материализма и издала научные работы по итогам этих конференций. По теории познания был издан двухтомный труд «Современные проблемы теории познания диалектического материализма» (1970) под редакцией акад. М. Б. Митина и профессоров В. С. Молодцова, И. С. Нарского, Т. И. Ойзермана, В. С. Швырева.

В 1963 г. была разработана программа для философских факультетов по курсу «Философские вопросы естествознания», по которой затем был опубликован курс лекций «Философские проблемы естествознания» (1967) под редакцией В. С. Молодцова и А. М. Коршунова. Важное значение в подготовке философских кадров имели также книги «Методологические проблемы современной науки» (1964) под редакцией В. С. Молодцова и А. Я. Ильина; «Знак и значение» (1969) под редакцией И. С. Нарского. Кафедра активно разрабатывала философские вопросы системно-структурных исследований. На основе теоретической конференции в 1967 г. была опубликована книга «Методологические вопросы системно-структурного исследования» под редакцией В. С. Молодцова, Б. А. Глинского, А. Я. Ильина и В. И. Купцова.

Важное место в работе кафедры занимала разработка проблем диалектической логики. В связи с этим следует отметить большую работу проф. В. И. Черкесова «Материалистическая диалектика как логика и теория познания» (1962), в которой было показано значение фундаментальных положений В. И. Ленина о соотношении диалектики, логики и теории познания, проанализированы взаимоотношения формальной и диалектической логики. Эта книга вызвала дискуссию в советской философской литературе. Важные теоретические вопросы были поставлены в труде проф. В. И. Мальцева «Очерк по диалектической логике» (1964), в котором автор характеризует структуру диалектической логики, ее категориальный аппарат, соотношение с формальной логикой и теорией познания. Диалектическая логика рассматривается как высший этап в развитии логической науки, как наука, исследующая законы мышления в тесной связи с всеобщими законами объективной действительности. Книга В. И. Мальцева привлекла внимание философской общественности, была издана на Кубе.

Проблемам диалектической логики посвящены и монографии З. М. Оруджева «Диалектика как система» (1973), «Диалектическая логика» (1979) Ф. Кумпфа и З. М. Оруджева.

С момента возникновения кафедра имеет ряд творческих договоров о научном сотрудничестве с философскими кафедрами университетов социалистических стран. Совместно с философами ГДР была подготовлена и издана в Берлине под редакцией профессоров Г. Херца и А. Я. Ильина коллективная работа «Диалектический материализм и его критики» (1975), посвященная критике современных буржуазных фальсификаций диалектического материализма, а также метафизических и идеалистических концепций в естествознании. В 1977 г. в Братиславе был издан коллективный труд «Методологические принципы биологии», подготовленный кафедрами диалектического материализма МГУ и Братиславского университета. Ведется работа по созданию коллективного труда «Проблема человека в современной философии» совместно с философами университета имени Мартина Лютера в Галле (ГДР). Ряд книг сотрудников кафедры диалектического материализма был издан в социалистических странах.

Кафедра уделяет большое внимание разработке теории научного мировоззрения — его структуре, функциям, соотношению с диалектическим материализмом. По этой проблематике В. С. Молодцовым опубликовано десять работ («Формирование научного мировоззрения» (1963); «Возникновение диалектического и исторического материализма — революция в философии» (1965) и дру-

гие). Совместно с философами Белорусской ССР издан коллективный труд «Проблемы формирования коммунистического мировоззрения» (1975).

В процессе исследования предмета диалектического материализма была показана необходимость комплексного, синтетического подхода, преодолевающего как одностороннее сведение диалектического материализма к гносеологии и логике научного познания, так и его праксиологическую трактовку, т. е. сведение либо к всеобщей теории деятельности, либо к философской антропологии [1]. Диалектический материализм исследует всеобщие свойства и законы развития материи, всех природных и социальных систем, а также закономерности познания окружающего мира. Будучи фундаментом научного мировоззрения, диалектический материализм выступает одновременно и в качестве всеобщей методологии научного познания, разрабатывает концепцию человека как продукта закономерного развития материи. В силу процессов дифференциации наук и прогресса философского знания марксистская философия представляет собой в настоящее время систему тесно взаимосвязанных философских дисциплин; диалектического и исторического материализма, истории марксистско-ленинской философии, марксистско-ленинской эстетики, марксистско-ленинской этики, теории и истории атеизма, логики, теории научного коммунизма, марксистско-ленинской социологии, философских вопросов естественных и гуманитарных наук. Интегрирующим ядром системы философских наук являются диалектический и исторический материализм, обладающие мировоззренческой, методологической и социально-прогностической функциями.

В трудах преподавателей кафедры получили разработку проблемы современного философского материализма — учения о материальном единстве и бесконечности мира, всеобщих атрибутах и законах изменения материи [2]. Диалектико-материалистическое понимание материи и единства мира основывается на синтезе важнейших достижений современной науки, применении всех принципов диалектического материализма к исследованию структуры и свойств материи. Материальное единство мира проявляется в субстанциональности и абсолютности материи; в ее вечности во времени и бесконечности в пространстве; в единстве всех атрибутов материи и диалектических законов ее бытия; во всеобщей связи и обусловленности явлений действительности; в историческом развитии материи и процессах возникновения более сложных

[1] См.: Молодцов В. С. Об ошибках в понимании предмета диалектического материализма.— Вопр. философии, 1956, № 1; Мелюхин С. Т. О структуре диалектического материализма и месте философских проблем естествознания.— Филос. науки, 1967, № 2; Алексеев П. В. Предмет, структура и функции диалектического материализма. М., 1978.

[2] См.: Мелюхин С. Т. 1) Материя в ее единстве, бесконечности и развитии. М., 1966; 2) Материальное единство мира в свете современной науки. М., 1967.

ее форм на базе форм, относительно менее сложных; в процессах превращения одних форм движения материи в другие; в единстве и связи многообразных форм детерминации явлений в природе и обществе. В работах показано, что в локальных пространственно-временных масштабах единство явлений окружающего мира выражается в однородности физико-химического строения всех тел из одних и тех же микрообъектов; в общности фундаментальных законов движения вещества и поля; в изоморфизме структурных отношений в различных типах материальных систем и наличии у них общих свойств; в единстве форм энергии в природе; в аналогичности математических законов движения различных материальных систем. Одним из локальных проявлений материального единства мира выступает единство неживой и живой материи, природы и общества, высших и низших форм движения в функционировании сложных систем. Авторы подчеркивают, что единство мира нельзя сводить к единообразию, к однородности строения и законов движения всех тел в мире. В силу действия всеобщего закона перехода количественных изменений в качественные каждое конкретное качество существует в определенных границах меры, в конечных пространственно-временных масштабах и на определенных этапах сменяется другим качеством. Поэтому реальная бесконечность материи в пространстве и времени включает наряду с количественными и качественные аспекты: бесконечное многообразие структурных уровней материи, типов материальных систем, специфических законов движения и свойств материи. Структурная неоднородность и неисчерпаемость материи определяют характер и границы применимости каждой конкретной научной теории. Отражением этого факта является гносеологический принцип конкретности истины, имеющий фундаментальное значение в диалектико-материалистической теории познания.

Важнейшее значение в теории диалектики имеет принцип развития. Развитие выступает как неотъемлемый атрибут материи, как целостное, закономерное и необратимое изменение материальных систем, имеющее определенную направленность. Но развитие нельзя сводить к прогрессу, к движению от низшего к высшему, от менее совершенных форм к более совершенным. Хотя прогресс представляет собой одну из важнейших форм развития, наиболее полно раскрывающих внутренние возможности материи (особенно в сфере живой природы и общества), в мире существуют и другие формы развития. Так, в неживой природе преобладает развитие в форме простого необратимого изменения материальных систем без существенного повышения или понижения уровня их физико-химической сложности. Эта форма развития встречается и в живой природе — в развитии микроорганизмов, растений, многих видов животных. Существуют регрессивные формы развития, в которых возможны относительное упрощение структуры материальных систем, их деградация. Наконец, имеются формы развития, в которых прогресс в одних отношениях соче-

тается с регрессом в других. В обществе появляется качественно новая форма развития по сравнению с неживой и живой природой — прогрессивное программируемое развитие, связанное с сознательной целеполагающей деятельностью людей и совершенствованием форм управления в различных типах социальных систем.

Раскрывая причины возникновения новых качеств на основе закона взаимного перехода количественных и качественных изменений, а также с учетом многообразия форм развития, ученые философского факультета показали, что диалектический материализм разрешает так называемый «парадокс развития», который оказался непреодолимым для буржуазной философии и получил ложное освещение в концепции «эмерджентной эволюции»[3]. Возникновение новых качеств в развитии обусловлено переходом количественных изменений в качественные в связи с образованием целостных систем из различных элементов; превращением одних форм движения в другие; многообразием форм развития и его усложнением с прогрессом; вероятностной детерминацией в развитии, имеющей, в свою очередь, многообразные причины. В обществе возникновение новых качеств обусловлено творческой целенаправленной деятельностью людей по переустройству окружающего мира, появлением с прогрессом науки и техники новых средств производства и преобразования природы, отсутствовавших ранее. Диалектико-материалистическая теория развития полностью опровергает идеалистические концепции креационизма, индетерминизма и механического детерминизма.

В трудах кафедры диалектического материализма нашло дальнейшую разработку диалектико-материалистическое учение о детерминизме в природе и обществе[4]. Детерминированность явлений действительности имеет необычайно многообразные формы. Ее нельзя сводить только лишь к причинной связи явлений. Наряду с этой формой детерминации существует и структурная детерминация, выражающая зависимость свойств материальных систем от их структуры, внутренних связей и взаимодействий между элементами различных структурных уровней, а также от законов данных структурных отношений. Объективно существует и кондициональная детерминация, представляющая собой зависимость свойств и форм поведения материальных объектов от внешних условий их существования, от характера воздействий с окружающей материальной средой. Во всех материальных системах существует внутрисистемная детерминация, определяющая изменение свойств каждого из элементов при объединении их в систему в результате взаимных отражений. Благодаря этому свойства любой целостной системы качественно отличны от суммы свойств ее элементов. Следует также учитывать такую синтетическую форму детерминации,

[3] См.: Богомолов А. С. Идея развития в буржуазной философии. М., 1962.

[4] См.: Купцов В. И. Детерминизм и вероятность. М., 1975.

как генетическая детерминация, представляющую собой обусловленность настоящего и будущего системы ее прошлым. В генетической детерминации объединяются разнообразные формы детерминации: причинная, структурная, системная детерминация; детерминация, обусловленная связью состояний саморазвивающейся системы, и другие. Связь между прошлым и будущим системы может быть как однозначной, подчиняющейся динамическим законам (подобным законам классической механики), так и неоднозначной, подчиняющейся вероятностно-статистическим законам. Сама вероятностная детерминация определяется незамкнутостью материальных систем, влиянием внешних условий их существования, структурной неисчерпаемостью материи, структурным различием причин и следствий, превращением форм движения, возникновением качественно новых возможностей развития систем, а также характером превращения этих возможностей в действительность. Развитие общества характеризуется качественно новыми формами детерминации, связанными с различными формами саморегуляции и управления, взаимоотношением материальных и идеальных явлений и т. д.

В научно-исследовательской работе кафедры значительное место занимает разработка законов материалистической диалектики, что нашло свое отражение в курсах диалектического материализма для студентов и аспирантов философского факультета, в спецкурсах и научных публикациях. Были проанализированы структура диалектических противоречий и их отличие от противоречий формально-логических, специфика проявления закона единства и борьбы противоположностей в природе и обществе, механизм развертывания и разрешения противоречий[5].

В исследованиях ученых кафедры было показано, что в диалектической концепции развития необходимо учитывать не только переход количественных изменений в качественные, но и обратное влияние нового качественного состояния на характер и темп количественных изменений. Последнее проявляется, в частности, в убыстрении темпов прогрессивного развития, в резком изменении многих количественных характеристик материальных объектов при переходе от одного структурного уровня на другой. На этом была обоснована трактовка одного из основных законов материалистической диалектики как закона взаимного перехода количественных и качественных изменений[6].

Применительно к механизму и особенностям действия закона отрицания отрицания было показано, что это закон спиралевидного развития в природе и обществе, закон взаимоотношения в развитии цикличности, необратимости и прогресса. Но существуют

[5] См.: Георгиев Ф. И., Петровичева Л. Ф. Проблема противоречий. М., 1969; Нарский И. С. Проблема противоречия в диалектической логике. М., 1969.

[6] См.: Марксистско-ленинская философия. М., 1966.

различные конкретные формы спиралевидного развития и ни одну из них нельзя абсолютизировать и распространять на мир в целом.

Всеобщие законы движения и развития материи не исчерпываются только тремя упомянутыми законами диалектики. Необходимо учитывать и всеобщий характер закона причинности, выражающего причинную обусловленность и детерминированность явлений действительности, связь прошлого и будущего в развитии. Всеобщим законом материальных превращений является также закон сохранения материи и движения, выражающий субстанциональность и абсолютность материи, ее несотворимость и неуничтожимость. Частными проявлениями данного закона выступают физические законы сохранения конкретных свойств материи (массы, энергии, импульса, заряда и т. д.). Всеобщим характером обладает закон убыстрения темпов развития с прогрессом, выражающий акселерацию темпов изменения по мере накопления прогрессивных новообразований, усложнения структуры материальных систем, дифференциации их качеств и возрастания множества возможностей их развития. Важно учитывать и те закономерные отношения действительности, которые отражаются в системе категорий материалистической диалектики. Каждая пара (или группа) связанных между собой категорий фиксирует общие атрибуты и законы движения материи или важнейшие черты и закономерности научного познания мира [7].

Как уже отмечалось, философы Московского университета успешно разрабатывали проблемы теории отражения. В развитие этого важного направления в марксистско-ленинской философии внесли свой вклад и ученые кафедры диалектического материализма. Исследовались вопросы диалектики отражения, развития свойства отражения в исторической эволюции материи, специфики психического отражения действительности, соотношения физиологических и психических процессов в отражении, природы идеального образа, специфики творчества в различных областях [8]. Были раскрыты философское содержание современных научных представлений о строении и функциях человеческого мозга, взаимоотношение между бессознательными и осознанными формами отражения действительности человеком, коммуникативные аспекты отражения, взаимоотношение языка и других средств информационной связи в обществе. Большое внимание уделялось анализу информационного подхода к проблеме идеального, кибернетическим аспектам исследования психики и моделирования функций мозга, особенностям отражения нервной системой внутренних процессов

[7] См.: Петров Ю. А. Логическая функция категорий диалектики. М., 1972.

[8] См.: Георгиев Ф. И. Сознание, его происхождение и сущность. М., 1972; Коршунов А. М. 1) Теория отражения и современная наука. М., 1968; 2) Теория отражения и творчество. М., 1971; Дубровский Д. И. Психические явления и мозг. М., 1971.

человеческого организма и управления мозгом различными физиологическими функциями, проблеме взаимоотношения чувственного и рационального, эмпирического и теоретического уровней познания.

Следует отметить ряд исследований, посвященных логике и методологии научного познания, закономерностям развития научных теорий [9].

Важным направлением научных исследований кафедры является разработка философских проблем естественных и гуманитарных наук. Данное направление включает: 1) разработку категорий, принципов и законов диалектического материализма на базе обобщения достижений современной науки; 2) исследование мировоззренческих и методологических проблем науки; гносеологический анализ применяемых в науке методов познания, путей и форм построения научных теорий, закономерностей развития научного знания; 3) анализ философских оснований естественных и гуманитарных наук, мировоззренческих, гносеологических и социологических принципов, на которых базируются и развиваются научные теории; 4) использование результатов исследования философских оснований науки для определения способов решения дискуссионных общетеоретических проблем данной науки. В последнем случае философские принципы оказываются методологическими ориентирами в конкретных научных исследованиях, выполняют эвристическую функцию в отборе конкурирующих научных гипотез. По указанным проблемам сотрудниками кафедры был опубликован ряд монографий и коллективных трудов [10].

Ежегодно на специализированных ученых советах по диалектическому материализму и философским вопросам естествознания защищается более 30 кандидатских и докторских диссертаций, публикуются сборники научных работ.

Помимо указанных исследований ученые кафедры ведут разработку проблем диалектики современного общественного развития, социального познания и прогнозирования, критики современных идейных противников диалектического материализма и буржуазных концепций методологии науки.

В решениях XXVI съезда КПСС указывалось, что одним из основных направлений развития общественных наук является «разработка проблем диалектического и исторического материа-

[9] См.: Мелюхин С. Т. Интеграция научного знания.— В кн.: Философия и современность. М., 1971; Петров Ю. А. Методологические вопросы анализа научного знания. М., 1977; Лебедев С. А. Индукция как метод научного познания. М., 1980.

[10] См.: Алексеев П. В., Ильин А. Я. Принцип партийности и естествознание. М., 1972; Мелюхин С. Т. Марксизм-ленинизм и современная естественнонаучная картина мира. М., 1968; Фролов И. Т., Пастушный С. А. Менделизм и философские вопросы современной генетики. М., 1976; Борзенков В. Г., Лебедев С. А. Философские вопросы естествознания. М., 1976; Федоров В. М. Синтетические тенденции в естествознании. М., 1978; Философские основания естествознания. М., 1977.

лизма»[11]. Выполняя решения XXVI съезда КПСС, коллектив кафедры диалектического материализма развернул работу по подготовке следующих трудов: «Принципы диалектического материализма»; 3 тома в 8-томном издании «Теория материалистической диалектики» под общей редакцией акад. М. Б. Митина — «Диалектика неживой природы», «Диалектическая логика», «Диалектика социальных процессов». Подготавливается серия учебных пособий по различным разделам диалектического материализма, философским вопросам естествознания, логике и методологии современной науки. Кафедра участвует и в подготовке ряда коллективных трудов по актуальным проблемам диалектического материализма и философским вопросам современной науки по планам международного научного сотрудничества МГУ с университетами ГДР и Кубы. Это сотрудничество постоянно крепнет и расширяется, способствуя подготовке высококвалифицированных научных кадров и фундаментальных теоретических работ.

Глава V

КАФЕДРА ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

Создание в 1960 г. кафедры было вызвано необходимостью выделения проблем исторического материализма из общефилософского знания с целью их специального изучения. Создание кафедры отразило процесс становления исторического материализма как самостоятельной философской дисциплины. Возглавил кафедру известный советский ученый проф. Д. И. Чесноков. Основу кафедры составили ученые, специализирующиеся в области исторического материализма: проф. В. А. Фомина, доценты Г. М. Андреева, А. М. Ковалев, В. В. Казаринов, младший научный сотрудник Е. Н. Лошкарев и другие. В этом же году на кафедру пришел из МВТУ им. Баумана доц. В. И. Разин.

Как самостоятельная философская наука исторический материализм оказался перед необходимостью определить свой собственный предмет и отграничить его от социологии, политэкономии, научного коммунизма и других наук. Этому и была посвящена монография Д. И. Чеснокова «Исторический материализм» (М., 1964), в которой нашли отражение структура и специфика предмета исторического материализма. Проблемы исторического материализма рассматривались и в других его работах, где дан анализ исторического материализма в связи с социальными исследованиями, раскрыто революционное значение идей ленинизма в современную эпоху[1]. Д. И. Чесноков обратил особое внимание на

[11] Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 145.

[1] См.: Исторический материализм и социальные исследования. М., 1967; Марксизм-ленинизм XX века. М., 1970.

социально-политическую сторону ленинизма, рассматривая его как теорию и практику революционных масс.

Под руководством Д. И. Чеснокова кафедра исторического материализма провела ряд научно-теоретических конференций, по материалам которых были опубликованы сборники: «Закономерности перехода от социализма к коммунизму» (М., 1961); «Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении» (М., 1961); «Некоторые актуальные вопросы марксистско-ленинской теории» (М., 1963); «Перерастание социалистической государственности в общественное коммунистическое самоуправление» (М., 1963) и другие.

Основным направлением работы кафедры в те годы была разработка политических проблем исторического материализма: теории государства, политической организации общества, социалистической демократии. В 1967 г. вышла монография В. И. Разина «Политическая организация общества», в которой было положено начало разработки этой проблематики с точки зрения методологии исторического материализма. Впервые было предложено выделить группу категорий исторического материализма, отражающих политическую сферу общественной жизни, и исследовать их в системе. В книге дано определение политической организации общества как совокупности государственных и негосударственных организаций и учреждений, представляющих и защищающих интересы классов и наций данного общества, а также рассмотрены категории «международная политическая организация общества», «система диктатуры класса» и другие.

Большое место в научной работе проф. В. И. Разина, ныне заведующего кафедрой исторического материализма, занимают теория государства, характер изменений буржуазной государственной машины в период государственно-монополистического капитализма, особенности разрушения эксплуататорской государственной машины в различных условиях и создание государства диктатуры пролетариата, закономерности перерастания государства диктатуры пролетариата в общенародное социалистическое государство. В. И. Разин исследовал понятие «политический режим» и дал обоснование его как категории исторического материализма.

Важным направлением работы кафедры была критика буржуазной социологии. Возглавила эту работу проф. Г. М. Андреева. Ее исследования нашли отражение в монографии «Современная буржуазная эмпирическая социология» (М., 1965), в которой дан общий очерк буржуазной эмпирической социологии и исследованы ее методологические основания. Критике буржуазной философии и социологии посвящены и работы проф. Х. Н. Момджяна.

В последние годы в области научной работы кафедра сосредоточила внимание на разработке категориально-понятийного аппарата исторического материализма и современных общественных процессов. Не подлежит сомнению, что оба эти направления не-

разрывно связаны, так как исследование современных процессов общественного развития требует совершенствования категорий, этих «ступенек познания». Настоятельная потребность в совершенствовании категориально-понятийного аппарата исторического материализма диктуется тем, что исследованием закономерностей общественного развития занимаются представители всех общественных наук, и поэтому единообразное употребление научной терминологии выступает обязательным требованием комплексных исследований в этой области.

Основная работа в направлении совершенствования категориально-понятийного аппарата исторического материализма была предпринята в содружестве с учеными ГДР. Результатом трех лет совместной работы явилась книга «Категории исторического материализма», изданная в Берлине издательством «Диц» и готовящаяся к печати в издательстве «Мысль» (редакторы с советской стороны — В. И. Разин и Н. И. Дряхлов). К работе над монографией кафедра привлекла известных советских ученых в области исторического материализма: А. К. Уледова, Ю. К. Плетникова, Ю. И. Семенова, с которыми кафедра поддерживает постоянные научные связи.

В плане разработки категориально-понятийного аппарата исторического материализма исследовались проблемы общественно-экономической формации (В. И. Разин), общественного бытия и общественного сознания (Ю. К. Плетников), научно-технической революции (Н. И. Дряхлов), теории личности (М. В. Демин), теории культуры (Е. В. Боголюбова), демократии и дисциплины (В. С. Манешин). Кафедра намерена и в дальнейшем вести работу по совершенствованию системы категорий исторического материализма. Основные задачи в этом направлении и подходы к их решению изложены В. И. Разиным в ряде выступлений на методологических семинарах и конференциях, а также в статье «К вопросу о категориях исторического материализма» (Вестн. Моск. ун-та. Сер. VII. Философия, 1978, № 5) и брошюре «Марксизм-ленинизм об общественно-экономических формациях и современность» (М., 1979).

Нет никакого сомнения в том, что роль исторического материализма в изучении основных проблем современности чрезвычайно велика. Трудность, однако, состоит в разграничении подходов к этой тематике с точки зрения различных общественных наук. Как показано в статье В. И. Разина «Актуальные проблемы исторического материализма в свете решений XXV съезда КПСС» (Вестн. Моск. ун-та. Сер. VII. Философия, 1977, № 6), исторический материализм выполняет методологические функции в исследовании социальных процессов. Глубокое творческое изучение исторического материализма помогает овладеть сущностью марксистско-ленинской науки, яснее видеть закономерности и перспективы общественного развития. Это способствует выработке высокой идейности, четкой классовой ориентации в явлениях социально-политической

жизни, развивает умение практически применять великое учение марксизма-ленинизма.

Изучая современные общественные процессы, ученые кафедры уделяют большое внимание исследованию теоретических проблем научно-технической революции. Намеченный в решениях XXVI съезда КПСС комплекс мер по широкому использованию достижений научно-технической революции для дальнейшей интенсификации общественного производства, ускорения экономического и социального развития нашей страны ставит перед учеными, работающими в области исторического материализма, как и перед представителями других общественных наук, ряд актуальных научных проблем. В их числе — исследование особенностей НТР в социалистическом обществе, разработка присущих социализму форм соединения науки с производством, выявление стимулов и путей дальнейшего повышения темпов научно-технического прогресса.

Из готовящихся кафедрой работ хотелось бы отметить коллективную монографию «Исторический материализм как социально-философская теория» под редакцией В. И. Разина. В ее создании принимают участие почти все преподаватели и сотрудники кафедры. В монографии разработаны актуальные проблемы образа жизни, социального управления, дается система категорий исторического материализма.

Важное место в работе кафедры занимает разработка методики преподавания исторического материализма. На основе прочитанного в 1962/63 г. курса лекций по методике преподавания философии была опубликована работа В. И. Разина «Методика преподавания философии в вузах» (М., 1965). В 1977 г. вышла книга В. И. Разина «Общая методика преподавания философии в вузах», получившая положительную оценку советской и зарубежной философской общественности.

Опыт преподавания исторического материализма растет с каждым годом, и поэтому разработка единых программ, учебников, учебных и методических пособий представляется чрезвычайно важной. Профессора кафедры исторического материализма В. И. Разин, Ю. К. Плетников, Н. И. Дряхлов приняли участие в создании учебника «Исторический материализм» (М., 1974) для аспирантов нефилософских специальностей, вышедшего под редакцией А. П. Шептулина и В. И. Разина. Программа по историческому материализму была разработана сотрудниками кафедры под руководством Д. И. Чеснокова и под редакцией В. И. Разина в 1964 г. В дальнейшем эта программа постоянно совершенствовалась. Некоторые разработанные в ней темы вошли в общевузовскую программу по историческому материализму, утвержденную Министерством высшего и среднего специального образования СССР. Кафедрой исторического материализма разработан также проект первой программы по научному коммунизму. Новый вариант программы по историческому материализму кафедра выпустила в 1977 г. В нее вошли такие новые темы, как образ жизни,

социальное управление и другие. Пересмотрены некоторые разделы общего курса исторического материализма. Ежегодно кафедра издает Планы семинарских занятий по историческому материализму. По поручению ВАК СССР и по согласованию с отделением философии и права АН СССР и Министерством высшего и среднего специального образования СССР кафедра исторического материализма разработала программу-минимум для аспирантов и соискателей, специализирующихся по философии. Она составлена с учетом положений, выдвинутых в решениях последних съездов КПСС, Конституции СССР и других партийных документах.

В течение последних лет на кафедре успешно работает методическая комиссия, возглавляемая доц. Е. В. Боголюбовой. Она была создана с целью унификации требований к семинарским занятиям, обмена опытом и повышения педагогического мастерства молодых преподавателей.

Ежегодно кафедра готовит 20—25 дипломников. За время своего существования кафедра подготовила 180 кандидатов философских наук. Кафедра обсудила и рекомендовала к защите около 20 докторских диссертаций. Среди защитивших докторские диссертации по рекомендации кафедры такие известные советские ученые, как Л. П. Буева, Г. М. Андреева, А. М. Ковалев, Ю. К. Плетников, М. А. Селезнев, Е. М. Пеньков, Н. И. Азаров, Л. М. Архангельский, В. И. Белозерцев, В. И. Мишин, С. И. Гончарук, Р. О. Карапетян и другие. Ряд работников кафедры, защитивших докторские диссертации, был переведен решением вышестоящих органов на руководящую работу в другие вузы и учреждения страны. Так, Д. И. Чесноков стал проректором Академии общественных наук, проф. Х. Н. Момджян — заведующим кафедрой философии Академии общественных наук, проф. Ю. К. Плетников возглавил отдел актуальных проблем исторического материализма Института философии АН СССР. От кафедры исторического материализма отделилась первая в стране кафедра научного коммунизма, которую возглавил проф. А. М. Ковалев. Надо сказать, что это не единственная кафедра, создание которой было подготовлено кафедрой исторического материализма. В 1969 г. была образована кафедра конкретных социальных исследований.

Кафедра исторического материализма постоянно готовит студентов и аспирантов из социалистических стран, которые работают ныне во многих университетах. Со своими выпускниками кафедра постоянно поддерживает научные контакты. Многие выпускники приезжают на кафедру для научных консультаций и на стажировку. Кафедра постоянно принимает на стажировку граждан капиталистических и развивающихся стран.

Ученые кафедры поддерживают интенсивные научные связи с учеными социалистических стран. Особенно тесные контакты поддерживаются с Берлинским университетом (ГДР), Братиславским университетом (ЧССР), Болгарской академией наук, Гаванским университетом (Куба). По плану межвузовского сотрудничества

с Братиславским университетом создана совместная монография «Исторический материализми и актуальные проблемы современности», которая вышла в свет в Братиславском издательстве «Правда» и сейчас готовится к изданию в Издательстве Московского университета (ответственные редакторы — проф. В. И. Разин и проф. Л. Ганзел). Совместно с Гаванским университетом кафедра готовит учебник по историческому материализму для студентов философских факультетов.

Кафедре исторического материализма 20 лет. Немало сделано за эти годы, но многое еще предстоит сделать. Как и раньше, кафедра постоянно будет уделять внимание методологической функции исторического материализма в научном познании и общественной практике, в решении актуальных задач современности. Одну из своих важнейших задач кафедра видит в философском обобщении существенных сторон развитого социалистического общества, глобальных проблем наших дней. В настоящее время кафедра в соответствии с указаниями XXVI съезда КПСС принимает меры к тому, чтобы глубже анализировать жизнь социалистического общества, выявлять политическое значение важнейших явлений современности.

Глава VI

ОТДЕЛЕНИЕ НАУЧНОГО КОММУНИЗМА

Отмечая 225-летний юбилей Московского университета, нельзя не сказать хотя бы коротко о развитии теории научного коммунизма как научно-учебной дисциплины и об отделении научного коммунизма как структурном подразделении философского факультета.

В 1962 г. на философском факультете была организована первая в стране кафедра теории научного коммунизма, которую возглавил проф. А. М. Ковалев, а в 1963 г. была введена специализация по научному коммунизму. В 1969 г. в рамках философского факультета открывается отделение научного коммунизма (зав. отделением — проф. А. М. Ковалев). В 1971 г. на отделении была образована кафедра истории социалистических учений, руководителем которой с 1971 по 1976 г. был проф. П. Т. Белов. С января 1975 г. отделение научного коммунизма работает по собственному учебному плану, утвержденному Министерством высшего и среднего специального образования СССР. В 1976 г. на отделении были созданы кафедры: теории и практики коммунистического воспитания, истории и теории мирового рабочего и коммунистического движения.

С момента введения специализации и государственных экзаменов по научному коммунизму проделана значительная работа. Получили дальнейшее развитие научные исследования в этой об-

ласти, усовершенствовалась методика преподавания и подготовки квалифицированных специалистов. В настоящее время в рамках отделения научного коммунизма работают кафедры теории научного коммунизма, истории и теории мирового рабочего и коммунистического движения, теории и практики коммунистического воспитания, социологических исследований, истории социалистических учений, а также научно-методический кабинет. При отделении имеются две социологические лаборатории. На базе отделения издается журнал «Вестник Московского университета. Серия XII. Научный коммунизм» (главный редактор — проф. А. М. Ковалев). На отделении работают два специализированных ученых совета под председательством проф. А. М. Ковалева и проф. Е. Ф. Сулимова. Все кафедры и лаборатории отделения укомплектованы высококвалифицированными преподавателями, способными успешно решать вопросы профессиональной подготовки и идейно-политического воспитания будущих специалистов.

Прием студентов на первый курс вместе с иностранными студентами составляет 120 человек. В настоящее время на отделении обучается около 600 студентов очного и вечернего обучения и более 150 аспирантов и стажеров.

Ведущее место в учебной и научной работе отделения научного коммунизма занимает кафедра теории научного коммунизма (зав. кафедрой — А. М. Ковалев). На протяжении почти двух десятилетий она выполняет важные учебно-педагогические задачи и функции теоретико-методологического характера в разработке актуальных проблем мирового революционного процесса, социалистического и коммунистического строительства, критики идеологии современного антикоммунизма, «правого» и «левого» оппортунизма.

Профессорско-преподавательский коллектив кафедры осуществляет чтение основного курса научного коммунизма на отделении и на философском факультете, а также таких учебных дисциплин, как «Закономерности развития мировой социалистической системы», «Социальные проблемы управления социалистическим обществом», «Методика преподавания научного коммунизма» и других.

Коллективом кафедры ведется многоплановая научно-методическая работа. В последние годы подготовлены и изданы учебные программы по основному курсу и спецкурсам, ряд учебных пособий, совершенствуется работа со студентами и аспирантами. Работа с аспирантами ведется в соответствии с разработанной системой поэтапной организации подготовки аспирантов и контроля выполнения заданий каждого этапа. В целях повышения научно-теоретического уровня диссертационных работ организован методологический семинар, содержание работы которого приближено к разрабатываемым аспирантами проблемам. Такой подход позволяет подавляющему большинству аспирантов завершать диссертационные исследования в установленные сроки.

Учебно-педагогический процесс и его развитие неразрывно

связаны с научно-исследовательской деятельностью профессорско-преподавательского состава кафедры. С разработкой актуальных проблем развитого социалистического общества, положений Конституции СССР, с усилением и углублением критики современного антикоммунизма, «правого» и «левого» оппортунизма и маоизма связываются важнейшие задачи и перспективы научных исследований кафедры.

Целям укрепления связей науки о коммунизме с жизнью, с практикой коммунистического строительства служит работа проблемной социологической лаборатории, возглавляемой проф. И. М. Слепенковым. Задачей лаборатории являются развитие конкретно-социологических исследований по проблемам социалистического и коммунистического строительства, использование материалов исследований в научной и учебно-педагогической работе, обучение студентов и аспирантов. Деятельность лаборатории строится в соответствии с развиваемыми отделением научного коммунизма важнейшими направлениями научных исследований. Выполняемые лабораторией хоздоговорные темы «Методологические вопросы планирования и научного управления в социалистическом трудовом коллективе», «Социальная структура советского общества» и другие включаются в общую проблематику исследований кафедры.

Важнейшими задачами научно-теоретической и идейно-воспитательной работы отделения научного коммунизма являются дальнейшая разработка актуальных проблем мирового революционного процесса, изучение общих закономерностей, путей и форм перехода от капитализма к социализму. Эти вопросы, а также вопросы стратегии и тактики коммунистических и рабочих партий разрабатываются на кафедре истории и теории мирового рабочего и коммунистического движения. Кафедра готовит специалистов по научному коммунизму в области истории международного рабочего и коммунистического движения и теории мирового революционного процесса. Педагогическую работу со студентами и аспирантами ведут квалифицированные доценты и преподаватели; для чтения спецкурсов кафедра привлекает специалистов из научно-исследовательских институтов АН СССР. Научная работа кафедры ведется по двум направлениям: разработка актуальных проблем истории международного рабочего и коммунистического движения и изучение теоретических проблем мирового революционного процесса, в том числе стратегии и тактики коммунистических и рабочих партий. Преподаватели, аспиранты кафедры регулярно выступают в периодической печати со статьями по актуальным проблемам мирового революционного процесса. Коллективными исследованиями кафедры являются сборники научных работ: «Научный коммунизм: проблемы и исследования» (1979), «Революционный процесс: проблемы и исследования». Вып. 1, 2 (1979, 1980).

Дипломники и аспиранты кафедры избирают для написания работ проблемы, недостаточно разработанные в научной литера-

туре. При кафедре работают научные студенческие кружки по вопросам международного рабочего и коммунистического движения, национально-освободительной борьбы. Интересно и содержательно проходят ежегодные Дни творчества студентов.

Важным направлением работы кафедры является идейно-воспитательная работа со студентами и пропагандистская работа вне факультета. Преподаватели и аспиранты кафедры ежегодно читают около 200 лекций по линии РК и МГК КПСС и общества «Знание» по актуальным проблемам мирового революционного процесса.

Выполнение программного требования КПСС — воспитания нового человека — связано с практическим решением задач коммунистического воспитания и их теоретическим осмыслением. Подготовка специалистов в этой области осуществляется на кафедре теории и практики коммунистического воспитания (зав. кафедрой — проф. Е. Ф. Сулимов). Это первая университетская кафедра такого рода в нашей стране. Перед ней была поставлена задача разработки учебного курса и программы по теории и практике коммунистического воспитания и организации преподавания этой учебной дисциплины для студентов отделения научного коммунизма. Поскольку преподавание теории и практики коммунистического воспитания на университетском уровне вводилось впервые, кафедра оказалась перед необходимостью разработать методику преподавания этой учебной дисциплины. Ныне на отделении введена специализация по теории и практике коммунистического воспитания. Будущие специалисты по коммунистическому воспитанию смогут применить свои знания в идеологических отделах партийных и комсомольских органов, в преподавательской и научно-исследовательской деятельности, в различных издательствах. Кафедра ведет большую работу по совершенствованию и расширению масштабов преподавания новой учебной дисциплины.

Основными направлениями научно-исследовательской работы кафедры являются методологические и теоретические проблемы коммунистического воспитания и разработка системы категорий и законов теории коммунистического воспитания. Кафедра шефствует над отделами коммунистического воспитания двух журналов: «Научный коммунизм» (Научные доклады высшей школы) и «Вестник Московского университета. Сер. XII. Научный коммунизм». Ученые кафедры принимают активное участие в научных конференциях и симпозиумах как у нас в стране, так и за рубежом. Перспективной проблемой кафедры является разработка вопросов духовной жизни социалистического общества и коммунистического воспитания. При кафедре работает хоздоговорная социологическая группа по исследованию вопросов коммунистического воспитания. Ее работа помогает связывать теоретические вопросы воспитания с практикой воспитательной работы в трудовом коллективе. В настоящее время группой ведется разработка комплексного плана коммунистического воспитания

на московском производственном объединении «Станколиния».

Основные направления научной деятельности кафедры социологических исследований (зав. кафедрой — проф. Д. Ф. Козлов) определяются объективными потребностями развития социальных исследований в нашей стране. Кафедра занимается разработкой вопросов социологии культуры, социологии международных отношений, критики современных буржуазных социологических концепций и других. Кафедра разработала программу подготовки социологов: студенты получают знания по основным направлениям развития социологической науки как у нас в стране, так и за рубежом.

Исследованиями проблем истории западноевропейского и русского утопического социализма, возникновения и развития научного коммунизма и ленинского этапа его развития, вопросами дальнейшего творческого развития научного коммунизма КПСС и братскими марксистско-ленинскими партиями, критикой буржуазных и ревизионистских фальсификаций истории социалистических идей и современных немарксистских концепций социализма занимается кафедра истории социалистических учений (зав. кафедрой — проф. Н. И. Бочкарев). Хотя курсы истории социалистических учений читаются и в других университетах, это пока первая специализированная кафедра в нашей высшей школе. Специалистам по научному коммунизму необходимы глубокие знания закономерностей возникновения и развития социалистических идей, перехода их от утопии к науке, процесса творческого развития теории марксизма-ленинизма, истории и сущности его борьбы против враждебных концепций. Научные основы истории социализма заложили классики марксизма-ленинизма, которые разработали основные методологические принципы ее периодизации, раскрыли закономерности развития социалистических идей. На этом фундаменте и базируется программа курса истории социалистических учений.

Преподавание, подготовка учебных пособий требуют интенсивных научных исследований. Советские историки и философы много сделали для изучения истории социалистических идей. Но есть целый ряд важных проблем, которые требуют дальнейшей разработки и обсуждения. Это прежде всего вопросы методологии и периодизации истории социалистических идей, их классификации и т. д. Требуют дальнейшего изучения история социалистической мысли народов СССР, развитие социалистических идей в Московском университете. Необходимо уделять больше внимания основным тенденциям развития социалистической мысли народов Латинской Америки, Азии и Африки. Практика мирового революционного процесса требует активного исследования современного национально-освободительного движения, идей немарксистского социализма, закономерностей перехода с позиций революционной демократии на позиции марксизма-ленинизма в современных условиях.

9 Заказ 160

Центральное место по-прежнему должно принадлежать исследованию истории научного коммунизма и ее ленинского этапа. Особую важность имеет всесторонний показ развития научного коммунизма в современных условиях: в решениях съездов КПСС, Пленумов ЦК КПСС, в выступлениях руководителей партии и правительства. Кафедра ведет целеустремленную работу в этом направлении. Совершенствуется структура курса, методика преподавания, повышается идейно-воспитательное воздействие на студентов. Вся учебная и научная работа направлена на то, чтобы дать систематическое освещение социалистических идей от их возникновения до современного уровня развития. Развитие социалистических идей показывается как закономерный процесс, материалистически объясняется сущность социальных утопий, объективная необходимость перехода от утопического социализма к научному коммунизму; прослеживаются постановка и решение основных проблем социализма, обогащение теории научного коммунизма.

Постановление ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» (1979) обязывает нас сосредоточить внимание на изучении особенностей и методов идеологической борьбы на современном этапе. Сегодня непримиримая, острейшая борьба с идеологией империализма идет в области понимания сущности социализма, его идеалов. Современный антикоммунизм стремится извратить идеалы социализма, опорочить практику коммунистического строительства, фальсифицировать историю развития социалистических идей. Наступательная борьба против буржуазной идеологии требует глубокого знания истории социализма, и прежде всего истории и теории научного коммунизма.

Курс истории социалистических учений воспитывает глубокое убеждение в истинности марксизма-ленинизма. Он показывает всемирный опыт истории мирового революционного процесса, глубокую правоту научного коммунизма. Задача курса заключается в том, чтобы, показывая пути творческого развития научного коммунизма, научить студентов применять его идеи на практике.

В постановлении «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» Центральный Комитет КПСС призвал все идеологические кадры «добиваться органического единства учебного и воспитательного процессов, формирования у учащихся и студентов научного мировоззрения, высоких морально-политических качеств, трудолюбия»[1]. Процесс подготовки специалистов на отделении научного коммунизма, дальнейшее его совершенствование с учетом поставленных партией задач требуют выработки стройной системы обучения, предполагающей регулярное обновление учебных планов, включение в учебные дисциплины актуальных положений и выводов, содержащихся в решениях съездов КПСС, постановлениях ЦК КПСС, выступлениях видных деятелей международного коммунистического движения, своевременное обеспечение студентов планами, программами и другими учебными материалами, постоянное обновление тематики курсовых и дипломных работ и т. д.

[1] Правда, 1979, 6 мая.

«...Специалист сегодня,— говорил Л. И. Брежнев на Всесоюзном слете студентов,— это человек, который хорошо овладел основами марксистско-ленинского учения, ясно видит политические цели партии и страны, имеет широкую научную и практическую подготовку, в совершенстве владеет своей специальностью»[2]. Подготовка специалистов в области научного коммунизма предполагает воспитание высокой классовой принципиальности, партийности, умения анализировать сложные и противоречивые явления общественного развития, понимать расстановку классовых сил в мире. Формирование марксистско-ленинского мировоззрения молодых специалистов является критерием эффективности учебно-воспитательной и теоретической работы. Нельзя не отметить в связи с этим ту огромную помощь в деле воспитания молодых специалистов, которую оказывают замечательные книги Л. И. Брежнева «Малая земля», «Возрождение», «Целина», раскрывающие суть коммунистического воспитания — единство идейно-политического, трудового и нравственного воспитания. Большое внимание уделяется и выработке навыков самостоятельной работы посредством углубленного изучения студентами работ классиков марксизма-ленинизма, документов КПСС и международного коммунистического и рабочего движения, что помогает твердо стать на классовые позиции в рассмотрении любого теоретического вопроса.

Значительное место в учебном процессе на отделении научного коммунизма занимает критика антикоммунизма, реформизма и «левого» ревизионизма по вопросам о путях и формах перехода от капитализма к социализму, о месте и роли борьбы рабочего класса и национально-освободительного движения колониальных стран в мировом революционном процессе, о будущем человечества в условиях НТР. Уделяется внимание и разоблачению подлинной классовой сущности апологетических буржуазных концепций, таких, как теории «деидеологизации», «конвергенции», «постиндустриального общества», «человеческих отношений» и другие.

Основной формой подготовки научно-педагогических кадров высшей квалификации на отделении научного коммунизма является аспирантура. Все более широкое применение в последние годы находит целевая аспирантура — важная форма обеспечения научно-педагогическими кадрами высших учебных заведений Восточной Сибири, Дальнего Востока и других районов страны.

[2] Брежнев Л. И. Актуальные вопросы идеологической работы КПСС. М., 1978, т. 1, с. 514.

Улучшение качества подготовки специалистов высшей квалификации зависит как от уровня идейно-теоретической подготовки преподавателей, так и от повышения требовательности к теоретическому уровню диссертационных работ. Защищенные на отделении кандидатские диссертации по научному коммунизму в большинстве своем являются серьезными научными исследованиями, вносящими определенный вклад в развитие научного коммунизма.

Через аспирантуру отделения научного коммунизма ведется подготовка иностранных специалистов. За последние несколько лет были защищены диссертации аспирантами из ГДР, ПНР, НРБ, ВНР, МНР, Сирии, Мали, Ирака, Индии и других стран. Особо следует отметить научное сотрудничество с учебными заведениями Кубы, которое продолжается в течение ряда лет и дает самые положительные результаты.

В последнее время в целях повышения качества подготовки научно-педагогических кадров отделение научного коммунизма широко практикует поездки аспирантов с целью стажировки в различные социалистические и капиталистические страны (Болгария, Румыния, Чехословакия, Польша, ГДР, США и другие).

Планирует учебно-методическую работу на отделении научного коммунизма методический кабинет под руководством к. ф. н. И. Г. Афанасьевой. Силами работников кабинета проводятся различные информационные выставки новой литературы по научному коммунизму, осуществляется помощь библиотекам и институтам по обеспечению методическими разработками отделения научного коммунизма, а также трудами ученых отделения. Методический кабинет организует и руководит педагогической и общественно-политической практикой студентов дневного и вечернего отделений, участвует в работе над каталогом-справочником «Учебный процесс в МГУ», разрабатывает наглядные пособия и методику применения технических средств в учебном процессе. Ведется работа по подготовке к изданию «Методики преподавания научного коммунизма», раскрывающей специфику обучения студентов, специализирующихся по научному коммунизму.

В целях повышения эффективности преподавания научного коммунизма на отделении широко практикуются спецкурсы и спецсеминары по актуальным проблемам научного коммунизма. В настоящее время разработано свыше сорока спецкурсов и спецсеминаров. Среди них: «Методологические проблемы теории научного коммунизма» (проф. А. М. Ковалев); «Конституция СССР и ее значение для развития теории научного коммунизма» (проф. И. М. Слепенков); «Политическая система развитого социалистического общества» (доц. А. И. Куфтырев); «Социалистический коллектив» (доц. Б. В. Князев); «Социализм и гуманизм» (доц. М. С. Кудряшова); «Социальная структура развитого социалистического общества» (доц. П. Д. Павленок); «Демократические движения современности и их место в борьбе за социализм» (доц. Э. Н. Цыганкова); «Классовая борьба в развитых капиталистических странах» (П. А. Цыганков); «Ленинская методология истории социалистических учений» (проф. Н. И. Бочкарев); «Критика буржуазных фальсификаций западноевропейского утопического социализма» (Л. Г. Костюченко); «Социально-психологические проблемы коммунистического воспитания» (доц. И. Г. Петров) и другие.

Спецкурсы и спецсеминары позволяют расширить кругозор студентов по актуальным проблемам современности, многие из которых еще не нашли освещения на страницах книг и учебных пособий. В спецкурсах и спецсеминарах осуществляется единство научных интересов как преподавателей, так и студентов, в то же время они не обособлены от основных курсов, читаемых на отделении. Система спецкурсов и спецсеминаров дополняет определенные разделы теории научного коммунизма и теории мирового рабочего и коммунистического движения.

Тематика спецкурсов и спецсеминаров находится в единстве с такими формами учебной и воспитательной работы студентов, как научные студенческие конференции, где подводятся итоги теоретической работы студентов и выясняется, насколько успешно усвоен ими материал спецкурса или спецсеминара.

На отделении получили широкое распространение такие формы работы со студентами, как школа молодого лектора, общественно-политическая практика, Ленинский зачет, сельскохозяйственные и строительные студенческие отряды. Школа молодого лектора дает будущим преподавателям научного коммунизма навыки работы с аудиторией, помогает овладеть мастерством пропагандиста. Общественно-политическая практика позволяет студентам соединить знания марксистско-ленинской теории с практикой коммунистического строительства, формирует у молодых специалистов навыки воспитателя и организатора. Участие в сельскохозяйственных и строительных студенческих отрядах непосредственно знакомит студентов с производством, оказывает положительное влияние на формирование их активной жизненной позиции.

Учебно-педагогический процесс неразрывно связан с научно-исследовательской работой, которую ведут преподаватели отделения научного коммунизма. За последние годы преподавателями отделения опубликовано около 400 научных статей, много монографий и брошюр. Среди них работа проф. А. М. Ковалева «Содержание и закономерности современного мирового революционного процесса» (М., 1974), отмеченная Ломоносовской премией, его монографии «Общество и законы его развития» (М., 1975); «Некоторые актуальные проблемы теории научного коммунизма» (М., 1979); монографии «Научный коммунизм и конкретно-социологические исследования» (М., 1977) проф. И. М. Слепенкова; «Содержание и этапы развития современных национально-освободительных революций» (М., 1974) Э. Н. Цыганковой; «Политическая организация социалистического общества» (М., 1977)

А. И. Куфтырева; «На службе монополий» (М., 1977) В. И. Коваленко; «Социальная природа коллектива» (М., 1977) Б. В. Князева; «Формирование и развитие социально-классовой структуры социалистического общества» (М., 1977) П. Д. Павленка; коллективная монография «Теория коммунистического строительства» (М., 1979) и другие. Готовятся к изданию «Методологические проблемы социологических исследований», «Актуальные проблемы развития конкретных социальных исследований», рекомендована к публикации монография А. С. Степанова «Теоретические основы политической стратегии и тактики Коммунистической партии Великобритании».

На отделении научного коммунизма придается большое значение и научной работе студентов. На всех кафедрах регулярно работают кружки НСО, в день творчества студентов проводятся как пленарные, так и секционные заседания, на которых студенты выступают с докладами и научными сообщениями. Лучшие доклады и выступления служат основой курсовых, дипломных, конкурсных работ и публикуются в кафедральных сборниках.

Одной из важнейших и эффективнейших форм научной работы кафедр является участие преподавателей, аспирантов и студентов в различных теоретических и практических конференциях, симпозиумах, семинарах по актуальным проблемам научного коммунизма и социологической науки.

Отделение научного коммунизма активно расширяет связи с другими вузами и научно-исследовательскими институтами страны; с кафедрой идеологической работы АОН при ЦК КПСС, отделом коммунистического воспитания Института социологических исследований АН СССР, Институтом международного рабочего движения АН СССР, Ленинградским институтом комплексных исследований АН СССР, с Философским обществом СССР.

Не может не радовать тот факт, что на отделении получили широкое распространение комплексные исследования, с привлечением академических институтов как в нашей стране, так и в рамках социалистической системы. Сложилось творческое содружество отделения научного коммунизма с кафедрой научного коммунизма Софийского университета: готовится учебник по научному коммунизму для университетов НРБ. Традиционными стали научные связи отделения научного коммунизма с Берлинским университетом им. Гумбольдта. В настоящее время вместе с коллегами из ГДР, ПНР и ЧССР преподаватели отделения готовят монографию «Интернациональное и патриотическое воспитание студенчества в процессе преподавания общественных наук». Развиваются научные связи с Варшавским, Будапештским, Пражским, Софийским, Гаванским университетами. Представители отделения научного коммунизма проф. А. М. Ковалев, проф. И. М. Слепенков и М. М. Лисенков наряду с учеными социалистических стран входят в состав авторского коллектива монографии «О диалектике социалистического патриотизма и пролетарского

интернационализма в коммунистическом воспитании студенческой молодежи». Проф. Н. И. Бочкарев и доц. Л. Г. Костюченко участвуют в написании совместно с учеными из Гаванского университета монографии «Методологические проблемы исследования истории социалистической мысли».

Задачи, стоящие перед советской общественной наукой, и в том числе перед отделением научного коммунизма, могут быть решены при условии самой тесной связи с жизнью. Вопросы расширения научных изысканий, непосредственно связанных с производством, решают на отделении научного коммунизма кафедра социологических исследований и социологические лаборатории. Особое место в работе социологических подразделений отделения научного коммунизма занимают вопросы социального планирования и управления. Ученые отделения исследуют социальные процессы в заводских и сельскохозяйственных производственных коллективах, изучают проблемы сельской молодежи, ее место в социалистическом и коммунистическом строительстве. В последние годы кафедрой теории научного коммунизма совместно с ЦК ВЛКСМ осуществлено комплексное исследование различных аспектов труда и жизни сельской молодежи, которое носило общесоюзный характер. Результаты этого исследования отражены в работах «Молодежь села сегодня» (1972), «Сельская молодежь и научно-технический прогресс» (1975) и ряде статей.

Отделением научного коммунизма проведены исследование и разработка планов социального развития в колхозах и совхозах Ставропольского и Краснодарского краев, Тульской области, а также Тарусского района Калужской области. Проведены социологические исследования эффективности труда на таких крупных предприятиях, как 1-й Московский часовой завод, Балашихинский завод автокранов, завод «Каучук», Московский шинный завод, Государственный научно-исследовательский союзный тракторный институт (НАТИ), производственное объединение «Большевичка» (г. Москва), комбинат «Стройпластмасс» (г. Мытищи); исследованы закономерности развития непроизводственной сферы на производственном объединении «Чайка»; изучены вопросы коммунистического воспитания на производственном объединении «Пластик».

Исследования носили характер научно-практических рекомендаций по планированию, повышению производительности труда и общественной активности работников. Результаты исследований используются в учебном процессе и научных разработках. На основе социологических исследований написаны фундаментальные работы «Молодежь села сегодня» (1972); «Сельская молодежь и научно-технический прогресс» (1975); «Социологические исследования села» (1973; 1978) и другие.

На XXVI съезде КПСС подчеркивалось, что марксистско-ленинская партия не может выполнить свои задачи, если она не уделяет должного внимания осмыслению новых явлений жизни. Съезд поставил перед всеми общественными науками, и перед научным

коммунизмом в частности, большие и ответственные задачи, связанные с разработкой актуальных проблем современности. К их числу относятся вопросы создания материально-технической базы коммунизма, совершенствования общественных отношений, развития политической системы зрелого социализма, укрепления правовой основы государственной и общественной жизни, коммунистического воспитания, утверждения социалистического образа жизни. Коллектив отделения научного коммунизма мобилизует все силы для того, чтобы с честью выполнить стоящие перед ним задачи.

Руководят и направляют работу отделения научного коммунизма партийная организация, партком философского факультета и партком МГУ. «Партийная организация университета или института,— указывал Л. И. Брежнев,— это политический авангард коллектива...» [3]. Поэтому идейно-политическое воспитание студентов и преподавателей, их теоретическая подготовка находятся в центре внимания партийной организации отделения.

Отделение научного коммунизма является одним из крупных центров теоретических исследований и подготовки молодых специалистов в области научного коммунизма. Потребность в специалистах по научному коммунизму из года в год растет. Практика распределения выпускников отделения научного коммунизма показывает, что помимо преподавательской работы они используются в идеологических отделениях партийных и комсомольских органов, в издательствах страны. Часть выпускников работает на предприятиях в качестве социологов. По объему выполняемой работы отделение переросло свои организационные рамки. Создание факультета научного коммунизма способствовало бы развитию научных исследований и повышению качества подготовки молодых специалистов.

Глава VII

КАФЕДРА ИСТОРИИ ЗАРУБЕЖНОЙ ФИЛОСОФИИ

Кафедра истории зарубежной философии Московского университета — один из ведущих в нашей стране учебно-научных коллективов в области истории зарубежной домарксистской философии и критики современной буржуазной философии. Без глубокого усвоения философского наследия прошлого и без овладения методами критического анализа современных буржуазных концепций невозможна плодотворная деятельность ни в одном разделе философской науки. Философ-марксист, в какой бы области науки он ни работал, должен знать как своих предшественников и союзников, так и своих идейных противников. Более того, историческое значение самого марксизма может быть адекватно оценено только в процессе всестороннего изучения мировой философской мысли прошлого и настоящего. Исходя из этого, кафедра истории зарубежной философии и строит всю свою педагогическую и научную деятельность. Кафедра опирается на устойчивые традиции историко-философского образования, сложившиеся в нашей стране еще в первые десятилетия Советской власти.

[3] Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи. М., 1972, т. 3, с. 430.

В начале 30-х годов в рамках Московского историко-философского института (впоследствии — МИФЛИ) была создана кафедра истории философии. Наряду с профессорами старой формации, получившими признание еще в досоветский период, такими как А. В. Кубицкий, известный переводчик «Метафизики» Аристотеля, А. Ческис, В. К. Сережников, издатель и переводчик произведений французских материалистов и платоновского «Теэтета», на кафедре утверждается группа молодых преподавателей, сформировавшихся уже в советское время: М. А. Дынник, Б. С. Чернышев, Д. Ю. Квитко, Б. Э. Быховский и другие. Их, по-видимому, и следует считать первыми представителями советской историко-философской школы, связанными с Московским университетом. Проблемы истории зарубежной философии (домарксистской и современной) занимали в их педагогическом и научном творчестве центральное место.

В те же годы определяются историко-философские интересы видного ученого, в будущем профессора кафедры В. Ф. Асмуса. Вышедшие в 1930 г. его книги «Диалектика Канта» и «Очерки истории диалектики в новой философии» положили начало никогда не угасавшему на кафедре интересу к истории домарксистской диалектики, а его книга «Маркс и буржуазный историзм» (М., 1933) была одной из первых марксистских работ по анализу и критике основных направлений буржуазной философии эпохи империализма.

Достойное место в изучении и преподавании истории философии всегда занимала античная философия. Большую роль сыграли здесь лекции и труды В. К. Сережникова, М. А. Дынника и Г. Ф. Александрова. Некоторое время историю философии на философском факультете преподавал Б. Э. Быховский (1901—1980), который выступил как историк философии в начале 20-х годов. Из числа его работ, опубликованных в предвоенные годы, наиболее значительными были «Философия Декарта» (1940), «Метод и система Гегеля» (1941) и другие.

С позиций выявления роли материализма в истории философии в начале 40-х годов под редакцией и при участии Г. Ф. Александрова, Б. Э. Быховского, М. А. Дынника и других была написана трехтомная «История философии» (1940—1943), которая была удостоена Государственной премии.

Немалую роль в определении научно-педагогических интересов коллектива кафедры и стиля его работы сыграл талантливый

ученый Б. С. Чернышев, лекции и семинары которого оставили глубокий след в памяти тогдашних студентов и аспирантов философского факультета. С 1940 г. Б. С. Чернышев заведовал кафедрой истории философии МИФЛИ, а после воссоединения МИФЛИ с МГУ и образования в 1943 г. кафедры истории русской философии стал первым заведующим кафедрой истории западноевропейской философии Московского университета, т. е. той кафедры, которая с несколько измененным названием существует до сих пор. В 1944—1945 гг. кафедрой руководил проф. В. И. Светлов (1899—1955), работавший в области истории марксистской и античной философии, один из авторов «Краткого очерка истории философии» (1940).

В годы войны на факультет пришел проф. О. В. Трахтенберг, более десяти лет читавший курсы истории философии и проводивший различные семинары. Некоторое время на кафедре истории зарубежной философии работал М. П. Баскин, изучавший различные периоды истории западной философии.

В послевоенные годы особенно остро встала задача критики новейших направлений буржуазной философии и идеологии, разоблачения их псевдонаучной сущности и защиты марксизма от его буржуазных и ревизионистских фальсификаций. Вместе с тем возникла необходимость в более глубоком и систематическом анализе проблем домарксистской философии. В решении этих задач наряду с профессорами старшего поколения активное участие приняли молодые преподаватели кафедры, ученики В. Ф. Асмуса, Б. С. Чернышева, О. В. Трахтенберга, М. А. Дынника и других профессоров старшего поколения, некоторые из них недавно вернулись с фронтов войны, как например, Т. И. Ойзерман, М. Ф. Овсянников, Ю. К. Мельвиль, В. В. Соколов, И. С. Нарский. В конце 40—50-х годов усилиями этих преподавателей (в настоящее время профессоров) на кафедре были созданы новые лекционные курсы. В это же время на кафедре стали шире практиковаться специальные курсы, в особенности посвященные критике отдельных направлений современной буржуазной философии. Большое значение имели начатые в это время исследования Т. И. Ойзермана (зав. кафедрой в 1954—1968 гг., ныне член-корреспондент АН СССР) в области истории формирования марксистской философии. В них содержалась обстоятельная критика вошедших тогда в моду буржуазно-ревизионистских толкований марксизма (например, противопоставления «раннего» и «позднего» Маркса). Наиболее полно эта критика была позднее изложена автором в фундаментальной монографии «Формирование философии марксизма» (М., 1962). Т. И. Ойзерман уделял много внимания немецкой классической философии, а также современным направлениям буржуазной философии.

В 1957 г. кафедра обретает свое нынешнее название, более соответствующее ее действительному статусу: в послевоенный период в круг интересов кафедры помимо изучения западноевропейской философии все более входит исследование американской, а затем и восточной (индийской, арабской, китайской, японской) философии.

В 50-е годы Ю. К. Мельвиль, возглавляющий кафедру с 1968 г., создает первый в истории кафедры систематический лекционный курс по критике современной буржуазной философии, охватывающий все важнейшие ее направления. Этот курс с тех пор неизменно читается на философском факультете и входит в его учебный план. Некоторые части этого курса были в дальнейшем воплощены Ю. К. Мельвилем в ряде публикаций: в соответствующих главах учебных пособий «Основы марксизма-ленинизма» и «Краткий очерк истории философии», многократно переиздававшихся, а также в совместной с А. С. Богомоловым работе «Основные течения современной буржуазной философии» (1969—1970).

Вслед за Ю. К. Мельвилем его бывший аспирант А. С. Богомолов также разрабатывает курс критики современной буржуазной философии, на основе которого позднее будет опубликован целый ряд его статей и книг. В эти же годы преподаватели кафедры В. В. Соколов и И. С. Нарский создают систематические лекционные курсы по истории домарксистской философии. В целом к концу 50-х — началу 60-х годов силами преподавателей кафедры читались существенно обновленные курсы по всем периодам западноевропейской и по современной американской философии. Разумеется, не прекращались тогда и исследования по частным проблемам и отдельным направлениям зарубежной философии. Среди новых направлений кафедральных исследований того времени следует назвать анализ философии американского прагматизма, предпринятый Ю. К. Мельвилем. В ряде статей и в книге «Американский прагматизм» (М., 1959) Ю. К. Мельвиль обращался к проблеме теоретических истоков прагматизма, к его связи с американским образом жизни и буржуазной культурой. Критикуя главные постулаты прагматизма и его теоретические построения (теория истины, теория значения, теория сомнения — веры), Ю. К. Мельвиль показал полную противоположность понимания практики в марксизме и в прагматизме. Следует отметить и работы И. С. Нарского по истории польской философии (Мировоззрение Э. Дембовского. М., 1954) и по критике позитивизма (Очерки по истории позитивизма. М., 1960).

В этот же период сотрудники кафедры публикуют ряд работ по домарксистской западноевропейской философии. Среди них работы В. Ф. Асмуса «Философия Иммануила Канта» (М., 1955) и «Декарт» (М., 1956). Для знакомства советского читателя с наследием великого французского мыслителя Декарта большое значение имела предпринятая В. В. Соколовым несколько раньше (1950 г.) публикация «Избранных произведений Декарта» с его вступительной статьей. К другим публикациям В. В. Соколова 50-х годов относятся брошюры «Античная философия» (М., 1958), «Философия Гегеля» (М., 1959).

Потребность в глубоком исследовании философии Гегеля — крупнейшего представителя немецкой классической философии — особенно ощущалась в этот период. Наиболее фундаментальной работой советского гегелеведения 50-х годов является книга М. Ф. Овсянникова «Философия Гегеля» (М., 1959), всесторонне охватывающая философскую систему Гегеля. М. Ф. Овсянников, ныне заведующий кафедрой марксистско-ленинской эстетики философского факультета,— воспитанник кафедры истории зарубежной философии, где он работал еще в 1943—1947 гг., а затем в продолжение почти десяти лет, начиная с 1955 г.

60-е годы были для кафедры исключительно плодотворными. В данном кратком обзоре не представляется возможным перечислить все важные книги, статьи, спецкурсы и доклады сотрудников кафедры за это время. Отметим только, что это были годы существенного обогащения лекционных курсов (общих и специальных) новыми материалами, значительного расширения научных интересов кафедры, крупных публикаций ведущих профессоров и преподавателей. Простой перечень некоторых из этих публикаций дает возможность оценить весь размах проделанной тогда кафедрой научной и педагогической работы. В эти годы появляются книги, которые могли в той или иной мере служить учебными пособиями по соответствующим разделам истории философии. Это работы В. Ф. Асмуса «История античной философии» (М., 1965); А. С. Богомолова «Англо-американская буржуазная философия эпохи империализма» (М., 1964) и «Немецкая буржуазная философия после 1865 года» (М., 1969); работа В. В. Соколова «Очерки философии эпохи Возрождения» (М., 1962). Во всех этих книгах обобщался многолетний опыт преподавания истории философии на философском факультете. В это же время на кафедре были написаны заслужившие широкого признания работы, посвященные специальным историко-философским проблемам: ряд книг и статей В. Ф. Асмуса, в числе которых хорошо известная в нашей стране и за рубежом книга «Проблема интуиции в философии и математике» (М., 1963; 1965) и «Немецкая эстетика XVIII века» (М., 1963). Результатом продолжительных исследований американской философии явилась книга Ю. К. Мельвиля «Чарльз Пирс и прагматизм» (М., 1968), в которой впервые у нас в стране был дан глубокий всесторонний анализ учения одного из крупнейших американских философов XIX — начала XX в. Ясность и обстоятельность анализа философии Пирса и его последователей ставят эту книгу в ряд лучших критических исследований прагматизма.

Вкладом в советскую историко-философскую науку явилась монография В. В. Соколова «Философия Спинозы и современность» (М., 1964), давшая марксистскую оценку философии этого великого мыслителя XVII в. и освободившая ее от предвзятых буржуазных и религиозных интерпретаций. Не менее значительна в 60-е годы деятельность В. В. Соколова как инициатора изда-

ния, составителя и редактора первых двух томов «Антологии мировой философии», где он также выступил автором интересных вступительных статей. И в наши дни эта антология в отношении ряда мыслителей прошлого остается единственным источником, по которому студенты и аспиранты знакомятся с их произведениями.

Для многостороннего научно-педагогического творчества А. С. Богомолова в этот период характерна тенденция к обобщениям и анализу наиболее важных явлений в современной буржуазной философии, воплотившаяся в его монографии «Идея развития в буржуазной философии XIX и XX веков» (М., 1962). В ней показано, что ряд связанных с наукой школ современной буржуазной философии вынужден искать выход из тупика «метафизического» эволюционизма и изобретать «новые» концепции развития типа «творческой эволюции» Бергсона или «эмерджентной эволюции» Александера. Претендуя на преодоление метафизической односторонности прежнего эволюционизма, эти концепции остаются в границах метафизики, так как игнорируют диалектические законы развития. Анализ новейших буржуазных теорий развития предопределил интерес А. С. Богомолова к судьбе диалектики в буржуазной философии последнего столетия, в результате чего появилась серия его статей, посвященных анализу идеалистической диалектики XX в. В связи с рассмотрением буржуазных концепций развития, часто возникавших в рамках так называемых «реалистических» школ А. С. Богомолов в конце 60-х годов переходит к систематическому анализу буржуазного философского «реализма» XX в. Большинство из упомянутых научных разработок ученого нашло свое отражение прежде всего в специальных и общих лекционных курсах, читавшихся им на философском факультете.

В тесной связи с учебно-педагогическим процессом создавались работы И. С. Нарского «Современный позитивизм» (М., 1961), в которой предпринята попытка дать всесторонний анализ этого важнейшего направления современного буржуазного идеализма, и «Философия Давида Юма» (М., 1967). Последняя была первой обобщающей работой о Д. Юме в нашей стране.

Значительный вклад в историко-философскую науку представляли собой исследования В. Н. Кузнецова, ныне профессора кафедры, по истории французской философии. Активная педагогическая и научная деятельность В. Н. Кузнецова способствовала оживлению интереса к французским материалистам и просветителям XVIII в. Одним из результатов этой деятельности была его книга «Вольтер и философия французского просвещения XVIII века» (М., 1965). Две другие его работы этого периода — «Жан-Поль Сартр и экзистенциализм» (М., 1969) и «Французская буржуазная философия XX века» (М., 1970) — сделали его заметным специалистом в области критики современной французской буржуазной философии. Книга о Сартре была первым в на-

шей стране монографическим исследованием, дающим марксистский критический анализ сартровского учения. Она значительно конкретизировала и углубила понимание этой влиятельнейшей формы современного экзистенциализма. Вторая из названных работ явилась обобщающим исследованием современной буржуазной философии во Франции, включающим анализ воззрений и хорошо знакомых нашему читателю французских мыслителей, и малоизвестных, таких, как Лаланд, Мейерсон, Башляр, Мерло-Понти. Вместе с упомянутыми книгами А. С. Богомолова об англо-американской и немецкой буржуазной философии эта работа В. Н. Кузнецова определенное время фактически была основным учебным пособием по критике буржуазной философии эпохи империализма для студентов и аспирантов-философов.

В 60-е годы продолжается разработка принципов историко-философского анализа, принципов критики современной буржуазной философии. Эти исследования вели на кафедре в те годы главным образом Т. И. Ойзерман, Ю. К. Мельвиль, В. В. Соколов, А. С. Богомолов. Методологический характер носила работа А. С. Богомолова и Ю. К. Мельвиля «Основные течения современной буржуазной философии» (М., 1969—1970). В эти же годы А. Н. Чанышев разрабатывал проблемы происхождения философии. В прошлом специалист по истории религии, А. Н. Чанышев обращается к проблематике происхождения философии еще в начале 60-х годов, рассматривает ее в ряде спецкурсов и спецсеминаров, а затем публикует монографию «Ионийская философия» (М., 1965), в которой отстаивает выдвинутую им «гносеогенно-мифогенную» концепцию генезиса философии. В следующей монографии «Эгейская предфилософия» (М., 1970) он обосновывает свою концепцию на примере греческой мифологии и древневосточной науки, рассматривая мифологическое мировоззрение и египетско-вавилонскую науку как два источника возникновения философского сознания в Древней Греции. В дальнейшем в книге «Италийская философия» (М., 1975) А. Н. Чанышев конкретизировал свою концепцию на примерах пифагорейской и элейской философии.

Таким образом, в 60-е годы педагогическая и научная деятельность кафедры была отмечена иными идеями, новыми спецкурсами, новыми важными публикациями. Именно в этот период достигло творческой зрелости молодое поколение ученых кафедры, воспитанное в основном в послевоенное время. Именно в эти годы ряд ведущих преподавателей кафедры: Ю. К. Мельвиль, В. В. Соколов, И. С. Нарский, А. С. Богомолов — защитили докторские диссертации и получили звание профессоров. Большую роль в повышении авторитета кафедры сыграла деятельность широкоизвестного ученого и прекрасного педагога В. Ф. Асмуса, который работал на кафедре с 1954 г. до конца своей жизни (1975 г.). Мы уже упоминали о его вкладе в историко-философскую науку. Не менее весомым был его вклад в дело преподавания истории зарубежной философии и подготовку специалистов по истории философии.

В 70-е годы кафедра развивалась как в интенсивном, так и в экстенсивном направлении. Она пополнилась новыми преподавателями: на кафедру были приглашены А. Ф. Зотов — специалист по истории философии науки, В. С. Костюченко — специалист по индийской философии. По инициативе и при участии проф. Ю. К. Мельвиля были созданы специализированные группы студентов, изучающих восточную философию. Силами членов кафедры и преподавателей-совместителей было организовано преподавание истории индийской, арабской, китайской и японской философии. Спустя несколько лет были получены и первые результаты этой новой специализации. Выпускники кафедры хорошо зарекомендовали себя как востоковеды, работая в соответствующих научных учреждениях. Некоторые из них уже защитили кандидатские диссертации. С приходом на кафедру А. Ф. Зотова значительно возрос интерес студентов и аспирантов к проблемам философии науки, историко-философские исследования стали теснее связываться с проблемами истории конкретных наук. Эти нововведения расширили сферу интересов ученых кафедры, охватывающую теперь практически все наиболее существенные ветви историко-философского процесса за рубежами нашей страны.

Вместе с тем руководство кафедры стремится восполнить пробелы в преподавании и исследовании европейской и американской философии. После аспирантуры на кафедре остались работать специалист по американской философии А. М. Каримский, Г. Г. Майоров, занимающийся философией Нового времени, средних веков и поздней античности, Г. Я. Стрельцова, специализирующаяся по французской философии, А. Ф. Грязнов — по английской философии, А. Л. Доброхотов — по философии Древней Греции и Германии XIX в., А. М. Руткевич — по испанской философии. В итоге кафедра пополнилась специалистами по многим недостаточно разработанным разделам истории западной философии.

В последнее десятилетие большое внимание на кафедре было уделено обновлению учебных программ и планов. Обновились и программы научно-исследовательской деятельности. Это и понятно. Ведь в связи с пополнением кафедры новыми преподавателями совершенствовалось преподавание и формулировались новые темы научных исследований. В новых программах большее место стали занимать проблемы восточной философии, философии науки, критики новейших направлений буржуазной философии, а также критики буржуазных извращений марксистской теории. Эти изменения нашли свое выражение в лекционных курсах, в научной ориентации студентов, в работе НСО. Практика показала, что подобная перестройка деятельности кафедры была оправдана и даже необходима.

Примечательной особенностью текущего десятилетия является

и расширение сферы научно-педагогических интересов отдельных преподавателей кафедры. Например, А. С. Богомолов, известный специалист по критике современной буржуазной философии, продолжая работать в этой области, исследует домарксистскую диалектику, в частности античную диалектику. В. Н. Кузнецов изучает немецкую классическую философию и ее влияние на современных французских мыслителей. Одновременно он исследует марксистскую мысль во Франции, а также французскую философию XVIII в. Г. Я. Стрельцова, изучавшая ранее экзистенциализм Сартра, обратилась к исследованию философского наследия Паскаля. Примеры можно было бы продолжить. Пожалуй, ни один из преподавателей кафедры не ограничивает своих научных и тем более педагогических интересов одной проблемой. Такого рода универсальность, позволяющая максимально использовать каждого из преподавателей для решения задач, стоящих перед кафедрой, не исключает, конечно, того, что у каждого сохраняются свои предпочтения и научные симпатии.

70-е годы богаты научными публикациями. Среди них нужно особо выделить учебные пособия. В 1972 г. вышло в свет учебное пособие «Современная буржуазная философия» — коллективный труд, созданный под редакцией и при участии А. С. Богомолова, Ю. К. Мельвиля и И. С. Нарского. Книга представляет собой систематический критический обзор главных направлений и школ современной буржуазной философии, соответствующий учебной программе. В 1977—1978 гг. вышло второе издание этого пособия в двух томах. Книга получила широкое признание и переведена на иностранные языки. С ее выходом студенты и аспиранты получили большую помощь в освоении соответствующего курса истории философии. Полезным было переиздание в 1975 г. учебного пособия В. Ф. Асмуса по античной философии, издание (в 1973—1977) трехтомного курса лекций по философии XVII—XIX вв. И. С. Нарского, читанного им ранее на факультете. В 1979 г. опубликовано еще одно учебное пособие — книга В. В. Соколова «Средневековая философия», являющаяся систематическим изложением тысячелетней истории философии средневековья. С выходом этой книги почти весь курс истории зарубежной философии в той или иной мере обеспечен учебными пособиями.

Из других публикаций кафедры последних лет назовем лишь некоторые: монография В. Ф. Асмуса «Иммануил Кант» (М., 1973) — фундаментальное марксистское исследование философии И. Канта; две книги А. С. Богомолова «Английская буржуазная философия XX века» (М., 1973) и «Буржуазная философия США XX века» (М., 1974). Особое внимание в них уделено связи гносеологических выводов буржуазных философских школ с принимаемой ими онтологией и отношению этих школ к диалектике. В книге А. Ф. Зотова (в соавторстве с Ю. В. Воронцовой) «Буржуазная философия науки» анализируются важнейшие методологические течения в буржуазной философии конца XIX — начала XX в., в частности неопозитивизм и неорационализм. А. Ф. Зотову принадлежат также работы об Ампере, Мейерсоне, Башляре, Н. Гартмане и других. Из научных публикаций этих лет следует назвать книгу коллектива авторов (А. С. Богомолов, В. И. Гараджа, А. М. Каримский, В. Н. Кузнецов) «Современная буржуазная философия и религия» (М., 1977), анализирующую взаимодействие религиозного и философского сознания в условиях современного буржуазного общества.

Что же касается тех ученых кафедры, кто начал публиковаться сравнительно недавно, то здесь можно назвать А. М. Каримского, выпустившего за последние семь лет несколько книг, две из которых — «Философия американского натурализма» (М., 1972) и «Проблема гуманизма в современной американской философии» (М., 1978) — посвящены анализу актуальных философских проблем в современных США, а книга «Революция 1776 года и становление американской философии» (М., 1976) — анализу концепций американских мыслителей XVIII в. Упомянем также работы Г. Я. Стрельцовой «Диалектика Сартра» (М., 1973), В. С. Костюченко «Интегральная веданта» (М., 1971) и «Вивекананда» (М., 1977), В. Ф. Коровина «Райт Миллс и американский радикализм» (М., 1978), Г. Г. Майорова «Теоретическая философия Готфрида В. Лейбница» (М., 1973). Нет надобности перечислять здесь многочисленные статьи, разделы в учебниках, популярные и научно-популярные брошюры, опубликованные членами кафедры, чтобы составить представление о весьма плодотворной научной работе кафедры за последнее десятилетие.

В данной главе мы основное внимание уделили научно-исследовательской деятельности преподавателей кафедры, ибо качество этой деятельности служит одним из надежных критериев качества преподавания. Разумеется, деятельность кафедры не исчерпывается охарактеризованными выше аспектами. Она более многогранна. Это и работа по изданию трудов классиков зарубежной философии (активно участвуют в этом В. В. Соколов, А. Ф. Грязнов, В. Н. Кузнецов, Г. Г. Майоров), и сотрудничество в журналах (особенно Ю. К. Мельвиль и А. С. Богомолов), в энциклопедиях, и участие в конференциях, международных симпозиумах и конгрессах, и лекции у нас в стране и за рубежом, и непрерывная общественная и воспитательная работа. И все же, несмотря на большую педагогическую и научную нагрузку, ученые кафедры строят новые творческие планы. Каждый преподаватель кафедры готовит какую-то новую публикацию, какой-то новый курс лекций. Это относится как к старшему, так и к самому молодому поколению.

Ныне кафедра истории зарубежной философии ставит задачу углубления и совершенствования своей педагогической и научной деятельности. Есть все основания ожидать, что коллектив кафедры успешно справится с решением поставленной задачи.

Глава VIII

КАФЕДРА ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ НАРОДОВ СССР

Исследования в области истории русской философии и истории философии народов СССР развернулись в Московском университете главным образом после создания на философском факультете в 1943 г. кафедры истории русской философии во главе с проф. М. Т. Иовчуком. В 1947 г. заведующим кафедрой стал проф. И. Я. Щипанов, возглавляющий ее по сегодняшний день (в 1955 г. кафедра переименована в кафедру истории философии народов СССР).

Исследования по истории русской философии велись в Московском университете и до 1943 г., но они носили эпизодический характер и не давали широкой картины развития философской мысли в России. По сути дела, и в методологическом плане и в плане проблематики исследования русской философии не выходили за пределы плехановской «Истории русской общественной мысли». Из наиболее крупных работ можно назвать лишь книгу проф. И. К. Луппола «Историко-философские этюды» (1935), в которой характеризовались философские воззрения И. П. Пнина, А. Н. Радищева и декабриста И. Д. Якушкина. В 1936, 1938 и 1940 гг. были опубликованы его статьи о философских взглядах Л. Н. Толстого, В. Г. Белинского, М. В. Ломоносова и Н. Г. Чернышевского. Исследования по истории материализма в русском естествознании велись на созданной в 1926 г. кафедре истории и философии естествознания физико-математического факультета, возглавлявшейся А. А. Максимовым, хотя опубликованных работ по этой теме до 40-х годов не было [1].

Историко-философские исследования в первые годы Советской власти велись главным образом вне стен Московского университета — в Коммунистической академии, в Институте красной профессуры философии и естествознания и в других научных учреждениях. Но и здесь исследования в области истории русской философии и философии народов СССР практически находились в зачаточном состоянии. М. Т. Иовчук и Л. Н. Суворов справедливо отмечают, что «группа Деборина не давала отпора европоцентристским концепциям буржуазной философии, не разрабатывала

[1] Монография А. А. Максимова «Очерки по истории борьбы за материализм в русском естествознании», явившаяся итогом многолетних исследований автора, была издана в 1947 г. В основу ее лег курс лекций, который А. А. Максимов читал на философском факультете МГУ. Монография содержала оценку философских воззрений М. В. Ломоносова, Н. И. Лобачевского, И. М. Сеченова, И. П. Павлова, А. М. Бутлерова, В. В. Марковникова, Д. И. Менделеева, А. Г. Столетова, Н. А. Умова, И. И. Мечникова, К. А. Тимирязева и анализ воздействия идеологии русских революционных демократов и В. И. Ленина на мировоззрение русских естествоиспытателей.

истории философии народов СССР и стран Востока» [2]. Не вели исследований по истории русской философии и так называемые «механисты».

Развитию исследований в области истории прогрессивной отечественной философии и общественной мысли в огромной степени содействовало постановление ЦК ВКП(б) о журнале «Под знаменем марксизма» (январь 1931 г.), подчеркнувшее необходимость разработки и пропаганды ленинского философского наследия. Опубликованные в 20—30-е годы ленинские работы показывали, какое серьезное внимание уделял В. И. Ленин истории отечественной философской мысли. В таких работах, как «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» (1920), «О значении воинствующего материализма» (1922), В. И. Ленин подчеркнул значение поисков передовой русской общественной мыслью революционной теории, отметил наличие в России солидной материалистической традиции, которую либерально-буржуазная историография полностью отрицала. Большое значение имела публикация в 1933 г. в XXV Ленинском сборнике замечаний В. И. Ленина на книгу Г. В. Плеханова «Н. Г. Чернышевский». Ленинский анализ свидетельствовал о том внимании, с каким Ленин относился к оценке русской материалистической философии, и об отличии его оценок роли Н. Г. Чернышевского в развитии русской общественной мысли от оценок Плеханова, зачастую канонизировавшихся в литературе 20-х годов.

Опасность фашизма, возросшая в первой половине 30-х годов, заострила проблему отношения коммунистов к прогрессивному демократическому наследию. VII конгресс Коммунистического Интернационала в 1935 г. поставил вопрос о наследовании коммунистами всего наиболее ценного, прогрессивного в мировой культуре и в связи с этим выдвинул в качестве одной из задач марксистов-ленинцев теоретическую разработку проблем демократии. Тем самым и перед советскими философами встала задача всестороннего изучения и пропаганды передовых материалистических, демократических и социалистических идей отечественной общественной мысли. В начале 40-х годов появились работы советских историков философии, которые, опираясь на ленинскую методологию, дали принципиальную оценку материалистических воззрений Белинского, Герцена, Огарева, Чернышевского, Добролюбова [3]. Их воззрения были охарактеризованы как философия революционного демократизма, как особого рода философский материализм, содержащий плодотворные диалектические принци-

[2] Иовчук М. Т., Суворов Л. Н. Основные вехи развития в СССР истории философии как науки.— Филос. науки, 1958, № 1, с. 45.

[3] См.: Иовчук М. Т. Развитие материалистической философии в России в XVIII—XIX вв. М., 1940; Васецкий Г. С.; Иовчук М. Т. Очерки по истории русского материализма XVIII и XIX вв. М., 1942; Кружков В., Федосеев П. Основные черты русской классической философии XIX века.— Большевик, 1943, № 6; и др.

пы и неразрывно связанный с идеями социализма и народной революции. Такая оценка русской материалистической философии середины XIX в. позволила преодолеть тенденцию рассмотрения ее только как просветительской идеологии, как материализма, которому присущи все характерные черты и недостатки философии французского просвещения XVIII в. Эти исследования заострили внимание на специфике русского материализма середины XIX в.

Борьба против фашистской идеологии и задачи патриотического воспитания советских людей требовали дальнейшей работы по исследованию всего ценного, передового в русской философской и общественно-политической мысли. Поэтому ученые созданной в Московском университете кафедры истории русской философии сосредоточили свои усилия на изучении и пропаганде передовых материалистических и атеистических идей в русской философии, на исследовании русской материалистической традиции, начиная с родоначальника русского материализма и основателя Московского университета М. В. Ломоносова.

Одной из первых крупных работ кафедры явился коллективный труд «Из истории русской философии» под редакцией И. Я. Щипанова (М., 1949; второе издание вышло в 1951 г.), созданный преподавателями Московского университета М. Т. Иовчуком, Г. С. Васецким, И. Я. Щипановым, О. В. Трахтенбергом, А. Н. Маслиным при участии В. Е. Евграфова, В. М. Каганова, П. Т. Белова, Н. Г. Тараканова, В. А. Фоминой, Я. Д. Бетяева. В открывающей книгу главе, написанной М. Т. Иовчуком, впервые была дана периодизация истории русской философии и сделана попытка раскрыть ее основные особенности. В других главах давалась характеристика философских и социальных теорий передовых русских мыслителей XIV—XVII вв., освещались философские воззрения Ломоносова, Радищева, Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова, Писарева, Антоновича, Плеханова, показывалось отношение ленинизма к русской материалистической традиции, раскрывалось значение борьбы Менделеева, Сеченова, Тимирязева, Павлова, Мичурина за материализм в русском естествознании. Этот труд как первое изложение материалистической линии в русской философии был издан в ряде восточноевропейских стран и на протяжении ряда лет являлся по существу учебным пособием по курсу истории философии в вузах.

Следующей крупной работой кафедры стал коллективный труд под редакцией И. Я. Щипанова «Из истории русской философии XVIII—XIX вв.» (М., 1952), в котором профессора, преподаватели и аспиранты философского факультета рассмотрели развитие философского материализма в России от Ломоносова до периода проникновения в Россию марксистских идей. В этой книге практически впервые в советской литературе были даны обобщающие характеристики мировоззрения декабристов и таких мыслителей XIX в., как М. В. Буташевич-Петрашевский, Н. П. Огарев, Н. А. Серно-Соловьевич, была дана оценка эстетических и логических идей русских революционных демократов, рассмотрены плехановская оценка русской материалистической философии второй половины XIX в., а также проникновение марксизма в Россию в период до 1883 г.

Важным этапом в развитии исследований в области истории философии народов СССР явился выход в свет книги «Очерки по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР» в двух томах (М., 1955—1956), подготовленной кафедрой совместно с Институтом философии АН СССР. Несмотря на критические замечания, которые были высказаны в адрес авторов и редколлегии, это издание знаменовало собой новый шаг в исследовании истории отечественной философии, ибо в нем впервые была сделана попытка дать обобщающую картину развития философской мысли во всех крупных регионах России. Это был первый опыт, во многом облегчивший дальнейшие исследования развития философской мысли различных народов СССР, на протяжении многих веков. Конечно, в «Очерках» не удалось избежать некоторой односторонности в освещении развития философских идей, была недостаточно исследована идеалистическая линия в истории философии. Однако следует учесть, что авторы видели свою задачу в том, чтобы максимально раскрыть богатство материалистических, диалектических, атеистических и социалистических традиций в философском наследии народов СССР, ибо буржуазная историография на протяжении долгого времени подчас совершенно их игнорировала. Главной заслугой авторов «Очерков» явилась убедительная демонстрация того факта, что в истории философской мысли всех народов Советского Союза имеется материалистическая традиция, развитие которой является отражением борьбы передовых сил против реакционных классов. Правда, отсутствие в «Очерках» обстоятельного освещения противников философского материализма обеднило содержание некоторых глав, но несомненным достоинством исследования была его широта — от философских идей, развивавшихся в недрах религиозного сознания, до материалистических концепций в русском естествознании конца XIX в. «Очерки по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР явились первым коллективным трудом, показавшим развитие прогрессивных тенденций философии народов СССР на протяжении десяти веков.

Содержательным исследованием кафедры, в котором приняли участие многие профессора и преподаватели философского факультета, явился уже упоминавшийся коллективный труд «Московский университет и развитие философской и общественно-политической мысли в России» под общей редакцией И. Я. Щипанова, вышедший в 1957 г. к 200-летию Московского университета. Многие главы этой книги раскрывали роль деятельности ученых-естествоиспытателей в развитии и пропаганде материалистических идей в русском обществе. Учитывая то обстоятельство, что фило-

софские кафедры в Московском университете, особенно с середины XIX в., были в руках идеалистов, значение их деятельности трудно переоценить. Анализ вклада ученых университета в развитие материализма значительно расширял представления о борьбе материализма и идеализма в России в XVIII — начале XX в. В этом труде впервые в советской литературе получила освещение борьба философских идей в первые годы Советской власти, а также деятельность ученых Московского университета по пропаганде и развитию марксистской философии.

Систематическая и целенаправленная работа кафедры по исследованию истории русской философии и философии других народов нашей страны, по воспитанию высококвалифицированных кадров историков отечественной философии[4] создала предпосылки для осуществления крупных, многотомных исследований истории философии народов СССР. В 50-е годы ученые кафедры (М. Т. Иовчук, И. Я. Щипанов, Н. Г. Тараканов, П. Т. Белов, В. А. Фомина) приняли участие в подготовке шеститомной «Истории философии» (М., 1957—1961), в которой целый ряд глав освещает развитие философской мысли народов СССР. С середины 60-х годов ученые кафедры принимают участие в создании пятитомной «Истории философии в СССР» — коллективного труда Института философии АН СССР и философского факультета МГУ. Вышедшие четыре тома свидетельствуют о том, что сделан новый шаг в изучении философского наследия народов СССР. Это исследование является наиболее полным и систематизированным изложением истории философских воззрений народов нашей страны с древнейших времен до настоящего времени. Ряд членов кафедры участвовал в создании таких коллективных монографических исследований, как «Ленинизм и современные проблемы историко-философской науки» (М., 1970); «Торжество ленинской национальной политики КПСС» (Алма-Ата, 1973); «Ленинизм и торжество научно-материалистического мировоззрения в СССР» (М., 1981).

Члены кафедры написали немало статей по истории отечественной философии для Большой Советской Энциклопедии, Философской энциклопедии», Философского словаря и других изданий.

Помимо участия в подготовке коллективных научных трудов[5] ученые кафедры ведут и монографические исследования. В числе первых монографий, подготовленных на кафедре, были книга Я. Д. Дмитерко «Общественно-политические и философские

[4] За 39 лет существования кафедра подготовила более 200 кандидатов философских наук и около 20 докторов наук.

[5] Кроме отмеченных выше см. также: Великий русский мыслитель В. Г. Белинский. Под ред. З. В. Смирновой. М., 1948; Очерки по истории философии в России (вторая половина XIX и начало XX века). Под ред. Г. С. Васецкого, А. Д. Косичева, Ш. Ф. Мамедова, М. Г. Шестакова. М., 1960; Краткий очерк истории философии. Под ред. М. Т. Иовчука, Т. И. Ойзермана, И. Я. Щипанова. М., 1960 (2-е изд. 1967; 3-е изд. 1975; 4-е изд. 1981); и др.

взгляды Т. Г. Шевченко» (М., 1951) — первое марксистское исследование философских воззрений великого украинского поэта-демократа и книга В. И. Романенко «Мировоззрение Н. А. Серно-Соловьевича» (М., 1954), в которой впервые были проанализированы взгляды одного из наиболее ярких соратников Н. Г. Чернышевского и дана их марксистская оценка. Монография Г. С. Васецкого «Мировоззрение М. В. Ломоносова» (М., 1961) подытожила большую исследовательскую работу, проведенную советскими философами в связи с 250-летием со дня рождения этого выдающегося русского мыслителя и ученого, имя которого в 1940 г. было присвоено Московскому университету.

Широкое распространение получили на кафедре монографические исследования отдельных этапов развития философской мысли и определенных философских направлений. В 1953 г. опубликована обобщающая работа И. Я. Щипанова «Русская материалистическая философия XVIII—XIX вв. и ее историческое значение», в которой автор раскрыл материалистическую, диалектическую и атеистическую традиции в России и их плодотворное влияние на общественную мысль. В 1965 г. вышло в свет исследование Ш. Ф. Мамедова «Развитие философской мысли в Азербайджане», в котором дана широкая картина философской жизни дореволюционного Азербайджана. В 1970 г. была издана работа П. Т. Белова «Философия выдающихся русских естествоиспытателей», обобщившая исследования борьбы философских идей в русском естествознании конца XIX — начала XX в. и убедительно раскрывшая материалистический и диалектический характер мировоззрения выдающихся русских ученых — И. М. Сеченова, Д. И. Менделеева, К. А. Тимирязева и других. В 1971 г. опубликовано исследование И. Я. Щипанова «Философия русского просвещения. Вторая половина XVIII века». В монографии широко освещается борьба передовой философской и общественно-политической мысли России против религиозного мракобесия, показывается самобытный характер многих прогрессивных философских и социологических идей русских мыслителей, аргументированно критикуется идеалистическая дворянско-буржуазная историография этого периода. Детальный анализ взглядов таких деятелей русского просвещения, как Н. Н. Поповский, Д. С. Аничков, И. А. Третьяков, С. Е. Десницкий, Я. П. Козельский, Н. И. Новиков, Д. И. Фонвизин и другие, убедительно показал несостоятельность домыслов дворянско-буржуазных историков об отсутствии в России самостоятельных и оригинальных мыслителей, о подражательном характере философской и общественно-политической мысли России XVIII в. В 1973 г. вышла книга Н. И. Бочкарева «В. И. Ленин и буржуазная социология», анализирующая основные направления русской буржуазной социологии начала XX в. и показывающая ленинскую критику порочных методологических установок этих направлений. В 1974 г. опубликовано исследование Ю. Д. Джумабаева и Ш. Ф. Мамедова «Этическая

мысль в Средней Азии в IV—XV вв.», в 1977 г. вышла в свет работа А. Т. Павлова «От дворянской революционности к революционному демократизму», раскрывающая пути становления революционно-демократической идеологии в России. Такого рода исследования дополняют учебно-методическую литературу, углубляют представления об отдельных периодах развития философской мысли и способствуют выявлению закономерностей развития философии того или иного народа.

Из других исследований, дающих обобщающую оценку философских взглядов отдельных мыслителей, можно назвать работы И. Я. Щипанова «Общественно-политические и философские взгляды А. Н. Радищева» (М., 1950); Ш. Ф. Мамедова «Мировоззрение М. Ф. Ахундова» (М., 1962) и «Мирза Фатали Ахундов» (М., 1978); П. С. Шкуринова «П. Я. Чаадаев. Жизнь, деятельность, мировоззрение» (М., 1960), «Философские взгляды В. И. Танеева» (М., 1962) и «Критика позитивизма В. И. Танеевым» (М., 1965); В. В. Богатова «Философия П. Л. Лаврова» (М., 1972); Н. Г. Тараканова «Н. П. Огарев. Эволюция философских взглядов» (М., 1974); В. А. Кувакина «Критика экзистенциализма Бердяева» (М., 1976); В. П. Кошарного «У истоков советской философской науки» (М., 1981) и другие.

Чрезвычайно актуальным направлением научных исследований является анализ буржуазной литературы по истории философии народов СССР и разоблачение различного рода искажений и фальсификаций историко-философского процесса в России. Победа Советского Союза в Великой Отечественной войне вызвала колоссальный интерес к истории России и русской общественной мысли. Год от года увеличивается поток публикаций, в которых философия народов СССР, особенно русская философия, получает извращенное освещение. Дать своевременный отпор подобным искажениям — важная задача советских ученых. Кафедра истории философии народов СССР с первых лет ее существования ведет бескомпромиссную борьбу с фальсификаторскими интерпретациями истории нашей многонациональной философии. Помимо статей в периодической печати были изданы две коллективные работы (Против современных фальсификаторов истории русской философии. Под ред. И. Я. Щипанова. М., 1960; Критика современных буржуазных фальсификаторов истории философии народов СССР. Под ред. И. Я. Щипанова и Н. И. Бочкарева. М., 1974) и две монографии (Малинин В. А. Основные проблемы критики идеалистической истории русской философии. М., 1963; Маслин М. А. Критика буржуазных интерпретаций идеологии русского революционного народничества. М., 1977), дающие обстоятельную критику буржуазных фальсификаций, разоблачающие приемы и методы извращений реальной истории развития философской мысли в России. Анализу буржуазных интерпретаций истории философии народов СССР был посвящен ряд диссертационных исследований. Только за последние годы на кафедре

были выполнены исследования буржуазных интерпретаций философии русских революционных демократов во французской (К. И. Власенко), немецкой (В. М. Петраченкова) и англоязычной литературе (С. В. Гладун). Критика буржуазных фальсификаций развития русской идеалистической философии дана в диссертациях Н. С. Федоркина, В. Спирова, В. П. Кошарного, Н. В. Антохиной и других.

Проведенная работа убедительно показывает несостоятельность попыток умаления заслуг русских ученых и общественных деятелей в развитии материалистических идей, попыток представить их эпигонами западноевропейских мыслителей. Исследования, проведенные учеными кафедры, свидетельствуют в то же время об определенной эволюции части буржуазных историков от слепого заимствования оценочных суждений Н. Бердяева, П. Струве и других веховцев к попыткам объективно подойти к изучению философского наследия народов СССР, хотя общая тенденция буржуазной историографии — отрицание самостоятельного характера русской прогрессивной идеологии. Буржуазным фальсификациям в исследованиях советских ученых противопоставляется марксистско-ленинская методология исследования историко-философского процесса в России.

Исследовательская деятельность ученых кафедры сопровождалась источниковедческой работой, отбором и публикацией философских и социально-политических произведений передовых русских мыслителей. За годы существования кафедры были подготовлены и изданы избранные философские и социально-политические произведения многих выдающихся русских мыслителей XVIII—XIX вв. Значительная часть источниковедческой работы была проведена совместно с Институтом философии АН СССР. Чтобы наглядно представить себе колоссальную работу с первоисточниками, достаточно перечислить только некоторые вышедшие в свет издания: Белинский В. Г. Избранные философские сочинения. В 2-х т. Под общей редакцией М. Т. Иовчука и З. В. Смирновой (М., 1948); Ломоносов М. В. Избранные философские произведения. Под общей редакцией и с предисловием Г. С. Васецкого (М., 1950); Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. В 3-х т. Под общей редакцией и со вступительной статьей И. Я. Щипанова (М., 1951); Радищев А. Н. Избранные философские и общественно-политические произведения. Под общей редакцией и со вступительной статьей И. Я. Щипанова (М., 1949, 1952); Избранные произведения русских естествоиспытателей первой половины XIX века. Редакция и вступительная статья Г. С. Васецкого и С. Р. Микулинского (М., 1959); Избранные философские произведения М. Ф. Ахундова. Под ред. Ш. Ф. Мамедова (М., 1962); Русские просветители (от Радищева до декабристов). Собрание произведений в 2-х т. (Философское наследие). Под редакцией и со вступительной статьей И. Я. Щипанова (М., 1966), а также четвертый том анто-

логии мировой философии — Философская и социологическая мысль народов СССР XIX в. (М., 1972).

Источниковедческая работа не исчерпывается отбором и редактированием текстов. Существенной ее стороной является анализ и оценка мировоззрения авторов готовящихся к публикации произведений. Издание сочинений мыслителей прошлого — это большая научно-исследовательская работа, которая по своему объему значительно превышает, а по значению не уступает исследованию их воззрений. Вклад философского факультета МГУ в исследование истории отечественной философии трудно переоценить именно потому, что кафедра истории философии народов СССР заложила прочный фундамент изучения прогрессивного культурного наследия не только своей исследовательской работой, но и подготовкой научно выверенных и прокомментированных источников.

Исследовательской работе кафедры содействует сам процесс обучения студентов и аспирантов, который особенно остро ставит методологические проблемы историко-философского исследования: отбор наиболее важных философских концепций, оказавших решающее воздействие на развитие отечественной философской мысли; вопросы периодизации развития философии, связи его различных этапов с экономическим и социально-политическим развитием страны, с классовой борьбой; взаимосвязь развития философии и естествознания. Решение этих проблем непосредственно связано с разработкой программы курса истории философии народов СССР и другой научно-методической работой кафедры. Программа курса постоянно совершенствуется и уточняется, пересматриваются персоналии, порядок изложения материала, списки обязательной литературы. Регулярно перерабатывается и дополняется учебно-методическое пособие по истории философии народов СССР для студентов вечернего и заочного обучения.

Научно-исследовательская работа кафедры отражается и в разработке спецкурсов и спецсеминаров для студентов и аспирантов философского факультета. Наиболее полно представлена в спецкурсах проблематика, связанная с развитием русской материалистической философии в XIX в. Проф. В. В. Богатов читает спецкурсы, раскрывающие особенности материализма Н. Г. Чернышевского и антропологизма П. Л. Лаврова; доц. Н. С. Козлов анализирует социологические и общественно-политические взгляды Л. Н. Толстого и М. Е. Салтыкова-Щедрина; доц. А. Т. Павлов рассматривает социально-исторические концепции русских революционных демократов; старший научный сотрудник М. А. Маслин исследует вклад русских прогрессивных мыслителей в разработку проблемы человека.

Ряд спецкурсов посвящен проблемам развития идеалистической философии в России XIX и начала XX в. Спецкурсы проф. И. Я. Щипанова рассматривают философию Вл. Соловьева, персоналистские концепции А. А. Козлова и Л. М. Лопатина, интуитивизм Н. О. Лосского и С. Л. Франка, показывают несостоятельность философских идей «легального марксизма» и историко-философской концепции «Вех», раскрывают сущность философии и социологии Н. К. Михайловского и особенности развития русской социологической мысли конца XIX — начала XX в. Проф. П. С. Шкуринов исследует распространение позитивизма в России и его материалистическое истолкование учеными и передовыми деятелями освободительного движения. Анализу наиболее влиятельных философских концепций, получивших распространение в Закавказье, Средней Азии и Казахстане, посвящены спецкурсы проф. Ш. Ф. Мамедова.

Ученые кафедры принимают активное участие в международных и всесоюзных научных конференциях. Кафедра является организатором ежегодных научных студенческих конференций, которые обычно посвящаются юбилеям отечественных мыслителей или значительным событиям в истории русской общественной мысли.

Научно-исследовательская работа ведется не только силами штатных сотрудников кафедры, но и аспирантами и стажерами. За годы существования кафедры ее аспирантами защищены диссертации по всем периодам развития отечественной философской мысли. На кафедре проходили стажировку ученые из ВНР, ПНР, ЧССР, Австралии, Великобритании, Италии, США, ФРГ, Японии.

Анализируя проделанную работу по исследованию прогрессивного философского наследия народов СССР, следует отметить, что перед советскими историками отечественной философии стоят не менее значительные задачи. Недостаточно детально изучены идеалистические философские системы, которые играли значительную роль в борьбе философских идей. Пока еще отсутствуют монографические исследования идеологии славянофилов, оставившей значительный след в истории русской культуры. Прошедшие дискуссии не внесли окончательной ясности в оценку этого противоречивого явления. Ждут своих исследователей идеология официальной народности, концепции христианской теологии и другие направления русской идеалистической философии. Благодарной сферой исследований является и советская историография философии народов СССР. Более полувека работы советских историков философии дают богатейший материал для анализа развития советской историко-философской науки и оценки ее достижений.

Глава IX

КАФЕДРА ИСТОРИИ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ ФИЛОСОФИИ

В изучении советскими учеными истории марксизма-ленинизма значительную роль играют исследования по истории марксистско-ленинской философии, осуществлявшиеся в Московском универ-

ситете. Этому способствовало создание в 1958 г. первой в нашей стране кафедры истории марксистско-ленинской философии. Необходимость ее создания диктовалась задачами дальнейшего творческого развития марксистской философии в СССР, потребностями идейной борьбы против буржуазных и ревизионистских фальсификаторов марксистско-ленинского учения, а также повышением требований к подготовке специалистов.

Однако и до организации кафедры ученые философского факультета МГУ активно разрабатывали проблемы истории марксистско-ленинской философии в русле исследований по диалектическому и историческому материализму. Профессора и преподаватели философского факультета издали ряд работ по истории марксистско-ленинской философии. В их числе исследования В. А. Фоминой философского наследия Г. В. Плеханова, а также ее монография «Диалектика производительных сил и производственных отношений в социалистическом обществе» (М., 1954); работы Г. С. Васецкого, П. Т. Белова и А. Ф. Окулова, посвященные книге В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм»; книга Т. И. Ойзермана «Развитие марксистской теории на опыте революций 1848 года» (М., 1955). В послевоенный период М. Т. Иовчук опубликовал ряд работ, посвященных актуальным проблемам ленинизма и духовной жизни советского общества: «Ленинизм и передовая русская культура XIX века» (М., 1946); «Ленинизм — идейная основа советской науки и культуры» (М., 1948); «Ленинизм и русская материалистическая философия» (М., 1951) и другие.

Заметным событием для философской общественности нашей страны стало издание в 1956—1958 гг. избранных философских произведений Г. В. Плеханова в 5-ти томах. Большую роль в подготовке и публикации трудов этого выдающегося русского марксиста сыграли ученые факультета М. Т. Иовчук и В. А. Фомина. Впоследствии при активнейшем участии М. Т. Иовчука был издан трехтомник «Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова» (М., 1973—1974).

Без огромной работы, проделанной советскими учеными, были бы невозможны те успехи истории марксистско-ленинской философии, которые были достигнуты в новый период ее развития, начавшийся в 1955 г. и продолжающийся по сей день. Одной из главных научных проблем становится проблема генезиса марксизма, вокруг которой не утихают идеологические бои между марксистами и буржуазными ревизионистами. К этому времени были исследованы и стали методологическим руководством ленинские идеи о возникновении, формировании и развитии марксизма. Публикуется ряд работ о философских предшественниках К. Маркса и Ф. Энгельса, в которых охарактеризована роль Гегеля и Фейербаха в формировании их философских взглядов. В работе В. А. Карпушина об «Экономическо-философских рукописях 1844 г.» К. Маркса (1954) как бы подводится итог исследованиям проб-

лемы влияния философии Фейербаха на формирование воззрений К. Маркса и Ф. Энгельса. Опубликованы исследования о марксизме как высшем достижении мировой науки и культуры; о неразрывной связи марксистской философии с революционной борьбой пролетариата; о качественном отличии марксистской философии от всей прежней философии и вместе с тем о преемственной связи с последней. Советские ученые, в том числе работавшие в МГУ, опираясь на труды В. И. Ленина, наметили периодизацию философского развития Маркса и Энгельса. В той или иной мере были проанализированы все основные труды К. Маркса и Ф. Энгельса периода формирования их философских воззрений.

На философском факультете МГУ успешно исследуется философское наследие К. Маркса и Ф. Энгельса: разработка ими материалистической диалектики и материалистического понимания истории, вопросы диалектики и логики в экономических работах Маркса. Большое внимание уделяется проблемам научной методологии, наций и национальных отношений, марксистской концепции гуманизма и критике ее современных фальсификаторов, проблеме практики, борьбе Маркса и Энгельса против буржуазной идеологии и оппортунизма. Однако проблемы формирования философии марксизма все еще недостаточно разработаны, и на этом спекулируют современный ревизионизм и буржуазная марксология. Развернутый обобщенный анализ формирования философии марксизма был дан в монографии Т. И. Ойзермана «Формирование философии марксизма» (М., 1962; 2-е изд. 1974), в которой прослеживается становление марксистской философии с середины 30-х годов XIX в. до 1848 г., а революционный переворот, совершенный Марксом и Энгельсом в философии, показывается как исторический процесс.

Оживление анархистской идеологии в капиталистических странах и проникновение ее в международное коммунистическое и рабочее движение, попытки приписать Марксу и Энгельсу анархистские взгляды потребовали усиления борьбы с анархизмом и изучения критики Марксом, Энгельсом и Лениным анархистских идей. В 1964 г. опубликовано исследование А. Д. Косичева «Борьба марксизма-ленинизма с идеологией анархизма и современность». До этого времени борьба основоположников марксизма против анархизма систематически не изучалась, отсутствовал труд, в котором были бы рассмотрены теоретические основания и этапы этой борьбы. Монография А. Д. Косичева восполнила эти пробелы. Наряду с критикой анархистских идей в работе А. Д. Косичева показывается развитие Марксом, Энгельсом и Лениным диалектического и исторического материализма и теории научного коммунизма. Этой проблематике посвящены и другие работы А. Д. Косичева.

К 150-летию со дня рождения К. Маркса ученые кафедры истории марксистско-ленинской философии опубликовали ряд

коллективных исследований философского наследия основоположников марксизма и его значения для современности: «К 150-летию со дня рождения К. Маркса» (М., 1969), «Философские вопросы в «Капитале» К. Маркса» (М., 1968), «Идейное наследие Ф. Энгельса» (М., 1970); опубликована работа А. Д. Косичева «Карл Маркс — основоположник научного коммунизма» (М., 1968).

Исследования по истории марксизма поднимаются на новый уровень благодаря текстологическому анализу преимущественно рукописного наследия К. Маркса, предпринятому в работах Н. И. Лапина и Г. А. Багатурия. Тщательно изучая рукописи К. Маркса «К критике гегелевской философии права» и «Экономическо-философские рукописи 1844 г.», Н. И. Лапин уточняет ряд вопросов процесса формирования философии марксизма и показывает, что основными стимулами идейной эволюции Маркса были связь его теоретических взглядов с политической практикой, соединение критики старого мира с борьбой за его переустройство [1]. В ряде статей Г. А. Багатурия на основе изучения произведений К. Маркса и Ф. Энгельса раскрывается становление и развитие материалистического понимания истории. Одним из главных средств его анализа служит сравнение терминов, обозначающих важнейшие категории исторического материализма. Внимательнейший текстологический анализ позволил Г. А. Багатурия уточнить даты и последовательность написания ряда работ К. Маркса («Тезисов о Фейербахе», различных вариантов первой главы «Немецкой идеологии» и других).

В течение последних 20 лет на кафедре истории марксистско-ленинской философии проведены исследования отдельных произведений Маркса и Энгельса, появились обобщающие труды по важным проблемам истории марксизма. Л. Г. Горшков в работе «Развитие Ф. Энгельсом исторического материализма в 90-е годы XIX в.» (М., 1962), основываясь преимущественно на переписке Ф. Энгельса, рассмотрел разработку им вопросов исторического материализма и борьбу против его вульгаризации. В книге С. Т. Калтахчяна «Ленинизм о сущности наций и пути образования национальной общности людей» (М., 1969) исследуется развитие марксистской теории наций и национальных отношений.

Большое внимание уделяется проблемам методологии и логики научного исследования в работах Маркса и Энгельса. В книге В. А. Вазюлина «Становление метода научного исследования К. Маркса (логический аспект)» (М., 1975) показываются формирование научной марксистской методологии и роль в научном исследовании разработанной Марксом диалектической логики. Систему диалектической логики в «Капитале» Маркса автор рассматривает как высшее достижение диалектической логики. В работе «Логика «Капитала» Маркса» (М., 1968) В. А. Вазюлин рассматривает систему логики «Капитала», ее связь и принципиальное отличие от «Науки логики» Гегеля. Изучению метода «Капитала» посвящен и труд Э. В. Ильенкова «Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса» (М., 1960), в котором дано целостное понимание проблемы восхождения от абстрактного к конкретному и показано принципиальное отличие понятий «абстрактное» и «конкретное» в диалектической и формальной логике. Вопросы метода «Капитала» К. Маркса получают глубокое освещение в монографиях З. М. Оруджева «К. Маркс и диалектическая логика» (М., 1964) и «Единство диалектики, логики, теории познания в «Капитале» К. Маркса» (М., 1968). В первой из них автор исследует диалектический метод, используя труды К. Маркса 50—60-х годов XIX в., а во второй излагает взгляды Маркса по вопросам единства диалектики, логики и теории познания.

Значительное место в научной работе кафедры занимает исследование ленинского этапа философии марксизма. Особое внимание обращалось на разработку В. И. Лениным материалистической диалектики, логики и теории познания, исторического материализма, принципа партийности философии, противоречий общественного развития, методологических вопросов взаимодействия идеологии и психологии, на философско-социологическое обобщение В. И. Лениным опыта Октябрьской революции, теорию наций и национальных отношений.

За последние 25 лет произошли качественные изменения в уровне и масштабах исследования ленинского этапа философии марксизма. В эти годы начинается систематическое освещение ленинского вклада в развитие диалектического и исторического материализма, разработки В. И. Лениным марксистской философии и социологии и обоснования путей революционного обновления мира. Этому способствовало и создание кафедры истории марксистско-ленинской философии.

С конца 50-х — начала 60-х годов появляются работы, в которых анализируются не только отдельные проблемы и отдельные произведения В. И. Ленина, но дается целостное освещение важнейших исторических этапов развития марксистской философии после К. Маркса и Ф. Энгельса. В эти и последующие годы в работах советских ученых было обобщено основное идейное содержание ключевых этапов развития философии марксизма-ленинизма. Эти вопросы нашли отражение в работах А. Д. Косичева «Развитие В. И. Лениным марксистской философии в борьбе с субъективной социологией народничества» (М., 1960), «Развитие В. И. Лениным диалектического и исторического материализма в период борьбы за создание марксистской партии в России (1894—1904 гг.)» (М., 1961), «Теоретическое обобщение В. И. Лениным опыта Октябрьской революции и строительства социализма в СССР» (М., 1974); в работах Л. Н. Суворова «Развитие В. И. Лениным диалектического метода марксизма в годы первой мировой войны (1914—1917 гг.)» (М., 1957), «Борьба

[1] См.: Лапин Н. И. Молодой Маркс. М., 1968.

В. И. Ленина против буржуазной идеологии в послеоктябрьский период и ее современное значение» (М., 1960); в работах Г. С. Васецкого «Развитие В. И. Лениным марксистской философии в борьбе с ревизионизмом (1907—1913 гг.)» и «Развитие В. И. Лениным принципа партийности» (М., 1961).

Характерной особенностью этих исследований является комплексный подход к ленинскому этапу философии марксизма. В них, во-первых, обобщается то новое, что внес В. И. Ленин, его соратники и последователи в сокровищницу марксистской мысли, во-вторых, показывается, в борьбе с какими идейными противниками развивался ленинизм, в-третьих, подчеркивается живая связь марксизма-ленинизма с практикой современного общественного развития.

Не менее важным направлением научных исследований является разработка современных проблем истории и теории марксистско-ленинской философии. В настоящее время в этой области работают А. Д. Косичев, Г. С. Васецкий, С. Т. Калтахчян, М. М. Филиппова, М. Н. Грецкий, И. А. Гобозов, В. А. Кувакин, Г. Г. Судьин. Актуальным вопросам теоретического наследия основоположников марксизма-ленинизма посвящены книги А. Д. Косичева «Марксизм и анархизм» (М., 1972) и «Творческое развитие КПСС теории научного коммунизма. По материалам XXV съезда КПСС» (М., 1978), монография М. Т. Иовчука «Ленинизм, философские традиции и современность» (М., 1970) и другие работы. К 100-летию со дня рождения В. И. Ленина учеными кафедры были опубликованы три сборника: «Актуальные вопросы ленинского этапа философии марксизма» (М., 1969), «Некоторые вопросы ленинского идейного наследия» (М., 1969), «Актуальные вопросы истории марксистско-ленинской философии и критика буржуазно-ревизионистских фальсификаторов» (М., 1971).

Успешно разрабатывается и новое направление научных исследований — изучение развития марксистско-ленинской философии в СССР после Октябрьской революции до наших дней. Эта проблематика отражена в работах Л. Н. Суворова «Борьба марксистско-ленинской философии в СССР против буржуазной идеологии и ревизионизма в переходный период от капитализма к социализму» (М., 1961) и «Роль философских дискуссий 20—30-х гг. в борьбе за ленинизм, против механицизма, формалистических и идеалистических ошибок в теории» (М., 1969), в книге С. Т. Калтахчяна «Борьба С. Г. Шаумяна за теорию и тактику ленинизма» (М., 1956), а также в ряде кандидатских диссертаций.

В последние годы развернулись исследования марксистской философской мысли в зарубежных странах. В 1960 г. был опубликован сборник статей «Из истории марксистской философии после второй мировой войны». Появился ряд книг и статей (А. Д. Косичева, М. Н. Грецкого, И. А. Гобозова, В. А. Кувакина, А. П. Петрашик, Я. Г. Фогелера, С. М. Брайовича и других), посвященных

развитию зарубежной философской мысли на современном этапе. В книге М. Н. Грецкого «Марксистская философская мысль во Франции» (М., 1977) рассматривается развитие марксистской философии во Франции после второй мировой войны и до настоящего времени. Автор показывает борьбу французских марксистов против буржуазной философии и идеологии, а также против ревизионизма, творческое развитие французскими марксистами проблем гуманизма, диалектики и других. В его книге «Наука — философия — идеология (некоторые актуальные проблемы марксистской философии во Франции)» (М., 1978) освещается разработка проблем науки, философии, идеологии и их соотношения в исследованиях французских марксистов, главным образом Л. Альтюсера. Подготовлена к печати работа В. А. Кувакина «Марксистская философская мысль в США (70-е гг. XX в.)». Проблемам марксистской философии в зарубежных странах посвящен ряд диссертаций.

Ученые кафедры ведут активную борьбу против фальсификаторов философии марксизма-ленинизма, раскрывают реакционную сущность и идейную несостоятельность буржуазных интерпретаций истории марксистско-ленинской философии, их социальную и гносеологическую направленность.

Многие буржуазные философы противопоставляют ранние произведения Маркса его зрелым работам, пытаясь найти «противоречия» в становлении и формировании марксизма. Эти попытки буржуазных ученых подвергли аргументированной критике в своих работах М. Т. Иовчук, Т. И. Ойзерман, А. Д. Косичев, В. В. Кешелава, Н. И. Лапин и другие. Они показали несостоятельность попыток буржуазных ученых и ревизионистов создать «миф» о двух Марксах, абсолютизировать значение ранних работ Маркса и принизить роль его зрелых произведений [2]. Противниками марксизма-ленинизма написано немало трудов о «несовместимости» марксизма и ленинизма, противопоставляющих Ленина Марксу. Ленинизм объявляется ими сугубо русским явлением, фундаментальные положения которого якобы неприменимы к анализу исторического развития западных стран; Маркс рассматривается как фаталист, а Ленин — как волюнтарист. Ученые кафедры критикуют эти извращения марксистско-ленинской философии, показывая, что Маркс и Ленин рассматривали объективные и субъективные условия революционного преобразования мира в их единстве, что марксизм-ленинизм — единое интернациональное учение и попытки его разрыва несостоятельны. Современные буржуазные философы и ревизионисты фальсифицируют ленинский этап философии марксизма. В частности, такие ревизионисты, как Э. Фишер, Р. Гароди, пытаются приуменьшить значение В. И. Ленина в развитии марксистской философии. Эти попытки крити-

[2] См.: Кешелава В. В. Миф о двух Марксах. М., 1963; Лапин Н. И. Борьба вокруг идейного наследия молодого Маркса. М., 1962; и др.

ковались в работах М. Т. Иовчука, А. Д. Косичева, М. Н. Грецкого, И. А. Гобозова и других.

В современных условиях большое значение приобретают исследование борьбы Маркса, Энгельса и особенно Ленина против ревизионизма и оппортунизма, защита и развитие ленинского принципа партийности философии. Этим проблемам посвящен ряд работ ученых кафедры. Г. С. Васецкий в книге «Развитие В. И. Лениным марксистской философии в борьбе с ревизионизмом (1907—1913 гг.)» (М., 1961) показывает, что В. И. Ленин страстно боролся против махистов и каких бы то ни было отступлений от марксизма потому, что видел в идейных разногласиях не абстрактный, оторванный от жизни теоретический спор, а проявление непримиримой борьбы враждебных классов. Ленинская критика ревизионизма осуществлялась на основе всестороннего анализа борьбы партий в обществе, проявления этой борьбы в области идеологии, и в том числе в области философии. Ленин назвал «лжемарксизмом» не только ревизионизм, но и буржуазные концепции, прикрывающиеся именем Маркса. Критика такого рода концепций дается в книге А. И. Титаренко «Прагматистский лжемарксизм — философия антикоммунизма» (М., 1969).

В поле зрения ученых кафедры находятся и вопросы критики современных буржуазных социально-философских концепций, в которых отвергается марксистское понимание социального прогресса, особенностей современной научно-технической революции, роли государства в строительстве нового общества, возможностей исторического познания и т. д. Существенным вкладом в критику буржуазной социальной философии являются работы А. Д. Косичева о борьбе марксизма-ленинизма с идеологией анархизма и его монография «Рост международного авторитета марксистско-ленинской философии и концепции «открытого марксизма» (М., 1969). В книге И. А. Гобозова «Современная французская буржуазная философия истории (критический анализ)» (М., 1978) дается критика понимания социального детерминизма, общественного прогресса, законов исторического развития и т. д. Во французской буржуазной философии истории всесторонне критикуются попытки буржуазных идеологов отвергнуть марксистскую теорию социального прогресса, показывается бесперспективность и несостоятельность их прогнозов относительно будущего развития человеческого общества. Критике социально-теоретических построений современного реформизма посвящена книга Г. Д. Балычевой «Критика Лениным «этического социализма» и ее значение для современности» (М., 1971).

В 1979 г. вышло первое в нашей стране учебное пособие «Критика фальсификаторов истории и теории марксистско-ленинской философии», предназначенное для студентов философских факультетов университетов. В главе этой работы, написанной М. Т. Иовчуком и И. Я. Поповой, анализируются основные направления буржуазной фальсификации ленинского этапа философии марксизма. Критикуя эти извращения, авторы раскрывают интернациональный характер ленинизма, неразрывное единство идей К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина. В разделе, написанном А. Д. Косичевым и М. В. Романенко, критикуются взгляды Д. Вильгельма, А. Мейера, Д. Лихтгейма, И. Бохеньского и других буржуазных идеологов, фальсифицирующих ленинский этап марксистской философии. Авторы показывают, что буржуазные идеологи и ревизионисты стремятся приуменьшить роль Ленина в развитии теории и метода марксизма на том основании, что Ленин был политиком, вождем революции и что от него нельзя требовать, чтобы он был гениальным мыслителем и тем более гениальным философом. В действительности же Ленин — политик и революционер неотделим от Ленина — гениального философа, чья деятельность в области философии составила новый, высший этап ее развития, который по праву называется ленинским.

С. Т. Калтахчян в рассматриваемой работе критикует фальсификаторов ленинской теории наций и национальных отношений (П. Лоу, Р. Пайпс, Э. Гудман и другие). Антикоммунисты, пишет С. Т. Калтахчян, стремятся развенчать марксистско-ленинскую теорию наций, изобразить К. Маркса, Ф. Энгельса и особенно В. И. Ленина националными нигилистами и доказать, что в Советском Союзе национальный вопрос якобы не решен. С. Т. Калтахчян показывает, что именно марксизм-ленинизм создал подлинно научную теорию наций и указал пути решения национального вопроса, что именно в Советском Союзе, первом в мире социалистическом государстве, все нации пользуются одинаковыми правами.

С. И. Попов анализирует вопросы фальсификации теории и истории марксистско-ленинской философии в современной правосоциалистической литературе. Извращая марксистско-ленинское учение о человеке, правые социалисты утверждают, что марксистское понимание сущности человека якобы обрекает последнего на пассивность, ведет к конформизму, обывательскому приспособлению к существующим условиям. Однако весь смысл их концепции и их политики как раз и заключается в том, чтобы примирить трудящихся капиталистических стран с существующими порядками, скрыть эксплуататорский характер буржуазного строя, изобразив его «демократическим» и «гуманным». С. И. Попов подчеркивает, что марксизм-ленинизм рассматривает человека как активное существо, творчески преобразующее действительность.

В других разделах данного труда, авторами которых являются Г. Л. Епископосов, Н. М. Бережной, С. М. Морозов и другие, подвергаются критике взгляды представителей франкфуртской школы, извращения ленинизма в ФРГ, негативная диалектика «Праксиса» и другие формы буржуазных и ревизионистских извращений марксистско-ленинской философии. Активная, наступательная борьба против фальсификаторов теории и истории марксизма-ле-

нинизма является вкладом в общую борьбу советских ученых против буржуазной и ревизионистской идеологии.

История марксистско-ленинской философии вступила в период зрелости, о чем свидетельствует обращение ученых к ее методологическим аспектам. По методологическим вопросам истории марксистско-ленинской философии были опубликованы труды М. Т. Иовчука «История философии как наука, ее предмет, метод и значение» (М., 1960) и Л. Н. Суворова «Ленинский этап в развитии философии марксизма» (М., 1976). В публикациях М. Н. Грецкого и В. А. Кувакина рассматриваются актуальные вопросы теоретических оснований истории марксистско-ленинской философии как науки (Грецкий М. Н. Предмет истории марксистско-ленинской философии.— Филос. науки, 1977, № 3; Кувакин В. А. 1) К истории и логике формирования ленинского теоретического наследия.— Вестн. Моск. ун-та. Сер. VII. Философия, 1977, № 2; 2) Теория истории марксистско-ленинской философии.— Вестн. Моск. ун-та. Сер. VII. Философия, 1980, № 2).

Таким образом, ученые кафедры стремятся исследовать принципиальные, наиболее актуальные проблемы истории марксистско-ленинской философии: философское содержание теоретического наследия Маркса, Энгельса и Ленина, марксистскую мысль за рубежом, методологические вопросы марксистско-ленинской философии, историю философии в СССР. Кроме монографий профессора и преподаватели кафедры ежегодно публикуют брошюры и лекции, издаваемые обществом «Знание», и до 50—60 статей в журналах «Коммунист», «Вопросы философии», «Философские науки», «Научный коммунизм» и «Вестник Московского университета». Сотрудники кафедры участвуют в издании коллективных трудов Института Маркса, Энгельса, Ленина и многотомной «Истории марксистско-ленинской философии», издаваемой Институтом философии АН СССР.

Результаты научных исследований реализуются в учебной работе кафедры. Помимо общего курса истории марксистско-ленинской философии, читаемого на философском факультете, отделении научного коммунизма и ряде гуманитарных факультетов, профессора и преподаватели кафедры ведут ряд спецкурсов и спецсеминаров: «Критика фальсификаторов ленинского философского наследия» (А. Д. Косичев), «Марксистско-ленинская теория наций и национальных отношений» (С. Т. Калтахчян), «Проблемы методологии научного исследования К. Маркса» (В. А. Вазюлин), «Развитие марксистской мысли во Франции» (И. А. Гобозов), «Теоретико-методологические проблемы истории марксистско-ленинской философии» (В. А. Кувакин), «Социально-философские аспекты проблемы личности в трудах В. И. Ленина» (Г. Д. Балычева), «Актуальные проблемы истории марксистско-ленинской философии» (М. Н. Грецкий) и другие.

Создана программа общего курса истории марксистско-ленинской философии, отвечающая современным требованиям подготовки специалистов. В 1972 г. издан первый том «Курса лекций по истории марксистско-ленинской философии», заканчивается работа над вторым томом. Четырьмя изданиями (1957—1972) вышло учебно-методическое пособие «История марксистско-ленинской философии».

Члены кафедры принимают участие в работе международных конференций, симпозиумов, конкрессов. Так, А. Д. Косичев выступал с докладами на заседаниях XV и XVI международных философских конгрессов, принимал участие в научных конференциях в ГДР, Венгрии, Чехословакии, на Кубе. Научные конференции и методологические семинары организуются и самой кафедрой. Важной вехой в исследовании современного этапа развития марксистско-ленинской философии явились организованные кафедрой международная научная конференция на тему «Критика современных ревизионистских извращений марксистско-ленинской теории» и международная конференция по проблемам развития марксистско-ленинской философии после Великой Октябрьской социалистической революции (декабрь 1976 г.), в которой приняли участие 45 зарубежных ученых.

Кафедра поддерживает широкие связи с вузами социалистических стран. Это и научные совещания, и встречи с зарубежными философами, и обмен опытом по организации учебного процесса, и подготовка кадров философов-марксистов. Члены кафедры читают лекции для студентов и аспирантов университетов социалистических стран, совместно с учеными зарубежных стран создают труды по теории и истории марксистско-ленинской философии, выступают со статьями в зарубежных философских журналах. На кафедре ежегодно проходят стажировку 10—12 человек из зарубежных стран, обучаются аспиранты и студенты из социалистических и развивающихся стран.

Важным участком работы кафедры является подготовка высококвалифицированных специалистов через аспирантуру. Кафедра подготовила более 130 кандидатов наук; часть из них уже успешно защитили докторские диссертации. На кафедре ежегодно готовятся сборники аспирантских работ по актуальным проблемам истории марксистско-ленинской философии. Систематически проводится научная работа со студентами в научных студенческих кружках, организуются дни творчества студентов, научные студенческие конференции, посвященные важнейшим проблемам философского знания.

Большая работа, связанная со становлением и развитием кафедры истории марксистско-ленинской философии, была проведена первым ее заведующим членом-корреспондентом АН СССР М. Т. Иовчуком. Он многое сделал для подъема научной и учебной работы, создания работоспособного коллектива кафедры. Много труда вложил в дальнейшее развитие кафедры проф. Г. С. Васецкий, ныне заслуженный деятель науки РСФСР, возглавлявший кафедру с 1963 по 1970 г. Последние годы кафедрой

руководит проф. А. Д. Косичев. С его приходом начались и успешно ведутся научные исследования по новым направлениям: философская мысль в СССР после Октябрьской революции, марксистская мысль в зарубежных странах. Ученые кафедры проводят последовательную борьбу против буржуазной идеологии и различных форм философского ревизионизма и оппортунизма, против фальсификаторов марксистско-ленинской философии.

В 80-е годы кафедра истории марксистско-ленинской философии вступает, полная энергии и больших творческих замыслов: ведется широкая подготовительная работа по изданию многотомной антологии марксистско-ленинской философии в СССР с первых лет Советской власти; готовятся к изданию курсы лекций по истории ленинского этапа в развитии марксистской философии; предполагается издание монографий по методологическим проблемам истории философии марксизма, по истории развития В. И. Лениным пролетарского мировоззрения, по современной марксистской философии в Италии, по истории философской науки в СССР; планируются совместные исследования с учеными социалистических стран актуальных вопросов современного этапа марксистско-ленинской философской мысли. Коллектив кафедры истории марксистско-ленинской философии, опираясь на достигнутые успехи, с еще большим энтузиазмом будет разрабатывать актуальные вопросы теории и истории марксистско-ленинской философии.

Глава X

РАЗВИТИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ УЧЕНЫМИ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Становление и развитие социологической науки в Московском университете после Великой Октябрьской социалистической революции исторически и логически связаны с идейной борьбой за утверждение принципов исторического материализма в общественных науках против буржуазных позитивистских концепций, механицизма и меньшевиствующего идеализма, против всех противостоящих рабочему классу сил. Осмысление этого диалектически сложного процесса имеет важное теоретическое и практическое значение для развития социологической мысли и социологических исследований в нашей стране.

Следует отметить, что исследованы еще не все проблемы развития социологической науки в СССР. К числу неизученных относятся вопросы об основных закономерностях развития социологической мысли в переходный период от капитализма к социализму, о творческом вкладе первых ученых-марксистов в разработку проблем исторического материализма, о роли партийных организаций в становлении и развитии социологической науки и социологических исследований и другие.

Нельзя сегодня научиться решать те или иные задачи новыми приемами, подчеркивал В. И. Ленин, если хорошо и критически не усвоен вчерашний опыт[1]. Это указание В. И. Ленина взято на вооружение нашей партией. Л. И. Брежнев в книге «Возрождение» указывает на необходимость самой тесной взаимосвязи вчерашнего дня нашей страны с постановкой новых задач, решать которые приходится по-новому. При этом, отмечает он, следует учитывать богатейшую практику строительства социализма, богатейший опыт партии и народных масс, черпать из опыта КПСС то, что годится сегодня и будет полезно в будущем[2]. Изучение многогранного опыта ученых Московского университета, накопленного в процессе формирования социологической науки, в советский период послужит ее дальнейшему развитию, совершенствованию практики социальных и социологических исследований и подготовки квалифицированных кадров.

Формирование марксистской социологической науки, всего комплекса марксистского социального знания в Московском университете после Великой Октябрьской социалистической революции происходило под определяющим влиянием философско-социологических идей основателя нашей партии и нашего государства В. И. Ленина и под руководством Коммунистической партии.

В эпоху империализма и пролетарских революций В. И. Ленин всесторонне обогатил и развил марксизм, дав мощный импульс всем отраслям научного знания, и в первую очередь наукам об обществе. В Московском университете в связи с его известными революционными традициями этот импульс был особенно ощутим и плодотворен. В. И. Ленин поставил всю социологическую проблематику в органическую связь с объективными потребностями революционного преобразования общества, с процессом познания социальных закономерностей, с творческой деятельностью рабочего класса и широких народных масс, с системой мероприятий по развертыванию культурной революции и всестороннему развитию личности, с возрастанием роли субъективного фактора в период строительства коммунизма во всех сферах общественной жизни, с борьбой против буржуазной идеологии и всех форм оппортунизма. В. И. Ленин заложил основы советской социологической школы, сущность которой — исследование как общих, так и специфических закономерностей революционного перехода от капитализма к социализму и коммунизму. Впервые в истории марксизма он последовательно применил основные марксистские положения и принципы к анализу общественных явлений своей эпохи, обосновал незыблемость этих положений и принципов, творчески развил и обогатил эти положения и принципы на опыте пролетарской революции и

[1] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 205.
[2] См.: Брежнев Л. И. Возрождение. М., 1978, с. 13, 21.

диктатуры пролетариата в нашей стране. В русло социологического знания В. И. Ленин включил новый объект и новый субъект познания, внеэмпирические и эмпирические факторы построения социальных теорий, научное управление обществом — весь мощный теоретико-методологический, понятийно-категориальный и методический арсенал творческого марксизма. Существенным выражением целостности ленинского подхода к социологическому анализу различных явлений и процессов выступает исследование их основных тенденций, их соотношения, общей направленности их развития. Историзм, партийность, конкретность и системность составляют основу ленинской методологии социальных и социологических исследований. В ленинском теоретическом наследии послеоктябрьского периода перед нами как бы встает живая картина творческого слияния исторического материализма, всех звеньев социологического знания с жизнью, где происходит борьба умирающего, но сопротивляющегося капитализма с нарождающимся социализмом, сталкиваются различные точки зрения, возникают новые гипотезы, кристаллизуются новые представления и категории. Особое положение, занимаемое социологической наукой и практикой на стыке различных отраслей знания — идеологии и политики, литературы и искусства,— ставит их в фокус духовной жизни общества строящегося социализма и коммунизма. Широкое распространение социологического знания, конкретных социальных и социологических исследований было в переходный период в руках партии одним из средств закрепления завоеваний Октября и утверждения новых форм жизни. Это и определяло место и роль социологической науки, теории и практики социологических исследований в общественном развитии нашей страны. Являясь одним из элементов формировавшейся надстройки социалистического общества, марксистская социологическая мысль развивалась по законам функционирования структурных элементов общественного сознания. Этими законами являются обусловленность общественного сознания общественным бытием, зависимость общественного сознания от хода классовой борьбы в стране, активное содействие общественного сознания формированию и укреплению нового базиса. На развитие социологической науки и социологических исследований известное влияние оказывали и такие факторы, как сложившиеся социологические традиции, состояние научной разработки марксистского обществоведения, а также неразвитость самих социалистических форм общественной жизни в переходный период.

Социологическая наука в своем развитии преодолевала возникающие трудности. В переходный от капитализма к социализму период Московский университет был одним из первых опорных пунктов победившей пролетарской революции в борьбе против буржуазных позитивистских концепций общественного развития, позитивистской и механистической методологии Богданова и Бухарина, нигилизма, троцкизма и меньшевиствующего идеализма. В этой связи нельзя не отметить деятельность таких ученых-марк-

систов университета, как А. Д. Удальцов, Ф. А. Горохов, В. П. Волгин, О. В. Трахтенберг, И. К. Луппол, Ф. В. Константинов, М. А. Дынник, А. А. Ческис.

Большое значение для становления и развития советской социологической науки в университете имело последовательное расширение организационной базы, формирование новых кадров специалистов, увеличение научных публикаций, создание перспективных направлений научно-исследовательской работы. В период гражданской войны в университете был создан факультет общественных наук. С 1921 г. на факультете читался курс исторического материализма, с середины 20-х годов был введен курс лекций по диалектическому и историческому материализму (Н. А. Карев), читался курс лекций по проблемам социальной психологии (К. Н. Корнилов), социологии искусства (В. М. Фриче, П. С. Коган); проводились дискуссии, симпозиумы, конференции.

В первые годы революции В. И. Ленин в проекте постановления Совнаркома «О Социалистической академии общественных наук» записал: «...одной из первоочередных задач поставить ряд социальных исследований»[3]. Смысл этого принципиального ленинского указания в том, чтобы поставить изучение реального общественного развития, конкретной деятельности по претворению в жизнь принятых партией решений на строго научную основу. В. И. Ленин разработал стратегию развития социальных и социологических исследований в нашей стране, которые проводились и проводятся под руководством Коммунистической партии, ее Центрального Комитета.

История социальных и социологических исследований в Московском университете показывает, что они развивались на основе принципов марксистско-ленинской методологии, классово-партийного, конкретно-исторического подходов к общественным явлениям. На основе марксистско-ленинской методологии углублялась теория и совершенствовались методы исследования общественных явлений; конкретные социальные и социологические исследования обогащали теорию и практику научного коммунизма; преодолевались ошибки и заблуждения в области социального познания; велась борьба «против натиска буржуазных идей и восстановления буржуазного миросозерцания»[4].

Конкретные социологические исследования велись в Московском университете уже в первые годы Советской власти в рамках отдельных общественных наук (политической экономии, этнографии и других). Они носили по существу не столько социологический, сколько социально-экономический характер и назывались в тот период социальными исследованиями. Однако дальнейшее их развитие показало, что многие из них обладают специфическими особенностями и требуют выделения в самостоятельную область

[3] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 372.
[4] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 30.

обществоведения. Эта специфика заключается в том, что данные исследования, проводимые в рамках конкретной общественной науки, по содержанию выходят за эти рамки. Они требуют более широкого подхода, ибо непосредственно связаны не столько с конкретной общественной наукой, сколько с общей теорией общественного развития — историческим материализмом. Эти исследования стали называть социологическими.

В первые годы Советской власти конкретные социологические исследования были направлены как на крупные общественные явления (социально-экономическое развитие общества, научная организация труда, социальный состав населения, постановка школьного и внешкольного образования и т. д.), так и на отдельные общественные явления (профессиональные группы, законодательство о браке и семье, театральный зритель и т. д.). Проводимые в 20-е и 30-е годы социологические исследования различных областей общественной жизни в целом осуществлялись на методологической основе материалистической диалектики и исторического материализма с использованием разнообразных методик, способов и приемов (перепись, анкетирование). Однако применение положений и принципов марксистской философии к анализу конкретных социальных явлений зачастую носило слишком непосредственный и недостаточно систематизированный характер (не учитывались уровни и соответствующие переходные ступени познания). В связи с дальнейшим развитием социологических исследований вопросы об их природе и месте в системе марксистского обществоведения вставали с еще большей остротой.

Происходящие в условиях реального социализма коренные социальные преобразования, развитие всех сторон общественной жизни, возрастание творческих возможностей человека, осознанное движение широких народных масс к социализму и коммунизму, обострение борьбы на идеологическом фронте выдвигают проблему социальных и социологических исследований на уровень одной из актуальных проблем социологического знания и жизненной практики. На современном этапе развития нашего общества конкретным социальным и социологическим исследованиям принадлежит особое место в методологии социального познания, в расширении эмпирической базы фундаментальных социальных исследований, в поиске оптимальных решений проблем социального управления.

В Московском университете накоплен определенный положительный опыт проведения конкретных социальных и социологических исследований благодаря деятельности социологической лаборатории философского факультета, лаборатории по изучению проблем народонаселения экономического факультета, лаборатории коммунистического воспитания и других социологических подразделений университета. Определенный вклад в развитие социологической науки вносят и хоздоговорные группы по изучению конкретных социальных объектов. За последние десятилетия ученые университета опубликовали ряд работ, обобщающих опыт

социологических исследований: лекции по методике конкретных социальных исследований под редакцией Г. М. Андреевой, монография по методологии и методике социологических исследований под редакцией Д. Ф. Козлова, монография А. П. Куприяна, посвященная проблемам социального эксперимента, и другие.

Большое внимание уделяется методологическим и теоретическим вопросам социологической науки: предмету и структуре исторического материализма, соотношению общественного бытия и общественного сознания, методологии социального познания, теории и методам социальных и социологических исследований и другим. Эти вопросы нашли отражение в многочисленных публикациях ученых университета: Н. И. Бочкарева, Л. П. Буевой, Д. И. Валентея, Л. В. Воробьева, Г. С. Васецкого, Г. М. Гака, С. С. Гольдентрихта, М. В. Демина, Н. И. Дряхлова, Г. Л. Епископосова, В. Ж. Келле, М. Я. Ковальзона, В. И. Мишина, Ю. К. Плетникова, Е. П. Прохорова, В. И. Разина, П. А. Рачкова, Д. М. Угриновича, А. К. Уледова и других.

В Московском университете разработаны и читаются лекции по методологии и методике конкретных социальных и социологических исследований, социологии культуры, социальной психологии, социологии искусства, социологии религии, социологии морали, социальному моделированию и прогнозированию, промышленной социологии, социологии средств массовой коммуникации, социологии личности, социологическим проблемам теории и практики развитого социалистического общества. Многочисленный отряд представителей социологического знания Московского университета вносит заметный вклад в исследование как общетеоретических, фундаментальных проблем марксистско-ленинской социологии, так и проблем прикладной социологии. Характерны в этом отношении публикации Е. А. Ануфриева, Ю. Ф. Борункова, С. Т. Гурьянова, Б. А. Глинского, Б. В. Князева, А. М. Ковалева, С. Т. Калтахчяна, А. И. Куфтырева, О. В. Лармина, М. М. Лисенкова, В. С. Лямина, И. М. Слепенкова, Е. Ф. Сулимова, И. Н. Яблокова.

Нельзя не отметить проведенные в университете всесоюзные межвузовские научно-теоретические конференции, посвященные актуальным проблемам развития исторического материализма (1972), структуре марксистской социологической науки (1976), диалектике общественного развития и социального познания (1977), а также внутриуниверситетские конференции по актуальным теоретическим проблемам.

Социологические кадры Московского университета принимают активное участие в международных социологических и гегелевских конгрессах, во всемирных конгрессах политических наук, теоретических конференциях и симпозиумах как в нашей стране, так и за рубежом. Голос представителей социологической науки университета слышан на съездах и конференциях Философского общества СССР и Социологической ассоциации СССР, на проводимых в

стране дискуссиях по актуальным вопросам марксистско-ленинской теории.

Образованная в 1968 г. и возглавляемая ныне проф. Д. Ф. Козловым кафедра методики конкретных социальных исследований философского факультета стала научно-исследовательским и педагогическим социологическим центром Московского университета. В настоящее время в структуру кафедры входит социологическая лаборатория под руководством к. ф. н. А. И. Демидовой, на базе кафедры работает специализированный Ученый совет по прикладной социологии. Основные направления деятельности кафедры определялись объективными потребностями развития социологических исследований в нашей стране и были связаны с разработкой методологических проблем, критикой буржуазных социологических концепций, обоснованием и развитием методики специальных (частных) социологических теорий, с вопросами взаимосвязи методологии и методики социологических исследований, использованием математических методов в социологии.

Одним из важнейших направлений деятельности кафедры является специализация студентов по социологии. Лекции по методологии, методике и технике социологических исследований читаются ведущими профессорами и преподавателями кафедры. На кафедре разработаны учебные планы и программы основного курса по методологии и методике социологических исследований для студентов отделения научного коммунизма и отделения философии, а также программы спецкурсов и спецсеминаров. Для студентов I курса организовано чтение цикла лекций «Введение в специальность». Студенты, специализирующиеся по социологии, получают знания об основных направлениях развития современной социологической науки: социологии промышленности и культуры, о социологических проблемах планирования, управления и международных отношений, по критике современных буржуазных социологических теорий. На кафедре ежегодно специализируется 30—35 студентов философского факультета. Дипломные и курсовые работы многих из них отмечались в числе лучших на факультетских и общеуниверситетских конкурсах студенческих работ. Специализирующиеся на кафедре студенты проходят социологическую практику в Институте социологических исследований АН СССР, в Институте проблем развития Москвы, в заводских социологических лабораториях.

Кроме философского факультета преподаватели кафедры читают лекции по социологии на юридическом факультете и факультете журналистики. Для этих факультетов разработаны специальные программы по методике и технике социологических исследований.

Наряду с учебной работой в центре внимания коллектива кафедры, ее партийной организации находится научно-исследовательская работа. Ученые кафедры сосредоточили свои усилия на методологическом обеспечении социологических исследований. По этой проблематике были подготовлены коллективные работы

«Вопросы теории и методов социологических исследований» в двух выпусках (1976, 1977); «Актуальные проблемы развития конкретных социальных исследований» (1978); «Методологические проблемы социологических исследований» (1979). Результатом научной деятельности проблемной группы «Социальное моделирование» являются коллективные монографии «Моделирование в управлении обществом» и «Моделирование личности».

Развертывание социального управления и планирования предъявило повышенные требования к организации этой важной работы. Особое место в разработках кафедры по этой тематике занимают исследования производственных коллективов, вопросы специфики прикладных социологических исследований на промышленных предприятиях.

Преподаватели и аспиранты кафедры регулярно выступают с докладами и научными сообщениями о результатах теоретических исследований на различных научных конференциях. Координацию и организацию научно-исследовательской деятельности осуществляют созданные на кафедре секции теории и методов социологических исследований; методики и техники социологических исследований; истории социологии и критики буржуазной социологии. На заседаниях секций заслушиваются научные сообщения и доклады, проводятся дискуссии по актуальным проблемам, обсуждаются спецкурсы, проходят предварительные обсуждения диссертаций, научных статей, монографий. К работе в секциях привлечены многие ведущие специалисты научных учреждений Москвы и других городов страны (Ф. Т. Константинов, М. И. Руткевич, И. Т. Левыкин, Ф. Р. Филиппов, И. В. Бестужев-Лада, В. И. Болгов, В. С. Семенов, В. Г. Пивоваров, Г. В. Осипов, А. К. Уледов и другие).

Многие годы кафедра ведет подготовку кадров высшей квалификации через аспирантуру. Число аспирантов на кафедре постоянно возрастает, и все же подготовка аспирантов не приобрела такого размаха, который позволил бы удовлетворить потребность вузов в преподавателях социологии, а народного хозяйства — в дипломированных социологах. Преобладающей формой подготовки кадров высшей квалификации является очная целевая и заочная аспирантура. Формирование исследовательских умений и педагогических навыков у аспирантов происходит в процессе практики — педагогической и социологической. Педагогическая практика состоит в проведении лекций и семинарских занятий со студентами. Наиболее подготовленные в научном и педагогическом отношении аспиранты принимают участие в учебном процессе, ведут спецкурсы по проблематике своих кандидатских диссертаций. Социологическая практика имеет своей целью обеспечить участие аспирантов в эмпирических социологических исследованиях, проводимых кафедрой на хоздоговорных началах.

Кафедра поддерживает и расширяет контакты с социологами стран социалистического содружества. В частности, осуществляется

долговременное творческое сотрудничество с кафедрами социологии Лейпцигского университета (ГДР) и Карлова университета (ЧССР).

Большую роль в деле мобилизации коллектива на успешное решение стоящих перед ним задач играет партийная организация кафедры. Коммунистам принадлежит инициатива в совершенствовании подготовки социологических кадров широкого профиля, в идейно-воспитательной работе.

Анализ основных направлений и результатов деятельности кафедры показывает не только определенные достижения, но и выявляет ряд нерешенных, но весьма актуальных проблем. Развитие социологической науки в Московском университете требует совершенствования организационных форм. Насущной задачей является, по мнению кафедры, создание социологического отделения философского факультета. Создание такого отделения на базе кафедры методики конкретных социальных исследований и ее социологической лаборатории позволило бы координировать научно-исследовательскую деятельность в области социологии, осуществляемую различными факультетами и социологическими подразделениями университета, и тем самым способствовало бы дальнейшему совершенствованию социальных и социологических исследований.

Задачи построения коммунистического общества на современном этапе требуют активного использования конкретных социальных исследований тенденций развития нашего общества, его производительных сил. «Марксистско-ленинская партия,— отмечал Л. И. Брежнев на XXVI съезде КПСС,— не может выполнять свою роль, если она не уделяет должного внимания осмыслению всего происходящего, обобщению новых явлений жизни...»[5]. Сама действительность, порождающая новые формы социального творчества, выдвигает теоретическую и прикладную социологию в поле неослабного общественного внимания. Развитие социологических исследований и, следовательно, социологического образования есть настоятельная потребность советского общества эпохи развернутого строительства коммунизма.

Поставленная партией задача интенсификации производства и качественного подъема на новый уровень планирования, прогнозирования и социального управления со всей силой ставит вопрос о глубоком научном исследовании как конкретных, так и комплексных социально-экономических процессов. Социологические исследования, ведущиеся в нашей стране, столь широки по своему объему, что сейчас не может идти речь о единой, нерасчлененной прикладной социологии. Социологические исследования четко специализируются. Если еще некоторое время тому назад речь шла об организации подготовки квалифицированных кадров социологов вообще, то сейчас возникла необходимость подготовки социологов

[5] Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 77.

не только широкого профиля, но и с узкой специализацией: социологов в области культуры и пропаганды, в области промышленной социологии, теоретического и методологического обеспечения прикладных социологических исследований и т. д.

Назрела необходимость и в уточнении сложившегося понимания основных направлений подготовки социологов. Так, социолог «широкого профиля», обладающий глубокими знаниями в области философско-методологических аспектов социального исследования, будучи в состоянии обеспечить не только разработку какой-либо теоретической проблемы, но и ее методологическое преломление в программе конкретного социологического исследования, уже не может работать одинаково успешно во всех специальных областях социологической науки. Социолог должен обладать знаниями широкого теоретического плана, а также навыками решения конкретных проблем. Наряду с этим обстоятельством необходимо учитывать и потребности в специалистах, имеющих профессиональную подготовку в области выбора, применения и создания инструментария, адекватного конкретным целям и теоретическим предпосылкам того или иного социологического исследования. Поэтому важно готовить таких специалистов, которые, имея необходимую теоретическую базу в области марксистской социологии, могли бы использовать методы точных наук и специфические для социального анализа методы сбора эмпирической информации. В социологической практике наметилось расхождение в содержании профессиональной деятельности социолога не только по степени широты или узости его интересов, но и в плане ориентации на сам характер познавательного процесса («теоретик», «эмпирик»). Причем в последнее время в силу специфических для отечественной практики причин (недостаток специалистов-социологов высшей квалификации и приток в сферу социологических исследований работников, не имеющих не только специального социологического, но часто и базового философского образования) наметилась существенная диспропорция именно по этому признаку: научно-методическая основа конкретных социологических исследований остается весьма эмпиричной.

Учитывая растущий спрос партийных и государственных органов, министерств и ведомств культуры и высшего образования, промышленных предприятий, учреждений и общественных организаций на социологов широкого профиля, т. е. социологов, обладающих методологической подготовкой на базе марксистской философии, необходимо создание следующих направлений в специализации прикладной социологии: методология и методика социологических исследований; социология массовой коммуникации и других областей социалистической культуры; промышленная социология; социология социального поведения (проблемы свободного времени).

Большая роль в подготовке высококвалифицированных социологов принадлежит Московскому университету.

В настоящее время вопросы социологического образования и

социологических исследований являются делом не только философского факультета. Распространение социологических знаний, организация и проведение социологических исследований имеют большое значение для всех гуманитарных и в определенной степени для естественных факультетов. Социологический аспект присущ всему современному научному знанию. Социологическая наука, в свою очередь, опирается на все отрасли современного научного знания: ее прогресс неотделим от научно-технического прогресса. Однако вопросы взаимодействия социологической науки с общественными, а также с естественными и техническими науками требуют специального рассмотрения. К числу этих вопросов относятся обоснование основных направлений конкретных социальных и социологических исследований на базе определенных специальностей; обеспечение единства организационных, методологических, методических и технических средств проведения социологических исследований и подготовки социологов в системе высшего образования; подготовка преподавателей по теории и методам социальных исследований конкретного профиля, социологов-организаторов и практиков прикладного направления; повышение квалификации социологических работников. Особое внимание в системе университетского социологического образования должно быть обращено на подготовку специалистов-социологов широкого профиля: преподавателей по теории, методам и технике проведения конкретных социальных исследований, консультантов и организаторов комплексных социальных исследований, научно-исследовательских работников.

Глава XI

КАФЕДРА ЛОГИКИ

Создание в 1947 г. в Московском университете кафедры логики положило начало преподаванию этой дисциплины на всех гуманитарных факультетах, а также послужило базой для подготовки кадров высшей квалификации и развитию научных исследований в области логики в системе высшей школы и АН СССР. Кафедра была организована в порядке выполнения постановления ЦК ВКП(б) от 3 декабря 1946 г. «О преподавании логики и психологии в средней школе». До создания кафедры с 1942 по 1947 г. курс формальной логики на философском факультете читали профессора В. Ф. Асмус, П. С. Попов и А. Ф. Лосев. В качестве учебного пособия использовалось переработанное издание «Учебника логики» Г. И. Челпанова. В течение 1946 г. функционировали организованные Министерством просвещения РСФСР курсы по подготовке вузовских преподавателей логики, ведущими лекторами которых были В. Ф. Асмус, А. О. Маковельский, П. С. Попов, С. Н. Виноградов и другие.

В первое десятилетие кафедру возглавляли П. С. Попов, а затем доц. В. И. Черкесов. Перед новой кафедрой стояли сложные задачи организации учебного процесса, развития научных исследований, подготовки кадров высшей квалификации. Трудности усугублялись отсутствием учебно-методической литературы, недостатком опыта преподавания логики, которая ранее не предусматривалась учебными планами вузов, а также необходимостью преодоления пережитков методологически неправильного отношения к логике, встречавшихся в философской литературе 40—50-х годов.

В области учебной работы коллектив кафедры обеспечивал чтение общих лекционных курсов логики и проведение семинарских занятий на всех гуманитарных факультетах. Уже к 1954 г. кафедра вела специализацию студентов философского факультета по логике и подготовила спецкурсы по истории логики, теоретическим проблемам логики, зарубежной логике, математической логике и другие.

Большую помощь кафедре в чтении курсов по математической логике и повышении квалификации преподавателей оказывала профессор механико-математического факультета С. А. Яновская (1896—1966). Логические идеи С. А. Яновской оказали глубокое влияние на развитие научных взглядов ее слушателей, в числе которых были Д. П. Горский, Е. К. Войшвилло, А. А. Ветров, И. С. Нарский, В. Г. Фарбер, А. А. Старченко, А. Д. Гетманова, Н. И. Стяжкин, Б. Н. Пятницын, Б. С. Грязнов, Ю. А. Петров, Е. Д. Смирнова и многие другие.

В 1958 г. на базе кафедры логики было проведено Всесоюзное совещание по проблемам научно-исследовательской работы в области формальной логики, созванное по инициативе секции философии Научно-технического совета при Минвузе СССР. В нем приняли участие многие специалисты по логике, работавшие в различных организациях Москвы и других городов. В выступлениях участников совещания обсуждались вопросы развития научных исследований, повышения качества подготовки специалистов, улучшения преподавания логики. На совещании было отмечено серьезное отставание научных исследований по таким направлениям, как использование достижений математической логики в развитии теоретических проблем логики, диалектическая логика, логика научного познания, модальная логика, индуктивная логика, логическая семантика, приложения логики в области педагогики, лингвистики, юриспруденции, в области машинного перевода, информатики, документалистики. Отмечались и недостатки в системе подготовки кадров на философском факультете МГУ, указывалось на отсутствие переподготовки вузовских преподавателей логики. Совещание выработало ряд практических рекомендаций по обсуждавшимся вопросам и наметило примерную тематику научных исследований.

В последующие десять лет в деятельности кафедры происходила определенная перестройка, связанная с реализацией рекомен-

даций совещания. Однако отсутствие квалифицированных кадров и недостаточное внимание к разработке новых проблем логики затрудняли этот процесс. Сдвиги наметились в период кратковременного (1965—1966 гг.) пребывания в качестве заведующего кафедрой И. С. Нарского. Это выразилось в некоторой переориентации научного профиля кафедры, приближении тематики исследований к актуальным проблемам науки, в постановке вопроса о необходимости изменения учебного плана специализации по логике.

Существенная реорганизация деятельности кафедры, связанная с обновлением кадрового состава, модернизацией учебного процесса и развитием актуальных исследований, была проведена в следующее десятилетие (заведующим кафедрой с 1968 г. по настоящее время является А. А. Старченко). Кафедра привлекла к научно-педагогической работе молодых квалифицированных преподавателей, способных включиться в активную исследовательскую работу и обеспечить высокое качество подготовки специалистов. Кафедра в ее нынешнем составе осуществляет общелогическую подготовку студентов дневного и вечернего отделений философского факультета и отделения научного коммунизма, проводит большую учебную работу со студентами, специализирующимися по логике, обеспечивает чтение общих курсов логики на юридическом, психологическом, экономическом, филологическом факультетах и факультете журналистики. Кафедра оказывает помощь ФПК и ИПК при МГУ в чтении спецкурсов по логическим основам педагогического процесса.

Научные исследования коллектива кафедры ориентированы на разработку актуальных проблем современной логики: классической логики, релевантной и модальной логик, логической семантики, логики научного познания. Заметную роль в актуализации научных исследований выполняет руководимый Е. К. Войшвилло теоретический семинар, в работе которого принимают участие преподаватели, аспиранты, студенты, специалисты из других логических центров и смежных областей науки. Личная активность Е. К. Войшвилло и его эрудиция во многом способствовали постановке и разработке членами кафедры новых теоретических и прикладных проблем логической науки.

Среди опубликованных сотрудниками кафедры монографических работ можно назвать следующие: Черкесов В. И. Проблемы диалектической логики. М., 1959; Алексеев М. Н. Диалектика форм мышления. М., 1959; Попов П. С. История логики Нового времени. М., 1960; Ахманов А. С. Логическое учение Аристотеля. М., 1960; Асмус В. Ф. Учение логики о доказательстве и опровержении. М., 1956; коллективная работа «Очерки по истории логики в России» (М., 1962); Войшвилло Е. К. Понятие. М., 1967; Старченко А. А. Логика в судебном исследовании. М., 1956; Философия права и принципы правосудия в США. М., 1969; коллективная работа «Логика и методология научного познания» (М., 1974);

Попов П. С., Стяжкин Н. И. История логики от античности до эпохи Возрождения. М., 1964; Ивин А. А. Основания логики оценок. М., 1970; Логика норм. М., 1973. Подготовлен к печати коллективный труд «Логико-методологические исследования», в котором приняли участие ученые из Болгарии, Венгрии, ГДР, Мексики.

Исследовательская работа членов кафедры находит отражение и в многочисленных статьях, а также в докладах на международных конгрессах и симпозиумах. Е. К. Войшвилло опубликовал ряд статей по алгебре двухполюсных сетей, семантической интерпретации статистических понятий «информация» и «энтропия», по диалектике развития понятий, релевантной логике, проблеме логического следования и другие. Его книга «Понятие» переведена в 1978 г. на венгерский язык. А. А. Старченко опубликовал серию статей по проблемам теории аргументации, об аналогии и гипотезе, о структуре категории «убеждение» по проблеме истины в судопроизводстве. Его статьи по вопросам истины и убеждения публиковались в НРБ, ВНР, ЧССР. Он является соавтором учебника по логике для юридических вузов. Ряд публикаций по вопросам логической формы, анализа естественных языков, теории доказательства, аналитических и синтетических высказываний принадлежит Е. Д. Смирновой. Ею подготовлено к изданию исследование «Логическая семантика». Ю. В. Ивлев опубликовал учебное пособие по логике, ряд статей по вопросам модальной логики, деонтическим высказываниям, логическим проблемам управления. Вопросы логики квантовой механики, мысленного эксперимента, индуктивной систематизации нашли отражение в публикациях В. С. Меськова. Д. И. Киреев исследует гегелевскую теорию суждения и методологию языка науки Р. Карнапа. В статьях Е. Б. Кузиной анализируются зарубежные концепции развития науки. В публикациях В. А. Бочарова рассматриваются вопросы реконструкции аристотелевской силлогистики по понятию логической формы. Публикации В. Г. Кузнецова раскрывают логический механизм отражения в языке движения и изменения. Вопросы истории логики рассматриваются в статьях В. В. Воробьева.

Кафедра поддерживает тесные научные контакты с логическими центрами страны. Ведущие специалисты в области логики привлекаются для чтения спецкурсов по актуальным проблемам логики. Спецкурсы по диалектике развития научных знаний читает акад. Б. М. Кедров; методологические и теоретические проблемы математической логики освещались в спецкурсах чл.-кор. АН СССР А. А. Маркова. Регулярно читаются спецкурсы по актуальным проблемам современной логики сотрудниками сектора логики Института философии АН СССР: Д. П. Горский, В. А. Смирнов, Г. И. Рузавин, Б. Н. Пятницын, Е. А. Сидоренко, А. Л. Никифоров. Курс по истории логики читает Н. И. Стяжкин. Большую помощь кафедре в подготовке студентов оказывают сотрудники

механико-математического факультета. Философские проблемы теории вероятностей раскрывает в своих спецкурсах Б. В. Гнеденко; основам теории множеств и рекурсивным функциям посвящены спецкурсы З. А. Кузичевой; регулярно читает спецкурсы для студентов и аспирантов А. Г. Драгалин. В течение ряда лет читал общие и специальные курсы логики на факультете психологии Б. В. Бирюков (Совет по кибернетике АН СССР). Сотрудничают с кафедрой и другие специалисты.

В последнее десятилетие кафедра установила и поддерживает контакты с зарубежными логическими центрами; члены кафедры принимают активное участие в международных логических конгрессах, симпозиумах и конференциях. На IV Международном конгрессе по логике, методологии и философии науки (Бухарест, 1971) с научными сообщениями выступили Е. Д. Смирнова, А. А. Старченко. На V конгрессе (Канада, 1975) в качестве приглашенного докладчика выступал А. А. Старченко; на VI конгрессе (Ганновер, 1979) в качестве приглашенного докладчика выступал Е. К. Войшвилло, научные сообщения сделали В. А. Бочаров, Е. Д. Смирнова и А. А. Старченко. Установлены тесные контакты с Секцией теории и организации науки Берлинского университета им. Гумбольдта. В 1976 г. в Потсдаме (ГДР) состоялась первая двухсторонняя научная конференция «Методология науковедения», в которой приняли участие Е. К. Войшвилло, Е. Д. Смирнова, А. А. Старченко. В 1979 г. в Москве состоялась вторая двухсторонняя конференция на тему «Методология развития научного знания», в которой приняли участие члены кафедры, ученые Берлинского университета, ряд сотрудников Института истории естествознания и техники АН СССР.

Созданный на кафедре климат научно-теоретической активности, регулярное обсуждение актуальных проблем современной логики послужили основой для повышения качества подготовки специалистов в области логики. Если раньше для специализирующихся по логике студентов читали 5—7 курсов, то в настоящее время их число доходит до 20. Значительно повысился научный уровень специальной подготовки; читаемые спецкурсы охватывают важнейшие разделы современной логики: исчисление высказываний, исчисление предикатов, основы металогики, логика научного познания, модальная логика, вероятностная логика, индуктивная логика, проблемы диалектической логики, логическая семантика, релевантная логика, основы теории множеств, рекурсивные функции, методологические проблемы логики, философские проблемы логики, критический анализ теорий развития науки в зарубежной философии, анализ языка науки, основы теории аргументации, методика преподавания логики. В связи с особенностями подготовки специалистов по логике, требующими проработки значительного учебного материала, специализация по кафедре начинается на втором курсе. Выпускаемые кафедрой специалисты работают на преподавательской и научной работе в университетах и академических центрах Киева, Ростова, Новосибирска, Москвы, Томска, Калининграда и других городов страны.

Существенно изменились за последние годы уровень и качество кандидатских диссертаций по логике. Тематика диссертаций связана с актуальными проблемами логики и соответствует высоким научным стандартам. Представление о направлении и содержании научных исследований аспирантов дает тематика диссертационных исследований последних лет: «Исследования логических систем квантовомеханических теорий» (В. С. Меськов), «Сингулярные термины, существование и истинность» (Ю. Г. Гладких), «Логическая форма суждений» (Е. А. Кротков), «Проблема преемственности научных знаний» (О. В. Фурманова), «Анализ логико-методологической концепции К. Поппера» (Е. Б. Кузина), «Проблема квантификации в модальной логике» (З. А. Сокулер), «Логика изменения» (В. Г. Кузнецов).

В 1978 г. на базе кафедры логики Высшей аттестационной комиссией при Совете Министров СССР создан специализированный Ученый совет по защите кандидатских диссертаций по логике выпускников МГУ и других вузов страны. Минвузом СССР на кафедру возложены функции головной организации Научно-технического совета по координации научных исследований по теме «Логика научного познания».

Наряду с учебной и исследовательской работой коллектив кафедры в последние годы ведет широкую пропаганду логических знаний на факультетах повышения квалификации, в школах молодого лектора, в системе политического просвещения.

Свои ближайшие задачи коллектив кафедры видит в совершенствовании логического образования философских кадров, в подготовке новых курсов по логико-методологическим проблемам научного познания, в создании учебников и учебных пособий для студентов философских факультетов, а также в организации проблемной лаборатории по логике научного познания.

Глава XII

КАФЕДРА МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ ЭСТЕТИКИ

XVIII век в России ознаменовался бурным развитием не только науки, но и искусства. Поэтическое творчество Кантемира, Тредиаковского, Сумарокова, Ломоносова — яркое свидетельство расцвета русской художественной литературы. Аналогичные процессы происходили в изобразительном искусстве и архитектуре, о чем свидетельствует творчество скульпторов Козловского, Щедрина, художников Рокотова, Левицкого, архитекторов Баженова, Казакова и других. Все это способствовало развитию русской эстетической мысли, которая отличалась самобытностью и глубиной. Если сравнить, например, эстетические теории русского класси-

цизма с аналогичными концепциями французских эстетиков, то нетрудно заметить ярко выраженное своеобразие русского классицизма. Высокий гражданский пафос, ориентация на национальную тематику, более отчетливо выраженная обличительная направленность комедии и сатиры, меньшая отчужденность от устного народного творчества, стремление к преодолению схематизма — вот те особенности, которые характеризуют и художественную практику, и эстетику русского классицизма. Своеобразием отличаются и эстетические идеи русского просвещения, романтизма, не говоря уже о русской революционно-демократической эстетике, которая имеет всемирно-историческое значение.

В развитии русской самобытной эстетической мысли большую роль сыграли преподаватели и воспитанники Московского университета. Преподавание эстетики в Московском университете началось в начале XIX в. в ходе реорганизации системы высшего и среднего образования. Профессором, начавшим чтение курса эстетики в университете, был П. А. Сохацкий. К числу первых университетских преподавателей эстетики относятся М. Г. Гаврилов, Яков де Саглен, А. Ф. Мерзляков.

Многие преподаватели эстетики Московского университета независимо от того, стояли они на позициях классицизма или романтизма, постоянно подчеркивали социальное значение искусства. Этот аспект нашел свое яркое выражение в эстетических концепциях декабристов. Известно, что многие деятели декабристского движения были воспитанниками Московского университета, слушавшими лекции А. Ф. Мерзлякова и М. Г. Гаврилова.

В 30-х годах XIX в. в развитии русской эстетической мысли приобрели большое значение методологические проблемы. В этом плане значительную роль сыграли труды Н. А. Надеждина, С. П. Шевырева, И. И. Давыдова. В 30-х годах началась литературно-критическая деятельность В. Г. Белинского.

40-е годы ознаменовались возникновением различных направлений в развитии эстетической науки в России. Здесь и теоретики «чистого искусства», и славянофилы, и петрашевцы. Кульминационным моментом в развитии русской эстетики является эстетика революционных демократов, начало которой положили в 40-х годах воспитанники Московского университета В. Г. Белинский, А. И. Герцен и Н. П. Огарев. Благодаря деятельности революционных демократов русская эстетическая мысль приобретает мировое значение. Для ее развития имели огромное значение и высказывания по теоретическим вопросам великих русских писателей А. С. Грибоедова, М. Ю. Лермонтова, И. А. Гончарова, И. С. Тургенева, А. Н. Островского, Ф. И. Тютчева, А. Ф. Писемского. Все они учились в Московском университете.

Во второй половине XIX — начале XX в. вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции прогрессивно настроенные преподаватели, сотрудники и студенты Московского университета принимают активное участие в революционной борьбе. Но

это обстоятельство непосредственно не отразилось на преподавании эстетики в университете. Здесь господствуют взгляды идеалиста В. С. Соловьева и его учеников.

Коренной перелом в разработке и преподавании эстетики в Московском университете произошел с победой Октябрьской революции. С этого времени эстетика развивается как часть марксистско-ленинской философии. В начале 20-х годов лекции по эстетике читают В. Я. Брюсов, А. В. Луначарский. Особенно интенсивно эстетическая проблематика начинает разрабатываться с образованием филологического и философского факультетов и искусствоведческого отделения исторического факультета. На филологическом факультете эстетическая проблематика успешно исследуется профессорами Г. Н. Поспеловым, И. Ф. Волковым, П. А. Николаевым. Много сделали для развития марксистско-ленинской эстетики И. Л. Маца, В. П. Лазарев — профессора искусствоведческого отделения. Большой вклад в развитие эстетики внесли профессора философского факультета В. Ф. Асмус, М. А. Дынник, В. К. Скатерщиков, Д. Ф. Козлов. В. Ф. Асмус и М. А. Дынник много работали в области истории эстетической мысли. Представляют известный интерес исследования В. К. Скатерщикова в области теории эстетического воспитания. Он одним из первых стал основательно заниматься этой проблематикой. Известный вклад в изучение истории русской эстетической мысли сделали сотрудники кафедры истории философии народов СССР в связи с исследованием истории русской философской мысли, поскольку эстетическая мысль занимала большое место в творчестве русских мыслителей XVIII—XIX вв.

Оживлению научно-исследовательской работы и преподавания эстетики способствовало создание в 1960 г. на философском факультете кафедры марксистско-ленинской эстетики (зав. кафедрой — проф. М. Ф. Овсянников), которая по существу превратилась в ведущий центр по подготовке высококвалифицированных специалистов-эстетиков в нашей стране. За 20 лет подготовлено 250 кандидатов и 18 докторов наук. Профессорами, преподавателями, аспирантами кафедры в настоящее время разрабатываются практически все основные направления современной эстетической науки: история эстетической мысли, методологические принципы эстетических исследований, эстетические категории, философско-эстетические проблемы искусства, эстетика производства, теория эстетического воспитания, критика основных направлений современной буржуазной эстетики.

Широко ведется преподавание эстетики. Профессора и преподаватели кафедры читают курс эстетики для студентов семи факультетов МГУ: философского, филологического, исторического, журналистики, механико-математического, физического, химического и ИСАА. Кафедра много сделала для внедрения в учебный процесс технических средств обучения. Ею подготовлено несколько учебных фильмов, а также программы курса эстетики.

Для успешного обучения студентов необходимы учебники и учебные пособия, в которых теоретическая глубина направлений науки должна сочетаться с доступностью изложения основных направлений науки. Таким качеством обладает, в частности, подготовленный кафедрой учебник «Марксистско-ленинская эстетика» под редакцией М. Ф. Овсянникова (М., 1973), изданный к настоящему времени и за рубежом на немецком, болгарском, чешском и словацком языках. Цель учебника — дать студентам основы знаний по эстетике. Для этого необходимо прежде всего раскрыть само понятие «эстетическое» в различных его проявлениях (эстетическая деятельность и различные формы эстетического сознания, вкус, идеал, основные эстетические категории), а также рассмотреть природу и основные закономерности искусства. Обращаясь, в частности, к искусству, авторы учебника в первую очередь стремились вычленить то специфическое, что позволяет относиться к нему как к особой форме сознания и деятельности человека. Под таким углом зрения анализировались основные «составляющие» искусства — художественный образ и художественное произведение, а также процессы эстетического восприятия и художественного творчества. Наряду с этим в учебнике подробно рассматриваются вопросы социальной обусловленности искусства и эстетической культуры развитого социалистического общества. Задача учебника заключается и в формировании у студентов хорошего эстетического вкуса, способности правильно понимать, что является подлинно прекрасным в труде, общественной деятельности и образе жизни.

Книга проф. М. Ф. Овсянникова «История эстетической мысли» (М., 1978) представляет собой учебное пособие по курсу истории эстетики и рассматривается автором как первая книга, за которой должны последовать две другие, посвященные истории русской эстетической мысли, истории марксистско-ленинской эстетики и критике буржуазной эстетики XIX—XX вв. Настоящая книга написана на основе лекционного курса, читавшегося автором для студентов и аспирантов Московского университета, начиная с 1943 г. В книге освещены все основные этапы развития эстетической мысли не только Европы, но и стран Востока. Правда, книга не претендует на полноту охвата материала. Автор стремился остановиться главным образом на тех моментах истории эстетической мысли, которые способствовали прогрессу эстетической науки и которые представляют наибольший интерес для современности. С этой точки зрения ценны прежде всего те эстетические концепции, в которых отстаивались идеи гуманизма, гражданственности, защищались принципы художественной правды, получили выражение демократические тенденции. С этих позиций автор оценивает различные этапы истории эстетики, а также отдельные направления, школы, концепции. Так, например, широко известен вклад эстетики английского Просвещения в разработку некоторых важнейших эстетических проблем (эстетический вкус, автономия прекрасного и т. д.), что по существу выводит данное направление за рамки просветительства. Однако при сопоставлении эстетических концепций английского и французского Просвещения становится ясно, что англичане в гораздо меньшей мере уделяли внимание разработке социальных проблем эстетики и искусства. Английские эстетики не могли возвыситься до понимания социальной обусловленности искусства прежде всего потому, что подобные идеи могли зародиться и пропагандироваться по преимуществу в предреволюционной ситуации, которая сложилась во Франции.

Специальной большой проблеме — судьбе искусства в условиях развития капиталистических отношений в Европе XVIII—XIX вв.— посвящена книга М. Ф. Овсянникова «Искусство и капитализм» (М., 1979). Раскрывая эту тему, автор выявляет постепенно увеличивающуюся враждебность между искусством и капитализмом. В частности, как показывает автор, социально-экономические условия ряда стран Европы XVIII в., в которых получили развитие эстетические идеи Просвещения, еще не были до конца враждебны искусству. Именно в этих условиях сформировались эстетические концепции таких представителей эстетики французского Просвещения, как Дидро и Руссо. В XIX в. в Европе поляризация между капитализмом и искусством углублялась. В связи с этим в книге анализируется творчество Шиллера, Гете, Гегеля, Бальзака. Интересные наблюдения высказывает автор по существу изучаемой проблемы на материале творчества Т. Манна — виднейшего представителя эстетики и искусства XX в.

Книги профессора Е. Г. Яковлева «Проблемы художественного творчества» (М., 1972) и «Искусство и мировые религии» (М., 1977) также являются учебными пособиями, в основе которых лежат общие и специальные курсы, прочитанные автором на философском факультете МГУ и на различных факультетах некоторых зарубежных университетов. Обращаясь к проблеме художественного творчества, Е. Г. Яковлев пытается выяснить «слагаемые» творческого процесса в искусстве. С этой целью он подробно анализирует соотношение рационального и эмоционального в творческом субъекте, а также устанавливает, какое место занимают в процессе создания произведения искусства мировоззрение художника, талант и вдохновение. В книге рассматривается вопрос о значении и месте мифологии в искусстве. Другие теоретические проблемы выдвигаются на первый план при рассмотрении Е. Г. Яковлевым взаимоотношения искусства и мировых религий: буддизма, ислама и христианства. Среди них: синкретизм первобытного мышления и постепенное его расслоение на религиозное, философское и художественное сознание; различия в восприятии художественного образа и религиозной идеи; понятия «символ», «идеал», «канон», «катарсис» в религии и искусстве и другие. Обращаясь к буддизму, исламу, христианству, Е. Г. Яковлев показывает, каковы особенности взаимоотношения

каждой из мировых религий с искусством. Например, в работе рассматривается такая важная и интересная проблема, как non-finito (незавершенность в искусстве) в связи с буддизмом.

В центре исследования доктора философских наук Е. В. Волковой «Произведение искусства — предмет эстетического анализа» (М., 1976) — основное звено искусства — художественное произведение. Важно отметить, что это одна из немногочисленных попыток исследования произведения искусства в рамках философско-эстетического анализа. Чаще всего различные уровни произведения искусства становятся предметом исследования специальных искусствоведческих дисциплин. В книге обосновывается необходимость эстетического анализа произведения искусства, позволяющего изучать общие, инвариантные стороны и черты художественных произведений, отвлекаясь от их видового и жанрового своеобразия. Этими сторонами являются содержание и форма, тема, идея, оценка произведения искусства. В частности, исследуя проблему содержания и формы, автор отмечает, что в советской эстетической науке некоторые аспекты соотношения содержания и формы в искусстве обстоятельно изучены (единство содержания и формы в искусстве, приоритет содержания над формой, относительная самостоятельность формы). Поэтому акцент в книге сделан на другом — на рассмотрении содержательности формы и художественной специфики содержания, на их динамичности. Философско-эстетический метод анализа позволяет автору подойти с диалектико-материалистических позиций к изучению проблемы существования произведения искусства.

Книга А. А. Оганова «Теория отражения и искусство» (М., 1978) посвящена анализу искусства с позиции важнейшего методологического принципа марксистско-ленинской эстетики — теории отражения. Автор показывает, что отражение в искусстве теснейшим образом связано с творчеством и что пренебрежение или недооценка одной из сторон процесса создания художественного произведения уводит художника от реализма. В одном случае, когда художник целиком сосредоточивается на объекте, ему грозит натурализм, буквальное копирование объекта, результатом же абсолютизации творческого момента является абстрактное, беспредметное искусство. В книге приводятся примеры современного натуралистического искусства Запада: поп-арт, гиперреализм и другие, ярко иллюстрирующие отход от реалистических принципов. Значительное место в книге отводится анализу художественного образа — центрального понятия эстетики и искусствознания. Художественный образ исследуется в тесной связи с субъектно-объектными отношениями, а также отношениями значений и смыслов в сфере искусства. А. А. Оганов подробно анализирует конкретно-чувственную сторону образного мышления. Особого внимания, подчеркивает А. А. Оганов, заслуживает художественный образ, построенный на основе воображения. В связи с анализом художественного образа в книге рассматривается и такой важный вопрос: насколько обязательны в искусстве чувственно-конкретные формы отражения? Приводя критику Л. С. Выготским теории «интеллектуализованных» образов Потебни и Овсянико-Куликовского, автор показывает, что в настоящее время искусство и образ порой излишне рационализируются. Это происходит и в случае замещения образа знаком, и при еще более широкой замене «художественности» сциентизмом, когда делаются попытки изучения природы искусства на основе одностороннего использования научно-технических достижений.

Большое значение для развития эстетической науки и совершенствования ее преподавания в высших учебных заведениях имели две Всесоюзные конференции по марксистско-ленинской эстетике (1963 и 1972 гг.), в подготовке и проведении которых кафедра принимала активное участие. В выступлениях на первой Всесоюзной конференции, в частности, отмечалось, что некоторое время тому назад преподавание марксистско-ленинской эстетики осуществлялось лишь в некоторой части вузов — преимущественно художественных, а также на некоторых факультетах университетов. Остальная, значительная часть студенчества была лишена возможности получить систематические знания по эстетике. С 1959 г. курс эстетики постепенно стал вводиться во все вузы страны. Оживилась и методическая работа. В 1960 г. вышли в свет два учебных пособия — «Основы марксистско-ленинской эстетики» под редакцией В. Ф. Берестнева и второе, переработанное и дополненное издание «Очерков марксистско-ленинской эстетики» под редакцией П. М. Сысоева. На конференции говорилось также о том, каким должен быть факультативный курс эстетики, и о необходимости проведения семинарских занятий. В докладах А. Г. Егорова и М. Ф. Овсянникова по теоретическим и методологическим вопросам эстетической науки отмечалось, что предмет эстетики не должен ограничиваться закономерностями искусства и художественного творчества. Задачи эстетики гораздо шире — теоретически осмысливать и обобщать богатый опыт коммунистического строительства, развития производства, достижений научно-технической революции. Ограничение предмета эстетики лишь проблемами искусства мешает эстетике правильно понять во всей полноте и сложности эстетические отношения человека к действительности.

Вторая Всесоюзная конференция по эстетике, организованная Минвузом СССР и Московским государственным университетом, обобщила опыт исследовательской работы и практики преподавания марксистско-ленинской эстетики. Если накануне первой Всесоюзной конференции имелось лишь два учебных пособия для студентов, то ко времени проведения второй конференции имелось уже несколько учебников, подготовленных не только для высших учебных заведений, но и для средних специальных учебных заведений и профтехучилищ. Гораздо большим было и число участников конференции, на которой выступили все преподаватели кафед-

ры и многие ее аспиранты. О новых значительных проблемах и задачах, которые стоят перед марксистско-ленинской эстетикой, говорилось в докладе акад. А. Г. Егорова. Как бы продолжая мысль, высказанную на первой конференции, А. Г. Егоров обратился к проблеме взаимодействия эстетической и художественной культур в условиях развитого социалистического общества. Подчеркивая размах научно-технической революции, который способствовал бурному развитию художественного конструирования, докладчик в то же время предостерег от попыток связать развитие всей эстетической культуры лишь с практикой дизайна. В этом случае, отметил А. Г. Егоров, возникает идея некоего «тотального проектирования», под которую подводится и искусство. Тем самым искусство растворяется в других видах творческой деятельности, а дизайн утрачивает присущие ему специфические качества. На самом деле именно от искусства, от его идейной и художественно-образной зрелости в решающей степени зависит общий уровень эстетической культуры общества. Особенно отчетливо это проявляется в условиях НТР, когда буржуазные эстетики все чаще высказываются о деидеологизации художественной культуры, которая якобы неизбежна в условиях социально и идеологически индифферентной научно-технической революции. М. Ф. Овсянников в своем докладе также говорил об основных направлениях научных исследований в области эстетики и о задачах ее преподавания в вузах страны. Он выделил те фундаментальные проблемы, в решении которых наша эстетическая наука добилась определенных успехов: природа и сущность эстетического сознания и деятельности; соотношение общественного и эстетического идеалов; эстетическая ценность и вкус; партийность и народность искусства; взаимоотношения искусства с политикой, религиозным сознанием, моралью, наукой; искусство социалистического реализма. Докладчик отметил, что в последнее время заметно снизился интерес к основным категориям эстетики, нуждающимся в новом подходе в свете достижений специальных наук и в связи с практикой коммунистического строительства. Определенных успехов добилось в последнее время такое направление нашей эстетической науки, как критика основных течений буржуазной эстетической мысли, однако необходимо делать упор не только на рассмотрении основных направлений эстетики за рубежом и их отдельных представителей, но и на выявлении специфических закономерностей буржуазного искусства в целом, на критическом анализе проблем, характерных для многих направлений буржуазной эстетики. Для успешной работы в этой области необходимы, во-первых, преодоление тенденции к декларативной, риторической критике, а во-вторых, позитивная разработка тех сложных и актуальных проблем эстетики, на недостаточной исследованности которых спекулируют многие представители буржуазной эстетики.

Важной задачей марксистско-ленинской эстетики продолжает

оставаться изучение характера взаимодействия таких важных категорий, как материальное и идеальное, объективное и субъективное, рациональное и эмоциональное, изобразительное и выразительное, содержание и форма, идейность и партийность искусства. Это важно прежде всего для самой эстетической теории, ибо практика показывает, что нередко, увлекаясь заманчивыми перспективами полной формализации, математизации эстетической теории, некоторые исследователи видят в этом единственный признак ее научной достоверности. Эстетика и искусствоведение представляются им как некая «искусствометрия», где гармония заменяется алгеброй.

На конференции обсуждалась проблема взаимосвязи эстетики и других научных дисциплин, искусствознания, философии и естественных наук. Так, традиционная связь эстетики с искусствознанием в современных условиях приобретает новые формы. Искусствознание накопило обширный эмпирический материал, требующий философско-эстетического осмысления. Продолжающаяся дифференциация искусствоведческих отраслей знания вызывает настоятельную необходимость их синтеза, который в известной мере может осуществить эстетика. Известна огромная роль философии в становлении эстетической науки. Именно в рамках философии происходит выделение специфического предмета эстетики, формируется ее категориальный аппарат. Связь эстетики с другими науками прослеживается на осмыслении ими категории «деятельность». Разумеется, не только эстетика исследует эстетический аспект человеческой деятельности, который на разных уровнях становится предметом исследований физиологии, психологии, политической экономии, социологии, кибернетики и ряда других дисциплин.

На конференции отмечалось, что в последнее время приобрела важное значение и проблема эстетической потребности человека. Эстетическая потребность возникает, с одной стороны, как стремление человека решить гносеологические и идеологические проблемы, а с другой — как выражение необходимости оптимальной для человеческого организма функциональной деятельности, которая в силу объективных условий в прошлом была невозможна. Эстетическая потребность имеет сложную структуру. Ее верхний, мотивационный слой охватывает уровень сознания и ценностных ориентаций человека, а нижний — все функциональные уровни человека — от сферы подсознания до физической организации в целом. Таким образом, в эстетической потребности сочетаются духовные и функциональные потребности человека.

Конференция наметила ряд мер по дальнейшему развитию марксистско-ленинской эстетической науки и совершенствованию ее преподавания в вузах.

Кафедра марксистско-ленинской эстетики провела ряд всесоюзных и международных симпозиумов по кардинальным проблемам эстетики. Целью симпозиума «Научно-технический прогресс

и искусство» (ноябрь 1970 г.), проведенного Научным советом по проблемам эстетики при Президиуме Академии наук СССР и кафедрой эстетики МГУ, было обсуждение методологических проблем марксистско-ленинской эстетики, поставленных в докладах М. Ф. Овсянникова и Е. В. Волковой, а также влияния НТР на художественную деятельность. Это влияние, как отмечали в своих докладах Л. И. Новикова, М. Н. Афасижев, С. А. Завадский, обнаружило себя в появлении и развитии дизайна, в рождении новых видов искусства (кинематографа, телевидения, художественной фотографии), в зарубежной практике «машинного искусства».

Значительным событием в жизни кафедры было проведение советско-польского симпозиума на тему «Искусство и общество» (октябрь 1974 г.), где с докладами выступили М. Ф. Овсянников, Е. Г. Яковлев, Е. В. Волкова, С. А. Завадский.

При участии кафедры осуществлено шеститомное издание «Памятники мировой эстетической мысли», а также издана серия книг «История эстетики в памятниках и документах» (более 20 книг) (главный редактор обоих изданий М. Ф. Овсянников).

В связи с юбилейными датами преподаватели кафедры подготовили обзорные статьи, в которых отражено современное состояние эстетических исследований, а также прослежены основные этапы развития эстетической науки в СССР (Овсянников М. Ф., Крутоус В. П., Мигунов А. С. Исследования по эстетике в 1971—1976 гг.— Вопр. философии, 1977, № 12; Крутоус В. П., Мигунов А. С. Основные направления эстетических исследований в СССР за 60 лет.— Вестн. Моск. ун-та. Сер. VII. Философия, 1978, № 1).

Кафедра проводит большую работу с аспирантами. Особое внимание уделяется выбору тем будущих кандидатских диссертаций. Фактически темы распределяются таким образом, что охватывают все основные направления эстетической науки. Кафедра прилагает усилия по обеспечению научных публикаций аспирантов. Постоянно издаются сборники аспирантских работ, редакционную работу над которыми выполняют редколлегии из числа аспирантов под руководством ответственного редактора — преподавателя кафедры.

В настоящее время кафедра марксистско-ленинской эстетики продолжает активизировать научно-исследовательскую и учебно-воспитательную работу. Перед кафедрой встает много важных задач: создание нового учебника по эстетике для студентов высших учебных заведений, разработка новых направлений эстетических исследований, спецкурсов и спецсеминаров, подготовка новых учебных программ.

Глава XIII

КАФЕДРА МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ ЭТИКИ

Систематические исследования этических проблем и преподавание этики в Московском университете начались после учреждения на философском факультете кафедры марксистско-ленинской этики (1969 г.). Нельзя сказать, что до появления кафедры этические исследования не велись на факультете, однако они были разрозненными и предпринимались по инициативе отдельных профессоров и преподавателей — сотрудников различных кафедр. Организация специальной кафедры позволила постепенно объединить усилия ученых МГУ, работающих в области этики. В настоящее время на кафедре работают два профессора, три доцента, один старший преподаватель, один ассистент и один старший научный сотрудник (зав. кафедрой — проф. А. И. Титаренко). Естественно, кафедра должна расти: на нее как на головную кафедру в системе вузов легла огромная научно-методическая и научно-организационная работа по составлению программ курсов этики, пособий и других учебных материалов по заданиям Минвуза СССР, Минвуза РСФСР, ВАК, партийных органов; работа по апробации докторских и кандидатских диссертаций, поступающих на защиту в единственный в системе высшего образования Ученый совет по этике, по рецензированию научных трудов, по пропаганде этических знаний и т. д.

Огромное место в деятельности кафедры занимает научная работа. Это объясняется наличием многих неразработанных, но чрезвычайно важных вопросов сравнительно молодой философской науки — марксистско-ленинской этики. Сам факт создания кафедры марксистско-ленинской этики отразил процесс ее становления. Основным направлением научной работы кафедры стала разработка таких философских общетеоретических вопросов, как социальная сущность, специфика, структура и функции морали. В качестве самостоятельной философской науки марксистско-ленинская этика была поставлена перед необходимостью четко определить категориальный аппарат и отграничить свой предмет от предмета таких смежных наук, как исторический материализм, психология, педагогика, правоведение, социология, этнография и другие. Эта необходимость и сделала одной из актуальнейших проблем этической науки вопрос о специфике морали, ее качественном своеобразии в ряду других социальных явлений. Причем в подходе к данным вопросам и их решению в марксистской этике наметились различные точки зрения. Поэтому разработка этих сложных и спорных проблем с момента образования кафедры продолжает оставаться одним из основных направлений ее научных исследований. В той или иной степени ею занимаются почти все сотрудники кафедры. Этой проблеме посвящена монография доктора фи-

лософских наук А. А. Гусейнова «Социальная природа нравственности» (М., 1974), в которой логический способ исследования дополнен сравнительным анализом двух существовавших в истории человечества разнотипных форм регуляции поведения, нашедших свое выражение в правиле равного воздаяния («талион») и «золотом правиле» нравственности. Значительным явлением в научной жизни кафедры стал выход в свет монографии проф. А. И. Титаренко «Структура нравственного сознания» (М., 1974), где, как и в двух предыдущих его книгах (Критерий нравственного прогресса. М., 1967; Нравственный прогресс. М., 1969), вышеупомянутые проблемы рассматриваются на богатом конкретно-историческом материале и доказывается историческая преемственность качественно-своеобразных структур нравственного сознания. Одним из первых в советской этике исследований морали в деятельностном аспекте стала монография проф. С. Ф. Анисимова «Мораль и поведение» (М., 1979). Оценка поступка, взаимоотношение целей и средств в деятельности, в моральных конфликтах — таковы некоторые из проблем, поставленных в этой книге.

За последние годы кафедра выпустила несколько коллективных монографий и сборников статей, в которых рассматриваются основные вопросы теории морали: активная роль морали в общественной практике, соотношение морального сознания и поведения, науки и нравственности и другие (Моральная регуляция и личность. М., 1972; Социальная сущность и функции морали. М., 1975; Моральный выбор. М., 1980). Особое внимание в этих работах уделяется исследованию внутриличностных механизмов моральной регуляции, функционирования морали на уровне индивидуального сознания. Этот интерес вполне оправдан, поскольку — и это признается почти всеми исследователями — мораль в большей мере, чем какой-либо другой социальный регулятор, апеллирует к сознанию и воле индивида, именно в морали роль и значение личности весьма велики. Вот почему проблемы нравственного выбора, мотивации поведения, принятия решений, нравственных исканий личности будут и впредь оставаться предметом внимания ученых кафедры. Этим проблемам посвящены две коллективные монографии «Личность: этические проблемы» (М., 1979) и «Структура морали и личность» (М., 1978), а также монография Б. О. Николаичева «Осознаваемое и неосознаваемое в нравственном поведении личности» (М., 1976).

Исследование вопросов общетеоретического характера не отодвигает, однако, на задний план анализ насущных проблем коммунистического воспитания. Большое место в научной работе кафедры занимает изучение морали развитого социализма, нравственных проблем современного советского общества. Особую важность здесь приобретает исследование влияния современной научно-технической революции на нравственный облик социалистической личности, причин аморальных явлений в социалистическом обществе, философских вопросов нравственного воспитания. По

перспективному плану комплексных исследований МГУ сотрудники кафедры участвовали в написании двух монографий: «Формирование духовного мира человека и НТР» (под редакцией С. Ф. Анисимова и Н. И. Дряхлова. М., 1977) и «Проблемы нравственного воспитания» (М., 1977). Кроме того, проф. А. И. Титаренко, проф. С. Ф. Анисимов и доц. А. А. Гусейнов приняли участие в написании коллективной монографии «Мораль развитого социализма» (М., 1976) и в написании совместно с учеными ГДР, ЧССР, ВНР и НРБ монографии «Нравственное воспитание студентов» (М., 1977). В издательстве «Знание» вышли брошюры С. Ф. Анисимова «Ленинские принципы нравственного воспитания личности» (1973), «XXV съезд КПСС о нравственном воспитании советского человека» (1977), Л. Б. Волченко «Нравственность и этикет» (1976) и «Нравственная культура советского человека» (1978), В. Т. Ганжина «Этика и формирование нравственности» (1978). В издательстве «Молодая гвардия» вышла научно-популярная книга А. А. Гусейнова «Золотое правило нравственности» (1979). По проблемам нравственного воспитания опубликованы десятки статей в журналах «Философские науки», «Коммунист», «Политическое самообразование», «Молодой коммунист», в различных сборниках. Кафедра активно разрабатывает проблемы нравственного воспитания, поставленные на XXV и XXVI съездах КПСС, в частности проблему воспитания активной жизненной позиции личности.

Весьма актуальным направлением научной работы кафедры является критика буржуазной этики, антикоммунизма и ревизионизма в этике, нашедшее отражение в следующих работах: Титаренко А. И. Мораль и политика. М., 1969; Анисимов С. Ф. Ценности реальные и мнимые. М., 1970; Гусейнов А. А. Новые имена — старые идеи. М., 1974. Критике наиболее откровенных антикоммунистических концепций в этике посвящена последняя книга А. И. Титаренко «Антиидеи» (М., 1976).

По-прежнему одним из направлений работы кафедры остается освоение историко-этического наследия. На кафедре читаются спецкурсы по истории этики; вышла из печати монография В. Т. Ганжина «Нравственность и наука» (М., 1978), а также монография А. П. Скрипника «Категорический императив Иммануила Канта» (М., 1978).

Новым направлением в работе кафедры можно считать научную разработку методики преподавания марксистско-ленинской этики в вузах. Этой проблематике посвящены спецкурс С. Ф. Анисимова и его брошюра «Методика подготовки и чтения лекций по этике» (М., 1976). Опыт преподавания этики растет с каждым годом. В этих условиях разработка единых программ, учебников, учебных пособий и методических указаний представляется чрезвычайно важной задачей. Этим объясняется и предпринятое кафедрой издание курса лекций «Марксистско-ленинская этика» в шести частях, из которых к настоящему времени вышли четыре. В изда-

тельстве политической литературы вышел учебник «Марксистская этика» под редакцией проф. А. И. Титаренко (1976). В 1975 г. издана программа по курсу «Марксистско-ленинская этика».

За прошедшие годы ученые кафедры приняли участие во многих конференциях по проблемам этики и нравственного воспитания. Большим событием в жизни кафедры стали организация и проведение на философском факультете МГУ в 1974 г. Всесоюзной межвузовской конференции «Актуальные вопросы развития марксистско-ленинской этики». За последние несколько лет кафедра приняла участие во всесоюзных конференциях по проблемам этики и нравственного воспитания в Москве («Проблемы нравственного воспитания», 1979), Ленинграде («Актуальные проблемы теории и практики нравственного воспитания студентов», 1976), Вильнюсе («Нравственный прогресс и личность», 1976), Звенигороде («Задачи координации этических исследований в СССР», 1977), Тюмени («XXV съезд КПСС о формировании активной жизненной позиции», 1979). Ведущие ученые кафедры приняли участие в подготовке Всесоюзной конференции «Активная жизненная позиция: проблемы и опыт нравственного воспитания» (Баку, 1979).

Кафедра поддерживает интенсивные научные контакты с учеными социалистических стран. Особенно тесные связи установились с учеными ГДР, что выражается в регулярном проведении симпозиумов этиков ГДР и СССР (I симпозиум состоялся в 1972 г. в Лейпциге, II — в 1974 г. в МГУ), в ежегодном проведении «Дней советской этики» в Лейпциге и другого рода конференций, в издании совместных трудов по материалам этих симпозиумов и конференций. Ученые кафедры выступают на страницах философских журналов ГДР. В частности, изданы тематический номер философского журнала «Deutsche Zeitschrift für Philosophie» (1978, № 5)и научного журнала Гумбольдтского университета по проблеме «Этика и личность», почти целиком составленный из статей сотрудников кафедры. В ГДР издана антология советской этики под названием «Этика» (1976). Готовится к печати совместная монография «Этика, нравственное воспитание, поведение», запланировано написание учебника по этике для вузов ГДР. Вместе с учеными Лейпцигского университета им. К. Маркса идет работа над монографией «Этика и нравственное развитие студентов».

Кафедра имеет контакты и с учеными других социалистических стран. Так, например, в ВНР была издана антология советской этики под названием «Этос, этика, нравы» (под ред. Э. Фаркаша и А. И. Титаренко). В НРБ в 1979 г. вышла монография «Нравственность, мировоззрение, личность» (на болгарском языке), написанная в сотрудничестве с болгарскими учеными. Недавно началось активное сотрудничество с этиками ПНР: предполагается издание монографии «Теория морали и проблемы нравственного воспитания».

Помимо ГДР многие труды сотрудников кафедры переведены в

НРБ, ВНР, ЧССР, готовятся переводы на Кубе, с которой также налаживаются контакты.

В области учебной работы кафедра читает общий курс марксистско-ленинской этики на философском факультете и на отделении научного коммунизма, а также факультативные общие курсы в ИСАА при МГУ, на механико-математическом и химическом факультетах. Для специализирующихся по этике студентов читаются следующие спецкурсы: «История античной и средневековой этики» (А. А. Гусейнов), «Этика в классической немецкой философии» (В. Т. Ганжин), «Критика антикоммунизма в этике» (А. И. Титаренко), «Критика современной буржуазной этики» (Т. А. Кузьмина), «История и теория коммунистической морали» (Л. Б. Волченко), «Методика преподавания этики в вузах» (С. Ф. Анисимов), «Осознаваемое и неосознаваемое в нравственном поведении личности» (Б. О. Николаичев), «Критика этических воззрений З. Фрейда» (Е. Л. Дубко). Для чтения спецкурсов кафедра привлекает специалистов из сектора этики Института философии АН СССР (Л. В. Коновалова «Критика современной буржуазной этики», Л. М. Архангельский «Социально-этические проблемы личности», В. Н. Шердаков «Социальная психология и этика», О. П. Целикова «Общество и личность как этическая проблема»).

На кафедре подготовлено свыше ста высококвалифицированных преподавателей марксистско-ленинской этики, а также 31 кандидат философских наук, некоторые из них стали докторами наук и заведуют кафедрами в вузах страны. Конечно, эту большую работу по подготовке этиков невозможно было бы осуществить без помощи специалистов с других кафедр факультета и из различных научно-исследовательских центров. В разные годы на кафедре преподавали или руководили аспирантами и дипломниками многие философы, историки, педагоги: Ш. Ф. Мамедов, Н. С. Козлов, Л. И. Рувинский, Е. Г. Балагушкин, Е. М. Пеньков, В. В. Казаринов, В. Ф. Зыбковец, О. Г. Дробницкий и другие.

Кафедра ведет большую пропагандистскую работу по линии общества «Знание» и в сети партийно-политической учебы. С. Ф. Анисимов выступал с докладом на секции XVII съезда ВЛКСМ. Сотрудники кафедры читают лекции во многих городах страны, на КамАЗе, БАМе, выступают по Центральному телевидению и Всесоюзному радио.

Глава XIV

КАФЕДРА ИСТОРИИ И ТЕОРИИ АТЕИЗМА

Атеистическое воспитание является важной составной частью системы коммунистического воспитания. Оно представляет собой целенаправленный и планомерный процесс воздействия на сознание и поведение людей для преодоления религиозных воззрений,

привычек, традиций, утверждения диалектико-материалистического, атеистического мировоззрения, расширения и обогащения форм социально значимой деятельности и общения.

КПСС уделяет постоянное внимание повышению эффективности и качества атеистической работы. В постановлении «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» ЦК КПСС предложил партийным комитетам «разработать и осуществить конкретные меры по усилению атеистического воспитания. Повысить ответственность коммунистов и комсомольцев в борьбе с религиозными предрассудками»[1]. Особую значимость это указание ЦК КПСС имеет для деятельности вузовских партийных организаций, так как через систему высшего образования в нашей стране проходят подготовку к трудовой и общественно-политической деятельности многие миллионы молодых людей.

Советская высшая школа располагает исключительно благоприятными возможностями для формирования образованных и убежденных пропагандистов марксистско-ленинских идей, активных борцов за торжество научно-материалистического атеистического мировоззрения. Советские студенты наряду со специальной подготовкой получают и основательную мировоззренческую подготовку, опирающуюся на изучение марксистско-ленинской философии, научного атеизма и других общественных наук. Воспитательные возможности высшей школы полностью реализуются и дают надежный эффект при условии комплексного подхода к воспитанию студенческой молодежи, предполагающего четкое функционирование системы коммунистического воспитания, включающей в качестве подсистемы атеистическое воспитание.

В Московском государственном университете накоплен значительный опыт атеистического воспитания студенческой молодежи. В 20—30-е годы с лекциями по атеизму в Московском университете выступали А. В. Луначарский, И. И. Скворцов-Степанов, Ем. Ярославский. В эти же годы начинали свою педагогическую деятельность П. Н. Федосеев, А. П. Гагарин, Е. Ф. Муравьев. В 1959 г. на философском факультете была создана кафедра истории и теории атеизма, которую возглавил проф. И. Д. Панцхава. С 1969 г. кафедрой заведует проф. М. П. Новиков. За период существования кафедра выросла количественно и качественно. В настоящее время кафедра является главным звеном Московского университета, обеспечивающим единство атеистического воспитания, преподавания научного атеизма и теоретических исследований в этой отрасли знания.

Центральное место в деятельности кафедры занимает учебная и научно-методическая работа. Большую роль в ее совершенствовании играет кафедральная методическая комиссия. Кафедра обеспечивает преподавание курса истории и теории атеизма для

[1] О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы. Постановление ЦК КПСС от 26 апр. 1979 г. М., 1979, с. 12.

студентов философского факультета, спецкурсов и спецсеминаров для студентов, специализирующихся по кафедре, и основ научного атеизма для студентов всех других факультетов.

Для совершенствования учебного процесса, повышения его идейно-теоретического уровня и воспитательной роли первостепенное значение имеет разработка учебных программ и планов семинарских занятий, отражающих современное состояние науки, программ спецкурсов и спецсеминаров для специализирующихся студентов, учебников и учебных пособий, ориентированных на определенный факультет или вид обучения. Профессора и преподаватели кафедры приняли участие в написании учебника «Научный атеизм», с привлечением сотрудников других вузов и научно-исследовательских институтов подготовили учебные пособия «История и теория атеизма», «Основы научного атеизма» (курс лекций), учебно-методические пособия для студентов вечерних и заочных отделений. В начале учебного года каждому студенту вручаются программа курса, планы семинарских занятий, а специализирующимся по кафедре — программа спецкурсов и спецсеминаров на весь срок обучения.

В организации учебного процесса коллектив исходил из того, что основным условием подготовки квалифицированного специалиста, отвечающего современным требованиям, является твердое усвоение им марксистско-ленинской теории, овладение им навыками и умениями самостоятельно работать, творчески постигать знания. Важнейшим направлением совершенствования учебного процесса является внедрение в педагогическую практику чтения проблемных лекций. В небольшой по объему курс научного атеизма невозможно включить всю информацию, относящуюся к тем или иным его разделам. Поэтому на кафедре разрабатывается методика чтения проблемных лекций, в которых студентам излагаются прежде всего методологические вопросы темы. Например, при раскрытии такой проблемы, как социальные причины сохранения и воспроизводства религии в социалистическом обществе, выявляются принципы анализа условий, способствующих затуханию или оживлению религиозности, раскрываются теоретические и практические пути решения данной проблемы. Разумеется, имеющийся опыт чтения подобных лекций не позволяет сделать вывод о необходимости превращения всех без исключения лекций в проблемные. Имеется опасность расчленения целостного курса на отдельные, не всегда тесно увязанные вопросы. Слов нет, проблемный метод чтения лекций содержит большие возможности развития самостоятельного мышления студентов. Включаемые в такую лекцию проблемные ситуации резко повышают интерес к излагаемому материалу, увлекают слушателей, воспитывают у них стремление к научному поиску. Но все это не должно заслонять необходимости и обязательности систематического изложения курса.

Другим важным направлением совершенствования учебно-ме-

тодической работы является актуализация курса научного атеизма, его разработка с учетом новейших данных науки и особенностей современной идеологической борьбы. Последнее тем более необходимо в связи с попыткой буржуазной и теологической пропаганды рассматривать атеизм и атеистическое воспитание не иначе как «нарушение прав верующих», «ущемление свободы совести», «попирание демократических принципов». Поэтому и в лекционных курсах, и на семинарских занятиях, и в пропагандистско-лекционной деятельности важно во всем объеме раскрывать ленинские принципы преодоления религии, положения XXVI съезда КПСС о господствующем в нашем обществе научно-материалистическом мировоззрении, положения Конституции СССР о свободе совести, ее обеспечении и гарантиях и другие актуальные вопросы атеистического воспитания.

Особого внимания заслуживает вопрос о специализации студентов философского факультета по научному атеизму. Подготовку высококвалифицированных кадров, способных обеспечить на высоком идейно-теоретическом уровне преподавание основ научного атеизма в высших учебных заведениях страны, организовать пропагандистскую и воспитательную работу среди населения, вести научные исследования по актуальным проблемам теории и практики атеизма, кафедра считает одной из важнейших своих задач. Кафедра уделяет внимание прежде всего формированию коллектива специализирующихся студентов, каждый из которых через научного руководителя был бы теснейшим образом связан с коллективом кафедры. Ежегодно по кафедре специализируются большое число студентов дневного и вечернего отделений. На протяжении трех лет каждый студент разрабатывает, как правило, одну тему, от курса к курсу углубляя и расширяя ее. Постоянный контакт с руководителем, обсуждение работы в процессе ее написания стимулируют творческое отношение студентов к курсовым и дипломным работам.

Большую роль в подготовке студентов играет система спецкурсов и спецсеминаров, отражающих узловые вопросы научного атеизма. Проблемы теории атеизма поставлены в спецкурсе «Марксистский атеизм как наука», истории атеизма — в курсах «Ленинский этап в развитии атеизма», «Теоретические вопросы истории атеизма», «Идеология и деятельность союзов атеистов и свободомыслящих в капиталистических странах». Критика религиозной идеологии дается в таких спецкурсах, как «Социология религии», «Актуальные проблемы психологии религии», «Критика христианской гносеологии», «Критика современной религиозной антропологии», «Критика современного православного богословия», «Православная философия», «Протестантская философия и теология», «Современная православная церковь в СССР», «Основные этапы истории религии». Проблемы соотношения религии и науки, этики, политики, права освещаются в спецкурсах «Роль естествознания в борьбе атеистического и религиозного миропониманий», «Нравственное значение атеизма», «Клерикализм и проблемы современного рабочего и национально-освободительного движения», «Принципы свободы совести и их реализация в советском законодательстве о религиозных культах». Вопросы теории атеистического воспитания рассматриваются в спецкурсах «Актуальные вопросы атеистического воспитания», «Методика преподавания научного атеизма в вузе», «Обряды в социалистическом обществе и их роль в атеистическом воспитании».

Немаловажную роль в развитии творческих способностей вузовской молодежи играет и внеаудиторная атеистическая работа: подготовка докладов, публичных выступлений и рефератов, участие в научных студенческих конференциях, лекционная и пропагандистская работа в ходе общественно-политической практики и во время работы в студенческих строительных отрядах. Важной формой воспитания профессиональных навыков стал клуб молодых атеистов МГУ. В рамках клуба проводится общественно-политическая практика и подготовка лекторов из числа студентов. Большую помощь в овладении навыками публичных выступлений оказывает участие студентов в научных кружках. В последние два года в клубе работают два кружка: «Искусство и религия» и «Критика современной религиозной философии». Кругозор студентов расширяется и в ходе проведения социологических исследований религиозности населения. Подведением итогов самостоятельной работы студентов являются «Дни творчества студентов» — ежегодные научные студенческие конференции. В последние годы были проведены конференции на темы «Атеизм и современная идеологическая борьба», «Проблемы атеистического воспитания на современном этапе», «Актуальные проблемы атеизма и религии» и другие. Теоретические доклады и их обсуждения помогают студентам подготовиться не только к выступлениям перед аудиторией, но и выработать умение вести полемику, отвечать на задаваемые вопросы.

По кафедре специализируются и иностранные учащиеся. Каждый из них занимается по индивидуальному плану под руководством наиболее опытных преподавателей. Все они участвуют в работе клуба молодых атеистов, активно работают в кафедральных кружках, принимают участие в дискуссиях и обсуждениях докладов. Ряд прошедших специализацию иностранных студентов ныне стали ее аспирантами.

Помимо учебно-воспитательной работы коллектив кафедры истории и теории атеизма ведет интенсивную научно-исследовательскую работу. Ее специфика определяется как общими потребностями развития науки, так и задачами подготовки высококвалифицированных кадров специалистов, способных успешно осуществить реализацию планов коммунистического строительства в нашей стране. Это означает, что проводимые учеными кафедры исследования по важнейшим проблемам истории и теории атеизма тесно связаны с учебным процессом, оказывают благотворное влияние на его теоретический и идейно-воспитательный уровень, способствуют

выработке у студентов навыков самостоятельного мышления, формированию коммунистических нравственных убеждений, непримиримости тому, что противоречит высоким принципам советского образа жизни. Результаты теоретических разработок актуальных проблем науки используются в создании учебников, учебных пособий, программ, спецкурсов и методических рекомендаций, играющих чрезвычайно важную роль в глубоком и систематическом изучении истории и теории атеизма.

Основными направлениями научно-исследовательской работы кафедры являются критика современной религиозной идеологии — теологии и религиозной философии; методологические вопросы социологии и психологии религии; исследование различных аспектов формирования научно-атеистического мировоззрения, в том числе проблем атеистического воспитания студенческой молодежи: подготовка учебных программ, учебников, учебных пособий, справочной литературы.

В последнее десятилетие особое внимание ученых привлекла проблема предмета и структуры научного атеизма как отрасли знания. Наша позиция сводится к тому, что научный атеизм является одной из специальных философских дисциплин. Он призван дать ответы на ряд коренных мировоззренческих вопросов, опираясь на прочный фундамент научных представлений о мире и его законах. Изучение происхождения и сущности религии, выяснение путей ее преодоления, раскрытие сущности атеизма, закономерностей формирования атеистического мировоззрения и т. д.— все это составляет специфическое содержание научного атеизма. Предмет научного атеизма получил освещение в таких подготовленной кафедрой книгах, как «Основные вопросы научного атеизма» (М., 1966), в курсе лекций «Основы научного атеизма» (М., 1972), в учебном пособии «История и теория атеизма» (М., 1974). На всесоюзном семинаре преподавателей атеизма высшей школы, состоявшемся в 1972 г. в Московском университете, эта точка зрения на предмет научного атеизма получила признание подавляющего большинства его участников.

Большое внимание, уделяемое учеными кафедры критике современной религиозной идеологии, непосредственно связано с очевидной эволюцией религиозных воззрений на природу, общество и человека, происходящей в наше время. Анализ особенностей современного религиозного модернизма, всестороннее критическое рассмотрение новых течений в теологии и религиозной философии, изучение особенностей приспособления религии к изменяющимся общественно-историческим условиям и сознанию верующих дают возможность правильно оценить состояние и тенденции изменения современной религиозной идеологии. В этой области исследований сотрудниками кафедры подготовлен ряд трудов. Общие методологические проблемы критики религиозной идеологии рассматриваются в монографии С. И. Никишова «Ленинская критика философских основ религии» (М., 1968). Критика католической философии

неотомизма дана в работе В. И. Гараджи «Неотомизм. Разум. Наука» (М., 1969). Анализу православной теологии посвящены книги М. П. Новикова «Православие и современность» (М., 1965) и «Тупики православного модернизма» (М., 1979). Состояние протестантской теологии и философии исследуется в монографии В. И. Добренькова «Современная протестантская американская теология» (М., 1979). Плодотворно работают в области критики религиозной идеологии С. М. Орлов, Н. Д. Куфакова, Н. К. Дмитриева.

Исследование методологических проблем социологии и психологии религии ведется в русле основополагающих принципов марксистско-ленинского понимания религии как социального явления. Внимание обращается на специфику религиозности в современных условиях, на критику буржуазного религиоведения. Положительную оценку научной общественности получили исследования Ю. Ф. Борункова «Структура религиозного сознания» (М., 1971), И. Н. Яблокова «Методологические проблемы социологии религии» (М., 1972) и «Социология религии» (М., 1979), М. А. Поповой «Критика психологической апологии религии» (М., 1972), Д. М. Угриновича «Введение в теоретическое религиоведение» (М., 1973), сборник статей «Конкретно-социологическое изучение состояния религиозности и опыта атеистического воспитания» (М., 1969). Кафедра постоянно проводит конкретные социологические и социально-психологические исследования.

Сущность атеизма и проблемы формирования научно-атеистического мировоззрения исследуются по двум основным направлениям: в плане раскрытия мировоззренческого содержания атеизма и анализа принципов и закономерностей процесса атеистического воспитания. За последние пятнадцать лет произошла заметная переориентация проблематики исследований в области истории и теории атеизма. Если раньше внимание ученых сосредоточивалось в основном на анализе религиоведческих вопросов, то в настоящее время на первый план выдвигается мировоззренческое содержание атеизма. Определенный вклад в разработку этой проблемы внесли ученые нашей кафедры. Вышли в свет монографии С. Ф. Анисимова «Нравственный прогресс и религия» (М., 1965) и «Ценности реальные и мнимые» (М., 1970), И. Д. Панцхавы «Человек, его жизнь и бессмертие» (М., 1967), И. Г. Иванова «Роль естествознания в развитии атеистического миропонимания» (М., 1969), сборники статей «Проблема личности в религии и атеизме» (М., 1969) и «Современное естествознание и атеизм» (М., 1977).

Немалые усилия направлены на разработку теории атеистического воспитания. Сотрудники кафедры приняли участие в подготовке ряда выпусков «Вопросов научного атеизма», посвященных проблемам атеистического воспитания; совместно с учеными социалистических стран издан коллективный труд «Атеистическое воспитание студенческой молодежи» (М., 1977); проф. Д. М. Угринович опубликовал книгу «Обряды. За и против» (М., 1975). В ра-

ботах этого цикла раскрываются особенности атеистического сознания, влияния атеизма на все стороны общественной и частной жизни людей, естественнонаучное обоснование и нравственное содержание атеизма, закономерности развития атеизма, формы и методы атеистической пропаганды и т. д.

Разработке широкого круга проблем теории атеизма и религии, повышению эффективности критики религиозной идеологии способствует исследование истории атеизма. В этой области плодотворно работает доц. З. А. Тажуризина. Можно отметить такие ее работы, как «Закономерности развития атеизма» (М., 1977), «Актуальные вопросы истории атеизма» (М., 1979). Интересные работы по истории атеизма подготовлены и З. П. Трофимовой.

Ряд принципиальных вопросов методики преподавания научного атеизма исследуется в работах Н. А. Пашкова «История и теория атеизма» (М., 1972) и «Основы научного атеизма» (М., 1979). Изданы подготовленные кафедрой Материалы Всесоюзной конференции «Вопросы методики преподавания научного атеизма в высших учебных заведениях» (М., 1978). Из справочной литературы следует отметить «Настольную книгу атеиста», выдержавшую несколько изданий (в ее написании приняли участие почти все сотрудники кафедры), и «Карманный словарь атеиста» (М., 1978), авторский коллектив которого составили в основном ученые кафедры.

Следует отметить важность научных исследований в области теории и практики атеизма, выполненных аспирантами кафедры. Тематика этих исследований определяется основными направлениями научной работы кафедры и актуальными проблемами атеистического воспитания. В ряде диссертаций были подвергнуты критике различные направления религиозной идеологии и фальсификации марксистско-ленинского атеизма буржуазными идеологами и ревизионистами; раскрыта гуманистическая сущность научного атеизма и его роль в духовной жизни общества и развитии социалистической культуры, в утверждении активной жизненной позиции личности; рассмотрены актуальные вопросы формирования атеистического сознания и преодоления религиозных пережитков среди различных социальных слоев и возрастных групп населения нашей страны; характер и причины модернизации религии в условиях социалистического общества.

Кафедра уделяет постоянное внимание повышению эффективности и качества работы аспирантов. Кафедрой разработаны типовая программа кандидатского экзамена по специальности «научный атеизм» и критерии аттестации аспирантов; налажено периодическое издание сборников аспирантских работ, намечены мероприятия по интенсификации ведущихся аспирантами научных исследований и повышению философской культуры исследовательской работы.

Нельзя не отметить деятельность кафедры по координации научно-исследовательской и методической работы преподавателей научного атеизма вузов страны. В качестве членов оргкомитетов и докладчиков профессора, преподаватели и сотрудники кафедры принимают активное участие в подготовке и работе всесоюзных конференций и совещаний. В 1972 г. Минвузом СССР на базе МГУ был подготовлен и проведен первый Всесоюзный семинар преподавателей научного атеизма вузов. В 1974 г. на базе Львовского госуниверситета состоялась конференция «Атеистическое воспитание — составная часть коммунистического воспитания». Улучшению научных исследований, повышению уровня методической работы во многом содействовала проведенная на базе МГУ Всесоюзная конференция «Вопросы методики преподавания научного атеизма в вузах», в работе которой приняли участие ученые ряда социалистических стран (1976 г.). Важную роль в совершенствовании координации различных направлений атеистической работы в вузах сыграло проведенное Управлением преподавания общественных наук Минвуза СССР Всесоюзное совещание заведующих кафедрами научного атеизма высших учебных заведений (Москва, 1979).

Таковы основные направления учебно-воспитательной, научно-исследовательской и научно-методической деятельности кафедры истории и теории атеизма философского факультета МГУ.

Глава XV

КАФЕДРА ФИЛОСОФИИ ГУМАНИТАРНЫХ ФАКУЛЬТЕТОВ МГУ

Кафедра философии гуманитарных факультетов МГУ (первоначально она называлась кафедрой диалектического и исторического материализма) была образована, как и другие межфакультетские кафедры, осенью 1953 г. Ее создание было обусловлено прежде всего расширением общего объема преподавания марксистско-ленинской философии в университете. Возглавил кафедру проф. З. Я. Белецкий. В последующие годы кафедрой руководили доц. А. Я. Чугаев, профессора Д. М. Угринович, П. А. Рачков, А. М. Коршунов.

Первые годы своего существования кафедра представляла собой по сравнению с объемом ее работы — чтение лекций и ведение семинарских занятий на всех гуманитарных факультетах — небольшой коллектив в большинстве своем начинающих преподавателей. Так, в 1953 г. в ее составе не было ни одного доктора философских наук. Все силы и время коллектива кафедры были поглощены преподавательской работой, и здесь, несомненно, накапливался большой опыт. Что же касается научной работы, то в течение нескольких лет кафедра не выпустила ни одной монографии, если не считать I части учебника по историческому материализму. В отчете за 1955 г. было сказано: «Кафедра научно-исследователь-

ской работой не занималась». Однако с 1955 г. происходят значительные и быстрые сдвиги к лучшему. Прежде всего сложилось убеждение, что успех в преподавании марксистско-ленинской философии определяется размахом и качеством научно-исследовательской работы преподавателей. Преобразования именно в этом звене, как показала вся последующая история, оказали благотворное влияние на деятельность кафедры.

С 1963 по 1979 г. защитили докторские диссертации 13 доцентов кафедры: Б. Г. Сафронов «Ковалевский как социолог», С. С. Гольдентрихт «О природе эстетического творчества», О. В. Лармин «Художественный метод и эстетический идеал», Д. М. Угринович «О специфике религии и ее месте в общественном сознании», А. К. Уледов «Социализм и общественное мнение», М. Я. Ковальзон — за совокупность работ, М. А. Селезнев «Социальная революция», Л. П. Буева «Социальная среда и личность», В. И. Шишкина «Социально-политические взгляды Хосе Марти, идеолога кубинского национально-освободительного движения», А. П. Серцова «Социализм и развитие наций», П. А. Рачков «Роль науки в строительстве коммунизма», Г. Г. Водолазов «Марксистско-ленинская концепция всемирно-исторического процесса и теория социальной революции», Ю. Г. Кудрявцев «Проблема личности и общества в мировоззрении Ф. М. Достоевского».

В целях организации научной работы на кафедре уже в течение многих лет действуют проблемные группы. В настоящее время научная работа сосредоточена в трех группах: «Общественные отношения и общественное сознание» под руководством проф. П. А. Рачкова; «Актуальные проблемы теории социальной революции» под руководством проф. М. Я. Ковальзона; «Социальное познание и творчество» под руководством проф. С. С. Гольдентрихта. Каждая из групп готовит коллективную монографию, в которой продолжается разработка проблем, поставленных в ранее вышедших трудах кафедры. В проблемных группах обсуждаются диссертации аспирантов и преподавателей.

На методологическом семинаре и на заседаниях кафедры с докладами выступали многие видные ученые МГУ и других научных учреждений: академики В. С. Немчинов, А. М. Жуков, А. Н. Леонтьев, члены-корреспонденты АН СССР А. Г. Спиркин, И. Д. Ковальченко, Т. И. Ойзерман, профессора А. М. Сахаров, М. М. Розенталь, Ю. А. Замошкин, Г. М. Андреева, А. С. Богомолов, В. В. Соколов, А. Ф. Зотов, И. С. Нарский, В. С. Готт, Н. Х. Момджян, А. Г. Корсунский, Н. А. Цаголов, А. М. Ковалев, М. Г. Александров, М. А. Барг, В. И. Купцов и многие другие. Некоторые из них принимали участие в изданиях кафедры.

За истекшие годы результатом коллективного творчества ученых кафедры была серия сборников и монографий: «Вопросы коммунистического воспитания» (М., 1961), «Формы общественного сознания» (М., 1960), «Взаимоотношение форм общественного сознания» (М., 1964), «Теоретические вопросы социальной революции» (М., 1973), «Общественное сознание и общественная практика» (М., 1974), «Общественная психология и коммунистическое воспитание» (на немецком языке совместно с Берлинским университетом) (Берлин, 1978), «Очерки методологии познания общественных явлений» (М., 1970) и другие.

По тематике исследований сотрудников кафедры можно распределить по нескольким группам. Первая группа занята изучением соотношения коллектива и личности. Организатором ее была проф. Л. П. Буева, автор монографий «Социальная среда и сознание личности» (М., 1968) и «Человек: деятельность и общение» (М., 1978). Под ее руководством были написаны книги Е. Я. Яблоковой «Психология коллектива и личность» (М., 1977) и В. П. Ратникова «Коллектив как социальная общность» (М., 1978). В группе подготовлено большое число аспирантов. Одно время по числу аспирантов группа Л. П. Буевой была самой значительной, да и за пределами кафедры она вскоре приобрела широкую известность. По характеру исследований она была тесно связана прежде всего с психологическим факультетом МГУ и Институтом психологии АН СССР и Академии педагогических наук.

Вторая группа исследует проблемы эстетики. Ядро ее составили проф. С. С. Гольдентрихт, выпустивший двумя изданиями книгу «О природе эстетического творчества», и проф. О. В. Лармин, опубликовавший монографии «Художественный метод и стиль» (М., 1964), «Модернизм против человека и человечества» (М., 1965), «Эстетический идеал и современность» (М., 1965). Доцент Ю. Д. Воробей издал две работы: «Созидательная сила искусства» (М., 1980) и «Диалектика отражения и творческое восприятие» (М., 1980). Суть идей, которые развивают С. С. Гольдентрихт и его ученики, кратко можно сформулировать как обоснование трудовых основ красоты и эстетического вообще и его связи с общественно-исторической практикой.

Третья группа изучает формы общественного сознания и их взаимоотношения. Основоположниками этого направления исследований кафедры были проф. А. К. Уледов, опубликовавший монографии «Общественное мнение в социалистическом обществе» (М., 1963) и «Структура общественного сознания» (М., 1968); проф. Д. М. Угринович, автор монографии «Специфика религии» (М., 1961); проф. П. А. Рачков, написавший ряд книг о науке как форме общественного сознания: «Раскованный Прометей. Наука как практическое богатство социалистического общества» (М., 1979), «Науковедение» (М., 1971), «Роль науки в строительстве коммунизма» (М., 1969), «Наука и общественный прогресс» (М., 1963). В этой же области работают Э. Х. Степанян и П. В. Пичугин. Много лет трудится над проблемами этики проф. Г. Г. Андреев. В целом эта группа исследует специфику форм общественного сознания, характер их взаимоотношений, их особенности.

Четвертая группа изучает проблемы социальной революции. Доц. Г. Г. Водолазов опубликовал монографию «Диалектика и ре-

волюция» (М., 1975), проф. М. А. Селезнев издал обширное исследование «Социальная революция» (М., 1971), проф. А. П. Серцова выпустила в свет труд «Социализм и развитие наций» (М., 1973), проф. М. Я. Ковальзон, руководитель проблемной группы по теоретическим вопросам социальной революции, под редакцией которого вышел сборник с таким же заглавием, неоднократно переиздавал «Очерк марксистской теории общества» (в соавторстве с В. Ж. Келле), переведенный на ряд основных языков мира. Группа изучает и общетеоретические вопросы социальной революции: особенности социалистической революции в современных условиях, связь ее с всемирно-историческим процессом, конкретизирует марксистско-ленинское учение об общественно-экономической формации в связи с современным состоянием исторической науки и т. п.

Пятая группа сотрудников кафедры занята вопросами теории отражения и специфики познания социальных процессов. Здесь прежде всего следует отметить книги заведующего кафедрой проф. А. М. Коршунова «Теория отражения и творчество» (М., 1971), «Теория отражения и эвристическая роль знаков» (в соавторстве) (М., 1974), «Теория отражения и активность субъекта» (М., 1978), «Отражение, деятельность, познание» (М., 1979), «Познание и деятельность» (М., 1967), «Теория познания и современная наука» (М., 1967); монографию Л. С. Коршуновой «Воображение и его роль в познании» (М., 1979). В этой области работают также Г. Г. Кириленко и доц. И. А. Желенина.

Шестая группа исследует историю социологической и исторической мысли. Проф. Б. Г. Сафронов издал две монографии: «М. М. Ковалевский как социолог» (М., 1960) и «Историческое мировоззрение Р. Ю. Виппера и его время» (М., 1976). Результатом исследований в этой области были монографии проф. В. И. Шишкиной «Социально-политические взгляды Хосе Марти» (М., 1969), доц. Л. А. Журавлева «Позитивизм и проблема исторических законов» (М., 1980), две монографии доктора философских наук Ю. Г. Кудрявцева «Бунт или религия» (М., 1969) и «Три круга Ф. М. Достоевского» (М., 1979). Доц. В. Н. Бурлак издала исследование «Отражение идей марксизма в русской прогрессивной общественной мысли 1840—1860 гг.» (М., 1980), доц. И. В. Костикова продолжает изучение творчества Томаса Карлейля, А. В. Соколов — современного неофрейдизма, Э. Н. Цигипов — философии Ф. М. Достоевского. По тематике близки к этой группе исследования проф. Г. Л. Епископосова и Г. Г. Васильева.

Важным направлением научно-исследовательской работы кафедры является изучение современной научно-технической революции и ее социальных последствий. Здесь прежде всего необходимо отметить работы Г. Л. Епископосова «Технический прогресс и проблема сохранения мира» (М., 1960), «Техника и социология» (М., 1967) и другие.

Учеными кафедры изучаются и проблемы диалектического материализма. Так, доц. В. П. Калацкий опубликовал первую часть

курса лекций по диалектическому материализму и готовит к изданию следующие части.

Еще одна группа ученых кафедры изучает пролетарский интернационализм и национальные отношения в современных условиях. Это проф. А. П. Серцова, М. И. Иванова, В. Л. Калашников, В. А. Маслихин.

За большие успехи в научной и педагогической деятельности кафедра получила наименование «образцовой». Все ее профессора, как правило, являются членами нескольких специализированных Ученых советов.

На протяжении всех лет своего существования кафедра поддерживала научные связи с учеными социалистических стран. Некоторые труды ее членов изданы на болгарском, немецком, чешском языках. Так, книга А. К. Уледова «Общественное мнение в социалистическом обществе» издана в ГДР, книга Д. М. Угриновича «Специфика религии» — в Чехословакии и ГДР; издан сборник статей «Общественная психология и коммунистическое воспитание», подготовленный совместно с учеными Берлинского университета. В Чехословакии опубликованы коллективные труды кафедры «Вопросы коммунистического воспитания» и «Формы общественного сознания». Некоторые работы А. М. Коршунова, М. Я. Ковальзона, Э. Х. Степаняна изданы в Болгарии, А. П. Серцовой — в Чехословакии, В. И. Шишкиной — на Кубе, монография Ю. Г. Кудрявцева «Бунт или религия» переведена на японский язык.

В течение многих лет ученые кафедры сотрудничают с коллегами из социалистических стран. На Кубе работала В. И. Шишкина, в ГДР неоднократно бывали Д. М. Угринович, П. А. Рачков, Л. П. Буева. В Венгрии несколько лет преподавали Б. Г. Сафронов и Э. Х. Степанян, в Польше долгое время вели педагогическую работу П. А. Рачков и В. П. Ратников, во Вьетнаме преподавал П. А. Рачков, в ЧССР с лекциями и докладами выступала А. П. Серцова. Ряд сотрудников кафедры работал в НРБ, в США проходил стажировку аспирант А. В. Соколов. В свою очередь, на кафедре стажировались и писали диссертации граждане ГДР, НРБ, ЧССР.

Однако основная сфера деятельности членов кафедры — педагогическая работа. Профессора и преподаватели кафедры читают лекции и спецкурсы, проводят семинарские занятия на историческом, экономическом, филологическом, психологическом факультетах, на факультете журналистики и в Институте стран Азии и Африки при МГУ.

Помимо научной и педагогической работы кафедра осуществляет многогранную общественную деятельность. Ее члены выступают с лекциями по путевкам общества «Знание», ЦК и МГК КПСС, парткома МГУ. А. М. Коршунов и В. И. Шишкина входят в руководство общества «Знание»; А. М. Коршунов — член редколлегии журнала «Философские науки», А. Я. Чугаев, Д. М. Угринович и Г. Г. Водолазов — были членами редколлегии журнала

«Вестник Московского университета». А. М. Коршунов и Б. Г. Сафронов принимают участие в руководстве Философского общества. Сотрудники кафедры работают в партийных органах университета, в методсоветах МГУ и райкома КПСС.

Глава XVI

КАФЕДРА ФИЛОСОФИИ ЕСТЕСТВЕННЫХ ФАКУЛЬТЕТОВ МГУ

В 1978 г. кафедра философии естественных факультетов МГУ отметила свое 25-летие. Сегодня это большой коллектив профессоров, преподавателей и научных сотрудников численностью более 35 человек. Под руководством профессоров В. И. Купцова (зав. кафедрой), Л. В. Воробьева, С. Т. Гурьянова, М. В. Желнова, П. Е. Сивоконя, Г. Л. Фурманова, Э. В. Гирусова и доцентов на кафедре постоянно обучается более 40 аспирантов. Кафедра обеспечивает преподавание диалектического и исторического материализма студентам и аспирантам всех естественных факультетов МГУ: физического, химического, механико-математического, биологического, почвенного, геологического, географического и факультета вычислительной математики и кибернетики. Кафедра активно участвует в воспитательной работе с учащейся молодежью, среди которой много студентов и аспирантов из зарубежных стран. Ученые кафедры проводят обширные научные исследования в различных областях философской науки, включая методику преподавания марксистско-ленинской философии, однако основное направление их исследований — закономерности развития науки и философские вопросы естествознания.

Появление в структуре Московского университета кафедры философии естественных факультетов было обусловлено значительным увеличением контингента учащихся. Необходимо было повысить уровень подготовки студентов, внедрить дифференцированный подход в преподавании философии с учетом профилирующей на факультете отрасли естествознания. Руководствуясь решением Министерства высшего и среднего специального образования СССР об изменении структуры Московского университета, Ученый совет естественных факультетов сформулировал основные задачи кафедры, которые и по сей день определяют ее специфику: в учебном процессе — приблизить преподавание марксистско-ленинской философии к профилю соответствующего факультета, в научной области — разрабатывать наиболее актуальные философские проблемы современного естествознания. Ясно, что успешное решение этих задач немыслимо без тесного творческого контакта ученых-философов кафедры с учеными естественных факультетов.

Первым заведующим кафедрой философии естественных факультетов был доктор физико-математических наук, проф. Х. М. Фаталиев (1915—1959), широкоизвестный своими работами по философии естествознания. В его первой книге «Естественные науки в жизни общества» (М., 1956) был дан глубокий марксистский анализ места и роли естествознания в общественном развитии и показано значение естественных наук в построении социализма и коммунизма в нашей стране. В 1958 г. Х. М. Фаталиев опубликовал книгу «Диалектический материализм и вопросы естествознания», в которой были обобщены достижения современной физики и показана враждебность позитивизма передовой науке. Эти две книги были отмечены Ломоносовской премией МГУ. Свою следующую работу «Естественные науки и материально-производственная база общества» Х. М. Фаталиеву не суждено было увидеть — она вышла в 1960 г. после его безвременной трагической гибели. При активном участии Х. М. Фаталиева и проф. Г. В. Платонова кафедра подготовила и выпустила в свет большой коллективный труд в 3-х томах «Философские вопросы естествознания» (М., 1958—1960). В его подготовке участвовали как философы, так и естествоиспытатели, среди которых были такие крупные ученые, как члены-корреспонденты АН СССР Я. И. Герасимов, Г. В. Никольский, В. Е. Хаин, профессора И. О. Брод, Г. П. Горшков, К. А. Рыбников, А. А. Соколов, М. И. Шахпаронов и другие. Совместный труд философов кафедры и природоведов Московского университета получил высокую оценку научной общественности.

С 1960 по 1965 г. кафедрой руководил проф. Г. В. Платонов. Следует отметить такие его работы, как «Мировоззрение Тимирязева» (М., 1952), удостоенная Государственной премии СССР; «Дарвинизм и религия» (М., 1956); «Всеобщая связь и развитие в природе и обществе» (М., 1957); «Дарвин, дарвинизм и философия» (М., 1959), удостоенная Ломоносовской премии МГУ; «Коммунизм и наука» (М., 1962). В этот период кафедра подготовила совместно с учеными МГУ коллективные монографии «Естествознание и строительство коммунизма» (М., 1965), «Очерк диалектики живой природы» (М., 1963), «Диалектический материализм и вопросы естествознания» (М., 1964), «Проблема развития в современном естествознании» (М., 1968).

С 1966 по 1974 г. кафедру возглавлял проф. С. Т. Мелюхин, который известен своими монографиями «О диалектике развития неорганической природы» (М., 1960) и «Материя в ее единстве, бесконечности и развитии» (М., 1966), брошюрами и статьями, посвященными философским вопросам физики и отдельным проблемам диалектического материализма. Под руководством С. Т. Мелюхина кафедра подготовила коллективную монографию «Философские основания естествознания» (М., 1977).

С 1975 г. кафедру возглавляет проф. В. И. Купцов, автор книг «Детерминизм и вероятность» (М., 1976), «Философия и наука» (М., 1973).

В разное время на кафедре работали известные советские фило-

софы Б. В. Бирюков, В. В. Бродов, С. Т. Калтахчян, Р. С. Карпинская, В. Ж. Келле, М. Я. Ковальзон, В. С. Лямин, Л. В. Николаева, Ю. А. Петров, П. С. Шкуринов и другие. Они внесли заметный вклад в воспитание молодых ученых естественных факультетов МГУ и обогатили научный арсенал кафедры многочисленными публикациями по актуальным проблемам марксистско-ленинской философии. Проф. В. В. Бродов подготовил труды «Древнеиндийская философия» (М., 1963) и «Индийская философия Нового времени» (М., 1967), представляющие собой большой научный и познавательный интерес. Проф. Л. В. Николаева опубликовала работы «Свобода — необходимый продукт исторического развития» (М., 1964), «Типы социального прогресса» (М., 1967), «Объективные и субъективные факторы социального прогресса и свободы» (М., 1974). Профессора Р. С. Карпинская и Ю. А. Петров также начали свой путь в науку на кафедре философии естественных факультетов МГУ.

По мере роста квалификации постоянного преподавательского ядра кафедры складывались определенные направления исследований, объединявшие аспирантов и молодых преподавателей кафедры. Так, проф. Г. Л. Фурманов опубликовал монографии «Развитие исторического материализма на опыте Октябрьской социалистической революции и первых лет строительства социализма в СССР» (М., 1962), «В. И. Ленин о высшем типе государства» (М., 1967), «Исторический материализм как общесоциологическая теория. Ленинское философско-социологическое наследие и современность» (М., 1979) и в настоящее время работает над книгой «Культура и цивилизация в свете материалистической теории социально-исторического процесса», которая вместе с его публикациями по проблеме НТР является частью исследования комплексной проблемы «Наука и культура», разрабатываемой на кафедре.

Проф. Л. В. Воробьев известен своими монографиями: «Христо Ботев» (М., 1953), «Философские и социологические воззрения Любена Каравелова» (М., 1962), «Любен Каравелов. Мировоззрение и творчество» (М., 1963). В 1980 г. увидело свет дополненное новыми материалами исследование Л. В. Воробьева о Любене Каравелове. Л. В. Воробьев исследует также различные аспекты взаимодействия науки и искусства в рамках комплексной проблемы «Наука и культура».

Проф. П. Е. Сивоконь опубликовал монографии «О происхождении и философском значении естественнонаучного эксперимента» (М., 1962) и «Методологические проблемы естественнонаучного эксперимента» (М., 1968), брошюру «Социальный эксперимент и его методологические основы», написанную в соавторстве (М., 1970) и совместно с В. М. Леонтьевым книгу «Роль естествознания в развитии общественных наук» (М., 1976). Результатом исследований в этом направлении явилась коллективная монография «Человек — наука — культура», в создании которой участвовали сотрудники кафедры всех поколений и ее аспиранты.

Проф. М. В. Желнов опубликовал монографию «Критика гносеологии современного неотомизма» (М., 1971); готовится к публикации его новая большая книга «Предмет философии в истории философии. Домарксистский этап», в которой прослеживается эволюция предмета философии в зависимости от широкого круга факторов, включая экономику, идеологию, науку и культуру.

Проф. С. Т. Гурьянов известен своей фундаментальной монографией «Социальные методы управления производством» (Саранск, 1972), а также серией монографий, опубликованных в 1979 г. в Издательстве Московского университета: «Социальные проблемы трудового коллектива» (в соавторстве с А. С. Арестовой), «Социальное управление рабочим коллективом» (в соавторстве с А. А. Зворыкиным), «Социальное регулирование трудовой деятельности на социалистическом промышленном предприятии» (в соавторстве с Л. Н. Горбуновой). В этих книгах и в коллективной монографии «Социалистический производственный коллектив. Опыт планирования, проблемы, перспективы» (М., 1979) отражены результаты работы руководимой С. Т. Гурьяновым социологической хоздоговорной группы, исследующей тему «Внедрение социального планирования на промышленных предприятиях». Результаты исследований имеют большое значение не только для предприятий-заказчиков, но и широко используются в учебном процессе, на лекциях и семинарах. Изучение этих вопросов имеет прямое отношение к борьбе за превращение Москвы в образцовый коммунистический город. Результаты работы социологической группы кафедры получили высокую оценку Мытищинского РК КПСС и Московского обкома партии.

Несмотря на многогранность научно-исследовательской деятельности кафедры, традиционным направлением научных изысканий кафедры было и остается изучение философских вопросов естествознания и математики. Помимо упоминавшихся коллективных исследований с участием ученых естественных факультетов МГУ, здесь необходимо отметить наиболее значительные монографии: Киселева Н. А. Математика и действительность. М., 1966; Беляев Е. А., Киселева Н. А., Перминов В. Я. Некоторые особенности математического знания. М., 1975; Митрофанов А. С. Кибернетика и художественное творчество (философские проблемы кибернетического моделирования). М., 1980; Куроедов А. И. Борьба выдающихся ученых Московского университета за материализм в биологии. М., 1966; Гирусов Э. В. Система «общество — природа». Проблемы социальной экологии. М., 1976; Каганова З. В. Проблемы философских оснований биологии. М., 1979; Щекина Л. И. Понятия «движение» и «развитие» и их роль в изучении физических процессов. М., 1970; Купцов В. И. Детерминизм и вероятность. М., 1976; Познер А. Р. Истины и парадоксы. Очерк логико-философских проблем физики микромира. М., 1977 (в 1979 г. эта книга была издана в ВНР); Перминов В. Я. Проблема причинности в философии и естествознании. М., 1979; Казарян В. П. Поня-

тие времени в структуре научного знания. М., 1980. Куражковская Е. А. Диалектическая концепция развития в геологии. М., 1970; Куражковская Е. А., Фурманов Г. Л. Философские проблемы геологии. М., 1975; Лямин В. С. География и общество. М., 1978. Философские вопросы географии исследовались также доц. Д. И. Кошелевским и доц. Л. Н. Самойловым.

Общим проблемам взаимоотношения философии и естествознания посвящена книга проф. В. И. Купцова (в соавторстве) «Философия и наука» (М., 1973). В 1975 г. она опубликована в ПНР, а в 1979 г. издательство «Прогресс» издало ее на французском языке. Две монографии опубликовала по этой тематике доц. И. Л. Юрова: «Об отношении марксистско-ленинской философии к естествознанию» (М., 1970) и «Материалистическое понимание истории и естествознание» (М., 1978). Итоги исследовательской работы кафедры в области философских вопросов естествознания отражены также в коллективной монографии «Философские основания естествознания» (М., 1977), изданной в 1979 г. и в ЧССР.

С первых же лет работы кафедры большое внимание уделялось обобщению педагогического опыта. Преподаватели кафедры подготовили методические указания студенту-заочнику по диалектическому и историческому материализму; затем последовала книга Л. В. Воробьева, В. М. Кагановой и А. Е. Фурмана «Законы и категории материалистической диалектики» (М., 1963). Курс лекций по историческому материализму, выдержавший два издания, подготовили В. Ж. Келле и М. Я. Ковальзон. Учебное пособие «Исторический материализм. Курс лекций» (М., 1970) подготовил А. Е. Фурман, а в 1973 г. выпущено методическое пособие «Исторический материализм», подготовленное авторским коллективом кафедры под редакцией проф. Г. Л. Фурманова. В этом же ряду стоит и работа Г. Л. Фурманова «Как изучать философские произведения классиков марксизма» (М., 1975). Опыт применения наглядных пособий и технических средств обучения отражен в монографии П. Е. Сивоконя, Л. Н. Самойлова, В. С. Лямина и Э. Г. Гирусова «Графические средства в курсе марксистско-ленинской философии» (М., 1978). Кафедра постоянно совершенствует планы семинарских занятий для студентов и аспирантов, повышает теоретический и методический уровень чтения лекций и проведения семинарских занятий. Разработана тематика исследовательских рефератов для аспирантов естественных факультетов, согласованная с основными направлениями научной работы кафедры.

Обучая ежегодно более 5 тыс. студентов и около 800 аспирантов и соискателей, кафедра участвует также в чтении лекций для слушателей ФПК. Для них читаются спецкурсы по философии науки и философским проблемам естествознания, а также по актуальным философским проблемам современности. В последние годы кафедра широко практикует чтение спецкурсов на естественных факультетах и ведет студенческие философские кружки.

Уже несколько лет кафедра читает цикл лекций по философ-

ским проблемам естествознания в Московском городском институте повышения квалификации учителей. Для Университета марксизма-ленинизма при МГК КПСС и для его филиала при парткоме МГУ ежегодно издается программа курса «Марксистско-ленинская философия как общая методология современной науки. Философские и социологические проблемы естествознания». Преподаватели кафедры участвуют в чтении этого курса на отделении профессорско-преподавательского состава Университета марксизма-ленинизма. Преподаватели кафедры заняты и в других филиалах УМЛ при МГК КПСС, в частности в филиале для работников науки и просвещения при Доме ученых АН СССР.

Большую роль в жизни кафедры играет методологический семинар, ориентированный на изучение новейших партийных документов и наиболее крупных философских проблем современности, критику современной буржуазной идеологии, анализ актуальных проблем логики и методологии научного познания. На заседаниях методологического семинара с научными докладами выступают известные ученые Москвы. В рамках методологического семинара два раза в год проводятся кафедральные симпозиумы по теоретическим проблемам, разрабатываемым по плану научной работы проблемными группами. На кафедре активно работают проблемные группы «Закономерности развития науки» и «Общество и природа: методологические проблемы». Практикуются и «выездные» заседания методологического семинара, проходящие на естественных факультетах университета.

Кафедра традиционно принимает участие в организации всесоюзных конференций и симпозиумов по философским проблемам естествознания, выступила инициатором созыва I Всесоюзной конференции «Общество и природа». Она активно сотрудничает с учеными философского факультета МГУ, многие профессора и преподаватели кафедры являются членами специализированных Ученых советов философского факультета. Тесные связи кафедра поддерживает с Институтом философии АН СССР, Институтом истории естествознания и техники АН СССР, Институтом социологических исследований АН СССР и другими научными учреждениями, центральными издательствами, обществом «Знание».

Прочны и перспективны международные научно-педагогические связи кафедры. Преподаватели кафедры вели учебно-воспитательную работу в университетах и вузах ВНР, ГДР, ПНР, Эфиопии, Мали, принимали участие в международных конгрессах и конференциях. В последние годы на кафедре развернуто сотрудничество с кафедрой философии факультета естественных наук Будапештского университета им. Л. Этвеша: готовится коллективная монография «Философские проблемы взаимодействия наук при изучении природы». С учеными кафедры философии Варшавского университета готовится коллективный труд «Закономерности развития естествознания».

К 225-летнему юбилею Московского университета кафедра при-

шла с хорошими показателями по всем основным видам деятельности.

Дальнейшие научные исследования предполагается вести в области методологии науки и диалектики развития научного знания. Это общее направление будет обеспечиваться разработкой следующих комплексных философских проблем: «Методология и закономерности развития науки», «Философские вопросы естествознания и математики», «Наука и культура: философские аспекты», «Взаимодействие общества и природы: методологические проблемы» и «Методологические проблемы социального планирования, прогнозирования и управления».

Глава XVII

КАФЕДРА ФИЛОСОФИИ ИНСТИТУТА ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ

Наряду с философскими кафедрами, ведущими занятия со студентами и аспирантами, в составе МГУ работает специальная кафедра, в задачу которой входит повышение теоретического и методического мастерства преподавателей философии вузов Советского Союза и ряда социалистических стран. Речь идет о кафедре философии Института повышения квалификации преподавателей общественных наук, созданного в 1949 г. Первые 6 лет в институте проводилась подготовка преподавателей-кандидатов наук в течение одного учебного года. Большую роль в организации этой работы сыграл заведовавший в то время кафедрой видный советский ученый проф. А. П. Гагарин. Он многое сделал, чтобы помочь начинающим преподавателям философии (в большинстве случаев это были солдаты и офицеры с высшим образованием, демобилизовавшиеся из Советской Армии после окончания Великой Отечественной войны) выбрать тему научно-исследовательской работы, написать и защитить кандидатскую диссертацию. Многие из них позднее стали видными учеными и педагогами. Среди них — профессора А. К. Курылев, М. А. Логвин (Киев), П. М. Рогачев (Волгоград), Б. П. Шубняков (Ярославль) и другие.

Начиная с 1956 г. работа ИПК в соответствии с распоряжением Совета Министров СССР и приказом министра высшего образования подверглась существенной перестройке. Перед всем институтом, в том числе и перед кафедрой философии, была поставлена задача повышения не только теоретического, но и методического уровня подготовки преподавателей марксизма-ленинизма. Перед институтом были поставлены задачи обобщения и распространения передового опыта преподавания общественных наук в высшей школе, внедрения технических средств обучения, разработки методов организации самостоятельной работы студентов, совершенствования форм идейно-воспитательной работы, укрепления связи

преподавания общественных наук с практикой коммунистического строительства. В ИПК увеличилось количество слушателей, а срок пребывания в нем сокращен вдвое. В результате его пропускная способность существенно возросла. В 1956—1979 гг. только на кафедре философии повысили свою квалификацию более 3300 преподавателей вузов. За истекшие годы продолжал изменяться как количественный, так и качественный состав слушателей: в 1959 г. в числе слушателей не было ни одного доктора наук, а в 1979 г. среди 115—130 человек одного набора было 12—15 докторов наук и профессоров, 30—37 заведующих кафедрами, а преподавателей без ученой степени менее 20%. Объясняется это двумя обстоятельствами: общим ростом квалификации преподавателей философии советской высшей школы и появлением в стране новых ИПК в Ленинграде, Минске, Алма-Ате, Ташкенте, Ростове, Свердловске и Новосибирске. ИПК при МГУ стал головным, в нем повышают квалификацию преимущественно заведующие кафедрами, профессора и доценты, завершающие подготовку докторских диссертаций, а также преподаватели из социалистических стран.

Каждый слушатель пишет теоретический и методический рефераты, которые обсуждаются в семинарских группах под руководством опытных профессоров и доцентов. Теоретические рефераты посвящаются актуальным проблемам философской науки, а в методических рефератах обобщается передовой педагогический опыт, обосновываются новые формы и средства преподавания философии. Лучшие из них публикуются в подготовляемых кафедрой научно-методических пособиях. Подведение итогов работы семинаров в каждом наборе проводится на теоретических и методических конференциях, на которых с докладами выступают не только слушатели, но и члены кафедры, а также видные ученые из АН СССР и московских вузов. Многие научно-теоретические конференции проводятся совместно с отделением Философского общества СССР в Московском государственном университете.

С 1959 по 1972 г. кафедрой заведовал проф. Г. М. Штракс, много сделавший для становления работы не только своей кафедры, но и всего ИПК. С 1973 г. кафедру возглавляет проф. Г. В. Платонов, а с 1981 г. проф. В. С. Барулин.

В связи с увеличением количества слушателей ИПК расширился и состав преподавателей. Ныне в штат кафедры входят профессора С. А. Петрушевский, В. А. Малинин, В. С. Барулин, Л. В. Николаева, доценты В. Н. Демин, Н. В. Хорев, Б. И. Востоков, Ю. Е. Петров, кандидат философских наук С. В. Зенин. Кроме того, на кафедре работают по совместительству ряд профессоров университета: С. Т. Мелюхин, М. П. Новиков, А. А. Старченко, В. И. Купцов, а также профессора других вузов Москвы и сотрудники академических институтов.

Преподавательский коллектив кафедры составлен таким образом, чтобы обеспечить слушателей квалифицированными лекциями и семинарскими занятиями по всем областям марксистско-ле-

нинской философии. Отдельные проблемы освещаются в разовых лекциях и спецкурсах известных советских философов: академиков М. Б. Митина, Б. М. Кедрова, членов-корреспондентов АН СССР М. Т. Иовчука, Т. И. Ойзермана, М. Н. Руткевича, А. Г. Спиркина, профессоров А. С. Богомолова, А. Д. Косичева, Н. С. Мансурова, Н. С. Нарского, А. Ф. Окулова, Б. С. Украинцева, Э. М. Чудинова и других. Перед слушателями неоднократно выступали видные советские естествоиспытатели — академики П. К. Анохин и Н. П. Дубинин, члены-корреспонденты АН СССР Э. А. Асратян, И. В. Березин, В. Л. Рыжков, профессора В. Е. Рожнов, Ю. Б. Кудряшов, П. В. Симонов, К. В. Судаков и другие. С отдельными лекциями выступают и наиболее опытные слушатели. Среди них можно назвать профессоров М. М. Абрашнева (Горький), М. Н. Алексеева, В. В. Бродова, Л. Г. Джакая (Сухуми), Н. М. Дмитренко (Брянск), В. В. Орлова (Пермь), Г. А. Подкорытова (Ленинград), Е. Я. Режабека (Ростов-на-Дону), Ф. А. Селиванова (Тюмень), И. В. Суханова (Горький), В. И. Чернова (Мытищи).

Слушателям читаются обязательные и факультативные спецкурсы по актуальным проблемам марксистско-ленинской философии и методике их преподавания. Тематика их постоянно обновляется в связи с развитием народного хозяйства и культуры, с внутренней и внешней политикой КПСС и Советского государства. Так, в конце 70-х годов слушателям читались следующие обязательные спецкурсы: «Предмет, структура и функции марксистско-ленинской философии», «Философско-социологические проблемы Конституции СССР», «Философско-социологические аспекты партийных документов», «Критика современной буржуазной философии», «Критика современной буржуазной социологии», «Методика преподавания философии в высшей школе». В чтении последнего спецкурса принимают участие все постоянные сотрудники кафедры. В нем кафедра стремится обобщить и распространить положительный опыт преподавания философии в вузах нашей страны.

Для каждого набора слушателей читается 20—25 спецкурсов. Чтение спецкурса завершается проведением спецсеминара, на котором слушатели обмениваются мнениями по обсуждавшимся проблемам.

Слушатели ИПК изучают технические средства обучения и методы их использования в преподавании философии. Для них организуется активная и ознакомительная педагогическая практика на кафедрах философии в МГУ, МВТУ им. Н. Э. Баумана, МЭИ, в 1-м и 2-м московских медицинских институтах, Пединституте им. В. И. Ленина, Институте народного хозяйства им. Г. В. Плеханова и других московских вузах.

В каждом наборе слушателей работает семинар заведующих кафедрами, на котором обсуждаются актуальные вопросы организации учебно-воспитательной, методической и научной деятельности философских кафедр.

Видное место в работе кафедры философии ИПК занимает научная работа, прежде всего подготовка научно-методических пособий. В 60-е годы были подготовлены труды «Вопросы методики преподавания марксистско-ленинской философии в вузах». Вып. I (1963) и вып. II (1967); «Методика преподавания марксистско-ленинской философии в заочных и вечерних вузах» (М., 1967); «Основные направления работы кафедр философии» (М., 1969).

В 1969 г. по поручению Минвуза СССР ИПК при МГУ организовал Межвузовскую научно-методическую конференцию по общественным наукам, а кафедра философии возглавила философскую секцию этой конференции. В процессе подготовки к конференции кафедра опубликовала сборник «Доклады и тезисы выступлений на межвузовской научно-методической конференции по общественным наукам (секция марксистско-ленинской философии)» (М., 1969). Подготовка и проведение конференции показали необходимость перехода от издания эпизодических сборников по отдельным вопросам методики преподавания к изданию хорошо продуманной целостной серии книг, имеющей целью создание и разработку методики преподавания философии как комплексной научной дисциплины. Первой из этой серии была книга «Основы методики преподавания философии» под редакцией Г. В. Платонова и Г. М. Штракса (М., 1971). В дальнейшем было издано еще девять книг этой серии: «Философия и вопросы коммунистического воспитания» под ред. Г. З. Апресяна (М., 1973); «Преподавание марксистско-ленинской философии как фактор коммунистического воспитания» под ред. Г. М. Штракса и Г. В. Платонова (М., 1974); «Преподавание философии и профиль вуза» под ред. С. А. Петрушевского, Г. В. Платонова и В. Н. Демина (М., 1976); «Наглядные средства в преподавании философии» под ред. Г. М. Штракса, С. А. Петрушевского, Т. Н. Ажгибковой, А. М. Коршунова и Л. В. Николаевой (М., 1976); «Методика лекционного курса по философии» под ред. Г. М. Штракса (М., 1978); «Основы методики преподавания философии аспирантам» под ред. Г. В. Платонова, И. Д. Андреева и А. А. Бутакова (М., 1978) и другие. Все эти пособия представляют собой обобщение передового опыта преподавания философии в вузах СССР и некоторых социалистических стран. В их подготовке приняли участие 277 авторов — преподавателей и бывших слушателей кафедры философии ИПК, проявивших склонность к научно-методическим исследованиям. Все книги методической серии получили положительную оценку в нашей печати, некоторые из них переведены в ГДР и ЧССР.

Названные книги составили лишь первую половину задуманной методической серии. Кроме них кафедрой подготовлены еще 7 работ: «Методика критики буржуазной философии в курсе диалектического и исторического материализма» под ред. Г. К. Ашина и В. Н. Демина: «Методика преподавания этики» под ред. С. Ф. Анисимова; «Методика преподавания эстетики» под ред. Г. З. Апресяна; «Методика преподавания научного атеизма» под ред. М. П. Новикова и Т. Г. Григорьяна; «Художественная литера-

тура и кино в преподавании философии» под ред. Г. З. Апресяна. В настоящее время кафедра работает над очередными книгами серии: «Практикум по диалектическому материализму» и «Практикум по историческому материализму» (обе под ред. Г. М. Штракса и Н. В. Хорева), «Методика преподавания философии в вечерних и заочных вузах» под ред. Н. В. Хорева, «Методика использования партийных документов в преподавании философии» под ред. В. С. Барулина, В. А. Малинина и Л. В. Николаевой, «Проблемный метод в преподавании философии» под ред. Г. М. Штракса, Г. В. Платонова и В. И. Купцова. Кафедра философии принимает активное участие и в общеинститутских методических разработках: «Основы методики преподавания общественных наук в высшей школе» (М., 1971); «Методика преподавания общественных наук в высшей школе» (М., 1975); «Преподавание общественных наук: факторы повышения эффективности и качества» (М., 1979); «Проблема преемственности в преподавании общественных наук» (М., 1980).

Наряду с научно-методическими разработками члены кафедры ведут исследовательскую работу в различных областях философской науки. Особенно плодотворно трудился проф. Г. З. Апресян, автор книг по эстетике и ораторскому искусству: «Человеку быть художником» (М., 1965); «Красота и добро» (М., 1966); «Эстетическая мысль народов Закавказья» в 2-х т. (Ереван, 1973, 1977). Книга Г. З. Апресяна «Ораторское искусство» выдержала 3 издания (1969, 1972 и 1978 гг.). Основные работы проф. Г. В. Платонова посвящены вопросам истории и методологии естествознания: «Дарвин, дарвинизм и философия» (М., 1959); «Философские аспекты изучения живого на молекулярном уровне» (М., 1969); «Жизнь, наследственность, изменчивость (методологические аспекты)» (М., 1978). Исследования противоречий в природе и обществе опубликованы проф. Г. М. Штраксом: «Социальное единство и противоречия социалистического общества» (М., 1966); «Закон единства и борьбы противоположностей» (в соавторстве) (М., 1967); «Социальное противоречие» (М., 1977). Ряд монографий опубликовали С. А. Петрушевский, В. Н. Демин, Н. В. Хорев.

Члены кафедры подготовили и ряд коллективных исследований философских проблем: «Марксистско-ленинская философия как методология общественных и естественных наук» под ред. Г. В. Платонова и С. А. Петрушевского (М., 1972); «Марксистско-ленинская философия как система (предмет, структура, функции)» под ред. Г. В. Платонова, Г. М. Штракса и В. Н. Демина и другие.

В основе многих публикаций сотрудников кафедры лежат материалы спецкурсов, прочитанных слушателям, ибо их исследовательская деятельность тесно связана с учебной работой.

На кафедре работают представители разных поколений. Это позволяет сочетать энергию молодых с опытом умудренных жизнью ученых и педагогов в решении стоящих перед кафедрой учебно-методических и научно-исследовательских задач.

Глава XVIII

ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО МГУ

Философское общество Московского университета является самым крупным первичным подразделением Московского отделения Философского общества СССР. Работа по созданию Философского общества Московского университета развернулась в конце 1972 г. Было создано 20 специализированных групп при всех кафедрах философского факультета и отделения научного коммунизма, а также на кафедрах философии и научного коммунизма гуманитарных и естественных факультетов, в ИПК, Издательстве МГУ, в лаборатории коммунистического воспитания. За восьмилетний период существования в Философское общество МГУ принято свыше 1000 членов. В 1976 г. была организована молодежная секция, в которую входят студенты старших курсов философского факультета.

Председателем Философского общества МГУ с момента его основания является проф. И. Я. Щипанов. Активное участие в организации и деятельности Философского общества приняли профессора и преподаватели философского факультета и кафедр философии: М. Ф. Овсянников, Д. Ф. Козлов, А. Д. Косичев, В. В. Богатов, В. С. Молодцов, Г. С. Васецкий, П. Т. Белов, Г. В. Платонов, М. А. Селезнев, Б. Г. Сафронов, В. А. Малинин, М. В. Демин, В. М. Федоров, М. П. Новиков, Н. И. Бочкарев, Н. Д. Куфакова, М. А. Маслин и другие.

Философское общество МГУ, руководствуясь Уставом Философского общества СССР, содействует творческой деятельности ученых Московского университета в области философии, научного коммунизма, в разработке методологических вопросов естественных и общественных наук, в пропаганде достижений марксистско-ленинской философии, критике буржуазных и ревизионистских концепций. Деятельность группы Философского общества СССР в Московском университете была обсуждена на заседании Президиума Философского общества СССР в июне 1974 г. под председательством Президента Философского общества СССР акад. Ф. В. Константинова. В специальном решении Президиум ФО СССР одобрил организационную, научную и пропагандистскую деятельность группы Философского общества в Московском университете и отметил накопленный положительный опыт. В этом же решении группа Философского общества при МГУ была переименована в «Философское общество Московского государственного университета».

За время своего существования ФО МГУ организовало и провело более 20 научно-теоретических конференций. Первая научная конференция, проведенная в декабре 1973 г., была посвящена 125-летию выхода в свет «Манифеста Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса. С докладами, в которых раскрывалось

непреходящее значение идей «Манифеста» и подвергались критике современные ревизионистские извращения научного коммунизма, выступили профессора Г. С. Васецкий, В. В. Богатов, П. Т. Белов, А. Д. Косичев.

Немаловажное научное и методологическое значение имела конференция, посвященная критике современных буржуазных и ревизионистских фальсификаций истории философии, проведенная Обществом в конце 1973 г. В докладах проф. И. Я. Щипанова, проф. Ш. Ф. Мамедова, доц. А. Т. Павлова, доц. Н. С. Козлова подчеркивалось, что борьба за правильное понимание и научную оценку философского наследия народов СССР является важным участком идеологической работы. На конференции были подвергнуты критике фальсификации ленинизма, отрицающие его интернациональное значение. На основе докладов и выступлений, сделанных на этой конференции, была опубликована коллективная монография «Критика современных буржуазных фальсификаций истории философии народов СССР» (М., 1974). Эта книга была первым печатным изданием ФО МГУ.

Во всех группах Общества совместно с кафедрами и философским факультетом широко обсуждались решения XXVI съезда КПСС, проводились конференции, чтения, коллективные выезды на предприятия Москвы с целью пропаганды решений съезда.

В 1973—1974 гг. совместно с ИПК при МГУ были проведены две научно-теоретические конференции на темы «Предмет марксистско-ленинской философии» и «Исторический материализм как наука». На первой из этих конференций с докладом выступил проф. С. Т. Мелюхин. Докладчик выступил, в частности, против понимания исторического материализма как распространения положений диалектического материализма на область социальных явлений. Такое распространение, подчеркнул С. Т. Мелюхин, действительно имеет место, вместе с тем оно не исчерпывает сути дела. Исторический материализм есть не только иллюстрация действия универсальных диалектических законов в социальной сфере, но представляет собой философскую науку об обществе, предметом которой является исследование общесоциологических законов (развития и структуры) различных типов социальных систем. На конференции было подвергнуто критике и встречающееся в литературе по диалектическому и историческому материализму противопоставление теории и метода, когда методом считается диалектика, а теорией — материализм. Диалектика также является теорией, а материалистическое учение, пронизанное диалектикой, имеет методологическую функцию. На конференции «Исторический материализм как наука» был заслушан доклад проф. Б. Г. Сафронова. На обеих конференциях выступило около 32 человек. Обсуждение поставленных проблем носило творческий характер. Были критически проанализированы различные точки зрения на предмет марксистско-ленинской философии и соотношение диалектического и исторического материализма.

Указанные проблемы обсуждались и на последующих научно-теоретических конференциях. Следует отметить, например, «Круглый стол» Философского общества МГУ и ИПК при МГУ, посвященный проблеме «Предмет, логика и структура исторического материализма» (1979), в котором принял участие Президент Философского общества СССР акад. Ф. В. Константинов. Были заслушаны доклады проф. В. А. Малинина и акад. Ф. В. Константинова. По поставленным в докладах вопросам развернулась дискуссия, в которой приняли участие проф. Г. С. Арефьева, проф. М. Я. Ковальзон, член.-кор. АН СССР А. Г. Спиркин, проф. Брымов (НРБ), доц. Тыш Мариан (ПНР), проф. В. Ж. Келле, доц. В. Н. Шевченко, проф. В. С. Барулин.

В апреле 1974 г. совместно с Обществом испытателей природы МГУ была проведена научно-теоретическая конференция «Ленинские чтения». Было заслушано 6 докладов и 5 выступлений, в которых освещались ленинские методологические принципы социального познания и естественных наук.

В феврале 1976 г. Философское общество МГУ организовало научное заседание, на котором был заслушан и обсужден доклад проф. В. А. Малинина «Некоторые методологические проблемы истории философии и общественной мысли». Основное внимание выступавших было уделено критике субъективистских, религиозно-мистических, плюралистических и других современных буржуазных историко-философских концепций.

Немалое место в деятельности Философского общества МГУ занимает празднование памятных дат в истории философской мысли, юбилеев выдающихся мыслителей прошлого. 150-летию восстания декабристов была посвящена научная конференция (декабрь 1975 г.). В докладах, представленных на конференцию, были раскрыты ленинская оценка декабристского движения, философские и социологические взгляды декабристов, влияние декабристов на развитие освободительного движения в России, оценки декабризма в современной буржуазной историографии. Материалы конференции частично были опубликованы в журнальных статьях. При содействии Философского общества МГУ в библиотеке МГУ была организована выставка, посвященная декабристам. Следует отметить конференции, посвященные 150-летним юбилеям П. Л. Лаврова, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского и М. Е. Салтыкова-Щедрина, 1100-летию со дня рождения Аль-Фараби. Члены ФО МГУ приняли активное участие в конференции, посвященной 70-летию со дня выхода в свет работы В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», а также в конференции, посвященной 225-летию Московского университета. В 1978 г. ФО МГУ организовало и провело научно-теоретическую конференцию, посвященную 150-летию со дня рождения выдающегося русского мыслителя, революционного демократа Н. Г. Чернышевского, в которой приняли участие ведущие профессора и преподаватели философского факультета. На основе материалов конференции была опуб-

ликована книга «Философия Н. Г. Чернышевского и современность. (К 150-летию со дня рождения)» (М., 1978). Авторы с позиций марксистско-ленинской методологии анализируют материализм и диалектику Н. Г. Чернышевского, его социологические и эстетические взгляды, освещают оценки классиками марксизма-ленинизма теоретического наследия мыслителя, показывают взаимосвязи и взаимовлияния идей Н. Г. Чернышевского и других выдающихся деятелей освободительного движения в России, критикуют буржуазные извращения мировоззрения революционера и ученого.

Философское общество МГУ принимало активное участие в организации и проведении ряда научно-теоретических конференций Московского отделения Философского общества СССР. Наиболее значительным был симпозиум на тему «Актуальные проблемы диалектики общественного развития и социального познания» (март 1975 г.). За три дня работы на нем выступило свыше 100 ученых. В докладах и выступлениях обсуждались закономерности развития современной научно-технической революции и ее противоречия, гносеологические и методологические основания познания социальных явлений, были подвергнуты критике различного рода буржуазные и ревизионистские концепции, спекулирующие на сложном, противоречивом характере современного общественного развития; в ряде докладов анализировался категориальный аппарат марксистско-ленинской философии, в особенности исторического материализма. ФО МГУ участвовало и в подготовке Всесоюзной научной конференции «Комплексное развитие человека и формирование всесторонне развитой личности» (октябрь 1975 г.), а также ряда других конференций.

Значителен вклад членов Философского общества МГУ в дело подготовки и проведения II съезда Философского общества СССР (февраль 1975 г.), за что группа активистов ФО МГУ была награждена почетными дипломами Президиума Философского общества СССР. Съезду предшествовала большая подготовительная работа и в рамках Философского общества МГУ: прошли отчетно-выборные собрания в философских группах, избраны руководители групп и делегаты на отчетно-выборную конференцию Философского общества МГУ. Отчетно-выборные собрания проводились под руководством партийных организаций и Московского отделения ФО СССР. На отчетно-выборной конференции Философского общества МГУ, состоявшейся в декабре 1976 г., присутствовали президент Философского общества СССР акад. Ф. В. Константинов, вице-президент ФО СССР чл.-кор. АН СССР А. Г. Спиркин, председатель МО ФО СССР проф. Д. Ф. Козлов, председатель ревизионной комиссии ФО СССР проф. В. С. Молодцов. В прениях по докладу председателя ФО МГУ проф. И. Я. Щипанова была дана положительная оценка работе Философского общества МГУ и было рекомендовано использовать его опыт другим первичным организациям Общества. Определенная работа была проделана и в молодежной секции ФО МГУ.

В декабре 1976 г. состоялось совместное заседание Совета философского факультета и бюро Философского общества МГУ, которое было посвящено расширению сотрудничества ФО МГУ с деканатом, кафедрами и общественными организациями философского факультета. На заседании высказывались мнения о необходимости издания печатного органа Философского общества, об использовании опыта других творческих организаций и о развитии в то же время специфических для Философского общества форм работы — методологических семинаров, обсуждения монографий, научных встреч и дискуссий, позволяющих осуществлять контакты между различными философскими группами Общества, опытными и молодыми научными кадрами, шире вовлекать в научно-общественную работу студентов.

В заключение следует отметить, что Философскому обществу МГУ постоянно оказывают поддержку вышестоящие организации Философского общества СССР, прежде всего его Московское отделение, партийный комитет, деканат и общественные организации философского факультета МГУ.

ВИДНЫЕ ДЕЯТЕЛИ ФИЛОСОФСКОЙ НАУКИ, РАБОТАВШИЕ НА ФИЛОСОФСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ

В. В. АДОРАТСКИЙ (1878—1945)

В 20-х годах в Московском университете работали видные марксисты-ленинцы, сыгравшие большую роль в борьбе с идеализмом и метафизикой, в утверждении марксистско-ленинской теории. Они внесли неоценимый вклад в дело воспитания и перевоспитания кадров в духе диалектико-материалистического мировоззрения. Среди них особое место принадлежит академику Владимиру Викторовичу Адоратскому — соратнику великого Ленина, члену КПСС с 1904 г.

Будучи студентом Казанского университета, он заинтересовался социал-демократическим движением и начал изучать марксистскую литературу. С 1900 г. Адоратский принимал деятельное участие в революционной борьбе. В 1904—1905 гг. был членом Казанского комитета РСДРП. За революционную деятельность он неоднократно подвергался царским самодержавием арестам и высылкам.

Находясь за границей, Адоратский глубоко изучил историю западноевропейского рабочего движения, диалектический и исторический материализм. Весной 1904 г. он посещает кружок по изучению марксизма, которым руководил В. И. Ленин. Впоследствии он часто встречался с В. И. Лениным, выполнял его поручения за границей, советовался с ним по теоретическим вопросам. В. И. Ленин характеризовал Адоратского как стойкого большевика, образованного марксиста, теоретика и пропагандиста. По приглашению В. И. Ленина В. В. Адоратский участвовал в работе III съезда РСДРП.

После Октябрьской революции Адоратский выполнял ряд ответственных поручений партии: работал в Наркомпросе, в Главном архиве Института при ЦК ВКП(б), преподавал в Институте красной профессуры и в Коммунистическом университете им. Я. М. Свердлова; был директором Института философии Коммунистической академии; старшим научным сотрудником, а затем директором Института философии АН СССР; занимал посты директора и главного редактора Института Маркса, Энгельса, Ленина.

Одновременно Адоратский читал курс лекций в Московском университете, проводил коллоквиумы и семинары по историческому материализму, истории социализма, истории классовой борьбы, по теории государства и права. Его лекции отличались глубокой научностью, страстной партийностью, яркостью изложения. Защищая философское наследие Ленина, он резко критиковал троцкизм, меньшевизм, идеализм и механицизм. Адоратский был создателем первой хрестоматии по историческому и диалектическому материализму, способствующей изучению произведений классиков марксизма-ленинизма, и ряда других учебных пособий.

В. В. Адоратский вел плодотворную научно-исследовательскую работу. Его перу принадлежат труды по истории марксизма-ленинизма, по теории государства и права, по вопросам диалектико-материалистической методологии государственно-правовой науки, по критике буржуазной идеологии. Под его редакцией вышли в свет важнейшие произведения Маркса и Энгельса «Немецкая идеология» (первые полные публикации на немецком и русском языках); «Капитал»; «Анти-Дюринг»; «Диалектика природы» (первая публикация на языке оригинала); «Философские тетради» В. И. Ленина и другие. По заданию Ленина он подготовил к публикации «Избранные письма Маркса и Энгельса». С 1938 по 1945 г. В. В. Адоратский был главным редактором сочинений Маркса и Энгельса; ему принадлежит огромная роль в подготовке научной биографии В. И. Ленина. Он был истинным борцом за ленинизм, за дальнейшее развитие ленинского этапа марксистской философии. Глубокое знание трудов Маркса, Энгельса и Ленина заслуженно поставило его в число видных теоретиков марксизма-ленинизма и истории международного рабочего движения.

Научное наследие В. В. Адоратского составляют свыше ста работ, в числе которых «Научный коммунизм Карла Маркса» (1923); «О государстве (к вопросу о методе исследования)» (1923); «О теории и практике ленинизма» (1924); «Маркс, Энгельс, Ленин и Гегель (марксизм-ленинизм и гегелевская диалектика)» (1932); «К вопросу о научной биографии Ленина» (1933); «О философских работах Ленина» (1934) и многие другие. Работы В. В. Адоратского способствовали овладению марксистско-ленинской теорией преподавательскими кадрами, студенчеством, имели неоценимое значение в пропаганде марксистско-ленинского мировоззрения среди масс трудящихся.

И. К. ЛУППОЛ (1897—1943)

Иван Капитонович Луппол — профессор, доктор философских наук, академик с 1939 г.— вошел в историю марксистской философской мысли как глубокий ученый, яркий пропагандист материалистических традиций русской и зарубежной философии, как один из первых исследователей философского наследия В. И. Ленина,

увидевший в нем новый этап в развитии марксизма, как принципиальный и последовательный борец против буржуазных и ревизионистских извращений марксизма-ленинизма. Широко образованный человек, свободно владеющий несколькими европейскими языками, он обладал тем ярким даром ясности и простоты изложения, который присущ лишь натурам незаурядным, глубоко мыслящим и цельным в своей социальной, политической и научной ориентации.

И. К. Луппол окончил юридический факультет Московского университета (1919 г.) и философское отделение Института красной профессуры (1924 г.). Его исследование «Дени Дидро. Очерки жизни и мировоззрения» было одной из первых диссертационных работ Института красной профессуры, основанного В. И. Лениным в 1921 г. Общее направление научных исследований ИКП определялась под непосредственным влиянием В. И. Ленина, поэтому монографию И. К. Луппола следует рассматривать как реализацию ленинской программы философских исследований и пропаганды материалистических традиций в истории философии. В нашей стране монография И. К. Луппола «Дени Дидро» издавалась трижды— в 1924 и в 1934 гг. при непосредственном участии автора, а в 1960 г. Институтом философии АН СССР. В 1936 г. она была издана на французском языке в Париже. Это было первое научное исследование, дающее целостное представление о материалистической концепции Дидро.

Несомненной заслугой И. К. Луппола в области истории философии является и то, что он обогатил ее новыми именами и фактическим материалом. Будучи профессором Московского университета (1925—1931 гг.), МИФЛИ и отделения философии ИКП (1925—1938 гг.), он опубликовал серию о философском наследии ряда европейских и русских мыслителей. В 1935 г. эти статьи были опубликованы отдельным сборником «Историко-философские этюды». Книга посвящена в основном малоизвестным советскому читателю мыслителям (Ж. Нэжон, Ж. Б. Робинэ, У. Дакоста) либо известным только в истории литературы (И. П. Пнин) или истории общественной мысли (А. Н. Радищев, И. Д. Якушкин). На конкретном историко-философском материале И. К. Луппол показал, что к такой сложной форме общественного сознания, как философия, надо подходить дифференцированно. Недостаточно лишь различать материалистическую и идеалистическую линии в истории философии: необходимо видеть их развитие в соответствии с социально-экономическими условиями, естественнонаучными и культурными факторами и их воздействие друг на друга. Большая работа была проведена И. К. Лупполом по подготовке и редактированию собраний сочинений Дидро и Ламетри (1925 г.).

И. К. Луппол был одним из первых советских философов, который не только пропагандировал ленинское философское наследие, но дал цельную и в общем верную оценку В. И. Ленина как философа. На наш взгляд, работы И. К. Луппола наряду с работами В. Адоратского, В. Сорина, В. Невского, Б. Быстрянского способствовали осознанию того факта, что с именем Ленина связан новый этап развития марксистской философии. В ряде статей И. К. Луппола раскрыта роль Ленина в борьбе за диалектический материализм, показан Ленин как теоретик пролетарского государства, проанализированы основные моменты ленинской методологии социального познания. В 1926 г. на основе этих статей И. К. Луппол написал книгу «Ленин и философия. К вопросу об отношении философии к революции», выдержавшую три издания и опубликованную на немецком языке. В этой работе освещен философский путь Ленина — от борьбы с народниками, кантианцами и махистами до работы над диалектикой Гегеля в «Философских тетрадях», которые, по мнению автора, должны были «открыть собою воочию и для всех как бы новый этап развития философии марксизма»[1]. Несмотря на то, отмечал И. К. Луппол, что годы революции выдвинули на первое место социально-политическое учение марксизма, было бы неверно думать, что в работах Ленина этого периода отсутствует философская проблематика. Материалистическая диалектика пронизывает все его книги, статьи и речи. В работе «Ленин и философия» И. К. Луппол показал историю философского пути В. И. Ленина, документально подтвержденную различными материалами и письмами. Ленинское философское наследие рассмотрено как процесс взаимодействия теории и практики, причем методом исследования является соотношение исторического и логического.

В ряде статей И. К. Луппола, написанных в 1923—1930 гг., были подвергнуты критике идеалистические извращения буржуазными философами (Н. Бердяевым, Н. Лосским, С. Франком) и социал-реформистскими теоретиками (М. Уильямом, Л. Делиньером, Г. Уоттоном, К. Форлендером, М. Адлером, О. Иенсеном) основных положений диалектического и исторического материализма. «Марксизм,— писал И. К. Луппол,— выдерживает натиск критиков и ниспровергателей и в исторической практике черпает все новые и новые доказательства своей истины»[2].

В 1925—1930 гг. И. К. Луппол выступал с критикой советских естествоиспытателей, которые либо отказывались от философии вообще, либо пытались руководствоваться в общетеоретических вопросах методологией механистического материализма. Статьи, посвященные критике буржуазных и ревизионистских фальсификаций марксизма, а также преодолению вульгарно-механистических взглядов некоторых советских естествоиспытателей, вошли в сборник статей И. К. Луппола «На два фронта» (1930). В этом же сборнике были опубликованы статьи, в которых характеризовалось развитие марксистской философии в первые годы Советской власти и намечались ближайшие перспективы. Автор делал вывод, что «...философия в СССР, отметая в сторону все идеалистические

[1] Ленин и философия. М.; Л., 1930, с. 76.
[2] На два фронта. М.; Л., 1930, с. 37.

и метафизические пережитки, неуклонно развивается под знаком диалектического материализма... сочетает в себе как солидную работу по изучению и анализу наследия прошлого, так и актуальные, жизненные проблемы революционной современности... Философия в СССР, связавшая свою судьбу с пролетарской революцией, стоит на единственно научном и верном пути своего осуществления, которое является в то же время осуществлением коммунизма»[3].

К ярким страницам научного творчества И. К. Луппола относится критика социологических воззрений Богданова и Бухарина. Анализируя логику богдановско-бухаринской теории равновесия системы (общества) со средой (природой), И. К. Луппол характеризовал ее как «механическую» точку зрения в социологии, дающую объяснение общественных явлений не как закономерностей и связей живой органической системы, а как механической системы, где связи элементов объясняются в рамках и по принципам формальной логики. Наряду с другими советскими философами И. К. Луппол подверг решительной критике попытки Богданова подменить материалистическую диалектику принципом всеобщей организационной науки. Не отвергая плодотворности применения системно-структурного метода в рамках отдельных наук, Луппол подчеркивал, что с помощью этого метода нельзя построить научную теорию, способную отразить общество как развивающуюся систему.

В историю марксистской философии в СССР И. К. Луппол вошел и как эстетик. Его перу принадлежат очерки о Пушкине, Л. Толстом, Горьком, Маяковском, Руставели, Гёте, Гейне, Беранже, А. Франсе, вошедшие в сборник «Литературные этюды».

В работах И. К. Луппола имелись отдельные недостатки и спорные положения, однако мы с полным основанием можем сказать, что его исследования в области истории философии, эстетики и критики идеалистических и вульгарно-механистических концепций сыграли большую роль в формировании марксистского мировоззрения советской интеллигенции и во многом не потеряли своего значения в настоящее время.

ТОДОР ПАВЛОВ (1890—1977)

Выдающийся болгарский философ-марксист, литературный критик и общественный деятель Тодор Димитров Павлов был прочно связан с Московским университетом узами интернационального сотрудничества. Важный период его жизни, когда он формировался как ученый, связан с его жизнью в Москве, куда он приехал в 1932 г. по решению Болгарской коммунистической партии для ознакомления с социалистическим строительством в СССР и достижениями марксистско-ленинской науки. В Москве он прожил до

[3] Там же, с. 158—159.

1936 г., активно участвуя в научной, педагогической и общественной жизни советской столицы. Он был деканом философского факультета Института истории, философии и литературы, где читал курс лекций по диалектическому материализму, читал курс лекций по теории отражения на отделении философии Института красной профессуры. Хорошо владея русским языком, он умел в глубоко содержательной, научной и в то же время доступной форме раскрывать сложные вопросы марксистской теории. За активную научную и общественную работу Тодор Павлов был удостоен ученой степени доктора философских наук, избран профессором Института красной профессуры, становится действительным членом и профессором-консультантом Коммунистической академии.

В Москве Тодор Павлов создал ряд ценных философских и эстетико-литературных трудов, в том числе и самый значительный труд «Теория отражения. Очерки по теории познания диалектического материализма» (1936), посвященный памяти учителя и вождя болгарского пролетариата Дмитрия Благоева. Книга «Теория отражения» была первым марксистским исследованием, в котором обобщалось понимание отражения К. Марксом, Ф. Энгельсом и В. И. Лениным и делалась попытка дать развернутое изложение важнейших проблем марксистско-ленинской теории отражения. Эта работа наряду с некоторыми другими трудами болгарских философов-марксистов ознаменовала утверждение в Болгарии ленинского этапа в развитии марксистской философии. В ней Т. Павлов рассмотрел и творчески развил один из труднейших вопросов гносеологии — каким образом становится возможным познание материальной действительности и как субъективный психический образ может дать верное отражение окружающего мира.

В работе, во-первых, анализируются формы и этапы развития отражения в неорганической и органической природе и общественной жизни, раскрывается преемственная связь между различными формами отражения и их качественные отличия друг от друга. Во-вторых, рассматриваются единство предмета и образа, первичные и вторичные качества, идея как субъективный образ объективных вещей. В-третьих, разрабатывается диалектика истины и всесторонне исследуется ее критерий. Впоследствии Т. Павлов значительно обогатил первое издание книги «Теория отражения», которая несколько раз переиздавалась на болгарском, русском и других языках. Ему принадлежит заслуга дальнейшего развития ленинских идей отражения как всеобщего свойства материи, познавательного образа как субъективного отражения объективного мира, истины как процесса отражения, практики как основы, цели и критерия познания. Он обогатил марксистско-ленинское учение исследованием соотношения философии и частных наук. Идеи, развитые Т. Павловым в «Теории отражения», получили дальнейшую разработку и конкретизацию на базе нового научного материала в его книге «Информация, отражение и творчество» (1964) и в коллективном труде советских и болгарских ученых, написанном под не-

посредственным руководством Т. Павлова «Ленинская теория отражения и современность» (1974).

Работая в Москве, Т. Павлов опубликовал в журнале «Под знаменем марксизма» ряд статей, в которых осмыслялись актуальные проблемы развития марксистской философской науки. В большой статье «Борьба на философском фронте в Болгарии и большевизация БКП», опубликованной в 1933 г. под псевдонимом П. Досев, Т. Павлов показал достижения и слабости марксистско-ленинской философской мысли в Болгарии, проанализировал ряд вопросов: о соотношении спинозизма и диалектического материализма, о теории отражения, о механицизме и меньшевиствующем идеализме, об отношении БКП к бывшей БРПСД, к идеологическому наследию тесняческого прошлого партии, о большевистской критике и самокритике. Подвергая критике точку зрения Г. В. Плеханова, разделяемую Д. Благоевым и получившую в Болгарии широкое распространение, что марксизм есть особый род спинозизма, Т. Павлов доказал, что спинозизм не является последовательным материализмом в силу своей механистичности, метафизичности и созерцательности, в то время как марксистская философская теория основывается на материализме диалектическом, т. е. на материализме более высокого порядка и качественно иного уровня. Т. Павлов отмечал, что в области теории болгарские марксисты далеко еще не преодолели старых теснячески-плехановских взглядов, допускались ошибки механистического и идеалистического характера [4]. Задачу преодоления теоретических ошибок он связывал с практической задачей партии перейти от агитации и пропаганды революции на позицию революционного организатора и вождя масс в борьбе за социально-экономическое освобождение.

В статье, посвященной проблеме исторического и логического в «Материализме и эмпириокритицизме» В. И. Ленина (1934), Т. Павлов убедительно показал, что глубокий анализ В. И. Лениным развития теории познания эмпириокритицизма и диалектического материализма стал возможен благодаря тому, что исторический и логический методы применяются в единстве, но преобладает логический метод, а исторический метод выступает в качестве необходимого, но подчиненного момента [5].

В 1937 г. Т. Павлов предпринимает попытку применить диалектико-материалистическую теорию отражения к исследованию проблем эстетики. В статье «К вопросу о взаимоотношении научного и художественного отображения мира» он рассмотрел ряд вопросов, связанных со специфическими закономерностями искусства и с особенностями художественного отражения. Не удовлетворившись плехановским пониманием искусства как идеи, выраженной в чувственной, образной форме, Т. Павлов дал определение искусства как продукта (и орудия) особого рода человеческой деятельности и как способа создания этого продукта. Искусство есть субъективный образ объективной реальности, который может и должен быть объектом живого, конкретно-чувственного восприятия. Искусство отображает мир в его отношении к человеку как деятельному, чувствующему и мыслящему общественно-историческому существу и является идейной «эстетической реальностью», которая также имеет конкретный общественно-исторический характер [6]. Эта статья Т. Павлова наряду с другими его исследованиями в этой области легла в основу его работы «Общая теория искусств» (София, 1938).

В работах Т. Павлова, написанных в московский период его научной деятельности, имелись недостатки и ошибки, которые преодолевались автором в последующих работах. Однако и по сей день они привлекают к себе неослабевающее внимание исследователей истории марксистско-ленинской философии, диалектического материализма и эстетики как образец принципиальной критики враждебных марксизму-ленинизму воззрений и подлинно научного подхода к постановке и решению сложнейших философских вопросов.

[4] Под знаменем марсизма, 1933, № 4, с. 98.

[5] Проблема исторического и логического в «Материализме и эмпириокритицизме».— Под знаменем марксизма, 1934, № 4, с. 130.

[6] Под знаменем марксизма, 1937, № 2, с. 83.

А. П. ГАГАРИН (1895—1960)

Алексей Петрович Гагарин принадлежит к тому поколению философов-марксистов, которые стояли у истоков философской науки в СССР и многое сделали для ее развития. Имя Алексея Петровича Гагарина неотделимо от строительства и укрепления советской высшей школы, организации философского образования в нашей стране и подготовки философских кадров.

После окончания семинарии Алексей Петрович Гагарин связывает свою жизнь с борьбой за счастье народа. В 1918 г. вступает в Коммунистическую партию. Много сил он отдает атеистическому воспитанию трудящихся. Под его редакцией в начале 20-х годов выходит научно-атеистический журнал «Долой богов». Содержательны и интересны были передовицы этого журнала, написанные А. П. Гагариным.

Занимая ответственные посты в Смоленском губкоме партии, руководя губернской совпартшколой второй ступени, А. П. Гагарин изучает новые явления крестьянской жизни, перестройку деревни на социалистический лад. А. П. Гагарин был делегатом 2-го Всероссийского совещания ответственных организаторов работы в деревне, где с докладом выступал В. И. Ленин. Воодушевленный докладом В. И. Ленина, А. П. Гагарин с еще большей энергией включается в работу по социалистическому преобразованию деревни. Под его председательством в Смоленском губкоме

партии работала комиссия по изучению экономического и идеологического развития крестьянства. Комиссия собрала большой материал, на основе которого А. П. Гагарин написал книгу «Хозяйство, жизнь и настроения деревни» (М., 1925). Книга вызвала живой отклик читателей, ею заинтересовался М. И. Калинин. Отдельные разделы этой книги перепечатывались в центральных газетах. Книга А. П. Гагарина — это конкретное социальное исследование, в котором на большом фактическом материале рассматривались формы классовой борьбы в деревне.

Во второй половине 20-х годов А. П. Гагарин руководит Саратовской губсовпартшколой, а в 1929 г. партия направляет его на учебу в Институт красной профессуры. Это было время ожесточенной идеологической борьбы. Философы-марксисты Института красной профессуры решительно выступили против буржуазных идеалистических концепций и ревизионистских извращений марксистской философии. А. П. Гагарин, будучи членом партбюро института, принимал активное участие в борьбе за утверждение марксизма-ленинизма.

В 1933 г. партия посылает своих лучших сынов на работу в деревню в качестве начальников политотделов МТС и совхозов. Известно, какую огромную роль сыграли политотделы в организационно-хозяйственном становлении колхозов и совхозов, в укреплении социалистического строя в деревне. А. П. Гагарин назначается начальником политотдела крупного совхоза, где он добился серьезных успехов. За большие заслуги в подъеме сельского хозяйства А. П. Гагарин был награжден орденом Ленина. После выполнения политотделами своих задач и превращения их в обычные партийные органы А. П. Гагарин в 1935 г. назначается деканом философского факультета Московского института истории, философии и литературы и одновременно возглавляет кафедру диалектического и исторического материализма этого института.

В 1937—1941 гг. А. П. Гагарин занимает пост заместителя председателя Комитета по делам высшей школы при Совете Министров СССР. Он провел большую работу по укреплению высшей школы, по подготовке специалистов для всех отраслей народного хозяйства и культуры. С 1949 по 1952 г. А. П. Гагарин — декан философского факультета МГУ.

Алексей Петрович Гагарин был разносторонним и эрудированным ученым. Он знал древнегреческий, латинский, немецкий и французский языки. Им опубликовано более 80 научных работ. Широк был круг его научных интересов — от проблем диалектического и исторического материализма до философских воззрений Ньютона и Лобачевского. Однако главными направлениями научных исследований А. П. Гагарина были история марксистско-ленинской философии, критика современной буржуазной философии и социологии и вопросы научного атеизма. А. П. Гагарин был одним из пионеров разработки новой отрасли философской

науки — истории марксистско-ленинской философии. По вопросам возникновения и развития диалектического и исторического материализма им было написано более 30 научных работ В 1932 г. он опубликовал интересное исследование «Социологические взгляды Лассаля»; в 1937 г. вышли фундаментальное исследование «Франц Меринг и его философские взгляды» и работа «Идейная борьба вокруг философского наследия Ф. Меринга». Важное место в исследованиях А. П. Гагарина по истории марксистско-ленинской философии занимает его докторская диссертация «Идеологический фронт классовой борьбы в России в 1917 г.». Одним из оппонентов на ее защите выступал видный деятель нашей партии Емельян Ярославский.

Много сил А. П. Гагарин отдал исследованию домарксистской философии. Здесь и содержательные статьи об утопическом социализме Ж. Мелье и Ш. Фурье, интересные работы о философских взглядах французских материалистов, Фейербаха и Дицгена.

Большой интерес А. П. Гагарин проявил к выдающемуся философу-материалисту Н. Г. Чернышевскому. В работах «Основные черты классического русского материализма», «Чернышевский и Лавров — опыт сравнительной характеристики их мировоззрения и метода» А. П. Гагарин показал Чернышевского как философа и его роль в истории домарксистской философии. Внучка Н. Г. Чернышевского Н. М. Чернышевская, работавшая в то время директором Дома-музея Чернышевского, была большим другом Алексея Петровича и его семьи. После смерти А. П. Гагарина она писала его жене Зинаиде Николаевне: «Алексей Петрович много труда положил на изучение Чернышевского. Мне даже странно, что не стало Алексея Петровича. Большой это был человек, великолепный организатор, с львиной головой и львиным сердцем».

Большое место в научной работе А. П. Гагарина занимали вопросы научного атеизма. По этой тематике он написал и опубликовал около 40 научных работ. В 50-е годы А. П. Гагарин наметил большую и интересную программу научной работы и пропаганды в области научного атеизма. Сохранилось большое письмо В. Д. Бонч-Бруевича от 23.V 1954 г. Алексею Петровичу, в котором одобряются его иден о развертывании атеистической работы.

После второй мировой войны А. П. Гагарин уделяет много внимания критике буржуазной философии и социологии. Монография А. П. Гагарина «Американская буржуазная философия и социология на службе империализма» (1951) выдержала два издания и была переведена во многих странах. Большое значение в борьбе против буржуазной идеологии имела работа А. П. Гагарина «Прагматизм в США» (1951). Ценность этих работ заключается в том, что в них наряду с глубокой научной критикой современной буржуазной американской и английской философии

16 Заказ 160

и социологии давалось позитивное решение проблем, на которых спекулирует современная буржуазная идеология.

Алексей Петрович Гагарин был пламенным патриотом нашей Родины. В период Великой Отечественной войны он собрал огромный фактический материал, составивший целый том под названием «Страницы из жизни отцов и детей эпохи Великой Отечественной войны».

Это была летопись боевых и трудовых подвигов всех поколений нашей страны в тяжелые годы Отечественной войны. А. П. Гагарину были близки и понятны чувства и мысли юношей и девушек нашей Родины, их отцов и матерей, спасших нашу отчизну от фашистского порабощения, так как единственный сын Алексея Петровича пал смертью храбрых, защищая город Ленина. Видный советский поэт Николай Тихонов, ознакомившись с этой летописью, писал А. П. Гагарину в феврале 1945 г.: «Для писателя-психолога это собрание будет ценным материалом для создания произведений, посвященных Великой Отечественной войне». Руководитель Коммунистической партии Испании Долорес Ибаррури, подчеркивая единство отцов и детей, их беспримерные жертвы во славу Родины, писала А. П. Гагарину: «Вы оплакиваете сына-героя, я страдаю о сыне, который был моей гордостью и надеждой. Таких отцов, матерей и семей, как мы,— миллионы. Великое дело требует от всех великих жертв».

До последних дней жизни А. П. Гагарин оставался страстным пропагандистом научных знаний, готовил новые интересные работы. Уже будучи тяжело больным, находясь в больнице, А. П. Гагарин работает над монографиями «О философии прагматизма», «О свободе совести», «Идеологический фронт классовой борьбы в России в 1917 году», «Дневник начальника политотдела», «О христианской религии и нравственности», «Основы коммунистической морали». В сентябре 1960 г. последняя работа была закончена и сдана в издательство, а через 5 дней — 6 сентября 1960 г.— А. П. Гагарина не стало. Похоронен Алексей Петрович на Новодевичьем кладбище в Москве.

В. К. СЕРЕЖНИКОВ (1873—1944)

Виктор Константинович Сережников — доктор философских наук, профессор, член КПСС с 1920 г.— родился в бедной казачьей семье астраханских казаков. После окончания в 1892 г. с золотой медалью астраханской гимназии (в которой учился за счет астраханского казачьего войска) он поступил на юридический факультет (также за казачий счет) Петербургского университета, который окончил в 1897 г. с дипломом первой степени.

Будучи студентом, В. К. Сережников через товарищей приобщается к изучению марксистской литературы, знакомится с В. И. Лениным, Г. М. Кржижановским, А. И. Ванеевым,

Н. К. Крупской и другими членами «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», вступает в эту тайную организацию, работает в рабочих кружках, распространяет прокламации, ведает техникой их печатания. Сережников принимает активное участие в знаменитой Петербургской стачке 1896 г. Деятельность в «Союзе борьбы» закончилась для него высылкой в Астрахань. Нелегальную революционную деятельность Сережников продолжает и в Астрахани, а затем в Саратове и в Петербурге. За принадлежность к РСДРП Сережников дважды подвергался арестам, а в 1907 г. был выслан за границу. Находясь за границей, Сережников продолжает революционную деятельность, проявляя колебания между большевиками и меньшевиками. После победы Октябрьской революции он окончательно перешел на сторону большевиков. В 1918 г. по рекомендации В. И. Ленина Сережников был избран профессором философии Социалистической академии общественных наук. По поручению партии и Советского правительства Сережников принимает участие в организации Смоленского университета, в котором исполняет обязанности ректора и декана рабфака, являлся членом Смоленского горсовета. По поручению Смоленского губкома и горкома партии вел пропагандистскую работу на заводах и в красноармейских частях.

В 1923 г. по указанию ЦК ВКП(б) Сережников назначен деканом факультета общественных наук Московского университета. В 1925—1931 гг. он преподавал диалектический и исторический материализм и историю философии на различных факультетах университета и в РАНИОНе (Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук). С 1932 по 1938 г. В. К. Сережников — профессор философского факультета МИФЛИ. В 1937 г. по совокупности трудов В. К. Сережникову была присвоена ученая степень доктора философских наук.

20—30-е годы были весьма плодотворными в научной и педагогической деятельности В. К. Сережникова. Он был среди тех марксистов, кто готовил необходимые партии и государству многочисленные кадры советской интеллигенции. В архивах семьи Сережниковых сохранились благодарственные адреса студентов, обращенные к их учителю.

Педагогическую деятельность Виктор Константинович плодотворно сочетал с научной. В советский период он подготовил и издал «Диалектический материализм» (1930); «Как работать в семинарии. Опыт работ в семинарии по историческому материализму» (1930); «Ламетри» (1925); «Кант» (1926); «Сократ. Основные проблемы философии Платона» (1937); «Очерки по истории философии» (1929). Последняя книга являлась вплоть до 40-х годов единственным по существу учебным пособием по истории философии. В Энциклопедическом словаре Граната Сережниковым опубликованы статьи «Де-Грееф», «Дюркгейм», «Зиммель», «Кондорсе». В журнале «Под знаменем марксизма» он выступил со статьями «Учение Канта о времени и пространстве перед судом

физиологии» (1924); «Диалектика мира по Аристотелю» (1936); «Социально-политическая теория Аристотеля» (1936).

В. К. Сережников свободно владел латинским, греческим, французским и немецким языками. Ему принадлежат переводы «Избранных философских произведений Дени Дидро» (1913); «Человека — машины» Ламетри (1911); «О природе вещей» Лукреция Кара (1933); «Теэтета» Платона (1936); «Истории экономического учения» (1913) и «Основ политической экономии» Ш. Жида (1918) и других фулософских произведений. Диапазон научных интересов В. К. Сережникова был необычайно широк, его работы носили творческий характер и были рассчитаны на широкие круги советской и зарубежной интеллигенции. В архиве Института философии АН СССР сохранились подготовленные к печати, но не изданные работы Сережникова о Платоне, Аристотеле, Сократе и его школе, о перипатетиках, о борьбе материализма с идеализмом в V в. до н. э., краткое изложение истории философии Древней Греции.

Всесторонне образованный преподаватель и ученый, Виктор Константинович Сережников заслужил большое уважение тех, кто слушал его содержательные лекции, кто читал его книги и статьи.

Д. Ю. КВИТКО (1889—1942)

Профессор, доктор философских наук Давид Юрьевич Квитко с 1913 по 1927 г. находился в эмиграции в США, где в 1914 г. вступил в социалистическую, а в 1919 г.— в Коммунистическую партию США. Учился в Нью-Йоркском, Гарвардском, Колумбийском университетах. По возвращении в СССР был в 1928 г. принят в члены ВКП(б), работал старшим научным сотрудником Коммунистической академии, а с 1933 по 1942 г. на философском факультете МГУ. Умер в 1942 г. в Ашхабаде, куда был эвакуирован философский факультет.

В 1936 г. Д. Ю. Квитко издал свой основной труд «Очерки современной англо-американской философии». Это было одно из первых исследований, в котором с марксистских позиций был дан довольно подробный критический анализ главных направлений современной англо-американской философской мысли. Автор проследил процесс формирования и развития таких философских течений, как абсолютный идеализм, прагматизм, неореализм и критический реализм. В книге показывается, что эти философские течения носят субъективно-идеалистический и эклектический характер и направлены против диалектико-материалистической философии. Из представителей абсолютного идеализма автор рассматривает Брэдли, Ройса, Мактатгарта, Бозанкета, Грина. Философия прагматизма представлена в книге именами Джемса, Шиллера, Дьюи, Пирса, работы которых автор подвергает критическому анализу. В книге дается критический анализ философских сочинений неореалистов Рэссела, Александера, Монтагю, Холта, Уайтхеда и представителей «критического реализма» Сантаяны, Броуда, Дрейка, Селларса.

Дав всесторонний критический разбор каждому из названных философских течений, автор справедливо заключает, что под их терминологией скрываются старые взгляды и что все их споры друг с другом являются спорами внутри одного идеалистического направления.

В 30-е годы книга Д. Ю. Квитко сыграла известную положительную роль и являлась почти единственным учебным пособием по современной буржуазной философии.

Круг научных интересов Д. Ю. Квитко был довольно широк. Находясь за рубежом, он выступал в печати по проблемам социальной революции, воспитания, расовым и другим вопросам. Большой его заслугой следует признать то, что им был переведен на английский язык философский труд В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», изданный в Нью-Йорке в 1927 г. В том же году Квитко опубликовал статью «Ленин как теоретик». Перевод работы Ленина и статья о Ленине как теоретике, опубликованные в американской прессе, имели большое значение для ознакомления англо-американской интеллигенции с философским наследием создателя первого в мире социалистического государства.

Д. Ю. Квитко интересовали также проблемы русской философской и эстетической мысли. Его перу принадлежат книга «Философия Толстого» (1930), статьи «Толстовство как мировоззрение» (1928), «Эстетические взгляды Чернышевского» (1940).

Лекционные курсы и семинары Д. Ю. Квитко на философском факультете носили боевой, целеустремленный характер, отличались глубоким критическим анализом современной буржуазной философии.

Ф. А. ГОРОХОВ (1902—1954)

Федор Александрович Горохов относится к тем советским ученым-марксистам, которые в 30-е годы выступили с пропагандой и защитой ленинского этапа в истории философии, с разработкой жизненно важных вопросов общественного развития, с критикой реакционных социологических концепций.

В 1929 г. Ф. А. Горохов окончил философское отделение Института красной профессуры и включился в активную научно-исследовательскую, преподавательскую, пропагандистскую и партийную деятельность. В 1931 г. он был заместителем директора Института философии Коммунистической академии. В 1935 г., защитив докторскую диссертацию и получив звание профессора, вел активную научную и педагогическую работу в МИФЛИ.

Основной сферой научной деятельности Ф. А. Горохова были актуальные вопросы социального развития, марксистская методология познания и революционного преобразования общества. Написанная в начале 30-х годов, его работа «Ленин и исторический материализм» переиздавалась в нашей стране несколько раз. Последнее, посмертное, издание вышло в 1958 г. Она была в числе первых работ, утверждающих и развивающих ленинский этап развития марксистской философии. В ней с последовательно марксистских позиций рассматривался ряд вопросов исторического материализма: о соотношении диалектического и исторического материализма, о специфике исторической закономерности, о соотношении экономики и политики, об организаторской функции пролетарской революции и об отношении к культуре прошлого. Книга Ф. А. Горохова проникнута духом боевой, ленинской партийности. В ней дана принципиальная критика троцкистским, правооппортунистическим и прочим извращениям ленинизма.

В 1938—1941 гг., будучи научным сотрудником Института философии АН СССР и профессором философского факультета МИФЛИ, Ф. А. Горохов читал содержательные и идейно насыщенные лекции и спецкурсы, руководил аспирантами, организовывал методологические семинары по актуальным проблемам марксистско-ленинской философии. У студентов, аспирантов, преподавателей философского факультета он заслуженно пользовался большим авторитетом и уважением. С первых дней Великой Отечественной войны Ф. А. Горохов ушел в народное ополчение, участвовал во многих кровопролитных сражениях. Затем был назначен лектором Политического управления МВО, проводя по заданию партии воспитательную работу на разных фронтах войны.

С 1931 по 1941 г. Ф. А. Горохов опубликовал серию статей по историческому материализму в «Вестнике Коммунистической академии» и в журнале «Под знаменем марксизма». В них в яркой и доступной форме раскрывалось содержание основных категорий исторического материализма: производительные силы и производственные отношения, общественное бытие и общественное сознание, материальное производство; рассматривалась роль личности и народных масс в истории, делалась попытка осмыслить философско-исторические взгляды Гегеля. Статья Ф. А. Горохова «К вопросу о производительных силах и диалектике их развития» (1928) сыграла значительную роль в марксистском осмыслении диалектики развития производительных сил и как бы подводила итог большой дискуссии по данной проблеме, проведенной в 1927—1928 гг. в «Вестнике Коммунистической академии». В ней справедливо утверждалось, что правильно поставить вопрос о производительных силах и их развитии и правильно решить его — это значит понять общество как целостный объект в многообразии и сложности его сторон, понять его в саморазвитии. Подвергнув решительной критике сторонников механицизма, сводивших производительные силы к технике, а также тех, кто в пылу полемики с

механицистами абсолютизировал роль личностного элемента, Ф. А. Горохов определил производительные силы как сложное структурное образование, в котором наряду со средствами производства наличествует и человек труда, представляющий собой не просто физиологическую или «энергетическую» сторону производительных сил, но и их духовную сторону. Большая заслуга Ф. А. Горохова в понимании структуры производительных сил состояла в том, что он выделил «духовные свойства рабочих» и доказал, что всякое игнорирование сознания и психики в трудовом процессе может привести только к механистическому пониманию производительных сил.

Не менее важной заслугой Ф. А. Горохова в развитии исторического материализма было осмысление диалектической связи категорий «общественное бытие» и «общественное сознание». Он был одним из первых, кто горячо пропагандировал письма Ф. Энгельса 90-х годов об историческом материализме, в которых раскрывалась активная роль надстройки. В статье «Общественное бытие и общественное сознание» Ф. А. Горохов высказал интересную мысль, которая по-новому прозвучала в свете возрастания роли субъективного фактора в истории: «Чем глубже и основательнее люди сознают условия своего общественного бытия, тем теснее их жизненные интересы, взгляды, идеалы бывают связаны с исторической обстановкой, тем более серьезную роль играют идейные мотивы, духовная жизнь людей в обществе» [7].

Чрезвычайно важными и актуальными остаются идеи Ф. А. Горохова о том, что в условиях социалистического строя, когда общественные факторы находятся в значительной степени под контролем партии и государства, неуклонно повышается роль и ответственность личности в решении исторических задач строительства социализма.

Большое место в исследованиях Ф. А. Горохова занимала критика реакционных социологических концепций. Отстаивая марксистское положение об определяющей роли производства в развитии общества, он критиковал сторонников демографического направления в социологии, утверждавших, что развитие производства и общества в целом определяется ростом населения. Опираясь на многочисленные исторические факты, Ф. А. Горохов доказывал, что рост населения имеет свою материальную основу в способе производства, обмена и распределения. Абсолютизация же роли народонаселения, по его мнению, неправомерна как исторически, так и методологически.

Изучая творческое наследие наших предшественников, сознавая всю сложность, а подчас и драматичность их жизни и борьбы, усваивая то новое, что они внесли в историю марксистско-ленинской философии в первые годы строительства социализма в СССР, мы вместе с тем трезво оцениваем их ошибки. Так, Ф. А. Горохов,

[7] Под знаменем марксизма, 1938, № 11, с. 150.

несмотря на то что уже в те годы были убежденные сторонники точки зрения на науку как непосредственную производительную силу общества, относил науку только к надстроечным явлениям.

Оценивая вклад Ф. А. Горохова в развитие советской философской мысли, мы с полным основанием можем сказать, что, несмотря на имеющиеся недостатки, он многое сделал для разработки некоторых кардинальных вопросов исторического материализма. Обоснованные им положения не потеряли своего значения и в настоящее время.

Г. Ф. АЛЕКСАНДРОВ (1908—1961)

Георгий Федорович Александров родился в Петрограде в семье рабочего. В тяжелые для страны годы гражданской войны, разрухи и голода воспитывался в детском доме. Он рано включился в трудовую деятельность, сочетая ее с учебой в средней, а затем в высшей школе. В начале 20-х годов вступил в комсомол, а в 1928 г был принят в члены Коммунистической партии.

В 1927 г. Александров поступил в Московский государственный университет на философское отделение этнологического факультета, который при очередной реорганизации университета в 1930 г. был преобразован в историко-философский факультет и факультет литературы и искусства.

В 1932 г. он блестяще окончил университет и был оставлен в аспирантуре. Защитив кандидатскую диссертацию, Георгий Федорович, обладавший выдающимися способностями и творческой смелостью в постановке и решении философских проблем, часто выступал со статьями в печати, читал курс лекций и вел семинарские занятия по марксистско-ленинской философии на философском факультете. В течение нескольких лет он редактировал факультетскую стенную газету «За ленинский стиль», придав партийный, боевой характер выступлениям за высококачественную подготовку философских кадров. В 1936 г. Г. Ф. Александрову присваивается ученое звание профессора, в 1938 г. он защищает докторскую диссертацию, посвященную мировоззрению Аристотеля. Еще будучи аспирантом, Александров преподавал диалектический и исторический материализм в ряде вузов Москвы. Став профессором философского факультета, он одновременно до 1938 г. по совместительству руководил кафедрой философии Московской сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева. С 1938 по 1941 г. Г. Ф. Александров руководит кафедрой истории философии философского факультета МИФЛИ. Под его руководством ряд аспирантов кафедры начали разработку проблем истории русской философии. Были подготовлены диссертации по философским воззрениям Радищева, Белинского, Герцена, Чернышевского, Писарева, некоторых представителей революционного народничества.

В конце 30-х годов Георгий Федорович находился на ответственной работе в аппарате Коминтерна. С 1940 по 1947 г. он возглавлял Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) и одновременно был ректором Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б), а с 1946 по 1955 г. руководил кафедрой истории философии Академии общественных наук при ЦК ВКП(б). С 1946 г. Г. Ф. Александров — академик АН СССР. Он награжден двумя орденами Ленина и другими орденами и медалями, дважды удостаивался Государственной премии СССР. Умер Георгий Федорович в расцвете творческих сил, оставив незавершенные рукописные материалы задуманных им новых философских исследований. Похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище.

Находясь в течение многих лет на ответственной работе, Г. Ф. Александров не прекращал педагогической деятельности в вузах Москвы и Минска. Его лекции по философии отличались принципиальной партийностью, глубоким содержанием и блестящей формой изложения. Он подготовил большую группу молодых ученых — кандидатов и докторов философских наук, которые с большой теплотой и благодарностью вспоминают о своем руководителе и наставнике.

Г. Ф. Александров опубликовал ряд крупных научных исследований. Прежде всего отметим его труды, посвященные классикам марксизма-ленинизма: «Философские предшественники марксизма» (1939); «Формирование взглядов Маркса и Энгельса» (1940); «Диалектика и политика» (1940); «Диалектический материализм» (1954); «О философских тетрадях В. И. Ленина» (1959). Эти работы сыграли положительную роль в освещении становления и развития марксистско-ленинской философии в связи с революционным рабочим движением, с критическим осмыслением научных достижений своего времени и критикой буржуазных и ревизионистских извращений марксизма.

Большой цикл работ Г. Ф. Александрова был посвящен истории философской и социологической мысли Древнего Востока, античного мира и Западной Европы. В их числе монографии «Аристотель» (1940); «История западноевропейской философии» (1946); «История социологии как науки» (1958); «История социологических учений. Древний Восток» (1959); «Очерк истории социальных идей в Древней Индии» (1959), которые являются по существу первыми марксистскими исследованиями в этой области. Г. Ф. Александров являлся одним из авторов и редакторов трехтомной «Истории философии» (1940—1943), удостоенной Государственной премии. По книге Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии» в 1947 г. при ЦК ВКП(б) была организована всесоюзная философская дискуссия, на которой книга подверглась всестороннему рассмотрению и критическому анализу. Философской дискуссией руководил секретарь ЦК ВКП(б) А. А. Жданов. Материалы дискуссии опубликованы в журнале «Вопросы философии» (1947, № 1). Во время дискуссии были по-

ставлены назревшие вопросы идеологической и научно-теоретической работы не только в области истории философии, но и в области диалектического и исторического материализма и других общественных наук. Обсуждение насущных проблем развития философской науки вызвало широкий резонанс научной общественности как в СССР, так и за рубежом и послужило стимулом к дальнейшему развертыванию исследований во всех областях марксистско-ленинской философии и к борьбе против современных буржуазных ревизионистских и объективистских теорий.

Г. Ф. Александров скончался в расцвете творческих сил, оставив рукописные материалы задуманных им новых исследований в области философии.

Ф. И. ХАСХАЧИХ (1907—1942)

Имя Федора Игнатьевича Хасхачиха навечно связано с Московским государственным университетом. Путь его в науку типичен для многих представителей того поколения, которому Великий Октябрь предоставил возможность активной творческой деятельности. Он родился в бедной крестьянской семье на юге Украины. Работая в комсомоле, участвуя в создании коллективных крестьянских хозяйств, в агитационной и пропагандистской работе после вступления в 1927 г. в партию, постигал будущий ученый общественные отношения периода становления социализма непосредственно в жизни, на практике. После окончания педагогического техникума Ф. И. Хасхачих был направлен в Московский государственный университет. Он блестяще закончил философский факультет, работал преподавателем диалектического и исторического материализма в Ростове-на-Дону, а затем, окончив в 1934 г. аспирантуру МГУ, защитил кандидатскую диссертацию на тему «Познаваемость мира и его закономерности».

Для активной научной деятельности судьба отвела ему немного времени — около пяти лет. Но за эти годы им было сделано очень многое. В 1939—1940 гг. Ф. И. Хасхачих работает деканом философского факультета Московского института истории, философии и литературы. Он читает лекции в Московском университете, Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б), ведет активную общественную работу, избирается депутатом Сокольнического районного Совета депутатов трудящихся г. Москвы. В то же время он упорно работает над докторской диссертацией, которую в основном завершает к 1941 г. Рукопись ее была сохранена в Институте философии АН СССР, а позднее была подготовлена к печати и опубликована (Вопросы теории познания диалектического материализма. М., 1967). Наряду с ранее опубликованными работами «Познаваемость мира и его закономерности» (1940), «Об античном скептицизме» (1941), «О познаваемости мира» (1946), «Материя и сознание» (1951), этот фундаментальный труд свидетельствует о незаурядных способностях автора, которому тогда минуло не многим более тридцати лет. В книге освещаются проблемы материальности мира, философские и естественнонаучные аспекты происхождения сознания, познаваемости мира и закономерностей его развития; она содержит аргументированную критику агностицизма.

В первые дни войны Ф. И. Хасхачих вместе с преподавателями, аспирантами и студентами философского факультета добровольцем ушел в ряды Советской Армии. Будучи рядовым истребительного батальона, а затем политработником в 5-й дивизии московских рабочих (впоследствии 158-й Лиозно-Витебской дважды Краснознаменной ордена Суворова стрелковой дивизии, прошедшей боевой путь от Москвы до Берлина), Федор Игнатьевич весь свой жизненный опыт и знания использует ради достижения единственной цели — победы над врагом.

В февральских боях 1942 г. 158-я дивизия предприняла наступление на немецкий укрепленный пункт северо-западнее Ржева. Бойцы и командиры проявляли исключительное мужество. В тяжелых боях погибли командир и комиссар 875-го стрелкового полка, был смертельно ранен начальник штаба. Выбывших из строя командиров заменили младшие командиры, политруки, рядовые бойцы. В эти дни проявились высокие качества Ф. И. Хасхачиха как политработника, обладавшего навыками не только убеждать, но и умело командовать. Он на некоторое время заменил погибших командира и комиссара полка. Именно тогда произошло то, что можно считать беспрецедентным в истории войн: бывший декан философского факультета поднимал и водил бойцов в атаку, выполняя свой высший патриотический долг.

Ф. И. Хасхачих как политработник 158-й дивизии, а затем 39-й армии вел огромную агитационно-пропагандистскую работу. Он выступал с докладами о положении на фронтах Отечественной войны, о международном положении СССР, разоблачал зверства фашизма, но при этом думал и о будущем. Сохранилась неопубликованная статья Ф. И. Хасхачиха «Чтобы победить врага, надо научиться его ненавидеть». В ней есть замечательные строки: «Пройдет время, окончится война, могилы фашистских захватчиков зарастут чертополохом, возродится разрушенное войной народное хозяйство... Вновь засияет солнце для нас». Но ученый-воин не дожил до этого времени. Он погиб 5 ноября 1942 г. от взрыва вражеского снаряда на боевом посту, выступая перед бойцами с докладом о 25-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

Светлый и мужественный образ Федора Игнатьевича Хасхачиха — замечательного ленинца, талантливого ученого, отважного воина — будет примером для всех, кто предан Родине, для всех, кто строит коммунизм.

Б. С. ЧЕРНЫШЕВ (1896—1944)

Борис Степанович Чернышев в 1920 г. окончил Московский университет, а через несколько лет стал аспирантом исследовательского Института научной философии (РАНИОН). Результатом его пребывания там стала книга «Софисты» (1929) — одно из первых в советское время серьезных монографических исследований важнейшего направления античной философии. В эти же годы началась преподавательская деятельность Бориса Степановича в различных московских вузах, на кафедре истории философии МИФЛИ, которую он возглавил с 1940 г., а также на кафедре философии МГУ. При объединении МИФЛИ с МГУ в первый год войны он продолжал возглавлять кафедру истории философии вплоть до своей ранней смерти в сентябре 1944 г., а 1943/44 г. он был и деканом философского факультета.

Борис Степанович Чернышев был всесторонне образованным, литературно одаренным ученым, хорошо знавшим древние и новые языки, русскую и зарубежную литературу. Он делал профессиональные переводы с древнегреческого, латинского, немецкого языков. Его научные интересы были широки — античная философия, немецкий идеализм (в особенности диалектическая логика Гегеля), новейшая буржуазная философия (критическое исследование философских доктрин Джентиле и Кроче). Б. С. Чернышев — один из авторов трехтомной «Истории философии» (1940—1943) под редакцией Г. Ф. Александрова, Б. Э. Быховского и других. Его главы о софистах, стоиках, академиках и перипатетиках в первом томе и о логике Гегеля — в третьем, отличающиеся содержательностью и ясностью изложения, принадлежат к числу лучших разделов этого издания и до сих пор широко используются в качестве учебной литературы на философских и других факультетах университетов.

Философы старшего поколения, учившиеся в довоенные и военные годы в МИФЛИ и МГУ, с большой теплотой и уважением вспоминают Бориса Степановича Чернышева. Своеобразие его лекционной манеры состояло в том, что, начав лекцию, Борис Степанович совершенно погружался в свои мысли и даже в некоторой мере терял связь с аудиторией, что, казалось бы, можно рассматривать как отрицательное качество лектора. Но в данном случае происходило обратное: уйдя в себя, он как бы думал вслух, осуществлял процесс исследования, так сказать, на глазах у публики и этим захватывал каждого, кто внимательно следил за ходом его мыслей. Как руководитель семинаров, Борис Степанович стремился к максимальной активности их участников. Он почти никогда не завершал семинар какими-то категорическими формулами, претендующими на абсолютную истинность. Напротив, он нередко делился с участниками своими сомнениями, как бы побуждая к совместным поискам наиболее удовлетворительного решения обсуждаемого вопроса.

Особенности профессора Чернышева как педагога были неотъемлемой стороной его человеческих качеств. Он всегда казался отрешенным от прозы жизни, был человеком весьма мягким, даже застенчивым. Не жалея времени, он беседовал со студентами и аспирантами столько, сколько было необходимо для выяснения истины. Естественно, что эти качества вызывали уважение и любовь к Борису Степановичу всех, кто знал его как ученого и педагога.

О. В. ТРАХТЕНБЕРГ (1889—1959)

Орест Владимирович Трахтенберг — один из виднейших советских историков философии — в течение многих лет был связан с философским факультетом и кафедрой истории зарубежной философии.

Окончив Петербургский университет по специальности «философия права», О. В. Трахтенберг с начала 20-х годов вел активную научную и преподавательскую деятельность. В те годы вышли его книги «Беседы с учителем по историческому материализму» и «Беседы с учителем по диалектическому материализму», выдержавшие не одно издание. Область его научных интересов составляли вопросы исторического материализма и общесоциологические проблемы истории. В конце 20-х — начале 30-х годов он преподавал предметы этого цикла в Академии коммунистического воспитания им. Н. К. Крупской. В дальнейшем проф. Трахтенберг переключился на разработку вопросов истории философии. В 1941 г. он защитил докторскую диссертацию по истории западноевропейской средневековой философии, которая в несколько расширенном объеме была опубликована в 1957 г. в качестве монографии «Очерки по истории западноевропейской средневековой философии». В течение многих лет это было единственным более или менее систематическим изложением истории средневековой философии (западноевропейской и частично ближневосточной). Проф. Трахтенберг — один из активных авторов трехтомной «Истории философии» (1940—1943), где им кроме раздела о средневековой философии написаны раздел о философии эпохи Возрождения, главы о Конте, Милле, французских историках эпохи Реставрации. Он принимал участие в подготовке труда «Из истории русской философии» (1949), «Очерков по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР» в 2-х томах (1955—1956), где им были написаны главы о древнем периоде истории русской философии, и шеститомной «Истории философии» (1957—1959).

В 1947 г. при организации Академии педагогических наук О. В. Трахтенберг стал ее действительным членом. В течение нескольких лет он заведовал сектором истории философии Института философии АН СССР. С 1943 г. и до конца жизни Орест Владимирович был профессором философского факультета МГУ. Автор этих строк и многие философы старшего поколения помнят его

лекции, отличавшиеся прекрасной литературной формой. Под руководством О. В. Трахтенберга на философском факультете МГУ, в Институте философии и в Академии общественных наук при ЦК КПСС подготовили свои кандидатские диссертации многие аспиранты.

М. А. ДЫННИК (1896—1971)

Михаил Александрович Дынник — известный советский историк философии — много работал в области античной философии. В 30—50-е годы проф. Дынник читал в МИФЛИ и МГУ лекции по античной философии. Его глубокие по содержанию и изящные по форме изложения лекции и спецкурсы пользовались большой популярностью у слушателей. Он переводил с древнегреческого, в частности сделал перевод фрагментов Гераклита, считающийся одним из лучших (обладая поэтическим талантом, М. А. Дынник сохранил ритмическую форму фрагментов). Он перевел некоторые философские тексты с французского и итальянского, в том числе и стихотворные. Одним из первых М. А. Дынник стал читать курс критики новейшей буржуазной философии. Он выступал и со статьями по истории эстетики, но в основном его научная и педагогическая деятельность была посвящена истории философии. В 1929 г. М. А. Дынник публикует монографию «Диалектика Гераклита Эфесского», а в 1936 г.— книгу «Философия классической Греции» — один из первых и немногих советских марксистских трудов (в нем впервые широко были использованы идеи «Философских тетрадей» В. И. Ленина), в котором прослеживалось развитие древнегреческой философии от ее возникновения до Аристотеля включительно. Ряд глав этого труда в переработанном виде вошел в первый том упоминавшейся трехтомной «Истории философии». В дальнейшем он стал одним из авторов и редакторов шеститомной «Истории философии», опубликованной АН СССР в 1957—1961 гг.

К этому времени М. А. Дынник был членом-корреспондентом АН СССР. В течение нескольких лет он заведовал кафедрой истории философии Академии общественных наук при ЦК КПСС, а затем заведовал сектором истории западноевропейской и американской философии Института философии АН СССР. Последним трудом, в котором он написал ряд глав и был одним из редакторов, стала «История античной диалектики», опубликованная уже после смерти Михаила Александровича, в 1972 г.

В. Ф. АСМУС (1894—1975)

Валентин Фердинандович Асмус вместе с М. А. Дынником учился на историко-филологическом факультете Киевского университета и окончил его по отделению философии и русской словесности

в 1919 г. Учителем, который оказал на него наибольшее влияние и которого Валентин Фердинандович нередко вспоминал с большой теплотой, был Алексей Никитич Гиляров (умерший академиком АН УССР в 1938 г.). По окончании университета В. Ф. Асмус в течение ряда лет преподавал философию в киевских вузах. Уже тогда определились основные направления его научной и преподавательской деятельности — истории философии, эстетика и логика, деятельный интерес к которым он пронес через всю свою продолжительную жизнь. Этот интерес получил свое первое литературное выражение в книге «Диалектический материализм и логика», изданной в Киеве в 1924 г.

В 1927 г .В. Ф. Асмус был приглашен преподавать в Институт красной профессуры, в котором работал до его ликвидации в 1938 г. Примерно в те же годы он преподавал историю философии в Академии коммунистического воспитания им. Н. К. Крупской, работал в Институте философии АН СССР, в Литературном институте им. М. Горького.

В довоенные и послевоеные годы развернулась активнейшая литературная деятельность Валентина Фердинандовича. Им были опубликованы «Очерки истории диалектики в новой философии», издававшиеся дважды, в 1929 и 1930 гг., «Диалектика Канта» (два издания в те же годы), «Маркс и буржуазный историзм» (1933). Эти книги выявили лучшие качества их автора — философа-стилиста, соединявшего в своих работах кристальную ясность изложения с литературным изяществом и образностью языка. По убеждению слушателей и читателей эти качества делают Валентина Фердинандовича одним из наиболее ярких философов-стилистов в советской, да и в русской литературе. Впрочем, эти качества не могут удивлять в ученом, который немалое внимание уделял вопросам литературной критики. В частности, он был автором одной из первых статей о Твардовском, высоко оценив творчество только начавшего тогда печататься поэта. В 1935 г. В. Ф. Асмус стал членом Союза писателей. Но, конечно, в качестве эстетика он проявил себя больше, чем в качестве критика. Защищенная им в 1940 г. докторская диссертация по философии — одна из первых в СССР — была посвящена эстетике классической традиции. Из числа других его работ по эстетике, получивших наибольшую известность и читаемых до сих пор, следует назвать «Гете в «Разговорах Эккермана» (1934), «Круг идей Лермонтова» (1941), ряд статей о Толстом, начиная со студенческой статьи и кончая большой обобщающей статьей «Мировоззрение Л. Толстого» (1960). Им написаны статьи о творчестве Пушкина, Грибоедова, русских символистов, Станиславского, Винкельмана, Лессинга, Дидро, Шиллера. В дальнейшем была опубликована книга «Немецкая эстетика XVIII века» (1963).

Когда стала очевидной необходимость преодоления отрицательного отношения к формальной логике, проф. Асмус стал одним из самых активных философов, писавших по вопросам логики.

Традиционная формальная логика была изложена им в книге «Логика» (1947). В последующие годы он опубликовал еще несколько работ по логике. Убедившись, однако, в том, что традиционная формальная логика, основы которой он усвоил еще в студенческие годы, представляет собой уже давно пройденный этап этой науки, что современная логика развивается в теснейшем контакте с математикой, В. Ф. Асмус, считавший, что ему уже поздно переучиваться, отошел как от преподавания, так и от печатных выступлений по вопросам логики.

В многогранной, почти энциклопедической деятельности В. Ф. Асмуса наибольшее место все же занимали вопросы истории философии. Здесь его тоже можно считать энциклопедистом, ибо он много писал по вопросам философии античности, средневековья, Нового времени, немецкого идеализма конца XVIII — начала XIX в., русской философии XIX в., буржуазной философии новейшего времени. В. Ф. Асмус был одним из авторов трехтомной «Истории философии» (1940—1943). Но наибольший его интерес вызывала немецкая классическая философия, в особенности философия Канта. Публикации В. Ф. Асмуса за многие годы обобщены в книге «Иммануил Кант», опубликованной Институтом философии АН СССР в 1973 г. Из числа других его монографических произведений следует назвать книги «Декарт» (1956) и «Проблема интуиции в философии и математике» (1963; 1965) — один из наиболее содержательных очерков истории гносеологии Нового времени. Последним крупным трудом этого виднейшего советского историка философии стала «Античная философия» (1965); второе дополненное издание вышло в 1976 г., уже после смерти автора.

С 1939 г. В. Ф. Асмус был профессором кафедры философии Московского университета, а с 1942 по 1972 г.— профессором философского факультета МГУ. Он прочитал множество лекций по различным разделам истории философии, логики и эстетики студентам и аспирантам философского факультета. Семинарских занятий он проводил сравнительно немного, преимущественно с аспирантами. Как лектора Валентина Фердинандовича отличали те же качества, которые были свойственны ему как автору философских произведений,— литературное изящество при ясности изложения. Слушателей поражало в его лекциях практически полное отсутствие грамматических и стилистических оговорок, не говоря уже об ошибках. Содержательность лекций глубоко гармонировала с их яркой, несколько академичной формой. На семинарских занятиях проф. Асмус предпочитал систему докладов, будучи внимательным слушателем и вдумчивым критиком аспирантских сообщений. Внешне несколько по-немецки суховатый, Валентин Фердинандович (отец которого был из давно обрусевших немцев, а мать русской) был добрейшим человеком. Как только он убеждался, что тот или иной аспирант или студент изучает философию прежде всего ради нее самой, что его лучшие душевные силы стремятся к раскрытию истины, от его сдержанности не оставалось

и следа. Такой учащийся получал в лице Валентина Фердинандовича собеседника и старшего товарища, далекого от любого подобия менторстава.

За десятилетия своей педагогической деятельности В. Ф. Асмус подготовил множество кандидатов наук, при его консультационной помощи появился не один доктор философии. Большинство теперешних академиков и членов-корреспондентов Академии наук по философии в той или иной мере были слушателями В. Ф. Асмуса. Его образ запечатлен и в некоторых произведениях советской художественной литературы.

Когда в январе 1965 г. философский факультет МГУ отмечал семидесятилетие Валентина Фердинандовича (к этому времени заслуженного деятеля науки РСФСР и действительного члена Международного института философии в Париже), собралась большая аудитория. Выступавшие на этом юбилее — а их было много — не только отмечали заслуги юбиляра в преподавании философии и выражали благодарность маститому ученому за его книги, статьи, лекции и семинары. Они подчеркивали его интеллектуальную честность, неумение подстраиваться под конъюнктуру, кривить душой. Представители старшего поколения философов, среди которых были члены- корреспонденты и академики АН СССР, отмечали исключительные заслуги Валентина Фердинандовича в развитии и пропаганде марксистско-ленинской философии в СССР. По решению Совета факультета в Издательстве Московского университета в 1969—1971 гг. были изданы два тома его «Избранных философских трудов», куда автор включил свои наиболее интересные, как он считал, работы, опубликованные в 1929—1964 гг.

П. С. ПОПОВ (1892—1964)

Заметную роль в пропаганде логических знаний и подготовке специалистов по логике сыграл Павел Сергеевич Попов. Накануне первой мировой войны он закончил историко-филологический факультет Московского университета. Его научные интересы постепенно сосредоточились на истории философии и логике. Первая его научная работа «Бергсон и его критики» была опубликована в 1916 г. Несколько позднее он публикует статью «Значение учения Д. Локка о качествах» (Вопр. философии и психологии, 1916, № 135).

В 20—30-е годы П. С. Попов выступает как литературовед, постепенно переходя с позиций интуитивизма на позиции диалектического материализма. В конце 30-х — начале 40-х годов он работал в Институте слова, где углубил свои познания в области классической филологии и текстологии и защитил кандидатскую диссертацию на тему «Этюды по гносеологии и психологии Аристотеля в их значении для современной мысли» (1943).

Диапазон научных исследований П. С. Попова был весьма ши-

рок: его едва ли не в равной степени занимали история философии, история литературы, история логики, эстетика Л. Н. Толстого, диалектическая логика Гегеля и многое другое. Из работ П. С. Попова по истории литературы следует отметить статьи «Иностранные источники трактата Л. Н. Толстого «Что такое искусство?» (1929); «А. С. Пушкин в работе над «Историей Петра I» (1934); вступительную статью и комментарий к книге «Письма С. А. Толстой к Л. Н. Толстому» (1935). Научный интерес к творчеству Л. Н. Толстого определялся и личными обстоятельствами: П. С. Попов был женат на внучке Л. Н. Толстого — Анне Ильиничне Толстой.

В начале 40-х годов Павел Сергеевич преподавал логику в Московском институте международных отношений, а с 1943 по 1964 г.— на философском факультете МГУ. Он был в числе лекторов курсов по логике для вузовских преподавателей философии в г. Химки, организованных в 1946 г. после постановления ЦК ВКП(б) о преподавании логики в высшей школе.

В 1947/48 г. П. С. Попов заведовал кафедрой логики философского факультета МГУ. Он привлек к сотрудничеству видного советского специалиста по математической логике, профессора механико-математического факультета МГУ С. А. Яновскую (1896—1966), которой было поручено чтение факультативных спецкурсов по математической логике.

С 1948 г. и до своей кончины в 1964 г. П. С. Попов работал профессором кафедры логики. Он читал как общие курсы логики, так и спецкурсы по истории логики на философском, филологическом и юридическом факультетах.

Заслуживает внимания серия публикаций П. С. Попова по истории логики: «История логики Нового времени» (1960); «Логика Аристотеля и логика формальная» (1945); «Вопросы логики в произведениях революционных демократов» (1952); «Учение Л. В. Рутковского об умозаключениях и их классификациях» (1962); «Вопрос об отношении логики и диалектики в работах прогрессивных ученых Запада» (1956).

Другая серия публикаций П. С. Попова посвящена пограничным проблемам логики и языкознания. Среди них статьи «Суждение и его строение» (1953); «Знание слова и понятие» (1956) и монография «Суждение» (М., 1957). Весьма оригинальна последняя из его историко-философских статей «Об изучении философии Платона» (Филос. науки, 1958, № 3), в которой разрушается ряд легенд о философии Платона, созданных в буржуазной историографии.

Д. И. ЧЕСНОКОВ (1910—1973)

Профессор Дмитрий Иванович Чесноков — действительный член Академии педагогических наук СССР, известный ученый, педагог и политический деятель — прошел большой и сложный жизненный путь.

В 1931 г. Д. И. Чесноков, окончив Московский педагогический институт им. В. И. Ленина, начал педагогическую и научную работу. В 1939 г. он вступил в ряды КПСС и с 1946 по 1959 г. находится на партийной и советской работе, успешно сочетая ее с преподавательской деятельностью в Свердловском, Горьковском и Московском университетах. В 1946 г. он был секретарем Свердловского горкома партии, в 1956 г.— секретарем Горьковского обкома партии. В 1952 г. на XIX съезде партии был избран членом ЦК ВКП(б), а на Октябрьском пленуме ЦК — членом Президиума ЦК ВКП(б). В 1949—1952 гг. Д. И. Чесноков был главным редактором журнала «Вопросы философии», в 1952 г.— главным редактором журнала «Коммунист»; в 1958—1959 гг. возглавлял Государственный комитет по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР.

В Московском университете Д. И. Чесноков начал работать с 1948 г. профессором кафедры диалектического и исторического материализма. С 1959 г. он возглавлял кафедру диалектического и исторического материализма философского факультета, а в 1960 г. его усилиями была создана первая в стране кафедра исторического материализма, заведующим которой он оставался до 1967 г., когда был переведен на должность проректора Академии общественных наук при ЦК КПСС. Под руководством Д. И. Чеснокова была разработана программа по историческому материализму для философских факультетов университетов, в которую вошли новые для того времени темы о природе и обществе, политической организации общества, обществе и личности, культуре. Усилиями руководимой им кафедры была разработана программа по теории научного коммунизма и организована первая в стране кафедра научного коммунизма.

Постоянной заботой Д. И. Чеснокова была подготовка философских кадров высшей квалификации. В период его руководства кафедрой и при его непосредственной помощи подготовили и защитили докторские диссертации доценты этой кафедры Г. М. Андреева, А. М. Ковалев, В. И. Разин.

Профессор Чесноков — известный в нашей стране и за рубежом ученый, автор более 100 научных работ в области философии и политики. Его труд о мировоззрении А. И. Герцена был удостоен Государственной премии СССР.

Особую известность получили работы Д. И. Чеснокова в области теории государства. Его книга «Советское социалистическое государство» была одной из первых крупных работ в этой области знания.

В период работы в Московском университете научные интересы профессора Чеснокова сосредоточились на общих проблемах исторического материализма. В этот период он создает книгу «Исторический материализм», которая явилась серьезным вкладом в разработку социально-философской теории марксизма. В ней был поставлен ряд новых проблем: общественные интересы, исто-

рические формы гуманизма, соотношение общественной психологии и идеологии, роль науки в общественном развитии. Эта книга, вышедшая двумя изданиями и удостоенная Ломоносовской премии 1966 г., явилась и первым учебным пособием для подготовки специалистов по историческому материализму на специализированной кафедре.

В последние годы работы на кафедре Дмитрий Иванович заинтересовался вопросами системы социологического знания. Свои взгляды он изложил в ряде публикаций, а затем в монографии «Исторический материализм как социология марксизма-ленинизма», где были раскрыты основные положения марксистского учения об общественно-историческом процессе и дана аргументированная, политически острая критика буржуазной социологии и философского ревизионизма. Партийная принципиальность, непримиримость к отклонениям от линии партии характерны для всего творчества Дмитрия Ивановича.

Незаурядные организаторские способности и талант ученого удачно сочетались у Д. И. Чеснокова с качествами замечательного педагога, лектора, наставника молодежи. Публичные лекции, читавшиеся им по поручению партийных органов и по линии общества «Знание», неизменно пользовались большим успехом и собирали многочисленную аудиторию.

Блестящий талант руководителя, воспитателя, ученого, завидная работоспособность, умение понимать людей и направлять их работу создали Д. И. Чеснокову высокий авторитет. Благодаря своим личным качествам — чуткости, отзывчивости, сердечности — он пользовался большим уважением и любовью коллег и товарищей.

В. И. МАЛЬЦЕВ (1906—1975)

Василий Иванович Мальцев прожил трудную, творческую жизнь. Уже в 16 лет он начал свою трудовую деятельность. Двадцати четырех лет вступил в ряды КПСС и с тех пор был страстным проводником ее идей. В 1931 г. В. И. Мальцев окончил Академию коммунистического воспитания им. Н. К. Крупской, а в 1935 г.— аспирантуру МИФЛИ, где успешно защитил кандидатскую диссертацию. В этом же году он начал преподавательскую деятельность в вузах Москвы, а в 1940 г. перешел на постоянную работу в МГУ. С 1941 г. и до конца Великой Отечественной войны Василий Иванович храбро сражался с фашизмом. За боевые заслуги он награжден орденами и медалями. После войны В. И. Мальцев вернулся на философский факультет Московского университета, где продолжал целеустремленно трудиться над проблемами диалектического материализма до конца жизни. В 1955 г. он защитил докторскую диссертацию. В. И. Мальцев был прекрасным преподавателем, читал содержательные и увлекательные лекции,

обращая особое внимание на формирование философского мышления своих слушателей и их идейно-политическое воспитание. Им подготовлено несколько десятков молодых ученых, которые и сейчас с благодарностью его вспоминают.

Профессор В. И. Мальцев был разносторонне образованным философом. Его интересовали логические, методологические и мировоззренческие проблемы; немалое внимание он уделял анализу диалектических явлений в биологии, психологии и лингвистике. В период развертывания дискуссии по проблеме знака и значения В. И. Мальцев дал убедительное решение проблемы значения и понятия. Он был активным участником многих философских дискуссий. Так, в дискуссии по проблеме противоречий в социалистическом обществе он решительно выступал против тех, кто отрицал всеобщность диалектического закона противоречия.

Особый интерес В. И. Мальцев проявлял к диалектической логике. По этой проблематике им опубликованы работы «О некоторых чертах диалектической логики» (1958); «Проблемы диалектической логики» (1959); «Вопросы диалектической логики в работе В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» (1960); «Место и роль категорий в диалектической логике» (1960) и другие, имевшие большое значение в тот период, когда обсуждались вопросы о том, существует ли вообще диалектическая логика и нуждается ли формальная логика в каких-либо дополнениях. В. И. Мальцев был горячим сторонником разработки диалектической логики. Свои исследования он обобщил в книге «Очерк по диалектической логике» (1964), которая была переведена на некоторые иностранные языки. В этой книге им убедительно решен вопрос о соотношении формальной и диалектической логики и раскрыт предмет последней. Позиция В. И. Мальцева базировалась на принципиальных ленинских положениях о том, что мышление и объективный мир подчинены одним и тем же законам и что логические формы и законы суть отражение объективного мира[8]. Опираясь на эти ленинские идеи, В. И. Мальцев считал, что диалектическая логика как наука о формах мышления есть высший этап развития логики. При этом он не отрицал значения формальной логики, а утверждал, что законы и правила формальной логики являются необходимыми орудиями отражения действительности и не могут быть отброшены, как бы ни развивалось познание мира. Вместе с тем в книге показывается ограниченность формальной логики, неспособной выразить диалектическое движение мысли. В книге подробно анализируются соотношение субъективной и объективной логики, логического и исторического и другие проблемы, в раскрытии которых автор опирается на «Капитал» К. Маркса, на труды Ф. Энгельса и В. И. Ленина. В книге удачно проводится различие между формально-логическим и диалектико-материалистическим обобщением. С интересом читаются

[8] См.: Ленин В. И. Полн собр. соч., т. 29, с. 162, 165.

главы, посвященные дедукции и индукции, понятию и его структуре, доказательству, единству диалектики, логики и теории познания в марксистско-ленинской философии.

Проф. В. И. Мальцев внимательно относился к потребностям коллектива, к организации его деятельности. Эти качества способствовали его выдвижению на руководящую работу в партийной организации философского факультета. Он был примером активного коммуниста и принципиального ученого.

Ф. И. ГЕОРГИЕВ (1904—1974)

Филипп Игнатьевич Георгиев — видный советский философ, доктор педагогических и доктор философских наук, профессор, член КПСС с 1926 г.— родился в семье крестьянина-хлебопашца. С ранних лет он познал тяжесть крестьянского подневольного труда — был батраком. В 1923 г. одним из первых вступил в члены сельскохозяйственной коммуны. Одновременно с работой в коммуне много и упорно учился. В трудные для молодого Советского государства годы был занят на ответственной комсомольской, а затем партийной работе. Принимал непосредственное участие в коллективизации сельского хозяйства Новоузенского района Саратовской области.

В 1931 г. Ф. И. Георгиев закончил Высшие педагогические курсы при Московском государственном педагогическом институте им. В. И. Ленина, в 1936 г.— Институт красной профессуры и в том же году — аспирантуру Московского института психологии. Его кандидатская диссертация была посвящена психофизической проблеме в философии Л. Фейербаха. В 1942 г. Ф. И. Георгиев успешно защищает докторскую диссертацию на тему «Психологическая теория Гегеля». Ему присуждается степень доктора педагогических наук и звание профессора. Докторскую диссертацию по философии Ф. И. Георгиев защитил в 1967 г. по совокупности опубликованных научных работ. В 1936—1944 гг. Ф. И. Георгиев был научным сотрудником Московского института психологии и до конца своих дней профессором кафедры диалектического материализма философского факультета МГУ.

За 40 лет плодотворной научной работы Ф. И. Георгиев внес большой вклад в развитие философской науки. Ему принадлежит около 80 научных работ (из них 5 книг и несколько брошюр) по актуальным проблемам диалектического материализма, истории философии, психологии и философским проблемам естествознания. Наибольшую известность приобрели его монографии «Противоположность марксистского и гегелевского учения о сознании» (1961); «Проблема противоречия» (1969), а также большой цикл статей о сознании и познании (1967—1974). Центральное место в научных исследованиях Ф. И. Георгиева занимали вопросы теории познания диалектического материализма, теории отражения, специфики гносеологического образа, противоречия.

Много и плодотворно работал Ф. И. Георгиев и в области истории философии, исследуя философские и психологические воззрения Гегеля, а также историю болгарской философской мысли.

В последние годы жизни Ф. И. Георгиев вместе со своими учениками разрабатывал ряд актуальных проблем генезиса сознания и познания. Под его руководством и при его непосредственном участии были опубликованы исследования по проблемам отражения, гносеологических отношений субъекта и объекта, чувственного и рационального, эмпирического и теоретического знания, познавательного образа и знака, а также по вопросам гносеологических функций практики и научного предвидения.

Проф. Ф. И. Георгиев был широко известен как блестящий педагог, воспитавший большую группу советских философов. Многие его ученики являются сейчас ведущими учеными в области марксистско-ленинской философии. Много труда, сил и энергии отдал Ф. И. Георгиев подготовке философских кадров для стран социалистического содружества. В Болгарии и Венгрии, на Кубе и в Чехословакии трудятся сейчас его ученики.

Талантливый ученый и педагог, настоящий коммунист, Ф. И. Георгиев более 30 лет трудился в Московском университете. И самым высоким своим званием он считал звание «профессор Московского университета».

П. Т. БЕЛОВ (1910—1977)

Павел Тихонович Белов родился в семье трудового крестьянина, вступившего в 1929 г. в колхоз. Окончив сельскую школу, П. Т. Белов поступил в сельскохозяйственное училище, получил специальность агронома, до 1931 г. работал в колхозе, а затем поступил на рабфак им. К. А. Тимирязева в Москве. Жажда знаний и стремление активно участвовать в пропаганде атеистических взглядов привели комсомольца Павла Белова после окончания в 1933 г. рабфака в Московский институт истории, философии и литературы (МИФЛИ). Окончив с отличием институт, П. Т. Белов был оставлен в аспирантуре на философском факультете и одновременно работал преподавателем Московской сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева. С 1939 по 1941 г. работал в только что созданной Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б) и в других организациях.

С первых дней Великой Отечественной войны коммунист Павел Тихонович Белов вступил в ополчение и добровольно ушел защищать Родину. До конца войны он находился на политработе в Советской Армии. После окончания войны в 1947 г. П. Т. Белов защищает кандидатскую диссертацию о мировоззрении Д. И. Писарева и с этого времени ведет преподавательскую работу в Академии общественных наук при ЦК ВКП(б) и МГУ. В 1948—1952 гг. он возглавляет философскую редакцию Госполитиздата,

в 1952—1955 гг.— заведует сектором диалектического материализма Института философии АН СССР. В течение ряда лет, начиная с основания Университета Дружбы народов им. П. Лумумбы, заведовал в нем кафедрой философии.

С 1948 г. в течение почти тридцати лет П. Т. Белов без перерыва (ряд лет по совместительству) работал в Московском государственном университете сначала доцентом кафедры истории философии народов СССР, затем, после защиты в 1968 г. докторской диссертации, профессором философского факультета. П. Т. Белов был одним из организаторов первой в стране кафедры истории социалистических учений, которую возглавлял ряд лет. За сорок лет педагогической работы П. Т. Беловым было подготовлено более 60 кандидатов наук. Будучи широко образованным ученым, он вел большую научную работу в различных областях домарксистской и марксистско-ленинской философии. Ему принадлежат работы по истории русской и зарубежной философии, диалектическому и историческому материализму, истории социалистических учений, философским проблемам естествознания. Отметим некоторые из них: «Материализм Сеченова» (1949); «И. В. Мичурин как диалектический материалист» (1949); «О первичности материи и вторичности сознания» (1952); «Основные этапы истории социалистических учений» (1958); «Философия выдающихся русских естествоиспытателей второй половины XIX — начала XX в.» (1970). Некоторые работы П. Т. Белова по марксистско-ленинской философии переведены на французский, немецкий, чешский, китайский языки. Проф. Белов принимал участие в ряде коллективных трудов: «Из истории русской философии» (1949); «О развитии социалистического общества» (1951); «О диалектическом и историческом материализме» (1952); «Краткий философский словарь» (1950), «История философии» в 6-ти томах (т. II, 1958); «История социалистических учений» (1976, 1977) и других.

П. Т. Белов внес большой вклад в разработку истории отечественной философской мысли и истории марксистско-ленинской философии. Им было проанализировано творчество таких мыслителей, как А. Н. Радищев, Д. И. Писарев, Н. В. Шелгунов, М. М. Антонович, В. Г. Белинский, и показана их роль в развитии материалистической философии. Он одним из первых дал глубокий анализ философского материализма русских естествоиспытателей второй половины XIX — начала XX в.— И. М. Сеченова, Д. И. Менделеева, К. А. Тимирязева, И. В. Мичурина и других, оценив значение естественнонаучного материализма как союзника марксистского материализма в борьбе против идеализма и мистики.

П. Т. Белов вел большую общественную работу, всегда был в первых рядах борцов идеологического фронта. За боевые и трудовые заслуги он был награжден шестью правительственными наградами.

Н. Г. ТАРАКАНОВ (1910—1974)

Николай Григорьевич Тараканов родился в Симбирской губернии в семье крестьянина. Стремление к знаниям привело его в профшколу, а затем на рабфак и в Московский историко-философский и литературный институт. По окончании в 1938 г. философского факультета Н. Г. Тараканов преподавал в Московской сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева (1938—1939 гг.), в Высшей партийной школе (1939—1940 гг.). В 1940 г. он был принят в члены ВКП(б). С 1940 по 1947 г. работал в аппарате ЦК ВКП(б), в 1947—1948 гг. был заместителем директора и главным редактором Издательства политической литературы, с 1950 по 1955 г.—заведующим философской редакцией Издательства иностранной литературы. В Московском университете, где Н. Г. Тараканов работал с 1943 г. до ухода на пенсию, он преподавал историю русской философии XI—XIX вв.

Н. В. Тараканов вел большую общественную и научную работу, был страстным пропагандистом марксистско-ленинской теории, критиком буржуазной идеологии, антикоммунизма и антисоветизма. Им был опубликован ряд статей, направленных против буржуазных фальсификаторов идейного наследия русских революционеров-демократов. Его труды, посвященные философскому наследию И. П. Павлова, Н. П. Огарева, А. И. Герцена, получили высокую оценку читателей. Много сил и времени отдал Н. Г. Тараканов подготовке и публикации двухтомника избранных социально-политических и философских произведений Н. П. Огарева. Вскоре после смерти Николая Григорьевича вышла его монография «Н. П. Огарев. Эволюция философских взглядов» (1974). Он был одним из авторов коллективных трудов «Из истории русской философии» (1949); «Очерки по истории философской и общественной мысли народов СССР» (1955—1956); «История философии» (т. II, 1958); «Против современных фальсификаторов истории русской философии» (1960); «История философии в СССР» (т. II, 1968).

Н. Г. Тараканов был горячим патриотом, умелым и терпеливым наставником студентов, ученым, внесшим определенный вклад в разработку истории русской философии.

Е. Ф. МУРАВЬЕВ (1896—1980)

На протяжении многих лет в Московском университете работал Евдоким Федорович Муравьев, один из старейших атеистов страны, ученый и педагог, активный общественно-политический деятель, участник Великой Октябрьской революции, гражданской войны, ветеран-чекист. «Ваша преданность делу рабочего класса и коммунизма, проявленная Вами на тамбовском фронте,— писал Е. Ф. Муравьеву в 1925 г. при его вступлении в партию Ф. Э. Дзержинский,— настолько очевидна, что ряд наших работников даст Вам необходимую рекомендацию».

Яркая, насыщенная событиями жизнь Е. Ф. Муравьева была посвящена борьбе за революционные идеалы, за торжество ленинских идей. Член исполкома Воронежского Совета во время Февральской революции, секретарь рабочей секции Совета, один из организаторов рабочей боевой дружины (так называлась в Воронеже Красная гвардия), член Воронежского Военно-революционного комитета, Е. Ф. Муравьев своей революционной деятельностью способствовал укреплению Советской власти. Работая затем в Рязани председателем губревкома, он был одновременно председателем губернского Совета крестьянских депутатов и губернским комиссаром по организации Совета. Будучи в 1918 г. председателем ревкома крупного партизанского отряда на Украине, Е. Ф. Муравьев принимал участие в установлении Советской власти на освобожденной партизанами территории. Деятельность Муравьева как чекиста-разведчика связана с одной из ярких страниц борьбы партии с контрреволюцией в первые годы Советской власти — ликвидацией антоновского кулацко-эсеровского мятежа в Тамбовской губернии в 1920—1921 гг. «Чекистам удалось проникнуть в самое сердце антоновщины, и, кажется, Антонову не удастся воскреснуть»,— говорил Ф. Э. Дзержинский. Именно Е. Ф. Муравьеву, выполнявшему секретное поручение руководства ВЧК, удалось усыпить бдительность руководителей мятежа, вывезти их в Москву и передать в ВЧК.

Общественно-политическая деятельность Е. Ф. Муравьева началась еще до Октябрьской революции. Он руководил занятиями в подпольных кружках в г. Воронеже, читал лекции в Народном университете. Пропагандистом и лектором он продолжал оставаться и во время работы в ВЧК—ОГПУ. В 1933 г. Е. Ф. Муравьев заканчивает Институт красной профессуры, специализируясь по проблемам атеизма и критики религии. Он преподает курс истории религии и атеизма в Московском историко-философском и литературном институте, заведует кафедрой истории религии и атеизма. Одновременно ведет большую лекционную работу в Центральном совете Союза воинствующих безбожников (СВБ), является членом редколлегии научно-методического журнала «Антирелигиозник». Затем направляется на руководящую работу в Центральный совет СВБ, заведует научно-методическим отделом, а с 1934 по 1937 г. является редактором Государственного антирелигиозного издательства (ГАИЗ) и членом Постоянной комиссии по вопросам религиозных культов при Президиуме ЦИК СССР, продолжая научную и преподавательскую работу. С 1933 по 1940 г. Е. Ф. Муравьев работает старшим научным сотрудником Института философии АН СССР, сотрудничает в Музее истории религии и атеизма, публикует ряд научных работ (брошюр и статей в журналах «Под знаменем марксизма», «Антирелигиозник» и других). Большой интерес представляют его статьи, посвященные критике взглядов К. Каутского на историю раннего христианства, а также работа о структуре религии, написанная совместно с

В. М. Шорохом, в которой впервые было обращено внимание на структурную сложность религии и необходимость ее учета в практике антирелигиозной работы.

Когда началась Великая Отечественная война, Е. Ф. Муравьев пошел добровольцем в народное ополчение. Вел пропагандистскую работу среди бойцов, был ранен.

После войны Е. Ф. Муравьев целиком отдается научной и преподавательской работе в Московском государственном университете, активно участвует в атеистической пропаганде. Его яркие, насыщенные фактическим материалом и отличавшиеся высоким научным уровнем лекции пользовались большим успехом.

Е. Ф. Муравьев был награжден орденом Боевого Красного Знамени и многими медалями.

А. А. МАКСИМОВ (1891—1976)

Александр Александрович Максимов — известный советский философ, много и плодотворно работавший в области философских вопросов естествознания. В 1916 г. он успешно окончил физико-математический факультет Казанского университета. В 1918 г. вступил в ряды ВКП(б) и до конца жизни оставался верным ее идеалам, горячо отстаивал и пропагандировал марксистско-ленинское учение, оказавшее плодотворное влияние на методологические ориентации современного естествознания. Педагогическую деятельность он начал в 1922 г. в Московском государственном университете, возглавив кафедру философии и истории естествознания. В эти годы он ведет большую работу среди профессорско-преподавательского состава университета, организует и руководит семинаром по диалектическому материализму и философским проблемам естествознания. Этот семинар в свое время сыграл большую роль, помог университетским ученым освободиться от позитивистских, полупозитивистских, фрейдистских и прочих идеалистических идей, твердо стать на позиции марксистской методологии. За успешную работу по воспитанию молодежи и перевоспитанию в духе марксизма-ленинизма старых кадров А. А. Максимову в 1929 г. присуждается ученое звание профессора. Одновременно с педагогической деятельностью в МГУ он ведет преподавательскую работу в Институте красной профессуры и в Коммунистической академии. В 1934 г. Александр Александрович защищает докторскую диссертацию, а в 1943 г. избирается членом-корреспондентом Академии наук СССР.

Работу в Институте философии АН СССР Максимов совмещает с преподавательской деятельностью в Московском университете, где он читал по разработанной им программе курс лекций студентам и аспирантам философского факультета по истории борьбы за материализм против идеализма в русском естествознании XVIII—XX вв., руководил дипломными работами студентов и подготовкой кандидатских диссертаций.

Курс лекций, прочитанных на философском факультете, был в 1947 г. издан отдельной книгой под названием «Очерки по истории борьбы за материализм в русском естествознании». Главным достоинством курса лекций и названной книги являлось то, что они основывались на принципах марксистско-ленинской методологии. В них убедительно показана материалистическая традиция в русской науке, подробно освещен тот огромный вклад, который был внесен в науку Ломоносовым, а также Лобачевским, Осиповским, Рулье, Бекетовым и другими. Большое внимание автор уделил роли И. М. Сеченова и И. П. Павлова в материалистической разработке проблем мышления. Достойное место отведено в книге борьбе материализма с издеализмом в области физики, химии, биологии. Этот труд А. А. Максимова, содержащий глубокие научные выводы, сыграл большую роль в воспитании студенчества, аспирантов, советской интеллигенции. Недаром такой фальсификатор русской философии, как белоэмигрант В. В. Зеньковский, в своей антисоветской брошюре «О мнимом материализме в русской науке и философии» злобно ополчился против книги А. А. Максимова и книги кафедры «Из истории русской философии» (под редакцией И. Я. Щипанова. М., 1949, 1951). Но этот выпад, оплаченный американскими долларами, недвусмысленно показал стремление Зеньковского извратить развитие передовой русской науки и материалистической философии.

Следует отметить и такие труды Максимова, как «Ленин и естествознание» (М., 1933), «Введение в современное учение о материи и движении» (М., 1941). В первой работе автор показал непреходящее значение ленинского учения для естествознания. Во второй работе были поставлены философские вопросы теоретической физики, изложены проблемы материи, движения, пространства и времени, рассмотрены основные этапы развития физических учений о материи и движении. Хотя в книге имелись отдельные спорные положения и ошибочные оценки, в целом работа, написанная популярным языком и доступная широкому кругу читателей, сыграла в свое время положительную роль.

Под редакцией Максимова вышла «Философия природы» Гегеля, отдельные работы Майера, Фарадея, Геккеля. С 1949 по 1955 г. А. А. Максимов был членом редколлегии журнала «Вопросы философии». Несомненной заслугой А. А. Максимова является то, что он одним из первых в советской науке начал разработку философских проблем естествознания с позиций марксистско-ленинской методологии.

Д. А. КУТАСОВ (1904—1968)

Дмитрий Алексеевич Кутасов родился в семье сельского учителя в станице Абинской Краснодарского края. В 1920 г. добровольцем служил в рядах Красной армии, в 1921 г. работал подручным слесаря депо станции Кавказская. С 1922 по 1927 г. студент педагогического факультета общественно-экономического отделения 2-го Московского университета. В 1926 г. Д. А. Кутасов вступил в Коммунистическую партию. В 1930 г. он окончил аспирантуру Коммунистической академии и был направлен на педагогическую работу в г. Хабаровск, где до 1936 г. заведовал кафедрами философии в Медицинском институте, в Высшей коммунистической сельскохозяйственной школе и Плановом институте. Дмитрий Алексеевич не ограничивался педагогической деятельностью: по заданию партийных организаций он часто выступал с докладами по идеологическим вопросам вне стен учебных заведений.

С 1936 по 1950 г. Д. А. Кутасов работает на философском факультете (МИФЛИ — МГУ) доцентом кафедры диалектического и исторического материализма; в годы войны был лектором Саратовского обкома ВКП(б), а затем Московского горкома партии.

В 1940—1941 гг. Д. А. Кутасов был деканом философского факультета МИФЛИ, с 1943 по 1949 г. деканом философского факультета МГУ. Как декан он пользовался огромным авторитетом, оказывал большое влияние на идейно-политическое воспитание студентов и аспирантов. В последующие годы Д. А. Кутасов работал доцентом Высшей партийной школы при ЦК КПСС, лектором отдела пропаганды МГК КПСС.

По свидетельству хорошо знавших Дмитрия Алексеевича, он был на редкость чутким, внимательным педагогом-воспитателем, отзывчивым товарищем, надежным другом. Он обладал редкостным талантом лектора. Его лекции по диалектическому и историческому материализму заслуженно пользовались большим успехом как на факультете, так и за его пределами. В решении дискуссионных вопросов он занимал строго партийную позицию, решительно выступал против вульгаризаторских и ревизионистских концепций в марксистской науке, горячо пропагандировал ленинский этап развития философии. Он часто выступал с инструктивными докладами перед пропагандистами и агитаторами г. Москвы и Московской области.

Перу Д. А. Кутасова принадлежат работы: «В чем состоит основной вопрос философии» (М., 1958); в соавторстве с А. И. Тер-Захарян им написаны «Исторический материализм — основа коммунистического мировоззрения» (М., 1961) и «Из царства необходимости в царство свободы» (М., 1962). Эти работы были рассчитаны на широкие круги советской интеллигенции, стремящейся повысить свой идейно-теоретический уровень.

В. Ф. БЕРЕСТНЕВ (1901—1977)

Владимир Федорович Берестнев, видный советский философ, профессор (с 1935 г.), доктор философских наук (с 1954 г.), член партии с 1918 г. был деканом философского факультета МГУ (с марта по ноябрь 1949 г.).

Участник Великой Октябрьской революции и гражданской войны, Владимир Федорович в 1920—1929 гг. находился на партийной работе в Советской Армии, в 1934 г. окончил Институт красной профессуры. Владимир Федорович работал заместителем директора Института красной профессуры, заместителем директора Института философии Академии наук СССР, заместителем председателя экспертной комиссии ВАК, профессором МИФЛИ, Московского педагогического института им. В. И. Ленина.

Его основные работы посвящены вопросам исторического материализма, эстетики, социологии, теории культуры и коммунистического воспитания. В. Ф. Берестнев являлся одним из авторов книг «Основы марксистско-ленинской философии» (М., 1959), «Основы марксистско-ленинской эстетики» (М., 1960), «Обществоведение» (М., 1971) и других. В указанных работах исследуются актуальные вопросы марксистско-ленинской философии, единства теории и практики, истории философии, проблемы коммунистического и эстетического воспитания. Им опубликовано большое количество статей в журналах и других периодических изданиях. В. Ф. Берестнев руководил работой аспирантов, подготовил много кандидатов наук. Владимир Федорович увлекался живописью, был художественно одарен. В его архиве сохранились написанные им портреты современников.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 3

Философия в Московском университете в досоветский период . . . 5

Разработка проблем марксистско-ленинской философии и научного коммунизма учеными МГУ 74

Глава I. Борьба ученых-марксистов Московского университета с позитивистскими концепциями общественного развития в 20-е годы 75
Глава II. Политическая и философская переориентация естествоиспытателей МГУ в первые годы Советской власти . . . 86
Глава III. Научные исследования и подготовка кадров по философии и научному коммунизму. Итоги и перспективы . . . 97
Глава IV. Кафедра диалектического материализма 112
Глава V. Кафедра исторического материализма 120
Глава VI. Отделение научного коммунизма 125
Глава VII. Кафедра истории зарубежной философии 136
Глава VIII. Кафедра истории философии народов СССР . . . 146
Глава IX. Кафедра истории марксистско-ленинской философии . 155
Глава X. Развитие социологической науки учеными Московского университета 166
Глава XI. Кафедра логики 176
Глава XII. Кафедра марксистско-ленинской эстетики 181
Глава XIII. Кафедра марксистско-ленинской этики 191
Глава XIV. Кафедра истории и теории атеизма 195
Глава XV. Кафедра философии гуманитарных факультетов МГУ 203
Глава XVI. Кафедра философии естественных факультетов МГУ 208
Глава XVII. Кафедра философии Института повышения квалификации 214
Глава XVIII. Философское общество МГУ 219

Видные деятели философской науки, работавшие на философском факультете 224

В. В. Адоратский (1878—1945) 224
И. К. Луппол (1897—1943) 225
Тодор Павлов (1890—1977) 228
А. П. Гагарин (1895—1960) 231
В. К. Сережников (1873—1944) 234
Д. Ю. Квитко (1889—1942) 236
Ф. А. Горохов (1902—1954) 237
Г. Ф. Александров (1908—1961) 240
Ф. И. Хасхачих (1907—1942) 242

Б. С. Чернышев (1896—1944) 244
О. В. Трахтенберг (1889—1959) 245
М. А. Дынник (1896—1971) 246
В. Ф. Асмус (1894—1975) 246
П. С. Попов (1892—1964) 249
Д. И. Чесноков (1910—1973) 250
В. И. Мальцев (1906—1975) 252
Ф. И. Георгиев (1904—1974) 254
П. Т. Белов (1910—1977) 255
Н. Г. Тараканов (1910—1974) 257
Е. Ф. Муравьев (1896—1980) 257
А. А. Максимов (1891—1976) 259
Д. А. Кутасов (1904—1968) 260
В. Ф. Берестнев (1901—1977) 261

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ
В МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
Под ред. И. Я. Щипанова

Заведующая редакцией *Г. С. Ливанова*
Редактор *Ю. С. Ершова*
Художник *В. Б. Гордон*
Художественный редактор *Б. С. Вехтер*
Технический редактор *Е. Д. Захарова*
Корректоры *Л. А. Костылева, Л. С. Клочкова*

Тематический план 1982 г. № 5. ИБ № 1402

Сдано в набор 19.03.82. Подписано к печати 18.10.82. Л-110171. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага тип. № 1. Гарнитура литературная. Высокая печать. Усл. печ. л. 16,5. Уч.-изд. л. 19,03. Тираж 3500 экз. Заказ 160. Цена 1 р. 70 к. Изд. № 1763.

Ордена «Знак Почета» издательство Московского университета.
103009, Москва, ул. Герцена, 5/7.

Полиграфическое объединение «Полиграфист» Управления издательств, полиграфии и книжной торговли Мосгорисполкома. Москва, ул. Макаренко, 5/16.